

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Russia as a Laboratory for European Projects

The Last Favourite of Catherine the Great

Stalin's Epoch in the Polemics
of British Historians:
Tyranny and Progress

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

2015 №3

<http://qr.urfu.ru>

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. По решению редакции часть статей переводится с иностранного языка на русский, часть – с русского на английский. Основанием является возможность расширения читательской аудитории. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Более полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. The Editorial Board may decide to translate an article from a foreign language into Russian or from Russian into English which is explained by the need to reach a wider reading public. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Adress: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); **Section Editors:** *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); **Reviews Section Editor:** Prof. **Maria Litovskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), Dr **Dmitry Spiridonov**; **Executive Secretary Associate:** Dr **Rustam Ganiyev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Dr **Sergey Nefedov** (Russia, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: доц. **Р. Т. Ганиев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сизтл, Университет Восточного Вашингтона); к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); д. и. н. **С. А. Нефедов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

The Commonwealth of People and <i>Summa Technologiae</i> [in English, in Russian] 7	The Commonwealth of People and <i>Summa Technologiae</i> [in English, in Russian] 7
---	---

Scientia et vita

<i>Norman Stone</i> . Russia in 1914: Reasons for Defeat and the Cost of Future Victories (from a Discussion of British Historians) [in English, in Russian] 17	<i>Norman Stone</i> . Russia in 1914: Reasons for Defeat and the Cost of Future Victories (from a Discussion of British Historians) [in English, in Russian] 17
---	---

Problema voluminis

Российское воплощение европейских идей и иностранные инвестиции	Russian Implementation of European Ideas and Foreign Investments
<i>Francine-Dominique Liechtenhan</i> , <i>Kerstin S. Jobst</i> . Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. [in German, in Russian] 35	<i>Francine-Dominique Liechtenhan</i> , <i>Kerstin S. Jobst</i> . Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. [in German, in Russian] 35
<i>Ольга Ермакова</i> . Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале 66	<i>Olga Ermakova</i> . Enemies or Allies? The Crimean War and British-Russian Technical Cooperation in the Urals 66
<i>Verena Moritz</i> . Zwei Imperien und ihr geheimes Wissen voneinander. Überlegungen zu einer Geschichte der militärischen Nachrichtendienste in Österreich- Ungarn und in Russland in den Jahren vor dem Ersten Weltkrieg 78	<i>Verena Moritz</i> . Zwei Imperien und ihr geheimes Wissen voneinander. Überlegungen zu einer Geschichte der militärischen Nachrichtendienste in Österreich- Ungarn und in Russland in den Jahren vor dem Ersten Weltkrieg 78
<i>Jan Surman</i> . Paris-Wien-St. Petersburg oder Alger-Brno-Charkiv?: Wissenstransfer und die ‚composite states‘ 98	<i>Jan Surman</i> . Paris-Wien-St. Petersburg oder Alger-Brno-Charkiv?: Wissenstransfer und die ‚composite states‘ 98

<p><i>Даниель К. Уо.</i> Распространение новостей в России XVII в.: эпистолярный опыт Патрика Гордона 119</p> <p><i>Ольга Якушенко.</i> Выставка «Архитектура США» в Советском Союзе периода холодной войны: опыт коммуникативного анализа 141</p>	<p><i>Daniel C. Waugh.</i> Communication in Russia in the 17th century: Patrick Gordon's correspondence 119</p> <p><i>Olga Yakushenko.</i> 'The Architecture of the USA' Exhibition in the Soviet Union of the Cold War Era: the Experience of Communicative Analysis. 141</p>
--	---

Disputatio

<p><i>Людмила Мазур.</i> Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания 160</p> <p><i>Людмила Журова.</i> Сказания о чудотворных иконах в структуре Лицевого летописного свода. 179</p> <p><i>Игорь Курукин.</i> Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия. 200</p> <p><i>Такаши Иримото.</i> «Если нет культуры, то нет и истории...»: традиционная культура оленеводов северной Камчатки в постсоветский период 227</p>	<p><i>Lyudmila Mazur.</i> The Visualization of History: A New Turn in the Development of Historical Cognition. 160</p> <p><i>Liudmila Zhurova.</i> Stories about Miracle-working Icons in the Structure of <i>Licevoj letopisny'j svod</i>. 179</p> <p><i>Igor Kurukin.</i> Platon Zubov – <i>The Minister of all Ministries: Favoritism in the Late 18th Century</i>. 200</p> <p><i>Takashi Irimoto.</i> "If there is no culture, there is no history...": Traditional Culture among Northern Kamchatka Reindeer Herders in the Post-Soviet Period 227</p>
--	--

Heritage

Nomina et scholae

<p><i>Тамара Матвеева, Валентин Лукьянин.</i> Александр Константинович Матвеев. Ономатолог и исследователь древних языковых контактов 245</p>	<p><i>Tamara Matveeva, Valentin Lukianin.</i> Aleksandr Konstantinovich Matveev. An Onomatologist and Researcher of Ancient Language Contacts. 245</p>
---	--

Critica

<p><i>Наталья Купина.</i> Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении 273</p> <p>Сокращения 280</p>	<p><i>Natalia Kupina.</i> Russian Speech and Market: Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication. 273</p> <p>Abbreviations 280</p>
---	--

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2015.3.109

THE COMMONWEALTH OF PEOPLE AND *SUMMA TECHNOLOGIAE*

In 1964 after publishing the philosophical essay, *Summa Technologiae*, the great Polish writer and thinker, Stanislaw Lem, initiated a whole series of historical, philosophical, and futurological research, providing enough ground for an intriguing correlation between technological breakthroughs and the overall dynamics of social change. His pioneering work not only shined a light directly into the future, but it also gave reasons for total reassessment of the history of technological achievements in relation to anthropological issues across all of humanity, as well as within a European path to the development of the ideas and phenomena.

Intellect cares little about borders; ideas that appear in certain geopolitical locations are then adapted by other cultures with various levels of success, and each society contributes its own 'widow's mite' and develops the idea of widening humankind's quest for improving the quality of life. Thus, the history of technologies gets its significance from a national, spatial-temporal dimension, where destinies are lived out for people who were the creators and translators of such ideas and technologies. This is how we see the central theme of the current issue of *Quaestio Rossica*, which scrutinizes the Russian contribution to and participation in the pan-European process of development for new technologies that seem to gain new scale and shape within vast Russian spaces. Russia can be compared to a creative laboratory where European projects are tested for sturdiness and then finalized. Russia serves as a testing ground for the viability or potential harmfulness of new technologies and ideas with a global reach—sometimes critically rethinking them and at times examining them with a rather naive belief in the wonder of the world's and society's transformation. Variations in Russia's inclusion into European research and the analysis of collisions and biographical perturbations that happened on the way became the center theme of the symposium on "Scientific, technological and financial investments of the European states in Russia and the premonitions of the First World War" (Vienna, 2014). The most interesting results of the symposium are being published in *Quaestio Rossica*, issue 3–4.

Originating from his presentation at the Vienna Symposium in 2014 and offering at once a unique introduction and a springboard for the main theme of the current issue is the essay by Professor Norman Stone of Bilkent University, Ankara. Analyzing the reasons for Russia's defeat in the First World War and assessing the consequences of this defeat via stinging

polemics with E. H. Carr, this essay reveals a retrospective of multifaceted interactions between Russia and western European countries at the turn of the 19th century ‘on the long brink of the great war’. Simultaneously, Professor Stone touches upon a more far-reaching contemplation, pointing the reader to one of the ‘eternal’ questions of ethics in science: does the historian have a moral right to justify dictatorship by ‘the need of the [historical] moment’ and by the presumption for material ‘progress’? This direction in the theme allowed us to put N. Stone’s essay in the *Scientia et vita* Section.

The central section of the journal, *Problema voluminis*, opens with an article co-authored by Professor Francine-Dominique Liechtenhan (Sorbonne, Paris), our Editor-in-Chief, and Professor Kerstin Susanne Jobst (University of Vienna): “Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh.” (“Scientific, technological and financial investments of the European states in Russia and interactions with her, and the premonitions of the First World War in the second half of the 19th century”). The article not only describes major approaches for viewing this theme in contemporary historical studies but also outlines some important research areas of the past and future. Due to the historical and methodological importance of this article, we are publishing it in two languages.

F.-D. Liechtenhan and K. S. Jobst identify some key topics for prospective research, such as ‘experimental space’, ‘investments’ and ‘interaction’. Apart from the relevant meanings of these terms, the phenomena that the authors describe carry a much broader meaning and as such cannot be confined strictly to financial, economic or technological activities. Understanding the term ‘investments’ in a much broader sense, the participants of the conference took to ‘various fields of investments’ as movements and interactions in the sphere of social and cultural capital (in P. Bourdieu’s sense), and thus refocused their research to a much broader extent or conducted it in an uncommon research direction. Examples of such an interesting method are published in this issue: you will find Olga Ermakova’s (Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of RAS, Yekaterinburg) article on British-Russian technical and personnel exchanges during and after the Crimean (Eastern) War, filled with new research data; you can examine a theoretically well-founded work by Dr. Jan Surman (Herder Institute, Marburg) on the involvement of the Russian province in the pan-European investment process that became possible due to transcontinental transport communications; and you will find original and rather paradoxical research by Dr. Verena Moritz (University of Vienna) on the activities of intelligence services that voluntarily or involuntarily acquired a character of transferral in utterly diverse areas.¹

¹ The next issue of *Quaestio Rossica* will see this theme continued in two articles: Thierry Claeys’ article on French industrial investments in Russia from 1870 until the beginning of the First World War and Svetlana Kuzmina’s article on the activities of the big Western industrial companies (“Schneider”, “Krupp”, and “Skoda”) in Russia.

Thematically adjacent, although not chronologically coinciding and not presented at the conference in Vienna, is the article by Professor Daniel Waugh (University of Washington, Seattle) on the establishment of mail communication with Europe (based on the diary and letters of Patrick Gordon at the end of the 17th century.) A thorough analysis made by the researcher allows one to see the mutually ardent interest of Russia and the West in establishing a system of transport communications and information exchange, lying at the basis of all transfer processes, as well as the diversity of postal delivery and the contribution of foreign nationals in the organization of state communication channels.

An article by a PhD student Olga Yakushenko (European University Institute, Florence) dedicated to American exhibitions within the Soviet Union at the end of the 1960s closes the section. Archival documents demonstrate the Soviet bureaucracy's fear that the exhibition might permit a comparison between the well-being of the American and Soviet people, not favouring the latter. In their turn, American intelligence tried to extract information about the attitudes of the visitors. Interviews with real visitors of the exhibition, used in the article, give vivid accounts that add to its overall effect.

Disputatio Section opens with the article by Professor Lyudmila Mazur (Ural Federal University, Yekaterinburg) about the development of contemporary trends in visual documents and artifacts in historiography. The author reviews many problems that can be solved within the framework of this branch of historiography and offers a detailed survey of the achievements in current studies, pointing out typical mistakes in research and new possibilities of historiography, based upon professional references to cinematic and photo documents.

Visualization of historic knowledge, which has spread so widely in modernity, was present in other epochs as well. Thus, the famous *Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible* (16th century), a unique illustrated account of Russian history, still awaits multi-faceted research. In her article, Philologist Liudmila Zhurova (Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk) makes important observations on the specificity of the text and illustrations.

The Editorial Board of *Quaestio Rossica* supports publications that tread upon the themes raised in previous issues. Power mechanisms in the Russian Empire (see QR 2015, Nr. 2) are reexamined in an interesting article by Professor Igor Kurukin (Russian State University for the Humanities, Moscow) about the last favourite of Catherine the Great, Platon Zubov. Archival documents can partly change widespread negative attitudes to this historic character, showing his role as a secretary and confidant to the elderly empress.

The section finishes with an ethnographic article by Professor Takashi Irimoto (Hokkaido University, Sapporo) about his travel to Russia in the 1990s and his work among the native Kamchatka peoples who still kept

rudimentary mythological beliefs about world origins. His interviews convincingly demonstrate the possibility of syncretism between popular science and traditional beliefs of the native peoples.

In *Heritage: Nomina et scholae* section you will find an article about the founder of the Urals School of Toponymics, and a researcher of ancient languages, a Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Professor A. K. Matveev. A world-famous scientist, bright and talented linguist, poet and art connoisseur, Matveev walked around villages of the Urals and northern Russia, collecting the chief treasure of the people, their language. The article is written by two people who were close to him and knew of his versatile interests: Professor Tamara Matveeva (Ural Federal University, Yekaterinburg) and Valentin Luki-anin, member of the Union of Russian Writers, literary critic and publicist (Yekaterinburg).

A review by Professor Natalia Kupina (Ural Federal University, Yekaterinburg) published in *Critica* section of *Quaestio Rossica*, appraises new linguistic work of Western researchers on the tendencies in contemporary Russian language, reflecting new spheres of entrepreneurship.

Editorial Board

Translated by Anna Dergacheva

В шестидесятых годах прошлого столетия великий писатель и мыслитель Станислав Лем спровоцировал своей книгой «Сумма технологии» целое направление историко-философских и футурологических изысканий, соединив воедино закономерности технологических прорывов и динамику социальных изменений. Его работа не только вела в будущее, но и заставляла системно пересматривать историю технологических достижений прошлого в корреляции с антропологическим фактором, а также в связи с общечеловеческим, а относительно России и с общеевропейским вектором идейных исканий и осуществленных во времени артефактов.

Мощь интеллекта не признает территориальных границ, идеи, возникнув в одном геополитическом пространстве, с разной степенью успеха осваиваются иными культурами, и каждое сообщество вносит свою «вдовью лепту» в развитие мировой мысли об обретении человечеством новых горизонтов качества жизни. Именно поэтому вопрос об истории технологий приобретает подлинную суть в национальном пространственно-временном измерении, в

соединении с судьбами людей – создателей и трансляторов идей и технологий. Именно такой видится главная проблема номера, рассматривающего феномен России и ее приобщения к общеевропейскому процессу освоения новых технологий, обретающих новый масштаб и иные очертания на российских просторах. Россию можно сравнить с творческой лабораторией, где проходят испытание на прочность и выходят на стадию завершения европейские проекты. Россия на собственном опыте проверяет жизнеспособность или губительность новых технологий и новых глобальных идей, иногда критически, иногда с долей наивности и веры в чудесное преображение и мира, и общества. Многообразие вариантов приобщения к европейскому поиску и анализ возникающих коллизий и биографических поворотов были продемонстрированы на конференции «Научные, технологические и финансовые инвестиции европейских государств в России и предвестники Первой мировой войны» (Вена, 2014). Наиболее существенные ее результаты публикуются в № 3–4 журнала *Quaestio Rossica*.

Своего рода интродукцией и одновременно камертоном основной темы номера стало эссе профессора Нормана Стоуна (Университет Билькент, Анкара), написанное на основе доклада, прозвучавшего на венской конференции 2014 г. Посвященное анализу причин поражения России в Первой мировой войне и оценке последствий этого поражения (через острую полемику с воззрениями Эдуарда Карра) эссе, кроме прочего, как бы открывает ретроспективу многоаспектных взаимодействий западноевропейских стран и России во второй половине XIX – начале XX в. – в «долгом преддверье великой войны». Одновременно профессор Стоун выводит свои рассуждения на глобальный уровень, вновь возвращая читателя к одному из «вечных» вопросов научно-этического характера: имеет ли право историк оправдывать диктатуру «обстоятельствами момента» и материальным прогрессом? Подобный разворот сюжета побудил редакцию вынести статью Н. Стоуна в рубрику *Scientia et vita*.

Собственно рубрику *Problema voluminis* открывает статья главного редактора журнала, профессора Франсин-Доминик Лиштенан (Париж, Сорбонна) и профессора Керстин Сузанне Иобст (университет Вены) «Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh.» («Российско-европейские научно-технологические взаимодействия и западные финансовые инвестиции в империю накануне Первой мировой войны»), где освещаются магистральные линии раскрытия этой проблемы в современной науке и очерчиваются контуры настоящих и будущих исследований. Понимая не только конкретно историческую, но и методологическую значимость статьи, мы публикуем ее на двух языках.

Определяя исследовательскую перспективу, Ф.-Д. Лиштенан и К. С. Иобст обозначили некоторые ключевые понятия будущих изысканий, такие как «экспериментальное пространство», «инвестиции» и «интеракции». По мнению авторов, помимо узкоспециального значения, заложенного в этих терминах, явления, которые они маркируют, несут в себе гораздо более широкие смыслы и не могут сводиться лишь к финансово-экономическим или технологическим действиям. Представления о «иных областях инвестиций» как движений и взаимодействий в области социального и культурного капитала (в духе П. Бурдьё) позволили участникам конференции – авторам статей настоящего номера распределить свои изыскания в предельно широком диапазоне либо выстроить их в нестандартных исследовательских ракурсах. Это и насыщенная новым материалом статья *Ольги Ермаковой* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) о британско-российском техническом и кадровом трансфере в период и по окончании Крымской (Восточной) войны; и теоретически фундированная работа доктора *Яна Сурмана* (Институт Гердера, Марбург) о вовлеченности российской провинции в общеевропейский инвестиционный процесс, ставшей возможной благодаря трансконтинентальным транспортным коммуникациям; и оригинальное, в определенной степени парадоксальное исследование доктора *Верены Моритц* (университет Вены) о деятельности разведывательных служб, вольно или невольно носившей характер трансфера в самых различных областях¹.

Близкой по проблематике, хотя не совпадающей по хронологии и не озвученной на конференции в Вене, оказалась статья профессора *Даниеля Уо* (Вашингтонский университет, Сиэтл) о формировании почтового сообщения с Европой (на основании данных дневника и посланий Патрика Гордона, конец XVII в.). Основательный анализ, проделанный исследователем, позволяет увидеть как обоюдный живой интерес России и Запада в налаживании системы транспортных коммуникаций и информационного обмена, лежащего в основе всех трансфертных процессов, так и многообразие путей доставки почтовых отправок и вклад иностранных подданных в организацию государственного канала связи.

Завершает многообразие материалов статья докторанта *Ольги Якушенко* (Европейский университетский институт, Флоренция) об американских выставках на территории Советского Союза в конце 60-х гг. Документы из архивов демонстрируют опасения советской бюрократии, что выставка даст возможность сравнивать благосостояние американской и советской сторон не в пользу последней. В свою очередь, американские спецслужбы приложили усилия, чтобы

¹ В следующем номере «Quaestio Rossica» эта тема будет продолжена статьями Тьерри Клэиса о промышленных инвестициях Франции в России от 1870 г. до начала Первой мировой войны и Светланы Кузьминой о деятельности в России крупных западных фирм («Шнейдер», «Крупп», «Шкода»).

добыть информацию об умонастроениях посетителей. Используемые в статье интервью с людьми, лично побывавшими на выставке, придают живые штрихи к описанию ее воздействия.

Раздел *Disputatio* открывается статьей профессора *Людмилы Мазур* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) о развитии современного направления визуализации истории. Автор обзревает проблемы, решаемые в рамках данного направления историографии, подробно реферирует достижения мировой науки, освещает типичные ошибки исследователей и новые возможности историографии, основанные на профессиональном обращении к кино- и фотодокументам.

Визуализация исторического знания, достигшая самого широкого распространения в новейший период, была присуща и более ранним эпохам. Так, в знаменитом Лицевом летописном своде (XVI в.) дана уникальная иллюстративная линия истории Руси, требующая своего многоаспектного изучения. Важные наблюдения о специфике текста и иллюстраций приводятся в статье доктора филологии *Людмилы Журовой* (Институт истории СО РАН, Новосибирск).

Редколлегия журнала поддерживает публикации, в которых продолжается обсуждение тем предыдущих номеров. Проблема механизмов власти в Российской империи (см. QR, 2015, № 2) получила интересное продолжение в статье профессора *Игоря Курукина* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) о последнем фаворите Екатерины Второй Платоне Зубове. Архивные документы несколько меняют общепринятую негативную оценку этой исторической фигуры, показывая его функции секретаря и доверенного лица стареющей императрицы.

Завершает раздел исследований статья японского этнографа *профессора Такаши Иримото* (университет Хоккайдо, Саппоро) о его путешествии в Россию 1990-х гг. и работе в среде камчатских народностей, сохранивших рудименты мифологических представлений о мировом устройстве. Взятые им интервью дают наглядную картину возможного синкретизма общенаучных познаний и традиционных взглядов в среде коренного населения.

В рубрике *Heritage: Nomina et scholae* речь идет об основателе Уральской школы топонимики, исследователе древних языков члене-корреспонденте Российской академии наук А. К. Матвееве. Ученый с мировым именем, яркий талантливый языковед, поэт и тонкий ценитель искусства, он прошел пешком уральские и северо-русские деревни, собирая главное достояние народа – его язык. Статья написана близкими людьми, знавшими его многогранные интересы, – профессором *Тамарой Матвеевой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) и *Валентином Лукьяниным*, членом Союза российских писателей, литературным критиком и публицистом (Екатеринбург).

В публикуемой в разделе *C r i t i c a* рецензии профессора *Наталии Купиной* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) дается высокая оценка новой работы зарубежной лингвистики о тенденциях в современном русском языке, отражающих новые сферы предпринимательской деятельности.

Редколлегия

Scientia
et vita

Норман Стоун
Norman Stone

Эдуард Карр
Edward Carr

Scientia
et vita

DOI 10.15826/qr.2015.3.110

УДК 930.2:94(100)"1914/19"+930.2:94(47+57)(09)

Norman Stone

**RUSSIA IN 1914: REASONS FOR DEFEAT
AND THE COST OF FUTURE VICTORIES
(FROM A DISCUSSION OF BRITISH HISTORIANS)**

In his essay "*Russia in 2014: Reasons for Defeat and the Cost of Future Victories (from a discussion of British historians)*" Norman Stone, an eminent specialist in Russian history, explores a key period in Russia's fate and explains the reasons for its infamous defeats during World War I and the disastrous consequences thereof not only for the history of the Russian Empire but, ultimately, for the entire world. The author connects into a complex of factors different aspects such as the state of the country's industry, the attitude of the imperial ruling elite, the absence of sufficiently qualified military personnel, and the officers' conservative manner of thinking. According to the scholar, all these existed despite a relatively good state of pre-war Russian economy as a whole.

Apart from a conceptual evaluation the author gives of the war events in some of his works, in the article the reader will find Stone's recollections of debates caused by his arguing that it was wrong to compare the USSR's victory in World War II as a result of Stalin's regime and Russia's defeat in World War I. Stone's claims that Stalinism was pointless and antihuman as well as impossible to justify by means of any economic achievements or propaganda, regardless of the scale thereof, or any dystopian dreams, failed to find support of some of the pro-socialist historians of the postwar era. One of them was Stone's main opponent Edward Carr. Being a recognized sovietologist and author of a fundamental work on the Russian revolution and Soviet history, he became a victim of Stockholm syndrome, i.e. a situation where hostages develop empathy toward the terrorists and are ready to justify their actions. The justification of Stalinism or any other type of dictatorship by any circumstances and an attempt to interpret it as something inevitable was what exasperated the new generation of historians and made them overthrow the existing authorities, and join the "angry young people". Stone's essay describes a single issue of academic controversy

but it is of great significance for the present day world. The daring character of scholarly thought combined with loyalty to the ideas of humanism are the grounds of research that the modern humanities should be based on. At the end of his essay, Stone wittily quotes George Orwell, a genius that foresaw the collapse of totalitarianism, *'You are always saying that it's impossible to make an omelette without breaking eggs. So where's the omelette?'* The view Stone expresses as a researcher and as a person is one that QR supports and we expect it to be welcomed by our multilingual readers.

Keywords: Russian Empire; 1914; revolution; Stalinism; Edward Carr; British historiography of Russia.

Эссе авторитетного английского специалиста в области русской истории Нормана Стоуна «Россия, 1914 г.: причины поражений и цена грядущих побед (из дискуссии британских историков)» касается одной из ключевых страниц в судьбе России, трактуя причины ее бесславных поражений в ходе Первой мировой войны и катастрофические последствия этих событий не только в истории Российской империи, но и, как оказалось, всего мира. Автор связывает в единое целое состояние промышленности страны, позицию имперской властной элиты, отсутствие достаточно подготовленных профессиональных военных кадров, консерватизм офицерского мышления. По его мнению, это парадоксально сочеталось с неплохим уровнем предвоенной российской экономики в целом.

Помимо концептуальной оценки, которую дает автор военным событиям в ряде монографий, для читателя оригинальными являются воспоминания Стоуна о спорах, которые вызвала его позиция о некорректности сопоставлять победу Советского Союза во Второй мировой войне как результат сталинского режима – и проигрыш в предыдущей. Мнение Стоуна о бесперспективности и античеловеческой сущности сталинизма, которую не могут оправдать никакие хозяйственные достижения, никакие усилия пропаганды, никакие утопические мечтания, встретило непонимание у части просоциалистически настроенных историков послевоенного времени. Среди них был главный противник Стоуна Эдуард Карр. Признанный советолог, автор монументального труда о русской революции и советской истории оказался подвержен стокгольмскому синдрому, когда в силу экстремальных переживаний жертвы террористов готовы оправдать самих террористов. Оправдание сталинизма или любого другого типа диктатуры историческими обстоятельствами и попытка его «понять как неизбежность» – вот, что выводило из себя новое поколение историков, заставляло сокрушать авторитеты, вступать в армию «сердитых молодых людей». Эссе Стоуна воссоздает лишь один эпизод научной полемики, но этот эпизод чрезвычайно важен для сегодняшнего дня; дерзость научной мысли в сочетании с верностью гуманистическим идеалам – те основания научного поиска, на которых должна выстраиваться гуманитарная наука современности. Завершая эссе, Стоун эффектно цитирует парадоксальный афоризм Джорджа Оруэлла – гениального пред-

сказателя катастрофы общества тоталитаризма: «Вы всегда говорите, что невозможно сделать омлет, не разбив яиц. Но где же омлет?»

Эта установка Стоуна как исследователя и человека близка журналу «Quaestio Rossica», и надеюсь, что она найдет отклик у разноязычной читательской аудитории.

Ключевые слова: Российская империя, 1914 г., революция, сталинизм, Эдуард Карр, британская историография России.

Forty years ago I published a book called *The Eastern Front 1914–1917*. It is still in print, and with all its faults, seems to be the only properly scholarly book on the subject: the book deals not just with battles, but with the Russian war economy and the organization of the army. Of course it must be obsolete, and should be replaced, but that is really the Russians' fault: they should have produced an official history decades ago. When I went to the archives in Moscow and complained, I was told that historians would have a terrible time explaining why the war was lost and the army disintegrated. I am glad to learn that at last Russian historians will produce three volumes on this subject, such that my book can be honourably retired from the field.

In the later 1960's and early 1970's, when I worked on *The Eastern Front*, the subject of the Soviet economy was very fashionable. That world now seems very remote but development economics was all the rage, and the Soviet Union appeared to be a model. How do you escape from the Third World? Communism maybe had the answer. Everyone knew about the costs of Stalinism, but were not Five Year Plans and Collectivization of Agriculture the answer to the perennial problem of the anarchic small peasant? And there was decisive proof of the effectiveness of these. Tsarist Russia had lost her war with Germany. Stalin won his war against Hitler, only a quarter-century later. The great authority in England at the time was E. H. Carr, whose multi-volume history of the Russian Revolution dominated the library shelves [Carr, 1950–1978]. When I was very young, I was under his spell. As a young lecturer on Russian history, with lectures to write that explain the subject to students who know even less than you do, it is quite tempting to present Russian history as a story of backwardness versus great men, or in the case of Catherine the Great, women. You regret the 'excesses' but then point to the 'achievements'. When I wrote about the Russian war effort I was therefore prepared to say that Russia lost the war because the economy was just too weak to stand the strain. Carr approved.

But it was not just the Stalinist historians who said this sort of thing. Tsarist generals also said it. N. N. Golovin was the best-known of them, and he wrote that the army just did not have enough rifles or guns or shell: there were stories of soldiers going into action without rifles, ordered just to pick them up from the dead men in front of them [Головин]. Stavka, after the battle of Lake Narotch in March 1916, was almost paralyzed by the Germans' superiority in armaments: the Northern and Western army groups were more or less inactive in the year leading up to the first Revolu-

tion in 1917 – conditions quite likely to bring about mutiny. In England, the story of shell-shortage was repeated, to justify the Dardanelles campaign of 1915: open up the Straits, and Russia can export grain again, while foreign munitions can also reach her army. This particular argument was perverse. The Russian army and civilian population needed the grain, lack of which in Petrograd had much to do with the Revolution. And in any case the western armies needed all the munitions they could get, and themselves complained famously about shell-shortage. The White generals' argument was indeed based upon fact, but they too had an interest: their performance had not been brilliant and there had been a long string of defeats, from Tannenberg at the start through Gorlice-Tarnów and the loss of Warsaw in 1915 to the Rumanian disaster at the end of 1916. Was shell-shortage, the weakness of Russian industry, the explanation?

Anyone nowadays would accept that Russia in 1914 was fizzing with life. You only need to look at the architecture of Moscow or Kiev to see that. This was the world's fourth economy, and Russia's growth was cited by the German Chancellor in 1914 as his reason for preventive war: 'Russia grows and grows, and weighs upon us like a nightmare', he said on 7 July 1914 to his private secretary, Kurt Riezler, who recorded it in his diary [Riezler]. The generals said that by 1917 Russia would be so powerful that Germany would be crushed: therefore war now. We do not really know the full facts of Russia's growth, because the factory inspectorate was small in number and could only examine factories employing more than fifty people, whereas the Moscow industrial district hummed with small and medium workshops. Why, then, did Russia experience shortages of munitions?

Around 1970 it would not have been possible for me to work in Moscow, but I did find other sources, particularly at the Hoover Institution in Stanford, where they had been collected by Herbert Hoover as his team went round Russia in 1922, giving famine relief. There were war ministry accounts, and documented autobiographies, for instance by Manikovsky, head of the Artillery Department. Foreign observers, especially the French, were well-informed. There were also considerable documentary collections on various battles published in Moscow. Summing it up, I found that by September 1915 Russian war industry was producing a million rounds of shell every month and the figure went up: by August 1916, in the Brusilov Offensive, General von der Marwitz was saying that 'conditions resemble those in the West'. There were huge bombardments, and there was mass-slaughter in the Kovel marshes. The Russian commanders asked for a truce, to bury their dead, and the Germans refused, on the grounds that these endless corpses would deter future attacks. What was true of shell also applied to other war-goods, and Russians turned out to be quite proficient when it came to aircraft and radio. So what had gone wrong?

The first obvious feature was one common to all warring countries: the assumption that this would be a short war. Bankers announced that industrial, trading countries could not face a long war without tremendous social trouble as exports collapsed. They also said that credit, based on gold-

standard money, would be limited (the Hungarian finance minister said he could finance the war for three weeks). Very few people foresaw that paper-money would in effect do the financing, and again very few imagined that an income tax of 15 % would be possible – the middle classes would go on strike. Oddly enough the Russian Duma's 'Great Programme' for armaments, in 1913–14, began with the statement that Russia, being largely agricultural, could face a long war better than other Powers. The War Ministry therefore made no plans for an involvement of civilian industry in the production of armaments. It relied on State factories, the best-known that in Tula. 1,000 rounds per gun was thought to be adequate (in the Boer War of 1899–1902 that was a British figure) and the shell was even stock-piled in northern Russia, the parts kept separately for better preservation, and laboriously screwed together, by candle-light, over a three-month period.

There was a further problem, in that Russian defences in Poland were based on fortresses, the largest of them Novogeorgievsk outside Warsaw. 2,000,000 rounds of shell were kept there, and comparable amounts elsewhere, particularly at Kovno. Fortresses, in the 1880's, had perhaps made sense. By 1910, the progress of heavy artillery was such that they could be blown to bits, as happened with every fortress in Europe – Liege, for instance – except for Austrian Przemyśl, where the ground was so muddy that guns could not be moved. But military establishment conservatism ruled out any destruction of such white elephants. In 1915, one after another, they collapsed in short order – Novogeorgievsk in two days, Kovno in one.

Early on, there was also a conviction in the Artillery Department that the infantry were being cowardly, as officers expected gunners to do work that more properly belonged to infantry. Demands for more shell were not taken seriously. This was a period when military establishments were desperate not to be seen to be wasting money, and to avoid parliamentary enquiries into their financial ways. *Stavka* asked the War Ministry for new type-writers, and was told that, as the war would be short, the old ones would have to do. In similar vein, the State finances were damaged by a decree that alcohol would be forbidden for the duration of the war, unless foreigners were present. Foreigners became popular by November 1914, the British representative at *Stavka* was recording that 'the Grand Duke gave me a vodka that went down my throat like a torch-light procession'. Such were the illusions of 1914, and there were many others. When the War Ministry did accept that there was a problem of shell-shortage, the immediate response was to invite imports from abroad. The War Ministry did not trust Russian entrepreneurs, who offered their services but also said that they would need an advance for investment in industrial plant. Russian missions came to England and France to place orders. But these countries were all busy producing for themselves, and anyway suffered from much the same problems as Russia. The United States was also busy producing for the British. In any case, how were the Russians to pay? It took months and months for the British to underwrite such expenses, the more so as

Russian orders competed with their own and drove up prices. They insisted on taking much of the Russian gold reserve as backing, and when it arrived at Liverpool, there was no-one from the Russian embassy to receive it. To summarize a complicated story, only ten per cent of Russia's foreign orders had reached Archangelsk by March 1917.

As the Turkish proverb has it, one disaster is better than a thousand pieces of advice, and so it proved in the summer of 1915. The army had done on the whole badly against the Germans, but very well against the Austrians; it stood more or less on the Carpathian mountains, and threatened Budapest by Easter 1915. Then the Germans transferred an army to the Austrian front, and struck at a very weak point in the Russian line, at Gorlice in south-western Poland. The break-through here led to a Russian collapse, which allowed the Germans into Lithuania and the Austrians into the Ukraine by September. That disaster (and the millions of refugees) galvanized Russia, and private industry was brought into war-production. The results were respectable, and by June 1916, when competent generals emerged, the Russian army had its great victory. A. A. Brusilov was innovative and imaginative. He commanded the south-western army group, on the Austrian front, and he had thought about the problems of this war – in particular, the importance of surprise, and the need to disrupt the movement of enemy reserves. In a set of extraordinary victories, he destroyed two Austrian armies. True, he lost his touch later on, when he tried frontal attacks and heavy bombardment in the old style, but this was the period of which von der Marwitz spoke: western-front conditions were now applying in the east. Russia had turned the corner.

So what went wrong? Here things become more interesting than some simple explanation of 'backwardness', and bear on the nature of late-Tsarist and early-Soviet Russia. There was a sort of war between lord and peasant. Setting up a general staff was difficult – educated officers, following foreign models, behaved arrogantly towards the *sortis du rang* who ran much of the army – two-thirds of the officers had only four years of schooling. They fought over everything, from the maintenance of fortresses to the Higher Attestation Board, which made appointments. Artillery was a central point of dispute, and the infantry even managed to have single batteries under the orders of infantry captains, a proceeding unheard-of elsewhere. There were similar disputes between heavy and light artillery, the bombardment in the battle of Lake Narotch being so ineffective as to be called 'General Smirnov's *son et lumière*'. These disputes of course affected senior appointments, and compromise candidates were generally astonishingly old, men who threatened nobody. In the circumstances, the emergence of Brusilov was remarkable. But he was astute in his own advancement, and ended as Trotsky's inspector of cavalry. When these quarrels extended to strategy and the control of reserves – as happened in 1915 – they did serious damage to the country's military fortunes. The General Staff men – they mainly ended up in the White Army – were confident that they had the answers, whereas their rivals, whose power-centre was in Sukhomlinov's War Ministry, often

turned out to be right, as for instance with the scrapping of fortresses: these were white elephants, made obsolete by the progress of heavy artillery. The harassment and imprisonment of Sukhomlinov in 1915 has some connection, here, and it is an odd fact that many of his protégés ended up in the Red Army. They wrote in the 1920's about individual battles.

When I had examined all his, I came back to Cambridge and saw Carr. He at once saw that I was not going to be a worshipper of Stalinist modernization, and he asked, what do you think caused the Revolution? I answered that it must have something to do with inflation, the government's loss of control over its finances. I had read A. L. Sidorov's very thorough book on the subject [Сидоров], and had of course noticed the problem of money losing value – inflation ran to 700 % in 1916–17. This is now a commonplace view: bread queues fuelled the Revolution. But that was more or less that as far as Carr was concerned: we never really spoke again, and when *The Eastern Front* came out he gave me a three-page hostile review in *The New York Review of Books* [Carr, 1976]. I did not particularly mind – the book was well-received otherwise – but it was characteristic of Carr to ignore the convention that you do not give a bad review to former student's first book: if need be, you refuse to review, or write privately. So I thought: I will also ignore convention, and will write ill of the dead. I wrote his obituary, over three pages in *The London Review of Books* (January 1983) [Stone], in an episode that has never been entirely forgotten, and will no doubt one day have a counterpart.

I had been offered two of Carr's books for review. One was his volume on the Comintern, running up to 1934, when that organization recognized that its policy of weakening the German social democrats had been a vast mistake, had let in the Nazis [Carr, 1982]. The other was *The Twenty Years Crisis*, in which he said that, if Hitler had power, this should be recognized, and efforts made to appease him, even if it meant sacrificing small nations (for which Carr did not have much time) [Carr, 1939]. Carr was later on embarrassed by the book, calling it 'a period piece', as well he might, because, by 1943, after Stalingrad, he was saying much the same, as editorialist in *The Times*, about Stalin. And that was the point: Carr was a man, as Isaiah Berlin remarked, who would have had us all in camps. I turned my review into a study of Carr overall and talked quite widely to people who had had dealings with him, including his third wife, Betty Behrens, who showed me an extraordinary document that he had written for his psychiatrist, Martin Roth. Everyone had an anti-Carr story, from the military historian John Keegan (who described sadistic tutorials at Balliol College, Oxford) to the librarian of Trinity College, Cambridge (who told me how difficult it was to extract from Carr the small subscription which was owing to the inter-library lending scheme). That Carr's women remembered him without affection was part of this, and Betty Behrens told me how, when she was lecturing in India, Carr had sent a telegram complaining that her favourite cat, put out into the snow, scratched at the plate-glass window and disturbed his work on the Comintern: he had therefore taken it to the

vet to be put down. But the obituary was not really about Carr as a man, twisted and mean as he was: the problem is far greater, how someone of huge intelligence could fall, in succession, for Hitler and then Stalin. These volumes on the Russian Revolution misled two generations about the nature of Communism, and distorted the history of late-Tsarist Russia. He had done some famous lectures in 1960 on *What Is History*. To him, it was the history of the winner. Therefore Stalin. He had no time for historians who wondered whether Russia might have taken a different course, under Socialist Revolutionaries or Mensheviks (let alone liberals). Using an analogy with English cricket, he said that no-one would write the history of batsmen who made a duck, i.e. who scored nothing. He died in 1983, after an interview in which he said that killing all these peasants had been a price to pay for modernization. He did not like George Orwell, but Orwell maybe has the last word: it is all very well, saying that you can't make an omelette without breaking eggs, but where's the omelette?

Сорок лет назад была опубликована моя книга под заглавием «Восточный фронт, 1914–1917» (*The Eastern Front 1914–1917*). Ее переиздают до сих пор — со всеми ее несовершенствами, она, похоже, остается единственным действительно академическим трудом на эту тему, описывающим не только битвы, но и военную экономику России, и организацию армии. Эта книга, конечно, должна была бы уже устареть и уступить место другим, но тут уж виноваты российские ученые: им следовало написать официальную историю этой войны десятки лет назад. Когда я жаловался на это в архивах Москвы, мне сказали, что историкам весьма затруднительно объяснять, почему война была проиграна, а армия распущена. Я рад, что наконец-то российские ученые выпустят трехтомник на эту тему и моя книга сможет уйти на заслуженный покой.

В конце 60-х — начале 70-х, когда я работал над «Восточным фронтом», тема советской экономики была в большом почете. Этот мир кажется теперь весьма отдаленным, но тогда самой горячей темой была экономика развивающихся стран, а Советский Союз представлялся вероятной моделью развития. Как избежать «третьего мира»? Коммунизм, возможно, мог бы ответить на этот вопрос. Все знали цену сталинизма, но не были ли пятилетние планы и коллективизация сельского хозяйства ответом на вечную проблему анархически разрозненных мелких хозяйств? Существовало и убедительное доказательство эффективности такой политики. Царская Россия проиграла войну с Германией; Сталин выиграл войну против Гитлера всего четверть века спустя. Большим авторитетом в Англии был тогда Э. Х. Карр, чья многотомная «История Русской революции» [Carr,

1950–1978] завладела библиотечными полками. В юности я, несомненно, был очарован им. Будучи молодым преподавателем по русской истории, которому нужно было читать лекции, популярно объясняющие ничего не знающим студентам чрезвычайно сложные темы, я поддался искушению изложить историю России через коллизию между отсталым обществом и великими мужчинами или, в случае Екатерины Великой, — женщинами. Ты сожалешь о «крайностях», но затем ловко указываешь на «достижения». Поэтому, когда я писал об участии России в Первой мировой, я был готов сказать о том, что российская экономика была просто слишком слабой, чтобы выдерживать расходы, связанные с войной. Карр одобрил мою идею.

Однако об этой проблеме писали не только сталинские историки. Царские генералы говорили то же самое. Самый известный из них Н. Н. Головин писал, что у армии просто не было достаточно винтовок, ружей и боеприпасов: бывали случаи, когда солдаты шли в атаку безоружными, с приказом подбирать винтовки у тех, кого убивали в первых рядах [Головин]. После битвы на озере Нарочь в марте 1916 г. Ставка была почти парализована преимуществом германцев в вооружении: Северная и Западная группы армий практически бездействовали в течение целого года перед первой революцией 1917-го — весьма благоприятные условия для возникновения мятежей. В Англии история с нехваткой боеприпасов была подхвачена, чтобы оправдать кампанию 1915 г. в Дарданеллах: откройте проливы — и Россия снова сможет поставлять зерно, в свою очередь получая для армии иностранные боеприпасы и вооружение. Этот аргумент был, конечно, совершенно извращенным. Российская армия и гражданское население отчаянно нуждались в зерне, недостаток которого в Петрограде стал одной из основных причин революции. В любом случае, западные армии нуждались в боеприпасах и снаряжении всех видов и сами — это широко известно — жаловались на нехватку вооружения. Аргумент генералов Белой армии на самом деле имел под собой основания, но у них был и свой интерес: показав себя в военных действиях не лучшим образом, они потерпели целый ряд поражений, начиная от Танненберга, затем Горлицы-Тарнова и сдачи Варшавы в 1915 г. и заканчивая катастрофой в Румынии в конце 1916-го. Но были ли причинами этих поражений нехватка боеприпасов и слабость российской промышленности?

В наши дни ни у кого не вызывает сомнений, что в 1914 г. Россия жила полнокровной жизнью. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на архитектуру Москвы или Киева того периода. Экономика России занимала четвертое место в мире, и ее рост стал поводом для «превентивной войны» германского канцлера: 7 июля 1914 г. он поделился своей печалью с секретарем Куртом Рицлером, позже зафиксировавшим разговор в дневнике: «Россия растет и растет, нависает над нами как кошмар» [Riezler]. Его генералы считали, что к 1917 г. Россия будет столь сильна, что просто сокрушит Германию, —

следовательно, начинать войну нужно было немедленно. Мы не можем точно оценить весь масштаб предвоенной российской экономики, поскольку инспекторат фабрик был достаточно небольшим и учитывал лишь те предприятия, на которых работало более 50 человек, в то время как московский производственный сектор просто переполнял мастерские малого и среднего размера. По какой же причине Россия испытывала недостаток военного снаряжения?

В 1970 г. у меня не было возможности работать в Москве, но я нашел другие источники, прежде всего в Институте Гувера в Стэнфорде. Эти источники были собраны Гербертом Гувером, когда он со своей командой оказался в России в 1922 г. вместе с помощью голодающим. Я нашел документы военного министерства и официальные автобиографии — например, генерала от артиллерии Маниковского. Иностранцы наблюдатели, особенно французы, были превосходно информированы. Существовали также обширные опубликованные в Москве собрания документации по различным сражениям. Обобщив свои разыскания, я понял, что к сентябрю 1915 г. российская промышленность производила миллион единиц снарядов ежемесячно, и эта цифра росла: в августе 1916 г., во время Брусиловского прорыва, генерал фон дер Марвиц заметил, что «обстановка здесь стала похожа на Западный фронт». Велись массированные обстрелы, и была массовая бойня в Ковельских болотах. Российские командиры просили о перемирии, чтобы похоронить погибших, но немцы отказались, полагая, что такое количество тел сдержит атаку. Все сказанное о боеприпасах касалось и военной продукции в целом: русские показали большие успехи в отношении самолетов и радио. Так что же пошло не так?

Первая очевидная причина была общей для всех стран, участвовавших в этой войне: расчет на то, что война будет короткой. Банкиры объявили, что промышленным и активно торгующим странам длительная война грозит серьезными социальными потрясениями, связанными с прекращением экспорта. А также что кредиты, обеспеченные золотым стандартом, будут ограничены (венгерский министр финансов сказал, что может финансировать войну в течение трех недель). Очень немногие предвидели, что бумажные деньги на самом деле смогут продолжить финансирование, и очень немногие допускали, что подоходный налог в 15 % будет возможен — средние классы должны были забастовать. Как ни странно, «Большая программа вооружения русской армии», принятая в 1913–1914 гг. российской Думой, начиналась с заявления, что Россия, будучи глубоко сельскохозяйственной державой, гораздо больше способна выдержать длительную войну, чем остальные стороны. Военное министерство, таким образом, не планировало вовлекать гражданский производственный сектор в производство вооружения. Оно рассчитывало на государственные заводы, известнейший из которых находился в Туле. Тысяча пуль на одно ружье считались достаточным количе-

ством (такими же были цифры британской армии в Англо-бурской войне 1889–1902 гг.), снаряды складировались на севере России — их держали в разобранном виде для лучшей сохранности, а после в течение трех месяцев не спеша собирали вручную при свете свечей.

Другая проблема заключалась в том, что русские укрепления в Польше были построены на базе крепостей: самое крупное находилось в Новогеоргиевске, под Варшавой. Там держали два миллиона единиц снарядов; и в других местах, особенно в Ковно, не меньше. Возможно, в 1880 г. в крепостях и был смысл, но к 1910 г. прогресс тяжелой артиллерии позволял разносить их в мелкий щебень, что и произошло практически со всеми крепостями в Европе, например с Льежем. Этой участи избежал только австрийский Пшемьсль, где почва превратилась в топкую грязь, помешав передвинуть орудия ближе. Но консерватизм военного руководства не позволял отказаться от этих дорогостоящих, хотя и бесполезных сооружений. В 1915 г. эти крепости были уничтожены одна за другой в самое короткое время: Новогеоргиевск за два дня, Ковно — за один.

В начальный период войны в артиллерии бытовало мнение, что пехота ведет себя крайне трусливо, ожидая от артиллеристов той работы, которую по праву должна была делать сама. Требования подвезти больше боеприпасов не воспринимались всерьез. Это был период, когда военные отчаянно старались не производить впечатления растратчиков, чтобы не допустить парламентского рассмотрения их финансовых схем. Ставка попросила у военного министерства новые пишущие машинки, но ей ответили, что, поскольку война будет короткой, можно обойтись и старыми. В свою очередь, государственная казна была подорвана декретом о запрете алкоголя на протяжении всей войны, кроме случаев, когда в компании были иностранцы. К ноябрю 1914 г. иностранцы вдруг стали чрезвычайно популярны, и британский представитель в Ставке записывал: «Великий князь дал мне водки, которая прошла по моему горлу как факельное шествие». Таковы были иллюзии 1914 г.; были и другие. Когда военное министерство наконец признало, что существует проблема нехватки боеприпасов, его немедленной реакцией было начать импорт из-за границы. Военное министерство не доверяло российским предпринимателям, которые, предложив свои услуги, попросили аванс для немедленной инвестиции в заводы. Российские представители отправились в Англию и Францию, чтобы разместить заказы, но производственные мощности этих стран были заняты выпуском боеприпасов для собственных нужд; к тому же они и сами страдали от проблем, подобных российским. Соединенные Штаты были также заняты производством для Британии. В любом случае, как русские собирались платить? Британии потребовалось несколько месяцев, чтобы увериться в гарантиях таких больших расходов, тем более что российские заказы конкурировали с их собственными и цены ползли вверх. Британия настояла на том, чтобы принять немалую часть рос-

сийского золотого запаса в залог оплаты, но когда золото прибыло в Ливерпуль, там не оказалось никого из русского посольства, чтобы получить его. Обобщением этой сложной истории может служить такой факт: лишь один процент иностранных заказов России достиг Архангельска к марту 1917 г.

Есть турецкая поговорка о том, что одно несчастье лучше тысячи советов, и лето 1915 г. это подтвердило. Русская армия в целом плохо показала себя в противостоянии с немцами, но отлично — с австрийцами; она более или менее держалась за Карпаты и к Пасхе 1915 г. уже грозила Будапешту. Потом немцы передвинули свою армию на Австрийский фронт и ударили по очень слабой точке в русской линии обороны — в Горлице на юго-западе Польши. Горлицкий прорыв привел к краху российских усилий, и к сентябрю этого же года немцы вошли в Литву, а австрияки — в Украину. Эта катастрофа (а также миллионы беженцев) стала для России стимулом, и частный сектор промышленности ринулся выпускать военную продукцию. Результаты были впечатляющие, и к июню 1916 г., когда компетентные генералы наконец взяли командование в свои руки, у России появилась и своя большая победа. Генерал А. А. Брусилов был инноватором и обладал большим воображением. Он получил командование юго-западной группой войск на Австрийском фронте, и отлично обдумал проблемы этой войны, в частности важность неожиданного маневра и необходимость помешать движению вражеского резерва. Несколькими блестящими победами он сокрушил две австрийские армии. Да, он потерял свой талант позже, когда пытался одержать следующие победы лобовыми атаками и тяжелыми обстрелами в стиле «старой школы», но ведь это был период, о котором фон дер Марвиц сказал: «Условия Западного фронта теперь применимы и на Восточном». Россия перешла критическую точку.

Так что же пошло не так? Думается, есть более интересная версия, чем объяснять неудачи российской армии «отсталостью». Эта версия опирается на природу позднеимперской и раннесоветской России. Существовало своеобразное противостояние между помещиком (*lord*) и крестьянином. Организовать генералитет было сложно: образованные офицеры, следуя заграничной модели поведения, вели себя надменно по отношению к *sortis du rang*¹, осуществлявшим командование большей частью всей армии (две трети офицеров имели образование не выше четырех классов). Они конфликтовали по разным вопросам — от содержания крепостей до Высшей аттестационной комиссии, которая занималась назначениями. Артиллерия была центральным пунктом этой подковерной борьбы, а пехота умудрялась даже получать в распоряжение единичные батареи под командой пехотных капитанов — структура, невиданная в других армиях.

¹ *Sortis du rang* (фр. «из ряда») — дослужившиеся до офицерского звания из рядовых.

Подобные тяжбы имели место и между тяжелой и легкой артиллерией: во время сражения у озера Нарочь обстрел был настолько неэффективным, что его назвали «*son et lumière*² генерала Смирнова». Эти споры, конечно, влияли на назначения высшего эшелона, и кандидаты, по которым был достигнут компромисс, обычно оказывались как на подбор дряхлыми стариками, которые никому не могли показаться угрозой. В подобных обстоятельствах восхождение Брусилова было замечательным исключением, и впоследствии этот человек закончил свою карьеру инспектором кавалерии при Троцком. Когда эти раздоры распространялись на стратегию и контроль над резервами — как это случилось в 1915 г., — они наносили серьезный вред военному делу всей страны. Люди из генералитета, в большинстве своем позже ставшие офицерами Белой армии, были уверены, что у них есть ответы на все вопросы, в то время как их соперники, чей центр был сосредоточен в военном министерстве Сухомлинова, чаще бывали правы — к примеру, предлагая отказаться от дорогих и бесполезных крепостей, потерявших оборонительное значение с развитием тяжелой артиллерии. Преследование и заключение Сухомлинова в тюрьму в 1915 г. имеет прямое отношение к этому разладу; интересно также, что многие из протеже Сухомлинова оказались впоследствии в Красной армии.

Взвесив все эти данные, я вернулся в Кембридж и встретился с Карром. Он сразу понял, что из меня не выйдет поклонника сталинской модернизации, и спросил, что же, по моему мнению, стало причиной революции? Я ответил, что одной из причин должна была быть инфляция, потеря правительством контроля над собственными финансами. Я прочел очень подробное исследование А. Л. Сидорова по этому вопросу [Сидоров] и, конечно, отметил проблему денежной девальвации: инфляция в 1916–1917 гг. достигла 700 %. Сейчас это общепринятая точка зрения: очереди за хлебом разожгли революцию. Однако для Карра со мною все было кончено: мы никогда больше не разговаривали, и когда «Восточный фронт» вышел из печати, Карр опубликовал неприязненную трехстраничную рецензию в журнале *The New York Review of Books* [Carr, 1976]. Я в общем-то не возражал: моя книга была хорошо воспринята в научном мире, но это было так характерно для Карра — проигнорировать то правило хорошего тона, что первой монографии бывшего ученика не дают негативную рецензию. Если уж она вам так не по нутру, откажитесь рецензировать или напишите автору в частном порядке. Поэтому я подумал: я тоже поступлюсь общепринятым и напишу плохо о мертвом. Я написал некролог Карра, более трех страниц, в *The London Review of Books* (февраль 1983 г.) [Stone] — этот эпизод никогда не забывался, и, несомненно, однажды и он получит свое продолжение.

² *Son et lumière* (*фр.* букв. «звук и свет») — театрализованное действо на открытом воздухе.

Мне предлагали на рецензию две книги Карра. Одна из них была исследованием, посвященным Коминтерну в период до 1934 г., когда эта организация осознала, что ее политика ослабления немецких социал-демократов была обширнейшей ошибкой, приведшей к власти нацистов [Carr, 1982]. Вторая книга — «Двадцатилетний кризис», в которой он писал, что, коль скоро у Гитлера была власть, следовало признать ее и приложить усилия к некоторому утолению его желаний, даже если это означало принести в жертву небольшие государства (на которые у Карра не оказалось достаточно времени) [Carr, 1939]. Карр впоследствии стыдился этой книги, называя ее «продуктом своего времени», да и следовало бы, ведь в 1943 г., после Сталинграда, будучи автором передовиц в *The Times*, он говорил то же самое и о Сталине. Я превратил свою рецензию в размышления о Карре и много общался с людьми, которые были к нему близки, включая его третью жену Бетти Беренс — она показала мне необыкновенный документ, написанный Карром своему психиатру Мартину Роту. У каждого была какая-нибудь своя негативная история с Карром: от военного историка Джона Кигана (который описал садистские учебники Карра в Баллиол-колледже, Оксфорд) до библиотекаря в Тринити-колледже, Кембридж (который поведал, как трудно было добиться от Карра крохотной подписки за пользование межбиблиотечным абонементом). То, что женщины Карра вспоминали о нем без теплоты, было частью его истории. Бетти Беренс рассказала, что, когда читала лекции в Индии, Карр отправил ей телеграмму, в которой жаловался, что ее любимый кот, будучи выставленным на снег, царапался в стеклянную дверь и мешал работать над книгой о Коминтерне, поэтому Карру «пришлось» отвезти кота к ветеринару и усыпить.

Но некролог на самом деле был не о человеческих качествах Карра: проблема была гораздо в большем — в том, каким образом человек столь недюжинного ума мог последовательно увлечься сначала Гитлером, а потом Сталиным. Эти тома, посвященные русской революции, ввели в заблуждение целых два поколения, умалчивая правду об истинной природе коммунизма и донельзя искажая историю позднего царизма в России. В 1960 г. Карр прочел знаменитый курс лекций «Что есть история». Для него история — это история победителя. То есть Сталина. У него не было времени на историков, которые пытались задаться вопросом, могла ли Россия пройти другой путь с эсерами или меньшевиками, не говоря уже о либералах. Используя аналогию с английским крикетом, он говорил, что никто не будет писать историю бэтсмана, «давшего утку» (выбившего ноль очков). Он умер в 1982 г., успев дать интервью, в котором сказал, что убийство всех этих крестьян было необходимой ценой за модернизацию³. Он не любил Джорджа Оруэлла, но именно за Оруэллом,

³ См. интервью *New Left Review* (1978): <http://mccaine.org/2009/09/06/edward-hallett-carr-on-history-and-revolution/>.

возможно, останется последнее слово: «Вы всегда говорите, что невозможно сделать омлет, не разбив яиц. Но где же омлет?»⁴

Список литературы

- Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. Париж, 1939.
 Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М. : АН СССР, 1960. 580 с.
 Carr E. H. A history of Soviet Russia. Vol. 1–14. London : Macmillan, 1950–1978.
 Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: an Introduction to the Study of International Relations, London : Macmillan, 1939.
 Carr E. H. The Twilight of the Comintern 1930–1935. London : Macmillan, 1982.
 Carr E. H. The War No One Won // The New York Review. 1976. April 29.
 Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. K. D. Erdmann. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 177 S.
 Stone N. Grim Eminence // London Review of Books. 1983. Vol. 5. No. 1. P. 3–8.

References

- Carr, E. H. (1939). *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: an Introduction to the Study of International Relations*, London, Macmillan.
 Carr, E. H. (1950–1978). *A history of Soviet Russia* (Vols. 1–14). London, Macmillan.

⁴ Автором цитаты является английский писатель Джордж Оруэлл. В рецензии «Катастрофическая постепенность» (“Catastrophic Gradualism”) на сборник политических эссе Артура Кестлера «Йог и комиссар» (Arthur Koestler “The Yogi and the Commissar”), опубликованной в журнале *The Common Wealth Review* (1945, ноябрь), Оруэлл выступил с протестом против ставшей популярной теории катастрофической посредственности, согласно которой “nothing is ever achieved without bloodshed, lies, tyranny and injustice, but on the other hand no considerable change for the better is to be expected as the result of even the greatest upheaval. History necessarily proceeds by calamities, but each succeeding age will be as bad, or nearly as bad, as the last. One must not protest against purges, deportations, secret police forces and so forth, because these are the price that has to be paid for progress: but on the other hand ‘human nature’ will always see to it that progress is slow or even imperceptible. If you object to dictatorship you are a reactionary, but if you expect dictatorship to produce good results you are a sentimentalist” («ничего никогда не достигается без кровопролития, лжи, тирании и несправедливости, однако, с другой стороны, нельзя ожидать никаких значительных [исторических. – А. Д.] изменений в результате даже самого великого переворота. История – вне всякого сомнения последовательность случайностей, однако, согласно этой теории, каждая следующая эра будет столь же плоха или почти столь же плоха, как и предыдущая. Поэтому нельзя протестовать против чисток, депортаций, деятельности секретной полиции и так далее, поскольку все это – цена, которую следует заплатить за прогресс; с другой стороны, “человеческая натура” всегда позаботится о том, чтобы этот прогресс был медленным или вовсе невидимым. Если вы возражаете диктатуре, вы реакционер, но если вы ожидаете, что диктатура принесет хорошие результаты – вы sentimentalный тип»).

Оруэлл обрушил на эту позицию всю силу своей послевоенной иронической риторики, он всегда был и оставался ярким антисталинистом, гуманистом, ратующим за права и свободы индивидуальной личности и невозможность принесения людей в жертву режимам.

Афоризм Оруэлла об омлете становится своего рода маркером позиций тех, кто солидарен с его неприятием диктатуры и не готов оправдывать зверства режима какими-либо успехами. Полная популярная цитата звучит так: “The formula usually employed is ‘You can’t make an omelette without breaking eggs.’ And if one replies, ‘Yes, but where is the omelette?’, the answer is likely to be: ‘Oh well, you can’t expect everything to happen all in a moment.’” (см.: <http://georgeorwellnovels.com/essays/catastrophic-gradualism/>; здесь же приведена библиография творчества и его сочинения). – *Прим. перев.*

- Carr, E. H. (1976). The war no one won, *The New York Review* (April 29).
Carr, E. H. (1982). *The Twilight of the Comintern 1930–1935*. London, Macmillan.
Golovin, N. N. (1939). *Voenny'e usiliya Rossii v Mirovoj vojne* [Military efforts of Russia in World War] (in 2 vols.). Paris.
Riezler, K. (Erdmann, K. D., ed.). (1972). *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente*. 177 p. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
Sidorov, A. L. (1960). *Finansovoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (1914–1917)* [Financial situation in Russia during the First World War (1914–1917)]. 580 p. Moscow, AN SSSR.
Stone, N. (1983) Grim Eminence, *London Review of Books*, 5/1, pp. 3–8.

Translated by Anna Dergacheva
The article was submitted on 15.06.2015

Норман Стоун,
профессор,
Университет Билькент, Анкара,
Турция

Norman Stone,
Professor,
Bilkent University, Ankara, Turkey

Problema voluminis

Russian Implementation
of European Ideas and Foreign Investments

Problema voluminis

Российское воплощение европейских идей
и иностранные инвестиции

RUSSIAN IMPLEMENTATION OF EUROPEAN IDEAS AND FOREIGN INVESTMENTS

DOI 10.15826/qr.2015.3.111

УДК 001:339.7

+330.322.01(45+47)

Francine-Dominique Liechtenhan

Kerstin Susanne Jobst

WISSENSCHAFTLICHE, TECHNOLOGISCHE UND FINANZIELLE INVESTITIONEN UND INTERAKTIONEN EUROPÄISCHER STAATEN IM ZARENREICH UND DIE VORZEICHEN DES ERSTEN WELTKRIEGS SEIT DER ZWEITEN HÄLFTE DES 19. JH.

Study of Russia's cooperation with Western European countries prior to World War I is of considerable importance to understand its economic condition. Investments of various types testify that Russia was a reliable partner capable both of absorbing those investments, and of using new advanced technologies. Cheap labor and policy of the government also contributed to high status of Russia as a country to invest in. Referring to archival materials, the author provides data on the amount of investments and the return thereon, and explains foreign investors' interest in certain spheres of Russia's economy. Additionally, the article focuses on the infrastructure of investment in Russia and abroad, the limitations and measures against adventurism and fraud introduced by the state. The author enumerates reasons for the foreign cultural and scientific presence, introduces data on expeditions and archaeological research. The historical and biographic aspect of investment process is based on information on businessmen's lives. Finally, the article presents a review of reports made at a Symposium on European investments into Russia and precursors of the World War I in Vienna (September, 2014) and describes urgent issues of the technological and sociocultural interaction in this research field.

Keywords: investments in Russia; foreign businessmen; 19th century history of Russia; migration.

Изучение взаимодействия России и западноевропейских держав перед Первой мировой войной существенно дополняет представление о ее экономическом состоянии. Факты инвестирования разного характера свидетельствуют о высоком статусе России как надежного партнера в их освоении, вполне способного применять новые передовые технологии. Этому же способствовало наличие дешевой рабочей силы и политика

государства. Конкретные данные о размере вложений и получаемых инвесторами дивидендах приводятся на основании архивных материалов. Выявляется логика обращения иностранцев к конкретным сферам российского хозяйства, определяются параметры оценки перспективности. Рассматривается инфраструктура инвестирования в России и за рубежом, фиксируются вводимые государством ограничения и меры против авантюризма и обмана. Конкретизируются сведения о культурных и научных целях иностранного присутствия, об организации экспедиций и археологических изысканиях. Автором рассматривается историко-биографический аспект процесса инвестирования, основанный на конкретных сведениях о жизни бизнесменов. Дается обзор докладов, прозвучавших на симпозиуме «Научные, технологические и финансовые инвестиции европейских государств в России и предвестники Первой мировой войны» (Вена, сентябрь 2014 г.), и обрисовываются актуальные проблемы технологического и социокультурного взаимодействия в исследовательском поле настоящего и будущего.

Ключевые слова: инвестирование в Россию, иностранные бизнесмены, история России конца XIX в., миграция.

Das Russländische Reich: ein Eldorado für ausländische Investitionen?

Im späten 19. Jahrhundert kam es in Europa zu einer Blockbildung der Großmächte: Das Deutsche Reich, Italien und Österreich-Ungarn unterzeichneten den Dreibund, an den sich das Osmanische Reich anschloss, während sich die sog. französisch-russische Freundschaft im Jahr 1893 ausbildete, die schließlich 1907 zur Triple Entente in Verbindung mit Großbritannien führte. Es kam nicht nur zu einer verstärkten militärischen Zusammenarbeit, sondern auch zu einer produktiven wissenschaftlichen Konkurrenz, in deren Folge sich in Europa einschließlich des Zarenreichs Akademien, wissenschaftliche Fachgesellschaften oder Universitäten gegenseitig anregten. Im russländischen Reich professionalisierten sich Disziplinen wie die Geographie, Archäologie, Zoologie, Botanik oder die Orientalistik und anthropologische, ethnographische oder prähistorische Studien brachten es einer ersten Blütezeit. Diese Forschungen trugen wesentlich zur besseren Kenntnis der nichtslawischen und nichtorthodoxen Territorien und der Völker und Mentalitäten des riesigen Vielvölkerreiches bei und spielten nicht zuletzt dann im Ersten Weltkrieg eine gewisse Rolle.¹ Die Jahrzehnte vor dem Beginn des sog. Großen Krieges sind auch von einer zunehmenden Vernetzung der Wissenschaften und ihrer Institutionen gekennzeichnet; davon zeugen nicht zuletzt die vermehrte Ausrichtung

¹ Unter dem Eindruck des Saida'schen „Orientalism“ wurde in den letzten Jahren auch die Wissenschaftslandschaft im Zarenreich betrachtet. Vgl. hierzu z.B. [Schimmelpenninck van der Oye] sowie im Überblick [Jobst, 2013; Meaux].

von internationalen Konferenzen oder Symposien – auch unter russischer Beteiligung. Die Zirkulation von Wissen und der Transfer von technologischem Können wurden auch durch die Weltausstellungen² und die Ausstellungen von Jekaterinburg (1886) oder Nizhnij Novgorod (1892) gefördert.

Für viele Westeuropäer und Amerikaner war Russland ein Paradies, in dem man die neueste Technologie testen konnte - den Bau von Straßen, Schienennetzen, Eisenbahnen und Wasserkraftwerken. Die Elektrifizierung trug allmählich zu einer wachsenden Industrialisierung bei, an der sich viele ausländische Unternehmen beteiligten. Auch wenn dieser Umstand grundsätzlich bekannt ist, so ergibt sich doch bislang keinesfalls ein vollständiges Bild wissenschaftlicher, technologischer und finanzieller Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich.³ Nicht zuletzt auf diesen Umstand wird die vorliegende Ausgabe der Zeitschrift „Quaestio Rossica“ hinweisen.

Das Russländische Reich hatte sich seit der Mitte des 18. Jahrhunderts rasch nach Osten und Südosten (Richtung Schwarzes Meer, in den Kaukasus, in Richtung Ostsibirien und Zentralasien) erweitert und damit ein mächtiges, transkontinentales Imperium geworden. Das traditionell kapitalarme Zarenreich bot Ausländern aus vielen Gründen unzählige wirtschaftliche Investitionsmöglichkeiten: Durch seinen Rohstoffreichtum und den im gesamteuropäischen Vergleich späten Beginn der (Proto-)Industrialisierung knüpften Investoren große Erwartungen an ihr Engagement in Russland. Zudem war dieses Imperium, etwa im Vergleich mit den Vereinigten Staaten, viel einfacher zu erreichen, was die vielfältigen Kosten (der Reise selbst, des Transports von Menschen und Material etc.) verringerte. Allerdings gab es auch strukturelle Nachteile: Im Vergleich mit den USA beispielsweise, wo die Einwanderung verhältnismäßig einfach war und lange Zeit zielgerichtet gefördert wurde, baute Russland für Migrationswillige hohe Hürden auf: Recherchen im „Fonds für Passausstellung“ im Archiv des französischen Außenministeriums [Cadot] zeigen, dass Russland in erster Linie ausländische Eliten anzog – bzw. deren Einwanderung förderte, denn es immigrierten vor allem Ingenieure, Lehrer und Lehrerinnen, Wissenschaftler aller Disziplinen, Archäologen, Anthropologen, Linguisten und Vertreter des medizinischen Sektors nach Russland.

Um einen Zustrom von vermeintlichen oder tatsächlichen Abenteurern zu verhindern, etablierte die russische Polizei sehr strenge Standards für die Einwanderung, ob nun temporär oder dauerhaft. Für Lehrpersonal wurden Kontrollen der Sprachkenntnisse verlangt, um zu verhindern, dass sich Betrüger als Hauslehrer oder Gouvernanten für Französisch oder Deutsch, die beiden beliebtesten Sprachen um die Jahrhundertwende, anstellen ließen [Соколякина]. Die Bürokratisierung der Auswanderung und Einwanderung wurde ab Mitte des 19. Jhdts. verstärkt. Die Formalitäten für die

² Besondere Aufmerksamkeit erfreuten sich die russischen Expositionen auf der Pariser Weltausstellung 1900; vgl. [Jobst, 2007; Hofmeister; Frank; Овчинникова].

³ Im Überblick: [Иностранное предпринимательство]. Zum Engagement reichsdeutscher Investoren vgl. z.B. [... das einzige Land].

Beantragung eines Reisepasses und Visums hingen vom Innenministerium des jeweiligen Mutterlandes ab. Im französischen Fall beispielsweise kontrollierten die Behörden alle Daten: Adresse, familiäre Verhältnisse, Beruf, Auszug aus dem Strafregister, dazu kam sogar eine Bescheinigung über gute Manieren. Der Präfekt selbst hatte die Papiere zu unterschreiben. Der Pass mit den Dokumenten wurde dem Innenministerium vorgelegt, dieses sandte es dem Ministerium für auswärtige Angelegenheiten zu; nach einer zweiten Begutachtung ging es zur Genehmigung an die russische Botschaft. Pass und Visum konnte der Ausreisende in der Pariser Präfektur oder dem Rathaus seines Heimatortes abholen. Die Auswanderung stand somit unter der Kontrolle beider Länder – des Ausreise- und des Einreiselandes.

In der Regierungszeit Nikolaus I. (1825–1855) wurde die Einreise nach Russland besonders streng überwacht: Schon vor der Abfahrt mussten die Reisenden die russischen Zollbestimmungen zur Kenntnis nehmen. Für Wissenschaftler stellte dies ein unlösbares Problem dar, denn mitgeführte Bücher wurden strengstens kontrolliert und oft beschlagnahmt. Wissenschaftliche Werke durften nur offiziell ausgetauscht werden. Nicht nur Menschen, sondern auch Bücher und Wissen sollten keinesfalls frei kursierten. Dennoch entwickelte sich das Zarenreich zu einem beliebten Investitionsland für das übrige Europa: Menschen, Ideen und Kapitalien zirkulierten. Für HistorikerInnen sind die wissenschaftlichen, technologischen und finanziellen Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich deshalb ein ideales Feld für transfergeschichtliche Perspektiven.⁴

Die Publikation ausgewählter Beiträge des im September 2014 abgehaltenen Wiener Symposiums „Die wissenschaftlichen, technologischen und finanziellen Investitionen der europäischen Staaten in Russland und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs“ knüpft an die bisherigen Forschungen über die Beziehungen des Russländischen Reichs mit dem sog. Westen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts an⁵. Ein wesentlicher Ausgangspunkt ist die Erkenntnis, dass in Russland investierende Ausländer auf den Gebieten der Technologie, Industrie oder Wissenschaft vor 1914 grundlegend zur Kenntnis des Russländischen Reichs beigetragen hatten. Die westlichen Großmächte standen, so mag man fast behaupten, in einem gewissen „Wettstreit“ darüber, wer das riesige Reich am besten ‘erschlossen’ hatte. Und das war fürwahr eine Herkulesaufgabe - zur Erinnerung: Russ-

⁴ Vgl. hierzu auch den Abschnitt „Experimentierfeld Russland? Überlegungen zu einem zukünftigen Forschungsdesign“ am Ende dieses Beitrags.

⁵ Dieses Symposium wurde von folgenden Institutionen finanziell unterstützt: Institut français d’Autriche (Wien), Institut für Osteuropäische Geschichte (Universität Wien), Centre Roland Mousnier (CNRS, Université Paris-Sorbonne), Centre d’Etudes franco-russe (Moskau), Alliance française (Togliatti), Institut für Geschichte und Archeologie (Föderale Universität des Urals) Ein vierjähriges bilaterales Programm, das ausschliesslich die wissenschaftlichen Beziehungen zwischen Frankreich und Russland (18.–20. Jahrhundert) betraf, wurde von der Agence nationale de la Recherche subventioniert und 2013 abgeschlossen. Wir mussten feststellen, dass das 19. Jahrhundert am wenigsten erforscht worden war, und dass gerade die zweite Jahrhunderthälfte, d.h. die Jahrzehnte vor dem Ausbruch des Ersten Weltkriegs in vielen Bereichen noch wenig bekannt ist.

land war damals schon mit seinen 21 800 000 km² das Land mit der größten transkontinentalen Ausdehnung; als Imperium wurde es flächenmäßig allein von Großbritannien übertroffen. Die Volkszählung von 1897 zeigt, dass das Russländische Reich im Verhältnis zum Territorium karg bevölkert war (125 640 000 Einwohner) [Die Nationalitäten]. Trotz mehrerer Hungersnöte gegen Ende des 19. Jh. stieg die Einwohnerzahl von 149 299 300 Personen im Jahre 1906 aber auf 155 433 300 zwei Jahre später [Kappeler, S. 337]. Der Bevölkerungszuwachs bedeutete auch, dass Russland über ein großes und entsprechend billiges Arbeitskräftereservoir verfügte, was ausländische Investoren ebenfalls anzog. Das niedrige Bildungsniveau und das weitgehende Fehlen allgemeiner rechtlicher Schutzmaßnahmen erlaubte die Ausbeutung dieser Männer und Frauen. Vor allem der östliche Teil des Reiches jenseits des Urals und Zentralasien boten viele Investitionsmöglichkeiten (Bodenschätze, Bau von Straßen und Eisenbahnen), da sie kaum erschlossen waren. Im Vergleich zu anderen europäischen Staaten blieb die Auswanderung auf einem verhältnismäßig niedrigen Niveau, mit Ausnahme der Krisenjahre 1905–1906, die durch den Russisch-japanischen Krieg, den Blutigen Sonntag und Pogrome z.B. in Odessa und Białystok gekennzeichnet war. Zur Emigration tendierten vor allem jüdische Bewohner der westlichen Landesteile, also aus dem sog. Ansiedlungsrayon, die wegen der Verfolgungen die Auswanderung nach Palästina oder in die USA vorzogen [Deutsch]. Die Zahl der Ausländer in Russland blieb insgesamt gering - nur eine Person auf tausend Einwohner war nicht aus Russland stämmig⁶. Das ermöglichte Einwanderern gewisse Entfaltungsmöglichkeiten.

„Eldorado“ vs. Realität

Auch wenn die Einwanderung nach Russland nicht einfach war, war es nicht schwer, an Ort und Stelle Karriere zu machen. Deutsch und Französisch sprechende Lehrer und Erzieherinnen waren immer sehr gefragt, und dies weit über St. Petersburg und Moskau hinaus [Ржеуцкий; Франкоязычные гувернеры; European Francophonie]. Einige wechselten den Beruf, um zu Vermögen zu kommen: Eugène Rallet, Professor für Französische Sprache in Moskau im Jahre 1846, gründete eine Parfümfabrik, die noch am Ende des 19. Jahrhunderts erfolgreich war. Henri Mongault, ein bedeutender Übersetzer der großen russischen Schriftsteller, wurde deren Generaldirektor. Der Franzose Henri Brocard hatte in Philadelphia neue Parfümproduktionstechniken kennengelernt, bevor im Al-

⁶ Im Vergleich dazu sind die Zahlen anderer europäischer Länder zu beachten: Acht Ausländer auf tausend Einwohner in Großbritannien, neun in Deutschland, fünf in der österreichisch-ungarischen Monarchie, dreißig in Frankreich, und 77 in der kleinen Schweiz. Was die schweizerischen industriellen Auslandsinvestitionen betraf, stand Russland an fünfter Stelle, mit 7,2 Prozent. Privatpersonen und Banken legten 33 Millionen Rubel (ca. 89 Millionen Franken) in private russische Aktengesellschaften an; die Schweiz stand im Jahre 1917 mit 1,5 Prozent des Auslandskapitals an siebenter Stelle der Investoren im russischen Reich [Goehrke, S. 527–528]. Siehe vor allem [Дьяконова].

ter von 22 nach Moskau zog, wo sein großes Verdienst in der Herstellung von erschwinglichen Kosmetika und Seifen bestand [Cherpitel, Okuneva]. Er „demokratisierte“ sozusagen Seife und Toilettenwasser und starb 1903 in Russland; seine Fabriken wurden von den Bolschewiki beschlagnahmt und in „Neue Aurora“ (*Novaya Zarya*) umbenannt. Die neue Direktorin wurde niemand anderes als die Frau von V. M. Molotov, dem späteren sowjetischen Außenminister! Um 1900, gab es 11, 161 fassbare Industrie und Handelsfirmen, von denen 374 (3,3 %) in ausländischem Individualbesitz standen [Goehrke, S. 527]. Unklar bleibt die Zahl der Unternehmen, die in zwar in ausländischen Händen waren, aber unter russischen Decknahmen, etwa den der Gemahlin oder eines Partners, registriert waren.

Ausländer, die sich dauerhaft in Russland niederlassen wollten, standen vor vielen Problemen: Fremde hatten z.B. kein Recht, Land in Russland zu besitzen. Es war daher nicht möglich, das gewonnene Geld in Grundstücke zu investieren, es sei denn, der Kandidat war zur „Russifizierung“ bereit. Einige zögerten nicht, wie etwa die Vorfahren von Gustave Fabergé, sich 'konvertieren' zu lassen, um die russische Staatsbürgerschaft zu bekommen. Die Archive des französischen Aussenministeriums (Filiale Nantes) zeigen eine signifikante Anzahl von Franzosen, die Russinnen heirateten; viele wurden russische Untertanen und verschafften sich so entsprechende Vorteile. Sofern sie sich nicht der Politik verschrieben, konnten Ausländer in Russland friedlich leben. Viele qualifizierte Techniker ließen sich dort nieder; Russland verdankt Ausländern Telegraphenlinien, neue Waffentechnologien, manche wurden Professoren für „exotische“ Sprachen wie Armenisch oder Georgisch; Eisen- und Kohlebergwerke wurden erschlossen und ausgebeutet. Und kein Geringerer als Ferdinand de Lesseps hat die ersten Pläne für eine Eisenbahnlinie vom Ural bis nach Usbekistan gezeichnet [Любина].

Diese Spezialisten mussten jedoch auf die internationale Situation Rücksicht nehmen; der Zar konnte Expeditionen in „heiße“ Gebiete verbieten lassen. Aufenthaltsorte und Kontakte wurden von den Behörden überwacht, Sicherheits- und politische Motive spielten dabei eine Rolle. Es war von großer Bedeutung, ein vom Zaren unterzeichnetes Patent zu haben, wenn man sich länger beruflich in Russland aufhalten wollte. Es wäre interessant, die Zahl dieser Genehmigungen oder Gewerbescheine, im Vergleich zu der Migration aus dem Westen, komparatistisch zu untersuchen, würde dies doch Erkenntnisse auf die Integration von Westeuropäern in die russländische Gesellschaft erlauben.

Die Anziehungskraft Russlands bestätigt sich durch die Schaffung von Informationsbüros im Ausland. Diese erteilten Ausreisewilligen Auskünfte über berufliche Möglichkeiten, freie Stellen an russischen oder von Ausländern betriebenen Schulen, Fabriken oder in der Industrie oder wie man zu Privilegien oder Patenten gelangen konnte. Darüber hinaus erteilten diese Informationen über die Ressourcen des Landes und welche Vorschriften und Gepflogenheiten beachtet werden sollen usw. Der „Ausschuss für die Nächstenliebe“ in St. Petersburg sorgte für diejenigen Migranten, die ge-

scheitert waren, vor allem sogenannte Lehrer, die Prüfungen nicht bestanden hatten und arbeitslos wurden. Die Untersuchung dieser Sonderfälle, ihr Schicksal in Russland oder nach der Rückkehr in die Heimat, könnte neue Wege in der westlich-«russischen» Forschung eröffnen.

Wissenschaft und Spekulation

Wissenschaftliche Expeditionen und Kurzaufenthalte waren am begehrtesten. Diese Reisen wurden oft von eifrigen Mäzenen bezahlt, die den Reichtum Russlands zwecks möglicher Geschäfte kennenlernen wollten. Der Bau des Eisenbahnnetzes weckte das Interesse kleiner Anleger, vor allem die Franzosen und Belgier sahen in der Industrialisierung große Investitionsmöglichkeiten [Girault; Claeys]. Die Risiken waren ihnen wenig bekannt, denn die Bauarbeiten verliefen nicht ohne Zwischenfälle. Die Strecke Moskau-Orenburg wurde abgeschlossen, aber Aufstände in Zentralasien zwangen die Ingenieure, die Strecke umzuleiten und die transkaspische Linie zu bauen⁷.

Wie hat diese erste Strecke die Forschung der Ausländer bestimmt? Mit der Eisenbahn entwickelten sich die Reisen nach Osten [Cvetkovski]. Der Großteil der Expeditionen wurde von Programmen des russischen Ministeriums für öffentliche Angelegenheiten oder auswärtige Angelegenheiten oder von Universitäten und wissenschaftlichen Gesellschaften gesponsert. Einige Fahrten konnten durch Gönner (Händler, Industrielle, Bankiers, Liebhaber von Antiquitäten) finanziert werden. Für manche war dies auch eine einmalige Gelegenheit, die eigene Privatsammlung zu bereichern. Die südlichen Grenzen Russlands, wo es regelmäßig zu Zusammenstößen zwischen russischen, britischen oder deutschen Interessen kam, waren besonders beliebt. Das alliierte Frankreich erhielt zum Beispiel das Recht, eine Reihe von Expeditionen zu organisieren, und es beteiligte sich aktiv an der russischen wissenschaftlichen Forschung. Die französischen Forscher waren eindeutig privilegiert und erhielten den Schutz der russischen Regierung.

Viele ausländische Forscher begannen antike Objekte zu sammeln, zum eigenen Vergnügen oder um die nationalen Sammlungen zu bereichern, und diese schamlos auf Weltausstellungen zu zeigen. Die geographischen Interessen veränderten sich im Laufe des Jahrhunderts; die Forscher konzentrierten sich zuerst auf die Reste der griechischen Kultur, zum Beispiel im Kaukasus und auf der Krim, und beschrieben die Schätze der Antike. Nach 1870 verlegte sich deren Interesse auf Zentralasien und Kasachstan.

⁷ Dazu das Archivdokument « Brochure publiée par S.A.I. Mgr le grand duc Nicolas Constantinovitch sous le titre: Choix de la direction la plus courte pour le chemin de fer de l'Asie centrale, Orenbourg, 1878. Traduction du chapitre principal sous le titre: Les sables du Kara-Koum dans leurs rapports avec le chemin de fer de l'Asie centrale », traduction par Joachim Barrante, 1878 (43 fol.) und Lettre de N. Rostopoff à Ferdinand de Lesseps à ce sujet, Orenbourg, 5 novembre 1877 et réponse de ce dernier, Paris, 25 juillet 1878, extrait avec traduction française du Times du 18 mai 1878 sur le chemin de fer d'Orenbourg à Tachkent, Französische Nationalbibliothek, Manuskriptenabteilung, SG COLIS 8 bis (2256).

Was Frankreich betraf, steckten auch politische Interessen dahinter: diese Gegenden waren auch aus diplomatischen und militärischen Gründen, wegen ihrer Nähe zu den britischen Kolonien, interessant. Unzählige Artikel informierten sowohl über die Topographie, das Klima, die Völkerkunde als auch über die Archäologie. Die Geschichten dieser Expeditionen wurden zum Teil große Bestseller [Corbet]. Untersuchungen über die wirtschaftliche Lage des Landes, dessen Rohstoffe (Tabak, Mineralwasser, Öl usw.) und Produktion führten zu neuen Investitionen. Der Bau der unzähligen Eisenbahnnetze weckte das Interesse der kleinen Spekulanten, die in der Industrialisierung des Landes gute finanzielle Anlagemöglichkeiten witterten, auch wenn die politische Lage sehr heikel war. Russland wurde also zu einem vielseitigen Eldorado, wo die kühnsten Finanzspekulationen möglich waren, die aber vor allem eine gewisse Elite betrafen.

Einer der Anziehungspunkte für Ingenieure, Naturwissenschaftler oder Archäologen war also die Entwicklung der Eisenbahnen und Straßen, die die Erforschung des riesigen Landes unter sichereren Bedingungen erlaubte. Die Idee, eine Transsibirische Eisenbahn zu bauen, geht bis in die späten 1850er Jahre zurück; russische und ausländische Ingenieure versuchten ihre Pläne beim Ministerium für Verkehrswege durchzubringen. Bestechend war das Argument, dass die ständige Besiedelung dieser Gegenden auch bessere Kommunikationsmöglichkeiten erforderte⁸. Die Telegrafen, die seit 1864 in Betrieb waren, brauchten mindestens 15 Tage, um die Hauptstadt zu erreichen. Auch wurde es immer schwieriger, die kaiserliche Autorität im weiten Sibirien zu erhalten. Das amerikanische Beispiel inspirierte die russischen Geographen, eine Eisenbahn unter dem 60. Breitengrad zu errichten. Es schien der ideale Weg, um der Welt die Macht des größten Reiches zu zeigen und die russische Herrschaft über zwei Kontinente zur Schau zu stellen.

Russische Spezialisten waren vor allem mit dem Bau der Schienen beschäftigt, denn sie kannten die spezifischen Klima- und Bodenbedingungen im Winter; die Ausländer beschäftigten sich vor allem mit Brückenbau. Wegen Rivalitäten wurde die Fertigstellung mehrere Jahre verschoben. Schließlich fand man einen Kompromiss im Jahre 1883 für den Bau eines ersten Abschnitts, der von Jekaterinburg nach Tjumen ging. Er wurde 1885 fertiggestellt. Die harten wirtschaftlichen und politischen Entwicklungen in den folgenden Jahren verzögerten den Bau nochmals. Die Unruhen in China hatten ihre Auswirkungen bis in die Baikalsee-Region. Der Zar persönlich unterstützte dieses Vorhaben; es war ihm wohl bewusst, dass er dank diesem neuen Transportmittel seine Truppen schneller nach Osten bringen konnte, um die territoriale Integrität des Reiches zu wahren. Trotz der finanziellen Schwierigkeiten der Staatskasse wurde beschlossen, die Arbeit an zwei extremen Punkten des Reiches, Wladiwostok an der Pazifikküste und Tjumen auf der kontinentalen Seite, zu starten. Nur das persönliche Engagement des Zaren Alexander III, der die strategische und wirtschaft-

⁸ Zum Bau der russische Eisenbahnen: [Westwood].

liche Bedeutung eines solchen Unternehmens einsah, ermöglichte die Vergabe eines Kredits von 7.000.000 Rubel für den Bau des Abschnitts zwischen Wladiwostok und Grafskaja.

Die Transsibirische Eisenbahn wurde zunächst ausschließlich durch Fonds des russischen Staates finanziert; dieser erwartete durch den Bau schnelle finanzielle Vorteile, unter anderem durch den Export-Import. Bald überschritten die Kosten 330 Millionen Rubel und Russland musste Kredite in Belgien und Frankreich (80 % der russischen Anleihen im Ausland, 30 % der privaten Investitionen) aufnehmen. Die russische Regierung betrachtete diese allerdings als eine Form von Geldeinnahme; am Anfang wurden diese beiden Länder durch den Ertrag der Investitionen, vor allem in der Metallurgie, reichlich belohnt. Das in Russland investierte Gesamtkapital belief sich auf 732 Milliarden Franken; es geht in erster Linie um Staatsfonds, Kommunalpapiere, Pfandbriefe, Industrieaktien und Obligationen [Das russische Reich]. Diese massiven Investitionen resultierten aus der starken Zunahme der Ersparnisse im Westen, die die nationalen Bedürfnisse der Industrieländer überschritten. Die Staatsanleihen absorbierten sämtliche hinzufließenden ausländischen Kapitalien. Insgesamt entfielen etwa zwei Fünftel der Verschuldung auf das Innere und drei Fünftel auf das Ausland, immerhin 7 Milliarden Rubel.

In den 1890er Jahren wuchs die russische industrielle Produktivität um 126 %, das Doppelte des deutschen Wachstums zu dieser Zeit. Der Bau der Transsibirischen Eisenbahn erwies sich jedoch bald als ein Fass ohne Boden, denn die Baukosten entsprachen nicht den vorgesehenen 70.000 Rubel pro km, sondern je nach Gegend erhöhten sie sich auf 200.000 R., unter anderem am Rande des Baikalsees. Die Strecke nach China erwies sich als ruinös, 500 000 Rubel pro km wegen der Pest und der Cholera, aber auch wegen des Boxeraufstands. Diese Rebellen zerstörten 700 km Schienen, deren Wiederaufbau nochmals mehrere hunderttausend Rubel kostete. Trotz all dieser Probleme verdoppelte sich die Dichte des Schienennetzes zwischen 1892 und 1903 und bleibt bis heute ein technologisches Wunder. Im Jahre 1913 transportierten 18.000 Lokomotiven zehn Millionen Tonnen Güter; nach dem Weltkrieg blieben nur noch 7000 Lokomotiven übrig, die drei Millionen Tonnen Fracht transportierten.

Am Vorabend des Ersten Weltkriegs erreichte Russland den Rang der fünften Weltmacht (nicht der dritten, wie oft behauptet wird) [Rowley]. Zwischen 1890 und 1913 wurde die Produktion von Eisenerz verfünffacht und kam auf 9,2 Millionen Tonnen im Jahre 1913; der Ertrag an Kohle wurde auf das Achtfache vergrößert und ergab 29,1 Millionen Tonnen, die Produktion von Stahl wurde verfünffacht, dies ergab 4,2 Millionen Tonnen im Jahr 1913. Im frühen zwanzigsten Jahrhundert, nach den Reformen des Finanzministers Sergej Witte, entsprach die Menge an Papiergeld, die im Reich im Umlauf war, der Höhe der Goldreserven. Die Inflation blieb niedrig. Der Rubel wurde zu einer der weltweit führenden Währungen. Die Exportationen übertrafen bei weitem die Importationen, im Jahre 1905 waren sie fast doppelt so hoch (1017, 9 Exportationen gegen 559, 3 Importationen).

Es stellen sich also noch viele Fragen, was die wirtschaftlichen, wissenschaftlichen, politischen Beziehungen zwischen den westlichen Mächten und Russland betrifft. Warum dieses wachsende Interesse an Russland? Wo bestehen Zusammenhänge zwischen finanziellen Engagements und wissenschaftlichen oder politischen Beziehungen? Wo sind die Orte des Austausches? Was wurde mittel- und längerfristig aus den Investitionen, egal ob sie in der Industrie oder in akademischen Programmen angelegt wurden? Wie steht es um das Profil der Anleger und der Forscher? Wie funktionierte die Zusammenarbeit mit den Einheimischen und mit den russischen Behörden, und wie gestaltete sich die Rolle der jeweiligen Botschaften? Und schließlich: Wie wirkten sich diese vielfältigen Beziehungen auf den Ersten Weltkrieg aus?

Experimentierfeld Russland? Überlegungen zu einem zukünftigen Forschungsdesign

Zentrale Begriffe zukünftiger Forschungen im Rahmen des in dieser Publikationen angerissenen Gebietes lauten „Experimentierfeld“, „Investitionen“ und Interaktionen. Sie müssen in ihrem ganzen Bedeutungsfeld verstanden werden: „Experimentierfeld“ beinhaltet beispielsweise, dass das Zarenreich von ausländischen Akteuren, seien es nun Politiker, Industrielle und Finanziere, Wissenschaftler oder auch Künstler, auch als eine Art Laboratorium angesehen wurde: In Russland wurden mögliche Strategien und Praktiken „ausprobiert“, welche bei Erfolg häufig im eigenen Land Anwendung fanden. Mit dem Begriff der „Investitionen“ werden landläufig zumeist rein finanzielle Einsätze verstanden, bei denen die Anleger hoffen, davon ökonomisch zu profitieren. In zukünftigen Befassungen mit dem Thema wird aber ein weitaus breiterer Investitionsbegriff zugrunde gelegt werden müssen, geht es doch auch um Aufwendungen in Bereichen der Wissenschaft oder der Kunst; hier ist der Bezug zu den sozialen und kulturellen Kapitalsorten Bourdieus evident [Bourdieu, S. 183–198]. Auch andere „Investitionsbereiche“ sind mögliche Untersuchungsgebiete und werden z.T. in diesem Band auch bereits erwähnt wie der Bereich der Geheimdienste (intelligence), den Verena Moritz konzeptionalisiert. Dies ist ein besonders spannendes Feld, welches weiterer Untersuchungen bedarf. Nach den Napoleonischen Kriegen, wo militärische Geheimdiensttätigkeiten alle Rekorde brachen, kam es in den Jahren vor dem 1. Weltkrieg wieder zu einer intensiven Spionagetätigkeit. Die Aktivitäten der Deutschen, Österreicher, Briten oder Franzosen wuchsen mit der Expansion Russlands. Zuweilen ging es den mehr oder weniger klandestin operierenden Agenten aber auch um wissenschaftliche Ausbeute – um die Erweiterung nationaler oder privater Sammlungen: Im neunzehnten Jahrhundert kam es zu einer Internationalisierung aller Disziplinen dank der Zusammenarbeit der Akademien [Le Goff]. Das sich rasch nach Osten und Südosten (in den Kaukasus, gen Schwarzes Meer, Sibirien, Ural und Zentralasien) erwei-

ternde Zarenreich bot neue Untersuchungsbereiche. Diese Regionen zogen ausländische Forscher besonders an, sie wurden aber russischerseits auch strengstens beaufsichtigt und einer starken Kontrolle durch die heimatischen Behörden unterzogen; manchmal wurde z.B. die Grabungserlaubnis verweigert oder auf ein bestimmtes Territorium beschränkt. Es stellt sich die Frage, wie weit wissenschaftliche Tätigkeiten sich mit Spionageaktionen verbanden. Die Forscher der mit Russland „befreundeten“ Länder genossen jedenfalls viele Privilegien und nahmen bevorzugt an staatlich organisierten Expeditionen teil. Oft diente die Wissenschaft aber nur als Vorwand für politische Aktionen. Es ist wichtig, diese mit geheimen Missionen beauftragten Persönlichkeiten zu finden, was ohne ausgedehnte prosopographische Studie der Männer und Frauen, die damals im sog. Russischen Orient aktiv waren, nicht grundlegend studiert werden kann. Die Geschichte der genannten Disziplinen und die wissenschaftliche Netzwerke mit ihren Konventionen sind dabei gleichsam in den Blick zu nehmen. Die Rolle der Sammler, Forscher und Autoren ist wichtig, denn sie publizierten die ersten Beschreibungen der Objekte im Moment ihrer Entdeckung. Nach dem Zusammenhang von Entdeckungen, Finanzierung und Wissensproduktion ist zu fragen, zeigen sie doch auch die Geschichte von kollektivem und individuellem Verhalten und verbinden makro- mit mikrogeschichtlichen Ansätzen.

Die im Titel angegebenen „Interaktionen“ schließlich sind ein Feld, auf dem die Wechselseitigkeit der Kontakte und des Austausches evident werden und die Anwendbarkeit der Betrachtungsweise der Transfergeschichte, der „Histoire croisée“ bzw. der „Entangled History“ belegt [De la comparaison]. Mögliche Untersuchungsgebiete neben der Spionage wären – und damit wird kein Anspruch auf Vollständigkeit erhoben – Kooperationen auf dem Gebiet der Verbrechensbekämpfung (z.B. Interpol), der Gesundheit (Rotes Kreuz/Roter Halbmond etc.), der länderübergreifenden Zusammenarbeit von Künstlern („Der Blaue Reiter“ beispielsweise, in dem mit V. Kandinskij oder A. Javlenskij auch Russen wirkten) oder politischen Parteien (z.B. der II. Internationale).

Damit ist eine essentielle Richtung eines zukünftigen Forschungsdesigns „Experimentierfeld Russland“ vorgeben, soll es doch nicht um eine eindimensionale Perspektive gehen, also allein um das Engagement Frankreichs, Österreich-Ungarns oder anderer Staaten im Zarenreich. Von großer Relevanz ist vielmehr zugleich, welches Echo, welche Folgen die Investitionen im jeweils investierenden Land zeitigten – seien diese nun ökonomisch, kulturell oder politisch. Damit wird die Notwendigkeit unterstrichen, die Wechselseitigkeit der Beziehungen herauszuarbeiten und die Akteure und Akteurinnen inner- und außerhalb des russischen Experimentierfeldes gleichermaßen und gleichberechtigt in den Blick zu nehmen. Dies ist nicht zuletzt deshalb von so großer Bedeutung, und damit kommen wir zu einem weiteren relevanten Aspekt, da Russland vor dem Ersten Weltkrieg innerhalb Europas vielfach als Zivilisation minderer Güte angesehen wurde. Dieses von Alexander Gerschenkron so wirkungsmäch-

tig als „Rückständigsparadigma“ bezeichnete Diktum über das Zarenreich ist bis in unsere Zeit zählbar [Gerschenkron]. Dieses auch auf der Ebene der Historiographie mit Projekten wie diesem zu hinterfragen, ist notwendig. Dabei geht es ausdrücklich nicht um das Anzweifeln objektiver Parameter für Modernisierung wie der Alphabetisierungsrate, der Kindersterblichkeit oder den Partizipationsmöglichkeiten der Bevölkerung am Prozess der politischen Willensbildung; es ist unstrittig, dass das Zarenreich auf diesen Gebieten nicht mit einigen (beileibe nicht allen) europäischen Staaten mithalten konnte. Es gilt aber eben, die Meistererzählung einer sich an (west-)europäischen Maßstäben messenden Modernisierung zu hinterfragen. Auch da kann das Projekt „Experimentierfeld Russland“ erhebliche Erkenntnisse bringen, wenn etwa untersucht wird, welche Modernisierung-, Verfremdungs- oder Anpassungseffekte ausländische Investitionen in Russland mit sich brachten. Welche Akkulturationsleistungen mussten die bereits erwähnten „men on the spot“ vor Ort erbringen? Erwarben sie dort in der russischen Fremde lokales Wissen, welches eventuell vielleicht bei einer etwaigen Rückkehr in die Heimat dort Wirkungen entfalteten? Es geht also, so viel ist deutlich, auch um die Zirkulation von Wissen und Gestimmtheiten gegenüber dem sog. *Other*, nicht ausschließlich nur um den Fluss des Kapitals.

Ungeachtet der - an dem westlichen Modernisierungsprojekt gemessen - 'anderen' (oder vielleicht besser „partiell abweichenden“) Genese des Russländischen Reiches entwickelte sich dieses im Verlauf des 19. Jahrhunderts zum größten Kontinentalimperium der Zeit. Dass die umfangreichen Gebietserwerbungen und vor allen Dingen die dauerhafte Anbindung der eroberten Territorien ohne gewisse Modernisierungsleistungen des Zarenreichs, sei es militärisch, politisch oder administrativ, kaum zu bewerkstelligen gewesen wären, leuchtet ein. Ein insgesamt in der Imperiums- als auch in der Transferforschung (und in beiden Forschungsbereichen verorten sich die Beiträger zu dieser Ausgabe) eher unterbelichtetes Untersuchungsfeld ist das des interimperialen Austausches bzw. einfacher gesagt der Frage, ob und was die Imperien der Zeit voneinander gelernt haben. Inwieweit beobachtete z.B. das französische Empire die kolonialen Praktiken des Russländischen Reiches, um dort gewonnene Erkenntnisse in seinen eigenen Überseebesitzungen zu implementieren? Welche Beobachtungen machten Angehörige der französischen oder österreich-ungarischen imperialen Eliten in den Peripherien des Zarenreichs (und vice versa), wie kommunizierten sie diese und inwieweit lernten sie vielleicht vom vermeintlich rückständigen Russland, deren Eliten zuweilen für sich in Anspruch nahmen, geographisch *und* mental 'näher' an Asien zu sein (ein Beispiel wäre Dostoevskij?). Dass das Zarenreich sich einerseits in seinen Debatten häufig nicht als Kolonialmacht bezeichnete, sich andererseits vielfach selbst als Experimentierfeld für 'gute' koloniale Praxis den anderen Imperien anempfahl, haben einige Detailstudien der letzten Jahre bereits gezeigt [Jobst, 2007; Hofmeister; Frank]. Sie können als Ausgangspunkt weiterer Untersuchungen zum Kontext des russischen Experimentierfeldes und der

Wechselseitigkeit im kolonialen Prozess vor dem Ersten Weltkrieg dienen.

Die Frage, welche finanziellen Investitionen Länder wie Frankreich oder auch die Habsburgermonarchie abseits der Metropolen St. Petersburg oder Moskau tätigten, ist bislang am besten wohl am Beispiel der Eisenbahnen wie der Transsib (und damit in Regionen, die zum kolonialen Ergänzungsraum des Russländischen Reiches zu zählen haben) untersucht worden.⁹ Unterbelichtet blieben demgegenüber die Transferprozesse zwischen den Peripherien der russischen Kerngebiete und dem Ausland, über die theoretische Erfassung sich Jan Surman in seinem Beitrag Gedanken macht; dies ist auch deshalb von so großer Bedeutung, da in den letzten Jahren HistorikerInnen verstärkt den Blick auf die Rolle der Provinz als politik- und gesellschaftsgestaltender Kraft gerichtet haben, welche durchaus ein Eigenleben entfalten konnte, was in einigen Forschungsarbeiten bereits Thema war¹⁰. Auch die Provinzen waren nämlich Teil und Arenen des „Experimentierfeldes Russland“, in dem auf vielfältige Weise „investiert“ wurde.

Die Geschichte der Darstellung des Anderen und des Andersseins, oder das, was die deutsche Literaturwissenschaft als „Imagologie“ bezeichnet, bildet ein wichtiges Forschungsfeld, um die Logik der bilateralen und internationalen Beziehungen und Verhandlungen zu verstehen, sowohl im wirtschaftlichen, wissenschaftlichen, kulturellen als auch im militärischen Bereich. Die Verbindungen zwischen Finanzierung, wissenschaftlicher Forschung und Erkundung des riesigen russischen Imperiums mit ihren Auswirkungen auf den Technologietransfer wurden bislang kaum untersucht, ihre Folgen auf die Kriegsgeschehnisse bleiben unerforscht. Die Präsenz ausländischer Spezialisten und ihr Beitrag zur Verbesserung der Infrastruktur in Russland haben aber indirekt dazu beigetragen, dass Russland so schnell mobilisieren konnte und sich zum Krieg bereit fühlte.

Die hier veröffentlichten Beiträge des Wiener Symposiums, das 2016 seine Fortsetzung in Paris haben wird, zeigen wie die Interaktion zwischen Wissenschaft, Finanzen und Technologie indirekt zu den Vorbereitungen zum Ersten Weltkrieg beigetragen haben. Die Verantwortung Russlands, beziehungsweise Nikolaus II., für den Kriegsbeginn wurde von der westlichen wie auch der sowjetischen Historiographie lange verschönert oder verdrängt und zwar zugunsten zahlloser Studien über die „grosse“ Revolution, den Bürgerkrieg oder die frühe Stalinzeit. Auch Werke über die Ostfront bleiben bis heute eher selten; Norman Stone darf hier als Pionier der Kriegsforschung genannt werden [Stone, 1975; und allgemeiner: Stone, 1984]. Die Vorzeichen des Krieges im Wettbewerb der westlichen Großmächte auf russischem Boden, eben als das erwähnte Eldorado, bleiben zu wenig erforscht.

⁹ Vgl. z.B. [Urbansky]. Immer noch relevant: [Geyer]. Dazu auch [Daney; Leroy-Beaulieu]. Dazu auch die Exposition universelle de 1900, Russie. Ministère des voies de communication. Administration de la construction des chemins de fer de l'empire. I. Notice sur l'administration de la construction des chemins de fer de l'empire, II. Construction du chemin de fer transsibérien, III. Catalogue des objets exposés, Paris, Librairies-imprimeries réunies, 1900 und die Exposition universelle de 1900 à Paris. Comité du chemin de fer transsibérien. Aperçu de l'histoire de la colonisation en Sibérie, Paris, P. Dupont, 1900.

¹⁰ Zur russischen Provinz vgl. z.B. [Bönker; Penter].

Die bereits erwähnten Beiträge von Jan Surman über das Verhältnis von Provinz vs. Zentrum im zwischenstaatlichen Austauschprozess und Verena Moritz über „Intelligence/Spionage“ stellen grundsätzliche, stark theoretisch-methodische Fragen. Olga Ermakova beleuchtet die britisch-russische Zusammenarbeit im Bereich der Technologie nach dem Krim-Krieg. Andreas Keller beschreibt mit dem Nord-Express St.Petersburg-Madrid ein stark kulturwissenschaftlich angelegtes Kapitel der Geschichte der Eisenbahn [Келлер]. Thierry Claeys untersucht die wirtschaftlichen Investitionen Frankreichs in Russland zwischen 1870 und dem Ersten Weltkrieg. Svetlana Kuzmina nimmt das russische Engagement der Firmen Schneider, Krupp und Skoda in den Blick. Die Vielfalt der Thema über das Experimentierfeld Russland wird damit angedeutet.¹¹

Была ли Российская империя страной Эльдorado для иностранных инвесторов?

В конце XIX в. происходит образование новых блоков европейских держав: Германия, Италия и Австро-Венгрия заключили Тройственный союз, к которому присоединилась Османская империя, в то время как между Францией и Россией к 1893 г. сложились тесные дружественные отношения, получившие свое окончательное оформление в 1907 г. с образованием вместе с Великобританией Антанты. Это вело не только к тесному военному сотрудничеству, но и к продуктивному научному соперничеству, в которое были включены европейские и российские академические учреждения, научные сообщества и университеты. В России происходит окончательная институализация и оформление таких самостоятельных научных дисциплин, как география, археология, зоология, ботаника и востоковедение (ориенталистика), а также наступает расцвет исследований по антропологии, этнографии и археологии. Результаты этих исследований позволили лучше узнать прошлое и настоящее неславянских и неправославных территорий огромной многонациональной державы, населяющих их народностей и их ментальности. Новые знания сыграли определенную роль во время Первой мировой войны¹². Десятилетия перед началом Первой мировой войны характеризуются возникновением разветвленной сети тесных научных связей между учеными и научными институтами, на что указывают участвовавшие конференции и симпозиумы с участием российских ученых. Циркуляция знаний и трансфер технологий в купе

¹¹ Die Beiträge von Thierry Claeys und Svetlana Kuzmina sind in der nächsten Ausgabe vorgesehen.

¹² Вследствие критики понятия «ориентализма» со стороны Эдварда Саида под этим углом в последние годы рассматривался и научный ландшафт царской России. См.: [Schimmelpenninck van der Oye], а также обзор: [Jobst, 2013; Meaux].

с человеческими навыками и умениями поддерживались участием во всемирных выставках¹³ и организацией торгово-промышленных выставок в Екатеринбурге (1886) и Нижнем Новгороде (1892).

Многим представителям Западной Европы и американцам Россия казалась тем раем, в котором можно испытывать новейшие технологии – в создании шоссе и железных дорог, развитии железнодорожного транспорта и строительстве гидроэлектростанций. Электрификация постепенно способствовала индустриальному росту, в котором принимали активное участие многие иностранные фирмы. И хотя этот факт принципиально известен в истории экономики России, до сих пор нет полной картины о научных, технологических и финансовых инвестициях и путях взаимодействия европейских государств с Российской империей¹⁴. Не в последнюю очередь данный выпуск журнала «*Quaestio Rossica*» призван привлечь внимание к этому обстоятельству.

С середины XVIII в. Российская империя стремительно расширила свои границы на восток и юго-восток (в направлении Черного моря, на Кавказе, в направлении Восточной Сибири и Центральной Азии), став мощной трансконтинентальной империей. Исторически сложившееся отсутствие крупного капитала в России предоставляло широкое поле возможностей для экономической деятельности иностранных инвесторов. Наличие природных ресурсов и сравнительно поздно (относительно других европейских государств) начавшаяся индустриализация сулила инвесторам в российскую экономику немалые надежды. К тому же географически Россия была намного ближе и доступнее по сравнению, допустим, с США, что позволяло экономить затраты (на поездки, транспортировку людей и материалов и др.). Но имелись и структурные недостатки: к примеру, по сравнению с США, где правительство долгое время целенаправленно способствовало росту притока мигрантов и упрощало процедуру пересечения границы, Россия устанавливала трудно преодолимые барьеры для желающих въехать в страну. Знакомство с материалами «Фонда выдачи паспортов» в архиве французского Министерства иностранных дел [Cadot] показывает, что Россия притягивала прежде всего представителей международной технической, естественно-научной и гуманитарной элиты, так как сюда ехали в основном французские инженеры, учителя, ученые всех направлений, археологи, антропологи, лингвисты и медики.

Чтобы предотвратить въезд настоящих и предполагаемых авантюристов, в российской полиции существовали очень строгие правила для мигрантов как на временное, так и на долгосрочное пребывание. Педагогический персонал тестировался на знание французского или немецкого языка (наиболее популярных на рубеже XIX–XX вв.), чтобы не допустить притока мошенников под видом учителей или гувер-

¹³ Особенное внимание публики привлекла российская экспозиция на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.; см. также: [Jobst, 2007; Hofmeister; Frank; Овчинникова].

¹⁴ Общий обзор: [Иностранное предпринимательство]. К вопросу о деятельности инвесторов – подданных немецкого рейха см., напр.: [...das einzige Land].

нанток [Солодянкина]. Бюрократические преграды для мигрантов и иммигрантов были с середины XIX в. усилены. Формальная сторона получения загранпаспортов и виз зависела от страны выезда. Во Франции соответствующие службы контролировали всю информацию о выезжающем: адрес, семейное положение, профессия, справка о несудимости, вплоть до свидетельства о хороших манерах. В обязанности самого префекта входило собственноручное визирование документов. Загранпаспорт со всеми документами поступал в Министерство внутренних дел, которое, в свою очередь, пересылало их в Министерство иностранных дел, где после повторной проверки документы пересылались в российское посольство для получения разрешения на въезд. Паспорт и визу податель заявления мог забрать в парижской префектуре или в мэрии по месту проживания. Таким образом, миграция контролировалась с двух сторон – администрациями стран выезда и въезда.

Во время правления Николая I (1825–1855) въезд иностранцев в Россию контролировался особенно строго. Перед отъездом путешественники должны были ознакомиться с правилами русской таможни, которые создавали для ученых трудноразрешимую проблему, так как книги в их багаже подвергались строгому контролю и частой конфискации. Обмен научными работами осуществлялся только по официальным каналам. Свободное перемещение запрещалось не только людям, но также книгам и знаниям. Несмотря на это, России удалось стать привлекательной страной для инвесторов из других уголков Европы, и приток людей, идей и капиталов не затихал. Поэтому так перспективна тема научных, технологических и финансовых инвестиций и взаимодействия европейских государств с Россией для специалистов, занимающихся историей трансфера¹⁵.

Публикация избранных докладов прошедшего в Вене в сентябре 2014 г. симпозиума «Научные, технологические и финансовые инвестиции европейских государств в России и предвестники Первой мировой войны» также отсылает к предыдущим исследованиям по теме отношений России с так называемым Западом во второй половине XIX в.¹⁶ Существенным в этом аспекте является тот факт, что иностранцы, инвестировавшие в России технологии, промышленность и науку до 1914 г., внесли принципиальный вклад в понимание Российской им-

¹⁵ См. также далее раздел статьи: «Россия как “экспериментальная площадка”? Размышления о перспективных направлениях исследований».

¹⁶ Симпозиум получил финансовую поддержку следующих институтов: Институт Франции (Австрия, Вена), Институт истории Восточной Европы (университет Вены), Центр им. Ролана Мунье (Национальный центр научных исследований, университет Париж-Сорбонна), Центр франко-российских исследований (Москва), «Альянс Франсез Тольятти», Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), Институт гуманитарных наук и искусств (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Годичная двухсторонняя исследовательская программа, посвященная научным связям между Францией и Россией (XVIII–XX вв.), была поддержана Национальным агентством научных исследований Франции и завершена в 2013 г. По завершении проекта мы вынуждены были констатировать тот факт, что многие аспекты XIX в. слабо исследованы, а вторая половина этого столетия (несколько десятилетий пред началом Первой мировой войны) еще мало известна.

перии. Великие державы Запада – это можно сказать почти с полной уверенностью – «конкурировали» между собой в том, кто лучше «освоил» огромную страну. Это был поистине геркулесов труд. Напомним, что Россия уже тогда с ее 21 800 000 км² была самой крупной внутриконтинентальной страной. Как империю по площади ее превосходила лишь Британская империя. Перепись 1897 г. свидетельствует о низкой плотности населения Российской империи (125 640 000 человек) [Die Nationalitäten]. Несмотря на голод в конце XIX в., население страны выросло со 149 299 300 человек в 1906 г. до 155 433 300 двумя годами позже [Karpeler, S. 337]. Такой прирост населения означает, что Россия располагала большими и дешевыми трудовыми ресурсами, что создавало дополнительный стимул для иностранных инвесторов. Низкий уровень образования и почти полное отсутствие общих правовых регуляторов по защите труда позволяли нещадно эксплуатировать мужское и женское население. Привлекали своими большими инвестиционными возможностями (природные ископаемые, шоссейное и железнодорожное строительство) в первую очередь восточные области Российской империи по ту сторону Урала и в Центральной Азии, так как они были недостаточно освоены. По сравнению с другими европейскими государствами эмиграция из страны находилась на относительно низком уровне, за исключением периода кризиса 1905–1906 гг., Русско-японской войны, после Кровавого воскресенья и погромов, например в Одессе и Белостоке (Białystok). Тенденция к эмиграции наблюдалась прежде всего у еврейского населения западных областей империи, в так называемой черте оседлости, которое предпочитало эмигрировать в Палестину и США [Deutsch].

Количество представителей других государств в России оставалось относительно невысоким – на тысячу человек приходился один иностранец¹⁷. Это создавало для иммигрантов исключительно благоприятные условия для реализации своих способностей и развития потенциала.

«Эльдорадо» и реальность

Хотя отъезд в Россию был сопряжен со множеством преград, приехав, иммигрант попадал в благоприятные условия для успешной карьеры. Учителя немецкого и французского языка, а также воспитатели – носители языка пользовались всегда большим спросом, причем

¹⁷ Для сравнения приведем статистику других европейских государств: восемь иностранцев на тысячу жителей в Великобритании, девять в Германии, пять в Австро-Венгрии, тридцать во Франции и семьдесят семь в маленькой Швейцарии. Что касается промышленных инвестиций швейцарских подданных, то Россия занимала пятое место с долей 7,2 %. Частные лица и банки вложили 33 млн рублей (примерно 89 млн швейцарских франков) в российские частные акционерные компании; Швейцария с ее 1,5 % иностранного капитала находилась в 1917 г. на седьмом месте среди инвесторов в России [Goehrke, S. 527–528]. См. прежде всего: [Дьяконова].

не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и далеко за их пределами [Ржеуцкий; Франкоязычные гувернеры; European Francophonie]. Чтобы приобрести состояние, иные меняли профессию: Евгений Ралле, профессор французского языка в Москве с 1846 г., присоединился к своему младшему брату Альфонсу, основавшему в 1843 г. мыловаренную и парфюмерную фабрику. Генри Монго, известный переводчик великих русских писателей, имевший права на издание их произведений, стал генеральным директором парфюмерной фабрики. Француз Генрих Брокер освоил в Филадельфии новые технологии производства парфюмерной продукции и приехал в Москву 22-летним молодым человеком, организовав здесь производство недорогой косметики и мыла [Cherpitel, Okuneva]. Он произвел, если можно так выразиться, «демократизацию» мыла и туалетной воды и умер в 1903 г. в России; позже его фабрики были национализированы большевиками и получили название «Новая заря»¹⁸. В 1900 г. существовало 11 161 зарегистрированных промышленных и торговых предприятий, из которых 374 (3,3 %) принадлежали иностранцам [Goehrke, S. 527]. Неясным остается число фирм, которые находились в руках иностранцев, но были зарегистрированы под русским именем, например, супруги или одного из партнеров.

Для иностранцев, желавших осесть в России надолго, существовало множество проблем. Им было очень сложно приобрести право на владение землей, а в приграничных районах они вообще были этого лишены. Поэтому было трудно инвестировать заработанные средства в земельную собственность, если только инвестор не решался принять русское подданство, а это было делом нечастым. Наиболее быстрым и простым способом получить таковое был переход в православие. Из дел архива Министерства иностранных дел Франции (филиал в Нанте) видно, что значительное число французов женились на русских; многие из них становились российскими подданными и благодаря этому получали некоторые преимущества. До тех пор, пока иностранцы не участвовали в политической деятельности, они не подвергались преследованиям. Ряду мигрантов удалось сделать преподавательскую карьеру – стать профессорами «экзотических» языков, таких, например, как армянский и грузинский. Оставались в России многие технические специалисты. Благодаря им в империи появились первые телеграфные линии, новые технологии в производстве оружия, осваивались рудники и строились заводы. И не кто иной, как Фердинанд де Лессепс, составил первый план для строительства железнодорожной линии от Урала до Узбекистана [Любина].

Эти специалисты должны были постоянно следить за международными событиями, так как правительство могло запретить экспедицию в «горячие точки». Место пребывания и контакты иностранцев контролировались местными властями, при этом учитывались фак-

¹⁸ Новым директором парфюмерного треста с 1932 по 1936 г. была П. С. Жемчужина, жена В. М. Молотова – будущего министра иностранных дел. – *Прим. перев.*

тор безопасности и политические мотивы. Если желающий остаться в России преследовал долгосрочные профессиональные или деловые цели, немаловажно было получить патент (промышленное свидетельство или патент на изобретение), по возможности подписанный государем. Было бы интересно сравнить число таких разрешений и патентов и количество эмигрантов с Запада, чтобы проанализировать степень их интеграции в российское общество.

Инвестиционная привлекательность России подтверждается возникновением на Западе справочных бюро, в которых желающие эмигрировать в Россию могли узнать о профессиональных перспективах, спросе на иностранных специалистов в школах, на фабриках и иных промышленных предприятиях. Там же предоставлялась информация о возможностях получения привилегий и патентов. Кроме того, здесь можно было получить общие сведения о стране: ее ресурсах, законах, обычаях и т. д. Санкт-Петербургский отдел Императорского человеколюбивого общества предлагал помощь тем иностранцам, которые потерпели в России фиаско. Как правило, это были так называемые учителя, не выдержавшие экзамен и оставшиеся без работы. Рассмотрение этих особых случаев мигрантов, их драматической судьбы в России или по возвращении на родину могло бы открыть новые пути в антропологических разысканиях западных и российских исследователей.

Наука и предпринимательская деятельность

Научные экспедиции и короткие туристические поездки пользовались наибольшей популярностью. Зачастую эти путешествия финансировались богатыми меценатами, желавшими больше узнать о России, чтобы в будущем иметь возможность заняться предпринимательской деятельностью. Строительство железных дорог вызвало большой интерес у средних акционеров, прежде всего французов и бельгийцев, видевших в индустриализации шанс заняться более крупными инвестициями [Girault; Claeys]. При этом акционеры были мало информированы и не учитывали возможные риски, так как строительство больших объектов не всегда проходило гладко. Так, железнодорожная ветка Москва – Оренбург была уже построена, но восстания в Центральной Азии принудили инженеров модифицировать маршрут, дополнив его Транскаспийской веткой¹⁹.

¹⁹ См. документы Национального архива Франции (отдел рукописей): Brochure publiée par S.A.I. Mgr le grand duc Nicolas Constantinovitch sous le titre: «Choix de la direction la plus courte pour le chemin de fer de l'Asie centrale, Orenbourg, 1878. Traduction du chapitre principal sous le titre: Les sables du Kara-Koum dans leurs rapports avec le chemin de fer de l'Asie centrale», traduction par Joachim Barranté, 1878 (43 fol.) и Lettre de N. Rostopoff à Ferdinand de Lesseps à ce sujet, Orenbourg, 5 novembre 1877 et réponse de ce dernier, Paris, 25 juillet 1878, extrait avec traduction française du Times du 18 mai 1878 sur le chemin de fer d'Orenbourg à Tachkent, SG COLIS 8 до (2256).

Как же повлияло это строительство на расширение знаний о регионе среди иностранцев? Со строительством железной дороги стали возможны путешествия на Восток [Cvetkovski]. Большая часть экспедиций финансировалась программами российских министерств внутренних или иностранных дел, университетами и научными обществами. Спонсорами отдельных поездок являлись меценаты: купцы, промышленники, банкиры. Для некоторых это было подходящим случаем пополнить свою частную коллекцию антиквариата и экзотических редкостей. Южным границам России уделялось наиболее пристальное внимание, так как именно там происходило частое столкновение российских, британских или немецких интересов. Французские ученые имели явно привилегированное положение и пользовались защитой русского правительства. Союзная Франция, например, воспользовалась правом организовать несколько экспедиций, а также активно участвовала в российских научных проектах.

Многие иностранные ученые начали собирать артефакты древнего и средневекового мира для своих частных или государственных собраний, чтобы показывать их без зазрения совести на всемирных выставках. Пристрастия к тем или иным географическим регионам менялись на протяжении XIX в. Первоначально исследователи концентрировали свое внимание на остатках древнегреческой культуры, например на Кавказе и в Крыму, и описывали сокровища античного мира. После 1870 г. их интересы переместились в Центральную Азию и Казахстан. Что касается Франции, то тут не обошлось без политического расчета: эти регионы были интересны по дипломатическим и военным соображениям из-за близости к британским колониям. Было опубликовано множество статей как о топографии и климате, так и об этнографии и археологии. История этих экспедиций даже стала основой бестселлеров [Corbet]. Исследования об экономическом положении страны, ее природных богатствах (табак, минеральные источники, нефть и т. п.) и промышленной продукции способствовали новым инвестициям. Строительство сети железных дорог стимулировало интерес биржевых игроков, видевших в России благоприятные инвестиционные возможности, несмотря на политические риски. Россия превратилась в символ Эльдорадо с широким инвестиционным потенциалом, создававшим почву для самых смелых финансовых спекуляций, которыми могли заниматься представители элиты.

Одной из областей деятельности, привлекавшей интерес инженеров, ученых и археологов, являлось строительство шоссейных и железных дорог, облегчавших доступность огромной страны. Идея строительства Транссибирской железнодорожной магистрали уходит своими корнями во вторую половину 1850-х гг., когда русские и иностранные инженеры попытались реализовать свои планы в Министерстве путей сообщения. Основным аргументом было то, что для целенаправленного заселения этих областей необходимо улучшение

путей коммуникации²⁰. Даже телеграфным сообщениям, бывшим в употреблении с 1864 г., требовалось по меньшей мере пятнадцать суток, чтобы достичь столицы. Затруднения вызывало также поддержание в далекой Сибири на должном уровне авторитета русского царя и власти. Следуя американскому примеру, русские инженеры-железнодорожники поставили себе целью довести железнодорожные ветки до шестидесятого градуса северной широты. Это казалось идеальным способом показать всему миру мощь величайшего государства на земле, простершегося на двух континентах.

Российские специалисты преимущественно были задействованы при прокладке рельсов, так как им лучше были знакомы климатические и почвенные условия в зимнее время, иностранцы же в основном были заняты возведением мостов. Из-за имеющихся разногласий строительство не могло быть завершено вовремя и растягивалось на годы. В конечном итоге в 1883 г. был найден компромисс при строительстве первого участка от Екатеринбурга до Тюмени. Он был завершен в 1885 г. Сложное экономическое и политическое положение в последующие годы создавало определенные трудности и задержки в строительстве дороги. Последствия беспорядков в Китае чувствовались во всем байкальском регионе. Александр III лично курировал это строительство; ему было совершенно ясно, что для сохранения территориальной целостности империи армейские части можно намного быстрее доставить на восток страны с помощью нового транспортного средства. Несмотря на финансовые трудности, которые испытывала государственная казна, было принято решение начать одновременное строительство в отдаленнейших пунктах государства: во Владивостоке на Тихом океане и в Тюмени (Западная Сибирь). Лишь благодаря личному участию царя, понимавшему огромное стратегическое и экономическое значение данного предприятия, стало возможным выделение кредита в 7 млн рублей на строительство участка от Владивостока до станции Графская.

Строительство Транссибирской магистрали финансировалось исключительно из средств правительственного фонда, рассчитывавшего на быструю прибыль, прежде всего за счет экспорта-импорта. Вскоре расходы превысили 330 млн рублей, и русское правительство было вынуждено взять займы у Бельгии и Франции (80 % русских облигаций за рубежом, 30 % частных инвесторов), рассматривая их как своеобразную форму дохода, полученного от инвестиций в металлургической и металлообрабатывающей промышленности, от которого выигрывали обе страны. Общая сумма инвестированного капитала в России достигала 732 млрд франков; речь идет в первую очередь о государственных фондах, коммунальных облигациях, закладных письмах, промышленных акциях и облигациях [Das russische Reich]. Эти

²⁰ О строительстве российских железных дорог см.: [Westwood].

массивные инвестиции стали возможны благодаря сильному росту сбережений на Западе, далеко превышавшему национальные потребности индустриальных держав. Государственные займы абсорбировали все поступающие из-за рубежа капиталы. В общем и целом примерно 2/5 долга приходилось на внутренние и 3/5 на внешние займы и составляло 7 млрд рублей.

В 1890-е гг. российская промышленность выросла на 126 %, в два раза обогнав рост промышленности в Германии в этот же период. Строительство Транссибирской магистрали обернулось неконтролируемым ростом расходов, так как вместо запланированных 70 тыс. рублей на километр затраты доходили до 200 тыс. рублей (на участке, проходившем по берегу озера Байкал). Отрезок дороги в сторону Китая оказался еще более затратным. Здесь тратилось 500 тыс. рублей на километр дороги. Эпидемии тифа и холеры, а также Боксерское восстание в Китае чрезвычайно усложняли строительство. Повстанцы разрушили 700 километров дороги, на восстановление которой потребовались сотни тысяч рублей дополнительно. Несмотря на все эти проблемы, протяженность железных дорог за 1892–1903 гг. увеличилась в два раза, что сравнимо с техническим чудом. В 1913 г. 18 тыс. локомотивов транспортировали 10 млн тонн груза; после Первой мировой войны осталось всего 7 тыс. локомотивов, перевозивших 3 млн тонн грузов.

Накануне Первой мировой войны Россия занимала пятое место среди крупнейших индустриальных держав (не третье, как это часто утверждается) [Rowley]. Между 1890 и 1913 гг. добыча железной руды выросла в пять раз и достигла 9,2 млн тонн в 1913 г.; объем добычи угля увеличился в восемь раз, до 29,1 млн тонн, выпуска стали – в пять раз, что составило 4,2 млн тонн. В начале XX в. после реформ министра финансов С. Ю. Витте бумажная денежная масса в обращении соответствовала золотым резервам, а инфляция была низкой. Рубль стал одной из ведущих валют в мире. Экспорт далеко превосходил импорт (в 1905 г. – почти вдвое: 1017,9 млн рублей вывозимых против 559,3 млн рублей ввозимых товаров).

Есть еще много вопросов, касающихся отношений России с Западом в областях экономики, науки, политики, на которые предстоит ответить исследователям. Чем вызван этот растущий интерес к России? В чем и как выражается связь между финансовыми вливаниями и научными и политическими связями? Как действовали механизмы обмена? Каковы оказались результаты инвестиций в кратко- и долгосрочных перспективах, будь то в промышленности или в академических программах? Что представляли собой эти инвесторы и исследователи? Как происходило сотрудничество с местным населением и российскими властями и какое участие в этом принимали соответствующие посольства? И, наконец, как повлияли эти многообразные связи на начало Первой мировой войны?

Россия как «экспериментальная площадка»? Размышления о перспективных направлениях исследований

Центральными понятиями будущих исследований в рамках обсуждаемой темы являются «экспериментальное пространство», «инвестиции» и «интеракции». Они понимаются в самом широком их значении: «экспериментальное пространство» означает, что Российская империя рассматривалась иностранными акторами, будь то политики, промышленники, финансисты, ученые или даже артисты, как своего рода лаборатория: в России апробировались всевозможные стратегии и практики, которые в случае успеха внедрялись в собственной стране. Под «инвестициями» подразумеваются прежде всего финансовые операции, проводя которые инвесторы надеются получить определенную экономическую прибыль. Следует учесть, что в исследованиях этой темы данное понятие должно использоваться в более широком контексте, так как речь идет также и о затратах в области науки и искусства, как это ясно следует из категории социального и культурного капитала согласно Бурдьё [Bourdieu, S. 183–198]. Иные «области инвестиций», описываемые в других статьях данного издания, также являются возможными объектами исследований: например, деятельность разведывательных служб (intelligence), которым посвящена работа Верены Моритц. Это особенно интересное поле исследований, ждущее своей разработки. После Наполеоновских войн, во время которых наблюдалась повышенная активность военных разведывательных служб, усиленная разведывательная деятельность приходится на годы перед Первой мировой войной. Активность иностранных разведок Германии, Австрии, Великобритании и Франции возрастала пропорционально экспансии России. Среди прочего речь идет о более или менее конспиративной деятельности агентов, которым был важен также и практический результат их предприятий – пополнение государственных и частных коллекций.

В XIX в. благодаря сотрудничеству ученых произошла интернационализация всех научных дисциплин [Le Goff]. Значительно расширившиеся российские границы на Черном море, на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке открывали новые направления для исследований. Эти регионы привлекали особое внимание зарубежных исследователей, над которыми со стороны российских властей велось пристальное наблюдение, а со стороны стран выезда устанавливался строгий контроль. Порой отказывалось в выдаче разрешения на археологические раскопки или ограничивалась их территория. Возникает вопрос: как тесно научная деятельность иностранцев была связана с разведывательной и шпионской активностью? Исследователи из стран, «дружественных» России, пользовались во всяком случае многими привилегиями и принимали, как правило, участие в государственных экспедициях. Но зачастую наука служила лишь прикрытием для политических акций. Важно выявить материалы о

тех, кто был завербован вести кроме научной работы шпионскую. Очевидно, что без углубленных просопографических исследований об акторах, активно участвовавших в событиях на территории так называемого русского Востока (Orient), это сделать невозможно. История вышеназванных научных дисциплин и научных контактов с их неформальными связями также должна быть учтена. Нельзя забыть и о роли коллекционеров, путешественников, исследователей и журналистов, так как они публиковали первые статьи и отчеты, описывая объекты исследования в момент их открытия. Системные макро- и микроисторические исследования позволяют лучше понять историю коллективного и индивидуального поведения во взаимосвязи финансирования проектов с генерацией знаний.

И, в конечном итоге, понятие «взаимодействия», или «интеракции», которое содержится в названии этой статьи, является полем исследований, которое позволяет лучше понять характер обмена и контактов и применить это видение к истории трансфера – «Histoire croisée» или «Entangled History» [De la comparaison]. Возможными направлениями исследований могли бы быть, кроме агентурной деятельности, международная кооперация в области борьбы с преступностью (например, Интерпол), медицина и гигиена (Красный Крест и Красный Полумесяц и т. д.), кооперация представителей культуры и искусства (объединение «Синий всадник», например, в котором активное участие принимали такие русские художники, как В. Кандинский и А. Явленский) или политические партии и движения (например, II Интернационал). Ясно, что мы говорим лишь о некоторых аспектах проблематики, не способных охватить все стороны названной темы.

Таким образом, выделено и озвучено принципиально важное направление исследований, будущий исследовательский дизайн (будущая структура исследовательских направлений) «экспериментального пространства России». Малопродуктивно ограничиваться исследованием одного плана и сужать перспективу – это снижает эффект изысканий, которые могут раскрыть интерес иностранных государств к России во всей его противоречивости и сделать полномасштабные заключения о характере взаимодействий и сотрудничества с ней Франции, Австро-Венгрии и др.

Очень важно также понять, какие последствия имели для России, какое влияние оказывали иностранные инвестиции: будь то экономика, культура или политика того или иного государства. Особенного внимания заслуживает «обоюдность», взаимообусловленность этих отношений, уравновешенный взгляд на акторов внутри и вне России как на равноправных участников «экспериментального пространства». Не в последнюю очередь это важно и потому (и здесь мы подходим к еще одному принципиальному аспекту исследований), что Россия накануне Первой мировой войны рассматривалась в Европе как «низшая цивилизация». Это клише, метко обозначен-

ное Александром Гершенкроном как «парадигма отсталости» по отношению к Российской империи, оказалось удивительно живучим [Gerschenkron]. Данный аспект необходимо исследовать и с историографической точки зрения. При этом, конечно же, речь не идет о том, чтобы поставить под вопрос такие объективные параметры модернизации, как уровень грамотности, детская смертность или степень вовлеченности населения в политическую жизнь страны и возможность его участия в политическом волеизъявлении. Несомненно, в этих областях Россия не могла соперничать с рядом европейских государств, хотя и не со всеми. И все же необходимо критическое переосмысление истории, написанной в рамках теории модернизации и по (западно)европейским лекалам. Также проект «история России как экспериментального пространства» позволит получить новые знания, если будут исследованы эффекты, обусловленные модернизацией, отчуждением и приспособлением, которые опосредованно приносили с собой инвестиции. Какие усилия по аккультурации должны были прилагать уже упомянутые «men on the spot» на местах? Получали ли они специфические знания в чужой России, которые по возвращении на родину могли быть актуализованы и, возможно, оказывали определенное влияние? Речь идет, следственно, также и о циркуляции знаний и настроений по отношению к так называемому *Other*, или *другому*, а не только о движении капитала.

Несмотря на «другой» (исходя из критериев модернизационного проекта Запада) – или, возможно, лучше сказать «отчасти модифицированный» генезис Российской империи, она смогла в течение XIX в. вырасти до крупнейшей континентальной державы своего времени. Ясно, что обширные присоединенные территории, и прежде всего их долговременная инкорпорация, не были возможны без определенных модернизационных усилий России, будь то военная, политическая или административная модернизация. Исследования в имперском дискурсе или дискурсе трансфера (оба направления соответствуют научным интересам авторов данной статьи) еще не так глубоки, как этого бы хотелось, мало исследован также межимперский дискурс или, проще говоря, вопрос, чему и как научились империи друг у друга. Насколько интенсивно, например, Франция отслеживала, усваивала колониальные практики и применяла опыт, приобретенный в России, в своих заокеанских колониях? Какого рода наблюдения делали представители французской или австро-венгерской имперской элиты на периферии Российской империи (и *vice versa*), как они коммуницировали и чему, возможно, учились у якобы отсталой России, элита которой к этому времени считала, что географически и ментально она находится «ближе» к Азии. Некоторые исследования последних лет показали, что, с одной стороны, царская Россия в дебатах часто рассматривалась не как колониальная держава, с другой – обозначала себя как экспериментальное пространство с «хорошими» практиками, которые могут быть применены другими колониальными

государствами [Jobst, 2007; Hofmeister; Frank]. Они могут послужить основой для дальнейшего углубленного исследования в ключе «российского экспериментального пространства» и взаимодополнения в изучении колониального процесса перед Первой мировой войной.

Вопрос о том, какие финансовые инвестиции и в каком объеме осуществляли такие страны, как Франция и Австро-Венгрия, вне столичных границ Петербурга и Москвы, наиболее хорошо исследован пока на примере строительства железных дорог – например, Транссиба (а это регион, принадлежащий уже к так называемому дополнительному колониальному пространству Российской империи) [см., напр. Urbansky; Geyer; Daney; Lerooy-Beaulieu]²¹. Напротив, недостаточным вниманием пользовались до сих пор процессы трансфера между периферией центральной России и зарубежьем, о чем рассуждает в своем теоретическом исследовании Ян Сурман; этот аспект очень важен ввиду того, что историки в последние годы обращают особое внимание на роль провинции как политической и общественной силы, имеющей свою самобытную жизнь²². Ведь провинции также были частью и ареной «экспериментального российского пространства», где в самой разнообразной форме осуществлялись «инвестиции».

История восприятия «другого» и «инобытия» – или то, что в немецкой литературоведческой традиции обозначается как «интеллектуальная герменевтика» или «имагология», – является еще одной важной областью исследований, позволяющей лучше понять логику билатеральных (двусторонних) или полимеждународных отношений и диалога как в экономической, научной и культурной областях, так и в сфере военного сотрудничества. Связь между финансированием, научными исследованиями и изучением географии огромной страны и их влиянием на трансфер технологий, а также значение этого влияния для последующих военных событий ждут своего углубленного исследования. Наличие иностранных специалистов, внесших свой вклад в улучшение инфраструктуры в России, оказало косвенное влияние на быструю военную мобилизацию России и психологическую готовность к войне, как и в других странах Европы.

Упомянутые в статье доклады Венского симпозиума, который должен найти свое продолжение в Париже в 2016 г., показывают интеракцию между наукой, финансами и технологиями, повлиявшими косвенно на подготовку к Первой мировой войне. Ответственность России и Николая II за начало войны была до сих пор каширована в западной и советской историографии в пользу бесчисленных работ о

²¹ А также см.: Exposition universelle de 1900, Russie. Ministère des voies de communication. Administration de la construction des chemins de fer de l'empire. I. Notice sur l'administration de la construction des chemins de fer de l'empire, II. Construction du chemin de fer transsibérien, III. Catalogue des objets exposés, Paris, Librairies-imprimeries réunies, 1900 und die Exposition universelle de 1900 à Paris. Comité du chemin de fer transsibérien. Aperçu de l'histoire de la colonisation en Sibérie, Paris, P. Dupont, 1900.

²² По истории русской провинции см., напр.: [Bönker; Penter].

революции, Гражданской войне или первых годах сталинизма. Также редко встречаются работы о Восточном фронте; Нормана Стоуна в этом отношении можно назвать первопроходцем в исследовании войны [Stone, 1975; и более общий обзор: Stone, 1984]. Предпосылки и предвестники войны в соревновании западных держав на территории России, обозначенной как «эльдорадо», остаются пока мало исследованными.

В статьях Яна Сурмана (о специфических отношениях провинции и центра в процессе обмена между странами) и Верены Моритц (о «разведке и шпионаже») ставятся принципиальные теоретико-методологические вопросы. Ольга Ермакова освещает британско-российское сотрудничество в области технологий после Крымской войны²³. Андрей Келлер рассматривает историю железной дороги на примере «Северного экспресса» Санкт-Петербург – Мадрид с сильным культурологическим упором [Келлер]. Тьерри Клэис исследует промышленные инвестиции Франции в России в период с 1870 г. до начала Первой мировой войны, а Светлана Кузьмина знакомит с деятельностью таких фирм, как «Шнайдер», «Крупп» и «Шкода». Таким образом, обозначается многообразие тем об «экспериментальном российском пространстве»²⁴.

Список литературы

Дьяконова И. А. Швейцарская промышленная эмиграция в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России : Очерки / под ред. В. И. Бовыкина. М. : РОССПЭН, 1997. С. 289–304.

Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России : Очерки / под ред. В. И. Бовыкина. М. : РОССПЭН, 1997. 328 с.

Келлер А. Литерный поезд «Северный экспресс»: между миром и войной (1884–1914) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1. С. 109–128.

Любина Г. И. Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Янус, 1996. 263 с.

Овчинникова Н. П. Россия на Всемирной выставке 1900 года в Париже [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/wex1900/ovchin90.ssi> (дата обращения: 11.05.2015).

Ржеуцкий В. С. Французский институт в Санкт-Петербурге и русско-французское культурное сближение // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 7. М. : Наука, 2006. С. 293–322.

Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2007. 511 с.

Франкоязычные гувернеры в Европе. XVII–XIX вв. / под ред. А. В. Чудинова, В. С. Ржеуцкого. М. : ИВИ РАН, 2011. 470 с. (Французский ежегодник 2011).

„...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.“ Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. D. Dahlmann, C. Scheide. Göttingen : Hubert, 1998.

²³ См. материалы данного номера «*Quaestio Rossica*».

²⁴ Статьи Тьерри Клэиса и Светланы Кузьминой будут опубликованы в следующем номере журнала.

Bönker K. Jenseits der Metropolen. Öffentlichkeit und Lokalpolitik im Gouvernement Saratov (1890–1914). Köln ; Weimar ; Wien, 2010 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 45).

Bourdieu P. Ökonomisches Kapital – Kulturelles Kapital – Soziales Kapital // Soziale Ungleichheiten / Hrsg. R. Kreckel. Göttingen, 1983. S. 183–198.

Cadot M. Les débuts de navigation à vapeur et l'émigration française en Russie // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4 (octobre – décembre). P. 382–399.

Cherpitel N., Okuneva O. Henri Brocard, parfumeur et collectionneur. Un entrepreneur français à Moscou au XIXe siècle // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века / под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, В. С. Ржеуцкого, О. В. Окуновой. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 368–381.

Clays T. Les investissements industriels des banques et entreprises françaises en Russie de la seconde moitié du XIXe siècle à la veille de la Première guerre mondiale // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан. М. : Олма Медиа Групп, 2010. С. 212–232.

Corbet C. À l'ère des nationalismes, l'opinion française face à l'inconnue russe, 1799–1894. Paris : Didier, 1967.

Cvetkovski R. Modernisierung durch Beschleunigung, Raum und Mobilität im Zarenreich. Frankfurt : Campus Verlag, 2006. S. 304 sq.

Daney C. Le Transsibérien. Paris : Herscher, 1980.

Das russische Reich in Europa und Asien, ein Handbuch über seine wirtschaftlichen Verhältnisse / Hrsg. A. von Boustedt, D. Trietsch. Berlin : Verlag für Börsen- und Finanzliteratur AG, 1910.

De la comparaison à l'histoire croisée. Seuil (Le Genre humain 42) / Hrsg. M. Werner, B. Zimmermann. Paris, 2004.

Deutsch N. The Jewish Dark Continent. Life and Death in the Russian Pale of Settlement. Cambridge, 2011.

Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 / Hrsg. H. Bauer, A. Kappeler, B. Roth. Bd. A–B. Stuttgart, 1991.

European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language / ed. G. Argent, D. Offord. Oxford : Peter Lang, 2014.

Frank S. Imperiale Aneignung. Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Habilitationsschrift Universität Konstanz, 2004 (в печати).

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective : A Book of Essays. Cambridge MA : Belknap Press, 1962.

Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. (= Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. 27). Göttingen, 1977.

Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914. CHEFF, 1999.

Goehrke C. Zwei gegenläufige Imperien : Russland und die Schweiz im Vergleich oder wie die Schweiz und Russland sich fanden und wieder verloren // Imperienvergleich : Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive : Festschrift für Andreas Kappeler / Hrsg. Gu. Hausmann, A. Rustmeyer. Wiesbaden : Harrassowitz, 2009. S. 511–537.

Hofmeister U. „Die Bürde des Weißen Zaren“. Russische Vorstellungen einer imperialen Zivilisationsmission in Zentralasien, Phil. Diss. Universität Wien, 2014.

Jobst K. S. Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. (= Historische Kulturwissenschaft, 11). Konstanz, 2007.

Jobst K. S. Where the Orient Ends? Orientalism and its Function for Imperial Rule in the Russian Empire // Deploying Orientalism in Culture and History. From Germany to Central and Eastern Europe / ed. J. Hodkinson, J. Walker, S. Masumdar, J. Feichtinger. Rochester, N.Y., 2013. P. 190–208.

Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992 (2. Auflage 2008).

Le Goff A. « Pour une histoire des relations intellectuelles franco-russes : les dossiers des missions individuelles du Ministère de l'Instruction publique (1842–1914) » // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века / под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, В. С. Ржеуцкого, О. В. Окуневой. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 216–234.

Leroy-Beaulieu P. « La Sibérie et le Transsibérien » // Revue des Deux Mondes. 1898. No. 1.

Meaux L. de. La Russie et la tentation de l'Orient. Paris : Fayard, 2010.

Penter T. Odessa 1917. Revolution an der Peripherie. Köln ; Weimar ; Wien, 2000 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas Bd. 32).

Rowley A. L'Evolution économique de la Russie, du milieu du XIXe siècle à 1914. Paris : Société d'Édition d'enseignement supérieur, 1982.

Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven, CT, 2010.

Stone N. Europe Transformed, 1878–1919. London : Fontana Paperbacks, 1984.

Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London : Hodder and Stoughton, 1975

Urbansky S. Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn. Frankfurt am Main ; New York : Peter Lang Verlag, 2008.

Westwood N. J. A History of Russian Railways. London : Allen & Unwin, 1964.

References

Argent, G. & Offord, D. (Eds.) (2014). *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford, Peter Lang.

Bauer, H., Kappeler, A. & Roth, B. (Eds.). (1991). *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897*. Bd. A–B. Stuttgart.

Bönker, K. (2010). *Jenseits der Metropolen. Öffentlichkeit und Lokalpolitik im Gouvernement Saratov (1890–1914)*. Köln, Weimar, Wien. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 45).

Bourdieu, P. (1983). Ökonomisches Kapital – Kulturelles Kapital – Soziales Kapital. In Kreckel, R. (Ed.) *Soziale Ungleichheiten* (pp. 183–198). Göttingen.

Boustedt, von A. & Trietsch D. (Eds.). (1910). *Das russische Reich in Europa und Asien, ein Handbuch über seine wirtschaftlichen Verhältnisse*. Berlin, Verlag für Börsen- und Finanzliteratur AG.

Bovy'kin, V. I. (Ed.). (1997). *Inostrannoe predprinimatel'stvo i zagranichny'e investicii v Rossii. Ocherki* [Non-Russian Entrepreneurship and Foreign Investments in Russia: Essays]. 328 p. Moscow, ROSSPEN.

Cadot, M. (1963). Les débuts de navigation à vapeur et l'émigration française en Russie, *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. 4 (octobre – décembre), pp. 382–399.

Cherpitel, N. & Okuneva, O. (2013). Henri Brocard, parfumeur et collectionneur. Un entrepreneur français à Moscou au XIXe siècle. In Chubar'yan, A. O., Lishtenan, F.-D., Rzheuckij, V. S. & Okuneva, O. V. (Eds.). *Francuzy' v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XIX veka* (pp. 368–381). Moscow, IVI RAN.

Chudinov, A. V. & Rzheuckogo, V. S. (Eds.). (2011). *Frankoyazy'chny'e guverneri' v Evrope. XVII–XIX vv.* [French-speaking Tutors in Europe between the 17th and 19th Centuries]. 470 p. Moscow, IVI RAN. (Francuzskij ezhegodnik 2011).

Claeys, T. (2010). Les investissements industriels des banques et entreprises françaises en Russie de la seconde moitié du XIXe siècle à la veille de la Première guerre mondiale. In Chubar'yan, A. O., Lishtenan, F.-D. (Eds.). *Francuzy' v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XVIII–XX vv.* (pp. 212–232). Moscow, Olma Media Grupp.

Corbet, C. (1967). *À l'ère des nationalismes, l'opinion française face à l'inconnue russe, 1799–1894*. Paris, Didier.

Cvetkovski, R. (2006). *Modernisierung durch Beschleunigung, Raum und Mobilität im Zarenreich*. S. 304 sq. Frankfurt, Campus Verlag.

D'yakonova, I. A. (1997). Shvejczarskaya promy'shlennaya e'migraciya v Rossii [Swiss Industrial Emigration in Russia]. In Bovy'kin, V. I. (Ed.). *Inostrannoe predprinimatel'stvo i zagranichny'e investicii v Rossii. Oчерki* (pp. 289–304). Moscow, ROSSPEN.

Dahlmann, D. & Scheide C. (Eds.). (1998). „...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.“ *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Göttingen, Hubert.

Daney, C. (1980). *Le Transsibérien*. Paris, Herscher.

Deutsch, N. (2011). *The Jewish Dark Continent. Life and Death in the Russian Pale of Settlement*. Cambridge.

Frank, S. (2004). *Imperiale Aneignung. Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Habilitationsschrift Universität Konstanz (im Druck).

Gerschenkron, A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge MA, Belknap Press.

Geyer, D. (1977). *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914*. (= Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. 27). Göttingen.

Girault, R. (1999). *Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914*. CHEFF.

Goehrke, C. (2009). Zwei gegenläufige Imperien : Russland und die Schweiz im Vergleich oder wie die Schweiz und Russland sich fanden und wieder verloren. In Hausmann, Gu. & Rustmeyer, A. (Eds.). *Imperienvergleich: Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive: Festschrift für Andreas Kappeler* (pp. 511–537). Wiesbaden, Harrassowitz.

Hofmeister, U. (2014). „Die Bürde des Weißen Zaren“. *Russische Vorstellungen einer imperialen Zivilisierungs- mission in Zentralasien*. [Phil. Dissertation]. Universität Wien.

Jobst, K. S. (2007). Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz (=Historische Kulturwissenschaft, 11).

Jobst, K. S. (2013). Where the Orient Ends? Orientalism and its Function for Imperial Rule in the Russian Empire. In Hodkinson, J., Walker, J., Masumdar, S. & Feichtinger J. (Eds.). *Deploying Orientalism in Culture and History. From Germany to Central and Eastern Europe* (pp. 190–208). Rochester, N.Y.

Kappeler, A. (1992). Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. (2. Auflage 2008). München.

Keller, A. (2015). Literny'j poezd «Severny'j e'kspres»: mezhd u mirom i vojnoj (1884–1914) [The Nord Express Special Train: Between Peace and War (1884–1914)]. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 109–128.

Le Goff, A. (2013). « Pour une histoire des relations intellectuelles franco-russes: les dossiers des missions individuelles du Ministère de l'Instruction publique (1842–1914) ». In Chubar'yan, A. O., Lishtenau, F.-D., Rzhueckij, V. S. & Okuneva, O. V. (Eds.). *Franczuzy' v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XIX veka* (pp. 216–234). Moscow, IVI RAN.

Leroy-Beaulieu, P. (1898). « La Sibérie et le Transsibérien », *Revue des Deux Mondes*, 1.

Lyubina, G. I. (1996). *Rossiya i Franciya: Istoriya nauchnogo sotrudnichestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russia and France: The History of Academic Collaboration (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. 263 p. Moscow, Yanus.

Meaux, L. de. (2010). *La Russie et la tentation de l'Orient*. Paris, Fayard.

Ovchinnikova, N. P. *Rossiya na Vsemirnoj vy'stavke 1900 goda v Parizhe* [Russia at the Exposition Universelle in Paris (1900)]. Available at: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/wex1900/ovchin90.ssi> (accessed: 11.05.2015).

Penter, T. (2000). *Odessa 1917. Revolution an der Peripherie*. Köln, Weimar, Wien. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Bd. 32).

Rowley, A. (1982). *L'Evolution économique de la Russie, du milieu du XIXe siècle à 1914*. Paris, Société d'Édition d'enseignement supérieur.

Rzhueckij, V. S. (2006). *Franczuzskij institut v Sankt-Peterburge i rusko-franczuzskoe kul'turnoe sblizhenie* [A French Institute in Saint Petersburg and Russian-French Cultural Convergence]. In Cherkasov, P. P. (Ed.). *Rossiya i Franciya: XVIII–XX veka* (Vol. 7, pp. 293–322). Moscow, Nauka.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2010). *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT.

Solodyankina, O. Yu. (2007). *Inostranny'e guvernantki v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vekov)* [Foreign Governesses in Russia (2nd Half of the 18th – 1st Half of the 19th Century)]. 511 p. Moscow, Academia.

Stone, N. (1975). *The Eastern Front, 1914–1917*. London, Hodder and Stoughton.

Stone, N. (1984). *Europe Transformed, 1878–1919*. London, Fontana Paperbacks.

Urbansky, S. (2008). *Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn*. Frankfurt am Main, New York, Peter Lang Verlag.

Werner, M. & Zimmermann, B. (Eds.). (2004). *De la comparaison à l'histoire croisée. Seuil (Le Genre humain 42)*. Paris.

Westwood, N. J. (1964). *A History of Russian Railways*. London, Allen & Unwin.

Translated by Andrey Keller

The article was submitted on 01.07.2015

Керстин Сузанне Иобст,
профессор,
университет Вены
Вена, Австрия
kerstin.susanne.jobst@univie.ac.at

Kerstin Susanne Jobst,
Professor,
University of Vienna,
Vienna, Austria
kerstin.susanne.jobst@univie.ac.at

Франсин-Доминик Лиштенан,
профессор,
Университет Париж-Сорбонна,
Национальный центр научных
исследований,
Париж, Франция
liechtenhan@sfr.fr

Francine-Dominique Liechtenhan,
Professor,
Paris-Sorbonne University;
French National Centre for Scientific Research,
Paris, France
liechtenhan@sfr.fr

DOI 10.15826/qr.2015.3.112

УДК 94(470)"19/..." +94(410)"19/..."
+622(470.5)

Ольга Ермакова

**ПРОТИВНИКИ ИЛИ СОЮЗНИКИ?
КРЫМСКАЯ ВОЙНА И БРИТАНСКО-РОССИЙСКОЕ
ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА УРАЛЕ¹**

Olga Ermakova

**ENEMIES OR ALLIES? THE CRIMEAN WAR AND BRITISH-
RUSSIAN TECHNICAL COOPERATION IN THE URALS**

This article studies one aspect of British-Russian cooperation between the 1840s and 1850s, involving the exchange of technical staff. The research is based on clerical records and act sources, deposited in archival materials of central and local governmental bodies of the Russian mining industry. The specific features of cooperation are illustrated by examples of service of Englishmen at Ural factories. The author analyses circumstances of recruitment and conditions of work of high-qualified engineers as well as of ordinary masters. During the period in question, Englishmen were the most requested specialists because they were thought to possess advanced technological experience and knowledge. Such a perception extended to all, not just to the representatives of professions requiring the highest education and qualification. In the second half of the 1840s – early 1850s, a team of shipbuilders led by the engineer, James Carr, worked in the Ural plants. During this period the Russian government actively invited mechanics, hammer workers, molders and masters of puddling. Englishmen often were appointed to higher positions to deal with the technical part of Ural state factories. The exchange of experience was carried out during the common work of British and Russian engineers and masters as well as in the process of training. The paper displays the ambiguity of such interaction and difficulties, which arose due to faults of either one or the other side. The sources, documenting

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

recruitment and dismissal of foreigners, describe cases when the hiring of invited specialists did not bring the expected results. The author reveals the reasons and consequences of failed attempts of using British technological experience at Russian plants. Among them include technical unpreparedness of the Ural industry, the inconsistency between the qualification of foreigners and the tasks for which they were invited and finally insufficient awareness of the Russian side concerning the recruited technicians' professional skills. Biographies of English specialists (engineers, mechanics, etc.) are considered in the context of international conjuncture, which at the time was characterized by an increase in tension in English-Russian relations and the upcoming war. The paper demonstrates that the attitude of some British men towards their service in the Urals changed for the worse because the Crimean war had begun. Others continued their contract work in the Urals in spite of the military confrontation between Russia and England. The activity of British technical specialists in the Urals was a reflection of peculiarities in English-Russian relations, in which cooperation in economic and technological spheres could coexist with a drastic deterioration of political relations.

Keywords: the British; technical cooperation; the Urals; English-Russian relations.

Статья посвящена исследованию одной из сторон британско-российского сотрудничества в 1840–50-е гг., заключавшейся в обмене техническими кадрами. Исследование проведено на основе делопроизводственных и актовых источников, отложившихся в фондах центральных и местных органов управления российской горной промышленностью. Особое место среди них занимают контракты с британскими специалистами, а также служебная переписка. Характерные черты технического сотрудничества проиллюстрированы яркими примерами службы англичан на заводах Урала. Проанализированы обстоятельства вербовки и условия работы по контрактам как высококвалифицированных инженеров, так и рядовых мастеров. В изучаемый период англичане оказались наиболее востребованными специалистами, поскольку считались носителями передового технологического опыта и знаний. Такое восприятие распространялось на всех, а не только на представителей профессий, требующих наибольшей образованности и квалификации. Выявлен персональный состав британских специалистов. Во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. на уральских заводах работала команда корабельных мастеров во главе с инженером Джеймсом Карром, которая обеспечила развитие судостроения. Активно приглашались в этот период механики, молотовые мастера, специалисты по пудлингованию, формовщики. На высшие должности по технической части уральских казенных заводов нередко назначались выходцы из Англии. Обмен опытом осуществлялся во время совместной работы британских и русских инженеров и мастеров, а также в ходе обучения. В статье показана неоднозначность этого взаимодействия, сложности, возникавшие по вине и той и другой стороны. Источники, документирующие процессы найма и увольнения

иностранцев, свидетельствуют о случаях, когда привлечение приезжих специалистов не давало ожидаемых результатов. Выявлены причины и последствия неудавшихся попыток использования британского технологического опыта на российских заводах, среди которых техническая неподготовленность уральской промышленности, несоответствие квалификации приглашенных иностранцев тем задачам, которые перед ними ставились, недостаточная осведомленность российской стороны о профессиональном уровне контрактуемых. Судьбы британских специалистов (инженеров, механиков и пр.) рассматриваются в контексте международной конъюнктуры, характеризовавшейся в исследуемый период нарастанием напряженности в англо-русских отношениях с последующими военными действиями. Показано, что отношение одних британцев к службе на Урале менялось в негативную сторону в связи начавшейся Крымской войной, другие же, несмотря на военную конфронтацию России и Англии, продолжали работать на уральских заводах, не прерывая контрактов. Деятельность британских технических специалистов на Урале является ярким отражением специфики англо-русских отношений, в которых сотрудничество в сфере экономики и технологий могло проходить наряду с жестким обострением внешнеполитических отношений.

Ключевые слова: британцы, техническое сотрудничество, Урал, англо-русские отношения.

Вопрос о причинах Первой мировой войны крайне сложен и выступает предметом постоянных дискуссий в историографии. Однако очевидно, что ситуация начала XX в. возникла не вдруг. Кризис и новые зоны напряженности в Европе формировались задолго до конфликта – во второй половине XIX столетия. Прологом к Первой мировой стали другие военные столкновения: франко-прусская, русско-турецкая войны 1870-х гг., но еще раньше – в 1853–1856 гг. – Крымская война обнажила многие противоречия и кризисные стороны международных отношений в Европе.

Для России поражение в Крымской войне стало тяжелым ударом и ярко продемонстрировало серьезное отставание российской технико-экономической базы от мирового уровня. Кризис, в том числе в горнозаводской промышленности, наметился и все больше проявлялся на рубеже 1840–50-х гг. Попытки преодоления этой ситуации уже с середины 1840-х гг. состояли, в частности, в активном приглашении в Россию иностранных специалистов, в первую очередь британцев, на которых возлагались надежды по введению прогрессивных технологий. Не всегда эти попытки оказывались успешными, однако даже в преддверии военных событий обмен техническими кадрами не прекращался, и во время Крымской войны на Урале работали британские специалисты.

Э. Кросс в монографии, посвященной британцам в Петербурге XVIII в., называет приглашенных специалистов различных профес-

сий «необходимыми иностранцами» (“necessary foreigners”), которые занимались обучением русских мастеров и практиковали свои знания и навыки, что рассматривалось как жизненно необходимая мера для российской модернизации [Cross, p. 5]. Прежде всего, уральская промышленность нуждалась в квалифицированных инженерах и механиках для усовершенствования железоделательного производства и развития машиностроения с помощью новых технологий. Вербовка специалистов осуществлялась российскими представителями за рубежом. При этом привлечь самых высококвалифицированных инженеров оказывалось непросто и дорого. Показателен комментарий российского посла в Лондоне Ф. И. Бруннова, которому в 1846 г. было поручено пригласить английских специалистов на Урал для развития судостроения. Посол отмечал, что «от усилившегося развития в Англии кораблестроения и железных дорог, тамошние инженеры высшего разряда, пользуясь в самом отечестве своим большими выгодами, неохотно соглашаются отправиться на уральские заводы и предъявляют большие требования» [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 1–1об.]. Поэтому вместо двух «искусных мастеров», как было запланировано, он решил пригласить одного, но известного уже своими знаниями и опытом, остановив свой выбор на Джеймсе Карре, который заслужил репутацию талантливого инженера. По мнению Ф. И. Бруннова, пароходы, сделанные в Англии по проектам Дж. Карра, служили «порукой» его познаний и мастерства. Вместе с Дж. Карром приехали трое его помощников: Вильям Ли, Иосиф Дженнингс и Ричард Джексон. И. Дженнингс был определен вместе с Дж. Карром на Воткинский завод в должность парово-котельного мастера. Р. Джексон и В. Ли направлены были в Екатеринбург, на механическую фабрику. Джеймсу Карру в продолжение его службы запрещено было заключать какие-либо иные контракты, а также отлучаться с Камско-Воткинского завода, за исключением поездок в Екатеринбург. Это была команда корабельных мастеров, благодаря которым на Урале получило развитие судостроение. Уже в 1847 г. был построен пароход «Астробад», а к 1852 г. сооружено еще несколько судов. В 1852 г. были продлены контракты с Джеймсом Карром и Иосифом Дженнингсом на пять лет. Дж. Карру в добавление к прежнему контракту вменялось в обязанность найти двух горных инженеров, разбирающихся в теории и практике судостроения, при необходимости съездить в Англию, но не более чем на четыре месяца и за свой счет [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 7–15, 20–21, 28].

На примере развития судостроения на уральских заводах прослеживается также британско-российское сотрудничество в форме командирования в Англию и обучения там инженеров из России. Горный инженер капитан Якоби обучался пароходостроению в Англии. Однако к моменту, когда было решено организовать на Урале строительство железных пароходов, знаний инженера оказалось недостаточно, поскольку он разбирался только в том, что касалось деревянных судов. Поэтому с приездом корабельного архитектора Джеймса

Карра и его команды капитан Якоби был прикреплен к ним в качестве ученика. Но оказалось, что Дж. Карр и его помощники не слишком приветствовали практику присутствия при их работе русских специалистов, желавших обучиться проектированию и строительству железных пароходов. Капитан Якоби указывал на то, что, находясь на уральских заводах, хотя и должен был учиться мастерству у англичан, встречал в этом затруднения. Причина состояла в том, что визиты его на производство судов на Воткинском заводе были эпизодичны, так как он старался избежать «неприятностей со стороны судостроителей, происходивших иногда по причине слишком частых, по их мнениям, моих (Якоби. – Е. О.) посещений». Поэтому Якоби сумел освоить только те нюансы, которые отличались от технологии строительства деревянных судов. Но благодаря обучению в Англии капитан Якоби подтвердил, что считает себя способным к «удовлетворительному строительству железных пароходов», то есть может руководить постройкой судов по поданным чертежам. Способность к работам под его руководством подтвердили два других горных инженера [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6610, л. 10–13, 16].

С конца 1830-х гг. на заводах Урала работали британцы Самуил и Джон Пенны и Бернард Аллендер, которые ввели на Камско-Воткинском заводе пудлингование, что стало первым подобным опытом в России. Пудлингованием, а также введением машинной сварки ружейных стволов занимался на Урале в 1849–1856 гг. Иосиф Тальбот. На рубеже 1840–50-х гг. на Урал были приглашены не только инженеры, но и мастера более низкой квалификации. В 1848 г. в Екатеринбург для работы на паровых молотах Несмита приехали из Англии молотарь Брайан Гардкестль и сварщик Томас Вилькинсон. Но к этому времени в Екатеринбурге еще не было молота Несмита, и мастера оставались без работы, а вот на Воткинский завод паровой молот в скором времени должны были доставить из Санкт-Петербурга. Поэтому решено было Т. Вилькинсона и Б. Гардкестля отправить в Воткинск. В декабре 1849 г. Брайан Гардкестль умер, у него остались жена и четверо малолетних детей. Вдове мастера была оказана помощь при продаже имущества, оставшегося после смерти супруга, и выплачено назначенное ему жалование в 32 фунта стерлингов. Однако вырученные с продажи имущества деньги были отданы в счет долгов Брайана Гардкестля [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 138; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5701, л. 1–2, 143–143об.].

Летом 1850 г. на Урал был выписан из Англии другой молотовой мастер – Генри Инглес, родом из Ливерпуля. Ранее он работал у самого Джеймса Несмита, который и рекомендовал его российскому генеральному консулу в Лондоне, сказав, что Г. Инглес «заслуживает во всех отношениях совершенного одобрения» как благодаря высокому качеству произведенных изделий, так и его «скромным, трезвым поведением». Генри Инглес приехал на Урал вместе с женой Елизаветой и сыном Эдуардом Вильямом. Часть своего жалованья инженер по-

просил отправлять в Англию, матери [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6610, л. 235; д. 6018, л. 8].

Англичанину Томасу Вилькинсону летом 1851 г. было объявлено горным начальством о том, что по истечении в скором времени срока контракта он не будет оставлен на службе на Камско-Воткинском заводе за отсутствием необходимости. В августе 1850 г. Т. Вилькинсон был отправлен в Англию через Санкт-Петербург, где в штабе Корпуса горных инженеров британцу было выдано свидетельство о его службе в России [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6018, л. 269, 273, 280].

Контракты с британскими инженерами и механиками высшего разряда, такими как Джеймс Карр, Самуил Пенн, Евстафий Вигзель, были составлены тщательным образом, с учетом высоких требований иностранцев к условиям службы. Так, согласно контракту Дж. Карр получал жалованье размером в 8 800 руб. серебром в год, обеспечивался казенной квартирой с отоплением, освещением и прислугой, а также конюшней и сараем, то есть всеми необходимыми удобствами для ведения хозяйства. Корабельный архитектор пользоваться должен был почетом, соответствующим чину полковника. Дж. Карр наделялся правом беспошлинного провоза имущества, принадлежащего ему и его семейству; на проезд из Лондона до Санкт-Петербурга он получал 500 фунтов стерлингов (ф. ст.) [ЦГА УР, ф. 212, д. 5592, л. 2–3]. Самуил Пенн получал жалованье в 10 000 руб. и аналогичные пособия. Доходы англичан в несколько раз превышали заработную плату русских инженеров и были соразмерны жалованью горных администраторов и чиновников, а иногда и превосходили их. Условия работы специалистов более низкой квалификации были, безусловно, скромнее, но все же оставались на высоком уровне. Всем иностранцам предоставлялись казенные квартиры и прислуга. Европейские специалисты освобождались от каких-либо податей, пошлин и повинностей.

Англичане приезжали в Россию с целью заработка, улучшения благосостояния. Довольно сложно соотнести и оценить уровень жизни специалистов во время службы на Урале и в бытность их на родине в Англии. Однако можно сделать некоторые общие выводы, опираясь на существующие исследования по социально-экономической истории Британии, из которых следует, что представители так называемой трудовой аристократии в Англии (наиболее искусные мастера, работники, исполнявшие руководящие функции) получали в неделю от 28 шиллингов до 2 ф. ст. Некоторые приглашенные британцы на Урале получали немногим больше – по 3 ф. ст. в неделю, однако и квалификация их была невысока. Жалованье в 125 ф. ст. соответствовало уровню доходов небогатой английской семьи среднего класса, а 300–500 ф. ст. (среднее жалованье помощников Дж. Карра и С. Пенна) – для британцев вполне достаточный доход для содержания семейства. Доходы Дж. Карра (около 1 400 ф. ст.) и С. Пенна (1 580 ф. ст.) являлись для английских специалистов уже вполне существенной суммой [Hobsbawm, p. 154–155].

Опыт приглашения на уральские заводы британцев, однако, не всегда давал ожидаемые результаты. Так, в 1849 г. для работ по строительству паровых машин из Англии были вызваны два мастера из графства Ланкашир: Самуил Броун, «знающий формовку в песок», и Вильям Тиндль, формовщик в глиняные формы. В Англии они работали на заводе Патрикрофт. Срок контракта с английскими формовщиками составлял три года, в течение которых они обязывались «употребить все свои усилия» для исполнения порученных им работ и обучить русских мастеров искусству своей профессии. Российское правительство обязывалось выплачивать С. Броуну и В. Тиндлю по 3 ф. ст. еженедельно, а также предоставить «приличное помещение с отоплением и освещением», взяв на себя необходимые расходы на ремонт и содержание квартир. Британские специалисты освобождались от податей, пошлин и повинностей. Жена В. Тиндля Анна и двое его сыновей проживали в Престоне. Жена и дочь С. Броуна в период его службы на Урале жили в Ланкашире. Анна Тиндль и Анна Броун ежемесячно получали по 4 ф. ст., которые удерживались из жалованья их мужей. В контрактах оговаривалось, что в случае, если семьи мастеров изъявят желание переехать на Урал, им будут компенсированы все издержки по прибытии в Екатеринбург [РГИА, ф. 37, оп. 10, д. 35, л. 1–2, 13–18].

Однако британцы В. Тиндль и С. Броун не оправдали ожиданий, связанных с их приездом на Урал. По свидетельствам заводской администрации, «будучи простыми рабочими», они не знали многих тонкостей производства, а потому «изделия их очень часто не удавались, и цель, для которой они <были> выписаны, не достигнута». В ноябре 1852 г. по окончании срока контрактов главным начальником уральских заводов В. А. Глинкой было принято решение об отправке В. Тиндля и С. Броуна на родину [РГИА, ф. 37, оп. 10, д. 35, л. 173–174об.]. Вероятно, основной причиной неудачи стала неосведомленность или неверное представление российской стороны о квалификации этих мастеров. Ведь их, как и других англичан, стремились приглашать для того, чтобы они не просто осуществляли определенные производственные задачи, но и выступали новаторами и в какой-то степени руководителями порученного им участка работ. Известный российский англовед Н. А. Ерофеев, анализируя статистику численности и профессиональной принадлежности иностранцев, приведенную в «Журнале министерства внутренних дел» 1835 г., отмечает, что 23 % приезжих англичан отнесены к ремесленникам, однако подчеркивает, что «в действительности, многие из этих людей в России занимали должности техников и надсмотрщиков. Некоторые были специалистами своего дела и управляли заводами и фабриками, главным образом в тяжелой и текстильной промышленности, т. е. в отраслях, где авторитет английской техники стоял особенно высоко» [Ерофеев, с. 65].

Другой пример – работа на Камских заводах Иосифа Тальбота. Британец уже был известен в России своими заслугами во время службы на Сестрорецком заводе, а потому на выгодных условиях был пригла-

шен на Урал. Жалованье И. Тальбота состояло из двух частей: 3 200 руб. серебром в год он должен был получать за работу на Ижевском заводе и 5 000 руб. серебром – на Воткинском. Таким образом, размер его годового жалованья был достаточно высоким – 8 200 руб. серебром. Из-за незнания И. Тальботом русского языка в качестве помощника по строительной части и письмоводству для него назначался состоявший на службе при Сестрорецком заводе в должности механика и переводчика британский подданный Генрих Броун, которому было определено жалованье в 3 000 руб. серебром в год. По условиям контрактов И. Тальботу и Г. Броуну предоставлялись в Ижевске и Воткинске удобные квартиры с отоплением, освещением и одним прислужником, а в случае неимения таких квартир – квартирные деньги. Для осуществления необходимых работ в подчинение И. Тальботу передавались русские мастера, которых он мог отстранить от службы, если сочтет неспособными и ненадежными, и требовать других работников. Инженер имел право на отпуск для поездки в Англию сроком на два месяца с целью приобретения сведений о новейших усовершенствованиях технологий выделки оружия [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 3–5об.].

В мае 1854 г., когда срок контракта с Иосифом Тальботом подходил к концу, стало очевидно, что принятых на себя обязательств британец не выполнил. Результаты семилетней работы И. Тальбота оказались неудовлетворительными: многое не было сделано, обнаружился высокий процент брака. Причины неудач заводское начальство видело в том, что, во-первых, значительная часть срока контракта была потрачена только на составление и рассмотрение проектов И. Тальбота. Во-вторых, на? возведение столь обширных сооружений, требовавшихся для выполнения проекта иностранца, отведенного времени было недостаточно. Наконец, в-третьих, И. Тальбот и его помощник Г. Броун совершенно не заботились об успехе порученного им дела, хотя заводская администрация оказывала им всяческое содействие. Тем не менее И. Тальбота оставили на службе еще на два года в надежде на то, что ему удастся исправить положение [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 264–265; ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 876, л. 81, 124–135]. Что касается механика Г. Броуна, то он по окончании в 1854 г. срока контракта пожелал прекратить службу в горном ведомстве [РГИА, ф. 37, оп. 10, д. 35, л. 190об.]. Через два года ситуация, однако, не изменилась. И. Тальбот так и не выполнил поставленные перед ним задачи. Так, например, он должен был довести выработку железа до такой степени чистоты, чтобы брак не превышал 20 %. Однако помимо прочих неудач Иосифа Тальбота брак при выделке ствольного железа составлял 44 %.

В августе 1856 г. контракт с И. Тальботом был расторгнут. Несмотря на фактическое невыполнение обязательств, англичанин требовал дополнительных выплат за свою службу. Учитывая, что последние два года он работал без Г. Броуна, а значит, выполнял и его обязанности, И. Тальбот требовал выдать ему за это соответствующее содержание и квартирные деньги. По свидетельствам же завод-

ских служащих, И. Тальбот и Г. Броун лишь изредка бывали на Воткинском заводе, в результате чего постройка сооружений шла там очень медленно, а за последние два года английский инженер, хоть и приезжал на место проведения работ, но «не зная вовсе дела лишь затруднял исполнителей проекта своими требованиями изменений и переделок» [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 348–368]. Из-за затеянной Иосифом Тальботом полной перестройки цехов Камско-Воткинский и Ижевский заводы к началу Крымской войны оказались в неудовлетворительном состоянии [Шкерин, с. 264]. Учитывая предыдущий успешный опыт работы британца на Сестрорецком заводе, можно предположить, что одной из главных причин неудач стала техническая неподготовленность уральских предприятий к технологическим новшествам. В 1856 г. контракт с И. Тальботом был окончательно расторгнут, и британец покинул уральские заводы.

Международная конъюнктура влияла на отношение некоторых британских специалистов к службе в России. Джеймс Карр в 1854 г. подал прошение об увольнении, объяснив свое решение начавшейся Крымской войной. Обратившись к горному начальнику, он заявил, что «сообразуясь с законами своего отечества, не может заниматься постройкой таких пароходов и судов, которые прямо или косвенно могут способствовать императорскому правительству в нынешней войне России с Англией». Деятельность его в России оказывается теперь тем, что «долг английского гражданина не позволяет ему делать». По взаимному согласию обеих сторон решено было прекратить действие контракта. Отзываясь о службе Дж. Карра, генерал В. А. Глинка отмечал, что корабельный архитектор усердно и добросовестно исполнял свои обязанности и что отныне никаких затруднений в постройке пароходов и барж на Воткинском заводе не возникнет [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6610, л. 1–1об., 2об.]. Помощник Дж. Карра Вильям Ли, перебравшийся на Урал с семейством из тринадцати человек, оставался на службе в России в течение всего периода войны. В 1855 г. он снова продлил контракт и лишь в марте 1857 г. был уволен со службы на Екатеринбургской механической фабрике по инициативе горной администрации [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 220–221; Бондаренко, Микитюк, Шкерин, с. 38].

Показательна судьба британского механика Евстафия Вигзеля из Гринвича, который был приглашен для строительства машин для пароходов. В начале 1850-х гг. он служил на Камско-Воткинском заводе, получал солидное жалование, его высоко ценили. В 1853 г. согласно условиям контракта Е. Вигзелю был предоставлен отпуск для поездки в Англию. Прежде чем отправить его в эту поездку, Горное начальство заключило с британцем новый контракт, по которому он назначался главным механиком уральских заводов [ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 2–10; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 63–64]. Но уже в 1854 г. место главного механика занял русский горный инженер А. А. Грамматчиков [Бондаренко, Микитюк, Шкерин, с. 39]. Возможно, Е. Вигзель, как и Дж. Карр, решил прекратить службу в Россию и возвратился в Англию.

В этой связи не будет ли уместным предположить, что и незаинтересованность в успехе работы на Урале, в чем обвиняли И. Тальбота заводские служащие, отчасти была обусловлена начавшейся войной?

Евстафий Вигзель на посту главного механика должен был сменить другого британца – Петра Тета, служившего на Урале с 1828 г., а в 1844 г. открывшего в Екатеринбурге частную механическую фабрику, которую позже сдал в аренду своим родственникам Петру Гаксу и Гектору Гуллету. В 1842 г. П. Тет был командирован в Англию, Бельгию и Германию для ознакомления и последующего внедрения на Урале новых устройств и машин, используемых в Европе. Петр Тет оказывал содействие команде иностранных корабельных мастеров в конце 1840-х гг., из состава которой в Екатеринбурге работали Ричард Джаксон и Вильям Ли. П. Тет отвечал за помощь при постройке англичанами паровых машин на Екатеринбургской механической фабрике. В 1853 г. Петр Тет вернулся в Великобританию и лишь изредка впоследствии приезжал на Урал по делам фабрики. На Урале также служил брат Петра Тета, Эдуард, который в 1836 г. построил на Пожевском заводе третий российский паровоз «Пермяк», за что в 1839 г. получил золотую медаль. Как утверждает В. А. Шкерин, дальнейшая судьба Эдуарда Тета известна лишь фрагментарно. По одной из версий, в 1855 г. он основал в Перми механико-литейный завод судостроительного профиля, а по другой – приобрел это предприятие у Роберта Гуллета [Шкерин, с. 262–264; Козлов, с. 23, 139; Металлургические заводы, с. 385; Зейферт, с. 297–299]. Однако очевидно, что во время Крымской войны Эдуард Тет продолжал свою деятельность на Урале, равно как и представители других английских династий, обосновавшихся в России, – Гаксов и Гуллетов.

Даже приведенные примеры позволяют поставить вопрос о специфике взаимоотношений Англии и России. Эта специфика, как представляется, определилась исключительным экономическим прагматизмом, проявляемым в первую очередь со стороны британской короны. Даже обострение международной обстановки и двусторонних отношений далеко не сразу и не всегда приводило к свертыванию экономических отношений Англии с Россией. Связи между этими двумя странами должны были зайти в слишком острую фазу, чтобы экономические отношения были прерваны. Надо заметить, что отмеченный экономический прагматизм был, вероятно, постоянной чертой, определявшей британскую внешнюю политику по отношению к России едва ли не с XVI в. Возможно, он был обусловлен исключительной мощью английских буржуазных слоев, которая оказывала реальное влияние на политические процессы в стране.

В любом случае, даже военное противостояние Англии и России могло проходить на фоне парадоксальных фактов сотрудничества в сфере экономики и технологий, примеры чему мы находим в период Крымской войны и в годы, непосредственно ей предшествовавшие.

Список литературы

- Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П., Шкерин В. А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 86 с.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. 43.
- Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М. : Наука, 1982. 319 с.
- Зейферт В. Посланцы туманного Альбиона на Урале и в Екатеринбурге // Уральская старина. Вып. 4. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 295–313.
- Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. 224 с.
- Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : Энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 535 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 37.
- ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. 4; Ф. 212.
- Шкерин В. А. Иностранцы в XIX в. как агенты распространения инноваций // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. С. 256–270.
- Cross A. G. “By the banks of the Neva”: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1997. 474 p.
- Hobsbawm E. J. Industry and Empire : From 1750 to the Present Day (The Pelican Economic History of Britain. Vol. 3.). Harmondsworth : Penguin books, 1976. 384 p.

References

- Bondarenko, F. V., Mikityuk, V. P. & Shkerin, V. A. (2009). *Britanskije mehaniki i predpinitateli na Urale v XIX – nachale XX v.* [British Mechanics and Entrepreneurs in the Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. 86 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj respubliki* [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. 4; F. 212.
- Cross, A. G. (1997). “*By the banks of the Neva*”: *chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia*. 474 p. Cambridge & New York, Cambridge University Press.
- Erofeev, N. A. (1982). *Tumannij Al'bion: Anglija i anglichane glazami russkih. 1825–1853gg.* [Foggy Albion: The English in the Eyes of Russians. 1825–1853]. 319 p. Moscow, Nauka.
- Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti* [State Archive of Sverdlovsk Region]. F. 43.
- Hobsbawm, E. J. (1976). *Industry and Empire : From 1750 to the Present Day.* (The Pelican Economic History of Britain. Vol. 3.). 384 p. Harmondsworth, Penguin books.
- Kozlov, A. G. (1981). *Tvorczy' nauki i tehniky na Urale. XVII – nachalo XX veka* [Creators of Science and Technology in the Urals. 17th – Early 20th Centuries]. 224 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Metallurgicheskie zavody' Urala XVII–XX vv.: E'nciklopediya* [Metallurgical Plants of the Urals: 17th – 20th Centuries: An Encyclopaedia]. (2001). 535 p. Yekaterinburg, Akademkniga.
- Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 37

Shkerin, V. A. (2011). Inostrancy' v XIX v. kak agenty' rasprostraneniya innovacii [Foreigners in the 19th Century as Distributors of Innovations]. In Alekseeva, E. V. (Ed.). *Diffuziya tehnologij, social'ny'h institutov i kul'turny'h cennostej na Urale (XVIII – nachalo XX v.)* 405 p. Yekaterinburg, UrO RAN.

Zejfert, V. (2000). Poslanczy' tumannogo Al'biona na Urale i v Ekaterinburge [Envoys of Foggy Albion in the Urals and Yekaterinburg]. In *Uralskaya starina* (Iss. 4, pp. 295–313). Yekaterinburg, Akademkniga.

The article was submitted on 10.06.2015

Ольга Константиновна Ермакова,
кандидат исторических наук
Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук;
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
ermakovaok@mail.ru

Olga Ermakova, Dr.,
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
ermakovaok@mail.ru

DOI 10.15826/qr.2015.3.113

УДК 351/354(09)+327.8(09)

Verena Moritz

+355(09)+94(436)+94(47+57)

**ZWEI IMPERIEN UND IHR GEHEIMES
WISSEN VONEINANDER. ÜBERLEGUNGEN ZU
EINER GESCHICHTE DER MILITÄRISCHEN
NACHRICHTENDIENSTE IN ÖSTERREICH-UNGARN
UND IN RUSSLAND IN DEN JAHREN
VOR DEM ERSTEN WELTKRIEG¹**

The article emphasizes the importance of studying intelligence when examining the history of foreign policy and international relations. Furthermore, the text addresses widespread scepticism among historians in dealing with intelligence because of either doubts about sources or about the topic as a whole. Nonetheless, several sensational spy cases affected the relationship between Austro-Hungary and the Tsarist Empire in the era before the First World War. Yet Russia and Austria-Hungary were not the only countries that monitored the development of espionage with increasing interest and fear. The age before 1914 in Europe saw a culmination of so-called spy mania or spy fever. Simultaneously, the relevance of military intelligence increased. Moreover, questions about what the headquarters knew about each other in Vienna and St. Petersburg influenced not only military affairs but also the relationship between the two empires. For instance spy cases were vividly discussed in the press and therefore had an influence on the development of public opinion towards Russia in the Habsburg Empire and conversely towards Austria-Hungary in the Tsarist Empire.

Keywords: intelligence, espionage, Austria-Hungary, Tsarist Russia, military affairs, 1900–1914.

В статье подчеркивается необходимость изучения истории разведки, которое может пролить свет на историю международной политики и отношений между двумя странами. Кроме того, автор рассматривает причины скептического отношения историков к изучению деятельности тайных разведывательных служб, вызванного сомнительностью источников информации и спецификой тематики в целом. Тем не менее на отношения Австро-Венгрии и Российской империи влияли разной степени значимости шпионские скандалы. Но не только Россия и Австро-Венгрия следили за развитием шпионажа с возрастающим интересом и опасением.

¹ Der Artikel ist die Kurzfassung eines umfangreichen, noch unpublizierten Textes zur Thematik, zu der die Autorin auch in den kommenden Jahren forschen wird.

На время накануне 1914 г. пришелся пик так называемой шпионской лихорадки в Европе. Одновременно с этим возрастала значимость военной разведки. Кроме того, сведения, которыми располагали друг о друге генеральные штабы в Вене и Санкт-Петербурге, влияли не только на положение дел в военной сфере, но и в целом на отношения между двумя империями. В частности, широкое обсуждение шпионских скандалов в прессе формировало определенное общественное мнение о России в империи Габсбургов и наоборот – об Австро-Венгрии в царской России.

Ключевые слова: разведка; шпионаж; Австро-Венгрия; царская Россия; военное дело; 1900–1914 гг.

Voraussetzungen

Darüber, was russische Generäle einerseits und k. u. k. Befehlshaber andererseits zu Beginn des Ersten Weltkriegs von den jeweils feindlichen Streitkräften wussten und wie sie diese Kenntnisse nutzten, gibt es unterschiedliche Meinungen. Unabhängig von der tatsächlichen Qualität des betreffenden Informationsstandes der Militärs im Sommer 1914, deren Auswirkungen auf den Kriegsverlauf und den diesbezüglichen Einschätzungen aus nachmaliger Perspektive bedingt eine Auseinandersetzung mit solchen Fragen, sich jenen Informationsflüssen zuzuwenden, die im Verborgenen bleiben sollten. Immerhin tobte der sogenannte „Krieg im Dunkeln“ zwischen den beiden Imperien bereits lange vor dem Beginn des militärischen Konflikts im Jahr 1914 [siehe: Höhne].

Wer eine wissenschaftliche Untersuchung von Geheimdiensten anstrebt, wird freilich auf spezifische Voraussetzungen hierfür treffen. Es lässt sich beispielsweise nicht leugnen, dass bis heute eine Beschäftigung mit der Geschichte der Geheimdienste² trotz bemerkenswerter Fortschritte in den letzten Jahren und trotz verschiedener Initiativen, eine wissenschaftliche Erforschung voranzutreiben³, innerhalb der historischen Zunft beziehungsweise des akademischen Betriebs Vorbehalte unterschiedlicher Natur hervorzurufen vermag. Diese Bedenken ziehen die wissenschaftliche Tragfähigkeit des Themas in Zweifel und nehmen dabei unter anderem auf eine als schwierig antizipierte Quellenbasis Bezug. Diskussionswürdig erscheint aber auch die Frage der tatsächlichen Bedeutung geheimdienstlicher Aktivitäten – vor allem, wenn man bedenkt, dass dubiose Selbstdarstellungen ehemaliger Protagonisten der „Dienste“ einer „Skandalisierung“ der Geheimdienstgeschichte im Allgemeinen Vorschub leisteten. Die fiktionale Literaturproduktion und das Action-Kino haben darüber hinaus die Themen „Geheimdienst“ und

² Die Termini „Geheimdienst“, „Nachrichtendienst“ und „Kundschaftsdienst“ werden im Folgenden synonym verwendet.

³ Hervorzuheben ist hier die „International Intelligence History Association“, eine internationale Vereinigung von Historikern, die geheimdienstliche Forschung betreibt und 1993 ins Leben gerufen wurde. Seit 2001 erscheint das „Journal of Intelligence History“. In Österreich ist es Siegfried Beer, der in Graz ein Austrian Center for Intelligence, Propaganda & Security Studies ins Leben gerufen hat, welches das „Journal for intelligence, propaganda and security studies“ herausgibt.

„Spionage“ gewissermaßen vereinnahmt – ein Umstand, der zusätzlich zu den publizierten Bekenntnissen früherer Agenten und Agentinnen, welche vorhandene Klischees über das Spionagemetier eher verfestigten als ins Wanken brachten, die „Seriosität“ dieses potenziellen Forschungsbereiches in Frage stellte.⁴ Obwohl gerade vor dem Hintergrund des Kalten Krieges auch künstlerisch anspruchsvollere Aufbereitungen von „Agenten- und Spionagegeschichten“ die Belletristik bereicherten und mitunter auch den Weg auf die Kinoleinwand fanden, blieb das Thema in erster Linie eine Domäne der „Unterhaltungsindustrie“.⁵ Der Anziehungskraft des Themas „Spionage“ trug und trägt darüber hinaus eine Vielzahl einschlägiger Sachbücher Rechnung. Nicht wenige dieser Veröffentlichungen, die ihren Bogen von den Geheimdiensten der „Pharaonen“ bis in die Gegenwart spannen, rücken vor allem „Spektakuläres“ und „Sensationelles“ in den Vordergrund, um die Erwartungshaltungen ihrer Leserschaft zu befriedigen.⁶

Ein Blick auf die vergangenen 25 Jahre offenbart allerdings eine Reihe von Veränderungen in der Art, wie Themen rund um „Spionage und Geheimdienst“ präsentiert und schließlich auch wahrgenommen werden. Nachrichtendienste und ihre Methoden stehen nicht erst seit den Enthüllungen des früheren NSA-Mitarbeiters Edward Snowden im Zentrum eines öffentlichen Interesses, das über das mit Geheimdiensten üblicherweise verbundene „Entertainmentangebot“ hinausreicht. Die Bedeutung, welche die „geheimen Dienste“ in Anbetracht einer sich seit der „Wende“ von 1989 permanent und rasant verändernden Weltlage erlangt haben, hat, so scheint es, alte „Muster“ im Umgang mit Geheimdienstthemen obsolet gemacht. So wurden etwa vor dem Hintergrund der amerikanischen Irak-Politik oder des mit den Terroranschlägen vom September 2001 einhergehenden neuen Sicherheitsbedürfnisses nicht nur der USA bislang eher unterbelichtete Facetten des Nachrichtendienstes auf einer breiteren Ebene diskutiert. Dabei ging und geht es unter anderem um Methoden des Informationserwerbs, um Legitimierungsdiskurse von Sicherheit, die Konstruktion von Bedrohungsszenarien oder um die Folgen einer in die Privatsphäre des Einzelnen ausgreifenden Sicherheitspolitik für das Wesen der Demokratie an sich.⁷

⁴ Solche „Bekenntnisse“ schließen die Erinnerungen ehemaliger Geheimdienstchefs oder Geheimdienstmitarbeiter ebenso ein wie deren Stellungnahmen in diversen Medien und beeinflussen das Bild von den Geheimdiensten und von Spionage wohl seit jeher.

⁵ Als Beispiel für eine anspruchsvollere Aufbereitung der Thematik ist zweifellos John le Carrés Roman „Der Spion, der aus der Kälte kam“ zu nennen. Vgl. auch die diesbezügliche Verfilmung unter der Regie von Martin Ritt (UK 1965).

⁶ Fixpunkt in vielen dieser Publikationen ist das Thema „Frau und Spionage“. Vgl. dazu das Kapitel „Spionin – Spion: Der Erste Weltkrieg und der Krieg der Geschlechter“ in [Horn, S. 228–269].

⁷ Zu bedenken ist allerdings: Die „Allmacht“ der Geheimdienste wird nicht das erste Mal einer kritischen Reflexion unterworfen. Die neue Qualität des diesbezüglichen Diskurses ergibt sich wohl vor allem in Anbetracht der Präsenz geheimdienstlicher Themen in den Medien und der umfassenden Auswirkungen geheimdienstbezogener Aktivitäten, die - man denke nur an verschärfte Sicherheitskontrollen bei Auslandsreisen - den Einzelnen bereits im Alltag erreichen. Zur Kritik an der „Macht“ der Geheimdienste, wie sie bereits einige Zeit vor den Umwälzungen seit 1989 geäußert wurde, siehe zum Beispiel: [Buchheit, S. 9]. Dazu ist anzumerken, dass Buchheit selbst in einem „Nahverhältnis“ zum deutschen Bundesnachrichtendienst stand. Siehe: [Der Spiegel].

Keineswegs neu ist, dass etwa in Großbritannien oder in den USA grundsätzlich andere Traditionen im Umgang mit der Thematik wirken als beispielsweise in Deutschland oder Österreich. Dieser Befund wiederum hat ohne Zweifel dazu geführt, dass Initiatoren einer wissenschaftlich fundierten Beschäftigung mit den „Intelligence Studies“ im deutschsprachigen Raum recht deutlich auf den diesbezüglichen Vorsprung in anderen Ländern verwiesen haben.⁸ In den USA existieren des Weiteren klare Vorstellungen von dem, was „Intelligence Studies“ eigentlich sind. Die Frage ist allerdings, ob die amerikanische Definition von „intelligence“, welche „information about the enemy“ meint [Krieger, S. 14], tatsächlich das weite Feld nachrichtendienstlicher Tätigkeiten und ihrer Folgen abdeckt.⁹ „Geheimdienstgeschichte“ kann beispielsweise auch als Teil einer Geschichte der „Staatsicherheit“ mit ihren vielgestaltigen Aufgaben und Zielrichtungen gesehen werden, die es für totalitäre Herrschaftssysteme ebenso wie für Demokratien zu untersuchen gilt. Einen wesentlichen Aufgabenbereich der Geheimdienste und demgemäß der diesbezüglichen Forschung stellen darüber hinaus die Frage der Auswertung und in weiterer Folge der Aufbereitung der eingeholten Informationen dar, die schließlich für Entscheidungen auf der Ebene der Diplomatie oder aber für die Machtpolitik eines Staates im weitesten Sinne genutzt werden konnten.

Die Geheimdienstforschung zwischen Vorbehalten und neuen Trends

Die eingangs angesprochene „akademische“ Skepsis außerhalb des angloamerikanischen Raums gegenüber den „Intelligence Studies“ scheint – gemessen an vielen Konferenzen zum Thema oder zu themenrelevanten Feldern sowie angesichts zahlreicher Forschungsinitiativen und Publikationen in den letzten Jahren – freilich merklich abzuklingen.¹⁰ Gerade auch in der Russländischen Föderation wurden in den letzten Jahren viele Arbeiten unterschiedlicher inhaltlicher Schwerpunktsetzungen über Spionagethemen und Geheimdienstaktivitäten veröffentlicht.¹¹ Wichtige Impulse für eine Beschäftigung mit Geheimdienstgeschichte seitens der deutschen Forschung kamen indes „nach der deutschen Einheit zum einen“ vom „Zu-

⁸ Allerdings ist anzumerken, dass einige Überblickswerke aus dem angloamerikanischen Raum wie etwa jenes von Philip Knightley zur Spionage im 20. Jahrhundert sich eher an ein breites Publikum richten und eine Reihe von Ungenauigkeiten aufweisen. Vgl. [Knightley].

⁹ Wolfgang Krieger, einer der ersten Historiker im deutschsprachigen Raum, der sich der Erforschung der Nachrichten- bzw. Geheimdienste auf wissenschaftlicher Grundlage genähert hat, schlägt vor, die Aufgabenbereiche des Geheimdienstes im Auge zu behalten: „1. Die Beschaffung von Informationen über den Gegner (oft auch über Konkurrenten und Freunde), 2. Die verdeckte Beeinflussung, 3. Die Abschirmung des eigenen Herrschaftsapparates gegen geheimdienstliche Angriffe und schließlich 4. Das Eindringen in die gegnerischen Geheimdienste.“ [Krieger, S. 14].

¹⁰ Über Bedeutung und Rolle der Geheimdienste im Kalten Krieg liegt eine bereits beachtliche Anzahl von wissenschaftlichen Publikationen vor. Exemplarisch: [Konspiration als Beruf; Sibley; Bailey, Kondrašov, Murphy; Österreich im frühen Kalten Krieg].

¹¹ Vgl.: [ГРУ; Хлобустов; Зданович].

gang zur umfangreichen Überlieferung des Ministeriums für Staatssicherheit der DDR“ und zum anderen von der „Verfügbarkeit von Akten des NS-Regimes, die zuvor unzugänglich in den ostdeutschen Archiven lagen“ [Wagner]. Auch die Auseinandersetzung mit den geheimpolizeilichen Apparaten des „Dritten Reichs“ profitierte also von der neuen Quellenlage [Ibid.]. Dass die Zugänglichkeit geheimdienstrelevanter Quellen stimulierend auf die historische Forschung wirkte, trifft zweifellos auch für die diesbezügliche Situation in Russland zu.

Die solcherart betriebene neuere Forschung wendet sich nicht nur der Rolle der „Dienste“ als verlängerter (Terror-)Arm des Staates zu, sondern trägt nicht zuletzt dem Einfluss der Tätigkeit von Geheimdiensten auf Entscheidungsfindungsprozesse und konkrete politische Entwicklungen oder aber auf das „Klima“ zwischenstaatlicher Beziehungen Rechnung. Ungeachtet der beobachtbaren Aufwertung von Themen betreffend die Nachrichtendienste fällt es aber offenbar schwer, im Dickicht der verschiedenen Formen nachrichtendienstlicher Aktivitäten, die nach innen ebenso wie nach außen gerichtet sein können und zivile ebenso wie militärische Zuständigkeiten und Organisationsformen einschließen, einen eigenen Forschungszweig zu etablieren. Im Rahmen eines solchen Forschungszweiges oder zumindest eines diesbezüglichen Schwerpunkts sind zweifelsohne weitere Differenzierungen von Vorteil.

Im Falle des vorliegenden Artikels ist eine Konzentration auf militärische Geheimdienste beabsichtigt, wobei hier sowohl der offensive als auch defensive Kundschaftsdienst mit einzubeziehen sind¹² und Verzahnungen mit „zivilen“ Stellen beachtet werden müssen. Freilich zeigt sich, dass auch die Militärhistoriographie der Geschichte militärischer Nachrichtendienste nicht unbedingt einen besonderen Stellenwert einräumt – ein Umstand, der nicht zuletzt im Unwillen auch heutiger Militärs begründet ist, geheime Informationen und „Aufklärungsergebnisse“, und seien sie noch so „historisch“, an die Öffentlichkeit zu bringen.¹³

Betrachtet man die Epoche vor dem Ersten Weltkrieg, drängt sich indessen gerade vor dem Hintergrund einer Professionalisierung der militärischen Geheim- beziehungsweise Nachrichtendienste, die um 1900 stattgefunden hat und in weiterer Folge auch die Planungen zur Kriegführung wesentlich beeinflusste, eine Beschäftigung mit deren Geschichte und Wirkung auf. Es ist nicht zu übersehen, dass infolge der im letzten Viertel des 19. Jahrhunderts veränderten Machtkonstellationen in Europa und der daraus resultierenden Blockbildungen die Unsicherheiten betreffend Politik und außenpolitische Absichten der jeweils anderen Staaten zu einer Aufwertung „geheimer Dienste“ führten [Krieger, S. 146–147]. Darüber hinaus korrespondierte der Aufstieg der Nachrichtendienste mit zum Teil revolutionären technischen

¹² Zur Entwicklung des aktiven bzw. offensiven Kundschaftsdienstes vgl. [Pethö, S. 13].

¹³ Vgl. dazu einen Tagungsbericht zu Forschungen über die [Geschichte der Organisation Gehlen und des BND 1945–1968]. Selbst in aktuellen Handbüchern zur Militärgeschichte wird im Übrigen den Nachrichtendiensten gar kein oder nur wenig Platz eingeräumt. Siehe z. B.: [Müller]. Keine Erwähnung findet das Thema „Militärische Geheimdienste“ auch im Band [Was ist Militärgeschichte?].

Neuerungen, welche die Beschaffung und Weiterleitung von Informationen in hohem Maße beeinflusste.¹⁴ Während aber diese technischen und gewissermaßen „handwerklichen“ Aspekte geheimdienstlicher Tätigkeit von der militärhistorischen Forschung sehr wohl mit Aufmerksamkeit bedacht werden¹⁵, ließ sich gegenüber einer kontextorientierten Historiographie zu Themen, die den Nachrichtendienst betreffen, Zurückhaltung feststellen. Die sogenannte „neue Militärgeschichte“, welche militärhistorische Fragestellungen und Untersuchungsbereiche aus vormals gültigen engen Definitionsrahmen gelöst und sie in sozial-, kultur- und alltagsgeschichtliche Forschungen integriert hat¹⁶, reagierte offenbar ebenfalls mit Vorbehalten.

Die vielfältigen Möglichkeiten einer ausgreifenden und breit angelegten Geschichtsschreibung zu Geheimdienstthemen nützen möchte indessen ein aktuelles Forschungsprojekt mit dem Titel „Kulturen der Intelligence: Zur Geschichte der militärischen Nachrichtendienste in Deutschland, Grossbritannien und den USA, 1900–1947“, an dem die London School of Economics and Political Science, die Universität Augsburg und das Deutsche Historische Institut London beteiligt sind. Es unterstreicht dabei die Notwendigkeit, herrschafts- beziehungsweise politisch bedingte Unterschiede (Demokratien vs. Diktatur) nicht nur in Zusammenhang mit den nachrichtendienstlichen Arbeitsweisen zu berücksichtigen, sondern sie auch in den betreffenden (öffentlichen) Diskursen über „Military Intelligence“ zu beachten. Am Ende dieses Projektes soll eine „erste komparative Kulturgeschichte der militärischen Nachrichtendienste“ vorliegen, die sich auf die erste Hälfte des 20. Jahrhunderts bezieht.¹⁷

Wie sehr eine feststellbare frühere Distanz seitens der Geschichtswissenschaft gegenüber dem Thema im Abnehmen begriffen ist, beweist auch die Bedeutung, die der „Spionage“ beispielsweise im Rahmen der seit 2014 verfügbaren Plattform „1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War“ zugestanden wird. Unter dem Stichwort „Espionage“ sind immerhin 56 Einzelartikel vermerkt.¹⁸

Forschungsgrundlagen

Schon eine oberflächliche Kenntnis der Beziehungen zwischen dem Habsburgerreich und Russland vor 1914 reicht aus, um auf geheimdienstliche Aspekte im Verhältnis der beiden Vielvölkerreiche zu stoßen. Wie aber steht es um die Möglichkeiten zur Erforschung des unter diesen Voraussetzungen zustande gekommenen „Wissenstransfers“ über die Armee des jeweils anderen Staates? Eine Beschäftigung mit

¹⁴ Allgemein zu den Auswirkungen technischer Innovationen auf die Gesellschaften am Vorabend des Ersten Weltkriegs: [Blom, S. 287–318].

¹⁵ Zum Beispiel: [Yves; Horak, 1986; Horak, 2005; Fletcher; Kahn].

¹⁶ Vgl.: [Was ist Militärgeschichte?]. Spezifisch zur österreichischen Situation: [Leidinger, Moritz, S. 32–35].

¹⁷ Vgl.: http://www.gerda-henkel-stiftung.de/?page_id=80594 (abgerufen am 01.12.2014).

¹⁸ Vgl. dazu beispielsweise den Hauptartikel zu „Espionage“ von: [Debruyne].

Geheimdienstgeschichte, die abseits eines kulturgeschichtlichen Rahmens vor allem Quellen amtlicher Provenienz benötigt, bedeutet im Regelfall, dass die betreffenden Bestände sich lückenhaft und schwer interpretierbar präsentieren, nicht ohne Hürden zugänglich sind beziehungsweise diese und eine Reihe weiterer Erschwernisse zugleich mit sich bringen. Mitunter stellt sich die Quellenlage aber sehr viel besser dar als angenommen wird. Dies kann beispielsweise über die Materialien zur Geschichte der Geheimdienste in Österreich-Ungarn und im Zarenreich im Jahrzehnt vor dem Ersten Weltkrieg behauptet werden, wenngleich hier freilich Abstufungen vorzunehmen sind. Die Forschungsvoraussetzungen in Österreich einerseits und in Russland andererseits sind von einer Reihe unterschiedlicher Faktoren bestimmt. Im Militärhistorischen Archiv in Moskau (*Rossijskij Gosudarstvennyj Voennyj Arhiv*, abgekürzt RGVIA) sind seit Mitte der 1990er Jahre umfangreiche und bis dahin für die Benützung gesperrte Aktenbestände über den militärischen Geheimdienst der Zarenarmee zugänglich. Hier finden sich detaillierte Angaben darüber, was der russische Generalstab beziehungsweise die betreffenden Spionageabteilungen in den westlichen Militärkreiskommanden über die k. u. k. Armee in Erfahrung brachten und auf welche Weise sie dies bewerkstelligten. Darüber hinaus enthalten die Schriftstücke der in Wien im Untersuchungszeitraum tätigen Militärattachés wertvolle Angaben nicht nur über spezifische militärische Aspekte in Bezug auf das Heer des „Gastlandes“, sondern insgesamt über die Frage des Stellenwerts der Armee und des Einflusses des Militärs in der Donaumonarchie auf die Politik. Anmerkungen zu den gesellschaftlichen Debatten über die Armee in Österreich-Ungarn und zu den innen- wie außenpolitischen Belangen im Allgemeinen sind ebenfalls von Interesse.

Aufschlussreiche Informationen bieten die Bestände in Moskau auch über Einschätzungen der zarischen Behörden sowohl mit Blick auf die erwarteten Leistungen der k. u. k. Streitkräfte als auch hinsichtlich der Charaktere und Kompetenzen diverser Entscheidungsträger innerhalb der gegnerischen Armee. Von besonderer Bedeutung sind dabei vor allem auch verschiedene Denkschriften der russischen Generalstabschefs als auch anderer hoher Offiziere der Zarenarmee. Diese sind wiederum im Kontext der Reformen und Entwicklungen der russischen Armee in den Jahren vor dem Ersten Weltkrieg zu betrachten und müssen dabei auch den entsprechenden Erwägungen der k. u. k. Armee gegenüber gestellt werden.¹⁹

Fest steht in jedem Fall: Eine Auseinandersetzung mit einem großen Teil der Geheimdienstquellen in den Archiven stellt Historiker gewissermaßen vor dasselbe Problem wie die damals in diesem Metier tätigen Personen. Maximilian Ronge, der letzte Chef des militärischen Nachrichtendienstes der Habsburgerarmee, hat den Aufwand, der sich aus dem Sammeln von Materialien über die militärischen Gegner ergeben hat, in seinen Büchern und Aufzeichnungen anschaulich beschrieben. Die Russen standen vor

¹⁹ Dazu siehe u. a.: [The Military History of Tsarist Russia; Taylor; Glanz – Gewalt – Gehorsam; Kronenbitter].

vergleichbaren Problemen. Die Systematisierung und Interpretation der gesammelten Informationen hat einen Großteil der Arbeit innerhalb der Geheim- beziehungsweise Nachrichtendienste eingenommen. Nicht immer gelang eine nutzbringende Bewertung der gesammelten Dokumente für operative Entscheidungen [siehe: Stone]. Österreichisch-ungarische Diplomaten bezweifelten überhaupt die Sinnhaftigkeit der Tätigkeit von Agenten, Konfidenten und anderem, wie es hieß, „lichtscheuen Gesindel“. In der Belgrader diplomatischen Vertretung des Habsburgerreiches hat man Anfang 1912 diese Bedenken ganz offen zu Papier gebracht. Man habe, wurde argumentiert, auch von militärischer Seite bestätigt bekommen, dass „der Wert dieses ganzen Kundschaftsdienstes ein sehr fraglicher ist“. [Haus-, Hof- und Staatsarchiv]. 99 Prozent der erhaltenen Mitteilungen seien nicht wahrheitsgemäß oder völlig belanglos, und das in Wien vorhandene Kartenmaterial – beispielsweise über Serbien – sei um einiges genauer als das, das man von den bezahlten Konfidenten bekomme [Ibid.].

Solche Aussagen stießen bei den Offizieren des Evidenzbüros zweifellos auf größtmögliches Unverständnis und wurden als gänzlich unqualifiziert betrachtet. Dass die geäußerte Kritik andererseits aber auch durchaus mit eigenen Beobachtungen übereinstimmte, wurde in internen Diskussionen der Geheimdienstler bisweilen freilich nicht abgestritten. Für Max Ronge waren solche Anwürfe von „externen“ Beobachtern allerdings ein Anlass, um eine weitere Professionalisierung des Kundschaftsdienstes zu verlangen. Diese Forderung wiederum ging mit dem Anspruch auf höhere Budgets für den Nachrichtendienst einher. Insofern ließ sich jede „geheimdienstliche Niederlage“ dafür nutzen, den Vorgesetzten die Notwendigkeit von Reformen vor Augen zu halten und überzeugende Argumente vorzubringen, um zusätzliche Finanzmitteln zu beantragen.

Die Frage, welchen Nutzen geheimdienstliche Arbeit im Konkreten für die Generalstäbe brachte, lässt sich rückblickend meines Erachtens nur schwer und nicht pauschal, sondern wohl nur von Fall zu Fall beantworten. Allerdings liegen auch Einschätzungen vor, die größere Zusammenhänge im Auge haben. Für Jürgen W. Schmidt ist klar, dass „der Einfluss der Vorkriegstätigkeit der Nachrichtendienste aller europäischen Großmächte auf die realen Kampfhandlungen in der Anfangsperiode des Ersten Weltkrieges <...> weitaus geringer“ war „als bislang angenommen. Zwar wurde durch die Tätigkeit der jeweiligen Nachrichtendienste die militärische Macht der potentiellen Gegner überschaubarer und die Planung ihrer künftigen Handlungen berechenbarer. Doch selbst die Ergebnisse der Tätigkeit einzelner Spitzenspione brachte keine real messbaren Vorteile für die Kriegführung Deutschlands oder Rußlands“ [Schmidt, S. 544]. Demgegenüber offenbaren jüngste Untersuchungen des amerikanischen Historikers Bruce Menning über den militärischen Geheimdienst des Zarenreichs, dass Spionagematerialien aus Österreich-Ungarn einen veritablen Einfluss etwa auf Russlands Haltung vor dem Hintergrund der Balkankriege nahmen und sich Kenntnisse über die Streitkräfte des Habsburgerreichs schließlich nicht nur auf das Verhalten der Generäle der Zarenarmee sowie

der russischen Diplomaten, sondern aller relevanten Entscheidungsträger im Sommer 1914, also unmittelbar vor Kriegsausbruch, auswirkten [siehe: Меннинг; Menning, 2015; Menning, 2010; und auch Marshall].

Während indessen in Moskau die schiere Masse an Unterlagen über den Geheimdienst der russischen Armee die dort forschenden Historiker vor große Herausforderungen stellt, präsentiert sich im Kriegsarchiv in Wien die Ausgangslage für Forschungen über den Geheimdienst der k. u. k. Armee in Ermangelung eines mit den Moskauer Materialien vergleichbaren Bestandes zunächst als nicht einfach. Die Bestände des sogenannten „Evidenzbüros“, also des militärischen Nachrichtendienstes der k. u. k. Armee, sind äußerst lückenhaft, ein Großteil der Akten wurde bei Ende des Ersten Weltkriegs absichtlich vernichtet. Maximilian Ronge hat darüber in seinen Aufzeichnungen keinerlei Zweifel gelassen.²⁰ Nichtsdestoweniger lässt sich das Fehlen von Archivalien durch die Heranziehung anderer Bestände im Kriegsarchiv zumindest teilweise kompensieren. Akten des Generalstabes sowie des Kriegsministeriums sind hier ebenso von Bedeutung wie die Materialien der Militärkanzleien Franz Josephs und des Thronfolgers oder diverse Nachlässe, wobei insbesondere die entsprechenden Aufzeichnungen von Maximilian Ronge hervorzuheben sind.²¹ Als überaus bedeutsam erweisen sich in diesem Zusammenhang vor allem auch die Bestände des k. u. k. Ministeriums des Äußern, das sich zwar für gewöhnlich ausgesprochen widerwillig an den Aktivitäten des Evidenzbüros beteiligte, aber durch das diplomatische Personal im Ausland fast automatisch zum Ansprechpartner der Geheimdienstler wurde und nolens volens in verschiedene Bereiche klandestiner Informationsbeschaffung involviert war.²² Die Heranziehung dieser Materialien kann hier das Fehlen wichtiger Aktenkonvolute betreffend die Tätigkeit des Evidenzbüros ausgleichen. Im Gegenzug wären die Bestände des russischen Außenministeriums und insbesondere jene der russischen Botschaft in Wien als wichtige zusätzliche Quellen heranzuziehen, um auf der anderen Seite die russische Sichtweise auf Österreich-Ungarn in diesem Zusammenhang berücksichtigen zu können.²³

Davon abgesehen sind grundsätzliche Fragen über die Organisationsgeschichte der Nachrichtendienste im Habsburgerreich und in Russland

²⁰ Vgl. dazu auch die Biografie über Maximilian Ronge [Moritz, Leidinger, Jagschitz].

²¹ Heranzuziehen sind demnach u. a. Akten des Evidenzbüros, des k. k. Ministeriums für Landesverteidigung, des MKFF (Militärkanzlei Franz Ferdinand), des MKSM (Militärkanzlei Seiner Majestät), Akten des Präsidiums des Kriegsministeriums, des Militärgerichtsarchivs sowie Nachlässe etwa von Maximilian Ronge oder von einem dessen Vorgänger als Chef des Nachrichtendienstes bzw. Evidenzbüros, August Urbański. Die Autorin verfügt außerdem über einige Materialien aus dem Privatnachlass von Maximilian Ronge, die ihr von dessen Enkel Prof. Gerhard Jagschitz zur Verfügung gestellt wurden.

²² Im Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHStA) in Wien von Interesse sind demnach die Akten verschiedener Botschaften bzw. Konsulate, also explizit nicht nur Dokumente bezüglich der Vertretung Österreich-Ungarns in St. Petersburg. Außerdem finden sich auch im Bestand des Politischen Archivs (PA) im Bereich „Personalia“ Hinweise auf geheimdienstliche Materien.

²³ Vor allem von Interesse im *Arhiv Vneshnej Politiki Rossijskoj Imperii* (AVPRI) sind die Akten der russischen diplomatischen Vertretung in Wien sowie diverser Konsulate, u. a. in Budapest.

über bereits publizierte Arbeiten zu erschließen. Es liegen sowohl für den Nachrichtendienst des Habsburgerreiches als auch für die „*Razvedka*“ des russischen Generalstabs grundlegende Werke vor, die einen ersten beeindruckenden Horizont geschaffen haben. So hat Michail Alekseev 1998 eine materialsatte zweibändige Arbeit über den militärischen Geheimdienst der russischen Armee verfasst.²⁴ In Österreich wiederum hat Albert Pethö bereits 1998 mit seiner Arbeit über „Österreich-Ungarns Geheime[n] Dienst im Weltkrieg“ eine unverzichtbare Grundlage für jede weitere Beschäftigung mit dem Thema geschaffen, dabei allerdings – wie der Titel des Buches verrät – die Jahre 1914–1918 ins Zentrum seiner Untersuchungen gestellt.²⁵

Darüber hinaus existieren mehrere Publikationen ehemals im Geheimdienst tätiger Personen, die jedoch vielfach eher die allgemeine „Atmosphäre“ geheimdienstlichen Arbeitens schildern und anekdotenhaft angelegt sind. Dennoch sind auch aus solchen Publikationen entsprechende Informationen über den Untersuchungsgegenstand zu entnehmen. Vorhanden sind jedenfalls nicht nur Arbeiten, die sich auf den Nachrichtendienst Österreich-Ungarns beziehen, sondern auch Werke, welche die russische Seite beleuchten [siehe: Ronge, 1930; Ronge, 1935; Шапошников; Самойло; Батюшин].

Forschungsfelder

Forschungen über die Geheimdienste der zarischen und der österreichischen-ungarischen Armee haben sich abseits der bereits erwähnten Aspekte, die sich bei Heranziehung des betreffenden Archivmaterials herausarbeiten lassen, nicht zuletzt mit dem breiten Feld der wechselseitigen Wahrnehmung des Habsburgerreiches und Russlands auf Grundlage der seitens beider Länder betriebenen Kundschaftsbeziehungsweise Spionage- und Konterspionage-tätigkeit zu befassen. Die Auseinandersetzung mit dieser Problematik kann viel und wohl auch Essentielles zum Verständnis der Vorgeschichte des Ersten Weltkriegs beitragen. Diese Vorgeschichte wiederum wurde und wird aus vielen unterschiedlichen Perspektiven behandelt, kam aber, wie es scheint, im Wesentlichen ohne einen genaueren Blick auf die Rolle der militärischen Geheimdienste aus. Ihre Tätigkeit nahm – so die Prämisse, die weiteren

²⁴ Vgl.: [Alekseev]. Neben Alekseevs Werk existiert eine Reihe vor allem russisch- und englischsprachiger Publikationen, die sich der Geschichte des russischen Geheimdiensts in der letzten Phase des Zarenreichs widmen. Für einen diesbezüglichen Überblick siehe die genannten Werke von Bruce Menning sowie das Buch von [Reforming the Tsar's Army, S. 133–185].

²⁵ Siehe: [Pethö]. Siehe außerdem für Deutschland: [Koopmann]. Außerdem das von Markus Pöhlmann herausgegebene Schwerpunktheft des *Journal of Intelligence History* über den deutschen Nachrichtendienst 1914–1918: [The Journal of Intelligence History] und das Schwerpunktheft [Renseignement et espionnage en 1914–1918] mit einem Beitrag von [Beer]. Des Weiteren auch: [Boghardt], Eine Reihe von wichtigen Publikationen, die sich der russischen Militärspionage während des Ersten Weltkriegs widmen, findet sich darüber hinaus bei [Menning, 2015].

Forschungen der Autorin zum Thema vorangestellt ist – nicht nur (mehr oder weniger großen) Einfluss auf die konkreten militärischen Planungen, sondern auch auf die Herausbildung einer öffentlichen Meinung über den jeweils anderen Staat und auf die Entwicklung der diplomatischen Beziehungen und damit auch auf die Zielrichtung der Außenpolitik mit Blick auf Russland beziehungsweise auf die Habsburgermonarchie.²⁶

Tatsächlich erscheint eine Positionierung der Geschichte von Geheimdiensten im Umfeld jener Forschungsperspektiven, welche die bereits erwähnte „neue Militärgeschichte“ in den Vordergrund stellt, mehr als angebracht. Das im vorliegenden Artikel präsentierte Untersuchungsfeld hat gewiss eine Reihe von Anknüpfungspunkte etwa für eine sozial-, kultur- und mentalitätengeschichtliche Analyse anzubieten. Wünschenswert erscheint aber auch eine Einbettung des Themas in eine Geschichte der Außenpolitik der beiden Staaten, in eine Erforschung bilateraler Beziehungen und darüber hinaus gehender Betrachtungen internationaler und transnationaler Entwicklungen. Eine solche Herangehensweise entspräche auch den Aufforderungen von Historikern und Politikwissenschaftlern sowie von Vertretern verschiedener anderer Wissenschaftsrichtungen nach einer „Entstaubung“ der „Diplomatiegeschichte“, die Jahrzehnte hindurch die Chronologie wechselseitiger Noten forciert habe und die sich – so die Forderung – von einer als altmodisch geltenden politischen Geschichte lösen sowie ihre theoretischen Defizite beheben müsse. Dasselbe gilt für die Historiographie der internationalen Beziehungen und der Geschichte der Außenpolitik insgesamt, die, so das Postulat, sich nicht auf die „Beziehungsgeschichte diplomatischer Eliten <...> verengen“ oder „auf Regierungsakten als Quellengrundlage <...> beschränken“ und die „politische Ereignisgeschichte als Gliederungsprinzip <...> verwenden“ solle [Conze, S. 120–121].

Dennoch wird eine Geschichte der Geheimdienste nicht ganz auf die „politische Ereignisgeschichte als Gliederungsprinzip“ verzichten können. Eine entsprechende Berücksichtigung wichtiger Eckdaten im bilateralen Verhältnis zwischen Russland und Österreich-Ungarn wie das Münchener Abkommen 1903, die Annexionskrise 1908/09 oder die Balkankriege 1912/13 sind unverzichtbare Orientierungspunkte gerade auch für die Geschichte der Nachrichtendienste und die wechselseitige Wahrnehmung auf Grundlage ihrer Tätigkeit. Die genannten „Ereignisse“ wirkten sich unmittelbar auf die Arbeit der „Dienste“ aus und sind gewissermaßen „Prüfpunkte“ für die Qualität ihrer Anstrengungen. Auch die russische Revolu-

²⁶ 2001 hat Reinhard Doerries in dem Band „Diplomaten und Agenten – Nachrichtendienste in der Geschichte der deutsch-amerikanischen Beziehungen“ seinem Thema entsprechend ganz explizit festgehalten: „Nicht zuletzt auf Grund der vor allem in Großbritannien und in den Vereinigten Staaten von Amerika publizierten Forschungsergebnisse hat auch in Deutschland die Einsicht an Raum gewonnen, dass ein ganzer Bereich von Einflussfaktoren in der Geschichte der internationalen Beziehungen bisher weithin ausgeklammert wurde und daher noch erhebliche Kenntnislücken bestehen. <...> Die Nachrichtendienste sind ein fester Bestandteil der Diplomatiegeschichte und der Militärgeschichte und ihre Rolle in den Beziehungen zwischen den Nationen ist vielgestaltig, kompliziert und kontrovers“ [Doerries, S. 9].

tion 1905/06, die dem k. u. k. Evidenzbüro die Möglichkeit vor Augen hielt, innerrussische Regimegegner für die eigenen Zwecke zu gebrauchen, ist als ereignisgeschichtliche Wegmarke von Bedeutung [Ronge, 1930, S. 23]. Darüber hinaus soll es nicht nur darum gehen, Auswirkungen nachrichtendienstlicher Tätigkeiten auf innen- wie außenpolitische Entwicklungen zu untersuchen, sondern auch die Folgen geheimdienstlicher Aktivitäten sowie der Spionagetätigkeit des jeweiligen gegnerischen Staates auf eine „öffentliche Meinung“ im Auge zu behalten – ein Ansatz, der sich auch im bereits erwähnten Forschungsprojekt zu den „Kulturen der Intelligence“ wiederfindet. Zu berücksichtigen sind insbesondere Wahrnehmungen und Wahrnehmungsänderungen im gesamtgesellschaftlichen Kontext. So ist zu konstatieren, dass die Presseberichterstattung über diverse Spionagefälle in Österreich-Ungarn zehn bis fünfzehn Jahre vor Ausbruch des Ersten Weltkriegs wohl durchaus dazu angetan waren, nicht nur das Bild beispielsweise von Russland und den Russen mitzuprägen, sondern auch insgesamt die Beurteilung von Bedrohungsszenarien – sei es seitens der militärischen oder politischen Entscheidungsträger, sei es seitens der Bevölkerung – zu beeinflussen [siehe: Fuller].

Auch die unmittelbar im Geheimdienst tätigen Persönlichkeiten haben immer wieder die Quantität von Spionagefällen mit konkreten Bedrohungsbildern in Verbindung gebracht. Dieser im Regelfall überall, das heißt innerhalb der Geheimdienste wohl aller Staaten stark ausgeprägte Alarmissmus der leitenden Offiziere ist nicht ohne Folgen geblieben – bezüglich der Budgetierung der Geheimdienste ebenso wie in Hinblick auf die Forderung nach höheren Strafen für Spione. Dasselbe gilt auch für die allgemeinen Begleitumstände militärischer, aber auch diplomatischer Entscheidungsfindungsprozesse. Spionagefälle könnten demgemäß sehr wohl zum Anlass genommen werden, zumindest über Kurskorrekturen im Umgang mit dem jeweils anderen Staat nachzudenken. Und – da ist der Fall Dreyfus ganz sicher keine Ausnahme –: Spionage und Verrat als Themen eines öffentlichen Diskurses haben immer auch die Frage nach dem Zustand der Gesellschaft aufgeworfen – der eigenen und jener des jeweils anderen Staates. Gerade in Österreich-Ungarn sahen sich viele kritische Stimmen in Anbetracht der Vielzahl von Spionage- beziehungsweise Verratsfällen, die in den letzten Monaten vor dem Ersten Weltkrieg ans Tageslicht gekommen sind, in ihren pessimistischen Ansichten über das Wesen und die Zukunft der Doppelmonarchie bestätigt. Den „Fall Redl“ bezeichneten Zeitzeugen in der Donaumonarchie nicht umsonst als „moralisches Königgrätz“ [siehe: Moritz, Leidinger, S. 264–269]. Außerdem wurde nicht nur das Selbstbild von den Debatten über die Spionage beeinflusst; auch in den Beurteilungen etwa des Habsburgerstaates, die von außen kamen, rekurierte man immer wieder auf Verratsfälle, um auf diese Weise eine Art Sittenbild des betreffenden Staates zu entwerfen. Die ausländischen Reaktionen auf den „Fall Redl“ haben das auf anschauliche Art und Weise bestätigt. Weitere Forschungen haben daher unter anderem unbedingt die Militärattachéberichte der wichtigsten „player“ im europäischen Mächtekoncert am Vorabend des Ersten

Weltkriegs mit einzubeziehen. Ihre Einschätzungen des „Spionagekrieges“ vor 1914 lassen wiederum weitgehende Rückschlüsse auf die eigene Bündnispolitik hinter den Kulissen zu.²⁷

Es geht demnach nicht allein darum, wie viel diplomatisches Porzellan in Anbetracht diverser Skandale zwischen den Staaten zerbrochen wurde und wie solche Konflikte von Dritten kommentiert wurden, sondern auch um Folgen, die sich nicht zuletzt im Feld der Propaganda verorten lassen.²⁸ Zweifelsohne haben Spionagefälle beziehungsweise hat die Berichterstattung darüber die Herausbildung beziehungsweise Entwicklung von Feindbildern und Stereotypen in der Sicht auf einen gegnerischen Staat beeinflusst und womöglich gesteuert. Dieser Umstand darf in Zusammenhang mit der Beschäftigung mit Geheimdienstgeschichte in jedem Fall für besonders wichtig, vielleicht sogar für unterschätzt gelten [Vgl.: Altenhöner]. David French hat in seinem mit Gewinn zu lesendem Artikel über das „Spionagefieber“ in Großbritannien zwischen 1900 und 1915 überdies gezeigt, wie sehr populäre, fiktionale „Spionagegeschichten“ die „Massen“ zu beeinflussen vermochten, ein Klima der Angst schufen und sich dieses schließlich unmittelbar auf die Bedeutung und die Arbeit der Geheimdienste auswirkte. Die britisch-deutschen Beziehungen litten beträchtlich angesichts der gegenseitigen Verdächtigungen, mit Hilfe regelrechter Armeen von Spionen den nächsten Krieg vorbereiten zu wollen.²⁹ Es wird zu zeigen sein, ob sich in Österreich-Ungarn und Russland ähnliche Zuspitzungen in Zusammenhang mit der Wahrnehmung beziehungsweise Vorverurteilung von „Fremden“ feststellen lassen, wobei hier zweifelsohne auch spezifischen „Traditionen“ im Umgang mit „Ausländern“ Rechnung zu tragen ist.

Wenn man sich also mit der auch von damaligen Geheimdienstleuten so bezeichneten „Spionitis“ auseinandersetzt, die bereits vor 1914 in verschiedenen Wellen auftrat [Krieger, S. 147] und gleich nach Beginn des Krieges – gerade im Zuge der Auseinandersetzung zwischen dem Habsburgerreich und Russland – eine unbekannte Zahl an Opfern gefordert hat [siehe: Leidinger], dann wird man sich wohl auch fragen müssen, inwieweit die überaus intensive Berichterstattung über Spionagefälle vor dem Krieg nicht auch dazu beigetragen hat, hier einerseits ein übertriebenes Maß an Misstrauen zu schaffen und andererseits (latent vorhandene) Feindbilder festzulegen, um auf diese Weise aktuelle, aber auch spätere politische Entscheidungen

²⁷ Vgl. dazu etwa die Militärattachéberichte im SHD/AAT (Service Historique de la Défense/Archives des l'armée de terre, Paris) sowie die Bestände im TNA (The National Archives, London) innerhalb des WO (War Office). Heranzuziehen wäre des Weiteren die entsprechenden Berichte im Ufficio Storico della Marina Militare in Rom oder des Vojni archiv Srbije in Belgrad. Von Interesse dürften außerdem auch im Militärarchiv in Freiburg und im Politischen Archiv des Auswärtigen Amtes in Berlin vorhandene deutsche militärische und diplomatische Berichte über den Bündnispartner sein.

²⁸ Bisherige diesbezügliche Forschungen betreffen allerdings vornehmlich die Zeit des Ersten Weltkriegs und weniger die Zeit davor. Vgl. aber: [Keisinger].

²⁹ Vgl.: [French] sowie [Rose; Moritz, 2014a]. Mit Verweisen auf Feindbilder in Zusammenhang mit Spionage bezüglich Frankreich und Deutschland siehe: [Jeismann; Nolan].

zu legitimieren oder aber deren Akzeptanz gewissermaßen vorzubereiten [vgl.: Bavendamm]. Unter anderem die Internierung von Ausländern, die sich zu Beginn des Krieges in den jeweiligen „Feindstaaten“ aufhielten, sowie diverse Ausschreitungen gegen Zivilisten aus dem feindlichen Ausland oder latent verdächtigten Angehörigen bestimmter nationaler Gruppen in den ersten Wochen nach Kriegsausbruch sind unter Berücksichtigung solcher Überlegungen zu betrachten.³⁰ Eine „mentale Kriegsvorbereitung“ durch das Schüren einer regelrechten Spionagehysterie betraf in Europa in jedem Fall große Teile der Bevölkerung [vgl.: Nicolai]. In diesem Zusammenhang ist schließlich auch auf den Forschungsstand über Feindbilder betreffend Russland vor und bei Beginn des Ersten Weltkriegs hinzuweisen, der in Bezug auf Deutschland als noch ausbaufähig angesehen wird und bezüglich des Habsburgerreiches als äußerst fragmentarisch bezeichnet werden muss [Hoeres, S. 181]. Forschungsdefizite sind auch hinsichtlich der russischen Sicht auf die Habsburgermonarchie zu konstatieren.³¹ Diesbezügliche Untersuchungen dürfen nicht bloß an den diplomatischen Konflikten der beiden Staaten festgemacht werden – wie etwa an der Annektionskrise –, sondern haben auch Themen jenseits der „klassischen“ bilateralen Berührungspunkte mit einzubeziehen. In Österreich-Ungarn kann die Berichterstattung über die Revolution von 1905/06 sicherlich als einflussreich im Sinne einer Meinungsbildung bezeichnet werden. Gemeint sind damit auch explizit Langzeitwirkungen, etwa die verbreitete Darstellung des Zarenregimes als despotisches und brutales Imperium gegenüber Fremden und eigenen „Untertanen“ unter anderem während des Ersten Weltkrieges.

Perspektiven

Eine Geschichte der militärischen Nachrichtendienste Österreich-Ungarns und des Zarenreichs vor dem Ersten Weltkrieg, welche die wechselseitigen Wahrnehmungen und Einschätzungen auf Grundlage von geheimdienstlichen Aktivitäten fokussiert, kann sich nicht nur im Bereich der „neuen Militärgeschichte“, sondern auch im Feld der „internationalen Beziehungen“ oder aber der Stereotypen- und Feindbilderforschung positionieren.

Ausgehend von den verschiedenen Arten geheimdienstlicher Tätigkeit sowie den mannigfaltigen Aufgaben der „Dienste“ und den Reaktionen sowohl außenpolitischer als auch militärischer Entscheidungsträger auf die klandestinen Aktivitäten der jeweiligen Nachrichtendienste sowie die aus unterschiedlichen Quellen stammenden Informationen über den potentiellen militärischen Gegner, kann auf weiterreichende Konsequenzen verwiesen werden. Diese erstrecken sich nicht nur auf militärische

³⁰ Vgl. [French, S. 370]. Zur Behandlung der „Deutschen“ in Russland nach Ausbruch des Weltkriegs siehe zusammenfassend z.B.: [Neutatz]. Für Österreich-Ungarn vgl.: [Moritz, 2014b].

³¹ Hilfreich in diesem Zusammenhang aber: [Bayer].

Erwägungen beziehungsweise Planungen, außenpolitische Konzepte und Erwägungen oder die öffentliche Meinung über den jeweils anderen Staat beziehungsweise deren „Lenkung“, sondern auch auf die Frage tatsächlicher oder aber geschürter Bedrohungsszenarien. Das Problem der Instrumentalisierung geheimdienstlicher Informationen oder Aktivitäten ist hier genau zu betrachten.

Von besonderem Interesse sind schließlich auch die Einschätzungen der bilateralen Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und dem Zarenreich seitens Dritter. Auf diese Weise lassen sich aufschlussreiche Einblicke in die Bündnispolitik am Vorabend des Ersten Weltkriegs gewinnen.

Darüber hinaus müssen auch die Akteure geheimdienstlicher Aktivitäten mit ihren Absichten und Motiven entsprechend beachtet werden. Auftraggeber, also Leiter oder Mitarbeiter der „Dienste“ oder aber Militärattachés sind hier in ihrem Wirkungskreis und hinsichtlich ihrer Werthaltungen ebenso zu berücksichtigen wie Auftragnehmer. So kann die Bearbeitung des Themas auch die gesellschaftlichen und geistigen Milieus der „Spione“ beziehungsweise Agenten offen legen und deren tatsächlichen Anteil am „Geschäft“ der Geheimdienste ausleuchten. In dieser Hinsicht sind also auch Beiträge zur Sozial-, Kultur-, Mentalitäten- und in gewisser Weise auch zur Alltagsgeschichte zu leisten.

Список литературы

Алексеев М. Военная разведка России : От Рюрика до Николая II : в 2 кн. М. : Русская разведка.

Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки : Сборник документов и материалов. М. : Кучково поле, 2007. 493 с.

ГРУ : Уникальная энциклопедия / А. Север, А. Колпадики. М. : Яуза, 2009. 861 с.

Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М. : Кучково поле, 2008. 797 с.

Меннинг Б. Наследие агента № 25 // Родина. 2014. № 8. С. 32–35.

Самойло А. Две жизни. Л. : Лениздат, 1963. 345 с.

Хлобустов О. Госбезопасность России от Александра I до Путина. М. : Ин-Фолио. 634 с.

Шапошников Б. М. Воспоминания. М. : Воениздат, 1982. 558 с.

Altenhöner F. „Spionitis“ – reale Korrelate und Deutungsmuster der Angst vor Spionen, 1900-1914 // Kollektive Identitäten und kulturelle Innovationen. Ethnologische, soziologische und historische Studien / ed. by W. Rammert, G. Knauth, G. Buchenau, F. Altenhöner. Leipzig : Leipziger Univ. Verlag, 2001. S. 77–91.

Bailey G., Kondrašov S., Murphy D. Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im Kalten Krieg. Berlin : Ullstein, 2000. 480 S.

Bavendamm G. Spionage und Verrat. Konspirative Kriegserzählungen und französische Innenpolitik, 1914–1917. Essen : Klartext, 2004. 368 S.

Bayer W. Die russische Presse während der Bosnischen Krise 1908/09: außenpolitische Zielvorstellungen vor dem Hintergrund der europäischen Politik. Wien : Dissertation 1990.

Beer S. Les services du renseignement habsbourgeois ont-ils échoué? La défaite des services du renseignement austro-hongrois dans la Première Guerre mondiale // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2008. No. 232 (Octobre-Décembre). P. 73–86.

Blom Ph. Der taumelnde Kontinent. Europa 1900–1914. München : Hanser, 2009. 528 S.

Boghardt T. Spies of the Kaiser : German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 224 S.

Buchheit G. Spionage in zwei Weltkriegen. Schachspiel mit Menschen, Landshut: Politisches Archiv, 1975, 352 S.

Conze E. Zwischen Staatenwelt und Gesellschaftswelt. Die gesellschaftliche Dimension internationaler Geschichte // Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Ausichten / ed. by W. Loth, J. Osterhammel. München : Oldenbourg, 2000. S. 117–140.

Debruyne E. Espionage // 1914–1918-online : International Encyclopedia of the First World War / ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson. Berlin : Freie Universität Berlin, 2014-10-08. DOI: <http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.1031> (abgerufen am 10.02.2015).

Der Spiegel. 2013. No. 3. S. 52.

Doerries R. Diplomaten und Agenten – Nachrichtendienste in der Geschichte der deutsch-amerikanischen Beziehungen. Heidelberg : Winter, 2001. 229 S.

Fletcher P. Histoire de la Cryptographie – *Les écritures secrètes depuis l'Antiquité jusqu'à nos jours*. Paris : Payot, 1940. 246 S.

French D. Spy fever in Britain, 1900–1915 // The Historical Journal. 1978. Vol. 21, No. 2. S. 355–370.

Fuller W. C. The Foe within. Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2009. 286 S.

Geschichte der Organisation Gehlen und des BND 1945–1968 // Tagungsbericht : Die Geschichte der Organisation Gehlen und des BND 1945–1968 – Umriss und Einblicke, 02.12.2013 Berlin, in: H-Soz-kult, 23.04.2014. URL : <http://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-5325> (abgerufen am 02.01.2015).

Glanz – Gewalt – Gehorsam. Militär und Gesellschaft in der Habsburgermonarchie (1800–1918) / ed. by L. Cole. Essen : Klartext, 2011. 433 S.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHSTA)/PAI Personalia, Kt. 783, Schreiben der Légation d'Autriche-Hongrie Belgrade, 26. Feber 1912 an Ladislaus Freiherrn von Müller.

Hoeres P. Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners bei den Mittelmächten. Selbst- und Feindbild // Die vergessene Front. Der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / ed. by G. P. Groß. Paderborn u. a. : Schöningh, 2006. S. 179–200.

Höhne H. Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluß der deutschen und russischen Geheimdienste. Frankfurt/Main : Ullstein, 1988. 607 S.

Horak O. Andreas Figl. Altmeister der österreichischen Enträtselungskunst und kryptographischen Wissenschaft – Leben und Werk 1873–1967. Linz : Trauner, 2005. 370 S.

Horak O. Der Beitrag von E. B. Fleissner und A. Figl zur Kryptographie von heute // Österreichische Militärische Zeitschrift. 1986. No. 1.

Horn E. Der geheime Krieg. Verrat, Spionage und moderne Fiktion. Frankfurt/Main : Fischer, 2007. 541 S.

Jeismann M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1782–1918. Stuttgart : Klett-Cotta, 1992. 414 S.

Kahn D. The Reader of Gentlemen's Mail : Herbert O. Yardley and the Birth of American Codebreaking. New Haven : Yale Univ. Press, 2004. 318 p.

Keisinger F. Unzivilisierte Kriege im zivilisierten Europa? : Die Balkankriege und die öffentliche Meinung in Deutschland, England und Irland 1876–1913. Paderborn : Schöningh, 2008. 201 S.

Knightley Ph. Die Geschichte der Spionage im 20. Jahrhundert – Aufbau und Organisation, Erfolge und Niederlage der großen Geheimdienste. Berlin : Volk und Welt, 1990. 415 S.

Konspiration als Beruf. Deutsche Geheimdienstchefs im Kalten Krieg / ed. by D. Krüger, A. Wagner. Berlin : Links, 2003. 352 S.

Koopmann F. Diplomatie und Reichsinteresse: Das Geheimdienstkalkül in der deutschen Außenpolitik 1914 bis 1917. Frankfurt/Main u. a. : Lang, 1990. 435 S.

Krieger W. Geschichte der Geheimdienste. Von den Pharaonen bis zur CIA. München : Beck, 2009. 362 S.

Kronenbitter G. Krieg im Frieden. Die Führung der k.u.k. Armee und die Großmachtspolitik Österreich-Ungarns 1906–1914. München : Oldenbourg, 2003. 579 S.

Leidinger H. „Der Einzug des Galgens und des Mordes“. Die parlamentarischen Stellungnahmen polnischer und ruthenischer Reichsratsabgeordneter zu den Massenhinrichtungen in Galizien 1914/15 // Zeitgeschichte. 2006. 33/5 (September/Oktober). S. 235–260.

Leidinger H., Moritz V. Die Last der Historie. Das Heeresgeschichtliche Museum in Wien und die Darstellung der Geschichte bis 1945 // Zeitgeschichte ausstellen in Öster-

reich. Museen – Gedenkstätten – Ausstellungen / ed. by D. Rupnow, H. Uhl. Wien, Köln, Weimar : Böhlau, 2011. S. 15–44.

Marshall A. Russian Military Intelligence, 1905–1917: The Untold Story behind Tsarist Russia in the First World War // *War in History*. 2004. Vol. 11, No. 4. S. 393–423.

Menning B. Russian Military Intelligence, July 1914 : What St. Petersburg Perceived and Why It Mattered // *The Historian*. 2015. Vol. 77, No. 2. P. 213–268.

Menning B. War Planning and Initial Operations in the Russian Context // *War Planning 1914* / ed. by R. Hamilton, H. Herwig. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. P. 80–142.

Moritz V. Gefangenschaft // *Leidinger H., Moritz V., Moser K., Dornik W.* Habsburgs schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten, Salzburg : Residenzverlag, 2014a. S. 93–144.

Moritz V. Schattenwelten. Die Aktivitäten der militärischen Geheimdienste während des Ersten Weltkrieges // *Jubel und Elend. Leben mit dem Großen Krieg 1914–1918*. Schallburg : Schallburg Verlag, 2014b. S. 350–355.

Moritz V., Leidinger H., Jagschitz G. Im Zentrum der Macht. Die vielen Gesichter des Geheimdienstchefs Maximilian Ronge. St. Pölten, Salzburg : Residenzverlag, 2007. 440 S.

Moritz V., Leidinger, H. Oberst Redl. Der Spionagefall – Der Skandal – Die Fakten. St. Pölten, Salzburg, Wien : Residenzverlag, 2012. 320 S.

Müller R. Militärgeschichte. Kön, Weimar u. a. : Böhlau, 2009. 376 S.

Neutatz D. Russland/Russisches Reich // *Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*, 2013. URL: ome-lexikon.uni-oldenburg.de/55260.html (Stand 23.01.2013, abgerufen am 2.1.2015).

Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin : Mittler, 1920. 226 S.

Nolan M. E. The Inverted Mirror. Mythologizing the Enemy in France and Germany, 1898–1914. New York : Berghahn Books, 2005. 141 p.

Österreich im frühen Kalten Krieg: 1945–1958. Spione, Partisanen, Kriegspläne / ed. by E. Schmidl. Wien, Köln, Weimar : Böhlau, 2000. 275 S.

Pethö A. Agenten für den Doppeladler. Österreich-Ungarns Geheimer Dienst im Weltkrieg. Graz, Stuttgart : Stocker, 1998. 448 S.

Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / ed. by D. Schimmelpenninck van der Oye, B. Menning. Washington DC, Cambridge : Woodrow Wilson Center Press, 2004. P. 133–185.

Renseignement et espionnage en 1914–1918 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2008. No. 232 (Octobre-Décembre).

Ronge M. Kriegs- und Industriespionage. Zwölf Jahre Kundschaftsdienst. Zürich u. a. : Amalthea, 1930. 424 S.

Ronge M. Meister der Spionage. Leipzig, Wien : Günther, 1935. 258 S.

Rose A. Zwischen Empire und Kontinent. Britische Außenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. München : Oldenbourg, 2011. 650 S.

Schmidt J. Gegen Russland und Frankreich. Der deutsche militärische Geheimdienst 1890–1914. Ludwigsfelden : Ludwigsfelder Verlagshaus, 2007. 658 S.

Sibley K. Red Spies in America: Stolen Secrets and the Dawn of the Cold War. Lawrence : Univ. Press of Kansas, 2004. 370 p.

Stone N. Austria-Hungary // *May E.* Knowing One's Enemies. Intelligence Assessment before the two World Wars. Princeton : Univ. Press, 1984. P. 37–61.

Taylor B. Politics and the Russian Army. Civil-military Relations, 1689–2000. Cambridge : Univ. Press, 2003. 355 p.

The Journal of Intelligence History. 2005. Vol. 5, No. 2 (Winter).

The Military History of Tsarist Russia / ed. by F. Kagan. New York : Palgrave, 2002. 266 p.

Wagner A. Rezension zu: Hirschmann, Kai: Geheimdienste. Hamburg 2004 // *H-Soz-Kult*, 12.10.2004. URL: <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-5071> (abgerufen am 01.01.2015).

Was ist Militärgeschichte? / ed. by T. Kühne, B. Ziemann. Paderborn : Schöningh, 2000. S. 359.

Yves G. The Contribution of the Cryptographic Bureaus in the World War. Laguna Hills : Aegean Press, 1978. 87 p.

References

- Alekseev, M. (1998). *Voennaya razvedka Rossii : Ot Ryurika do Nikolaya II* [Military Intelligence in Russia: From Rurik to Nicholas II]. (Books 1–2). Moscow, Russkaya razvedka.
- Altenhöner, F. (2001). „Spionitis“ – reale Korrelate und Deutungsmuster der Angst vor Spionen, 1900-1914. In Rammert, W., Knauth, G., Buchenau, G. & Altenhöner F. (Eds.). *Kollektive Identitäten und kulturelle Innovationen. Ethnologische, soziologische und historische Studien* (pp. 77–91). Leipzig, Leipziger Univ. Verlag.
- Bailey, G., Kondrašov, S. & Murphy, D. (2000). *Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im Kalten Krieg*. 480 S. Berlin, Ullstein.
- Batyushin, N. S. (2007). *U istokov russkoj kontrrazvedki: Sbornik dokumentov i materialov* [At the Roots of Russian Counterintelligence: A Collection of Documents and Materials]. 493 p. Moscow, Kuchkovo pole.
- Bavendamm, G. (2004). *Spionage und Verrat. Konspirative Kriegserzählungen und französische Innenpolitik, 1914–1917*. 368 S. Essen, Klartext.
- Bayer, W. (1990). *Die russische Presse während der Bosnischen Krise 1908/09: außenpolitische Zielvorstellungen vor dem Hintergrund der europäischen Politik*. Wien, Dissertation.
- Beer, S. (2008). Les services du renseignement habsbourgeois ont-ils échoué? La défaite des services de renseignement austro-hongrois dans la Première Guerre mondiale. In *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 232 (Octobre-Décembre), pp. 73–86.
- Blom, Ph. (2009). *Der taumelnde Kontinent. Europa 1900–1914*. 528 S. München, Hanser.
- Boghardt, T. (2004). *Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era*. 224 p. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
- Buchheit, G. (1975). *Spionage in zwei Weltkriegen. Schachspiel mit Menschen*. 352 S. Landshut, Politisches Archiv.
- Cole, L. (Ed.). (2011). *Glanz – Gewalt – Gehorsam. Militär und Gesellschaft in der Habsburgermonarchie (1800–1918)*. 433 S. Essen, Klartext.
- Conze, E. (2000). Zwischen Staatenwelt und Gesellschaftswelt. Die gesellschaftliche Dimension internationaler Geschichte. In Loth, W. & Osterhammel J. (Eds.) *Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten*. S. 117–140. München, Oldenbourg.
- Debruyne, E. (2014). Espionage. In Daniel, U., Gatrell P., Janz, O., Jones, H., Keene, J., Kramer, A. & Nasson B. (Eds.). *1914–1918-online: International Encyclopedia of the First World War*. Berlin, Freie Universität Berlin. 2014-10-08. DOI: <http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.1031> (accessed 10.02.2015).
- Der Spiegel*. (2013). 3, S. 52.
- Doerries, R. (2001). *Diplomaten und Agenten – Nachrichtendienste in der Geschichte der deutsch-amerikanischen Beziehungen*. 229 S. Heidelberg, Winter.
- Fletcher, P. (1940). *Histoire de la Cryptographie – Les écritures secrètes depuis l'Antiquité jusqu'à nos jours*. 246 S. Paris, Payot.
- French, D. (1978). Spy fever in Britain, 1900–1915. In *The Historical Journal*, 21/2, pp. 355–370.
- Fuller, W. C. (2009). *The Foe within. Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia*. 286 p. Ithaca, Cornell Univ. Press.
- Geschichte der Organisation Gehlen und des BND 1945–1968. In *H-Soz-kult*, 23.04.2014. Available at: <http://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-5325> (accessed 02.01.2015).
- Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHSTA)/PAI Personalia, Kt. 783, Schreiben der Légation d'Autriche-Hongrie Belgrade, 26. Feber 1912 an Ladislaus Freiherrn von Müller.
- Hlobustov, O. (2008). *Gosbezopasnost' Rossii ot Aleksandra I do Putina* [Russia's National Security from Alexander I to Putin]. 634 p. Moscow, In-Folio.
- Hoeres, P. (2006). Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners bei den Mittelmächten. Selbst- und Feindbild. In Groß, G. P. (Ed.). *Die vergessene Front. Der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* (pp. 179–200). Paderborn u. a., Schöningh.
- Höhne, H. (1988). *Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluß der deutschen und russischen Geheimdienste*. 607 S. Frankfurt/Main, Ullstein.
- Horak, O. (2005). *Andreas Figl. Altmeister der österreichischen Enträtselungskunst und kryptographischen Wissenschaft – Leben und Werk 1873–1967*. 370 S. Linz, Trauner.

- Horak, O. (1986). Der Beitrag von E. B. Fleissner und A. Figl zur Kryptographie von heute. In *Österreichische Militärische Zeitschrift*, 1.
- Horn, E. (2007). *Der geheime Krieg. Verrat, Spionage und moderne Fiktion*. 541 S. Frankfurt/Main, Fischer.
- Jeismann, M. (1992). *Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1782–1918*. 414 S. Stuttgart, Klett-Cotta.
- Kagan, F. (Ed). (2002). *The Military History of Tsarist Russia*. 266 p. New York, Palgrave.
- Kahn, D. (2004). *The Reader of Gentlemen's Mail: Herbert O. Yardley and the Birth of American Codebreaking*. 318 p. New Haven, Yale Univ. Press.
- Keisinger, F. (2008). *Unzivilisierte Kriege im zivilisierten Europa?: Die Balkankriege und die öffentliche Meinung in Deutschland, England und Irland 1876–1913*. 201 S. Paderborn, Schöningh.
- Knightley, Ph. (1990). *Die Geschichte der Spionage im 20. Jahrhundert – Aufbau und Organisation, Erfolge und Niederlage der großen Geheimdienste*. 415 S. Berlin, Volk und Welt.
- Koopmann, F. (1990). *Diplomatie und Reichsinteresse: Das Geheimdienstkalkül in der deutschen Außenpolitik 1914 bis 1917*. 435 S. Frankfurt/Main u. a., Lang.
- Krüger, D. & Wagner, A. (Eds.). (2003). *Konspiration als Beruf. Deutsche Geheimdienstchefs im Kalten Krieg*. 352 S. Berlin, Links.
- Krieger, W. (2009). *Geschichte der Geheimdienste. Von den Pharaonen bis zur CIA*. 362 S. München, Beck.
- Kronenbitter, G. (2003). *Krieg im Frieden. Die Führung der k.u.k. Armee und die Großmachtpolitik Österreich-Ungarns 1906–1914*. 579 S. München, Oldenbourg.
- Kühne, T. & Ziemann, B. (Eds.). (2000). *Was ist Militärgeschichte?* (p. 359). Paderborn, Schöningh.
- Leidinger, H. (2006). „Der Einzug des Galgens und des Mordes“. Die parlamentarischen Stellungnahmen polnischer und ruthenischer Reichsratsabgeordneter zu den Massenhinrichtungen in Galizien 1914/15. In *Zeitgeschichte*, 33/5 (September/Oktober), pp. 235–260.
- Leidinger, H. & Moritz, V. (2011). Die Last der Historie. Das Heeresgeschichtliche Museum in Wien und die Darstellung der Geschichte bis 1945. In Rupnow, D. & Uhl, H. (Eds.). *Zeitgeschichte ausstellen in Österreich. Museen – Gedenkstätten – Ausstellungen* (pp. 15–44). Wien, Köln, Weimar, Böhlau.
- Marshall, A. (2004). Russian Military Intelligence, 1905–1917: The Untold Story behind Tsarist Russia in the First World War, *War in History*, 11/4, pp. 393–423.
- Menning, B. (2014). Nasledie agenta № 25 [Agent 25's Legacy], *Rodina*, 8, pp. 32–35.
- Menning, B. (2015). Russian Military Intelligence, July 1914: What St. Petersburg Perceived and Why It Mattered. In *The Historian*, 77/2, pp. 213–268.
- Menning, B. (2010). War Planning and Initial Operations in the Russian Context. In Hamilton R., & Herwig H. *War Planning 1914* (pp. 80–142). Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- Moritz, V. (2014). Gefangenschaft. In Leidinger H., Moritz V., Moser K. & Dornik W. *Habsburgs schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918* (pp. 93–144). St. Pölten, Salzburg, Residenzverlag.
- Moritz, V. (2014). Schattenwelten. Die Aktivitäten der militärischen Geheimdienste während des Ersten Weltkrieges. In *Jubel und Elend. Leben mit dem Großen Krieg 1914–1918* (pp. 350–355). Schallburg, Schallburg Verlag.
- Moritz V., Leidinger H., & Jagschitz G. (2007). Im Zentrum der Macht. Die vielen Gesichter des Geheimdienstchefs Maximilian Ronge. 440 S. St. Pölten, Salzburg, Residenzverlag.
- Moritz, V. & Leidinger, H. (2012). *Oberst Redl. Der Spionagefall – Der Skandal – Die Fakten*. 320 S. St. Pölten, Salzburg, Wien, Residenzverlag.
- Müller, R. (2009). *Militärgeschichte*. 376 S. Kön, Weimar u. a., Böhlau.
- Neutatz, D. (2013). Russland/Russisches Reich. In *Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*. Available at: ome-lexikon.uni-oldenburg.de/55260.html (accessed 02.01.2015).
- Nicolai, W. (1920). *Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg*. 226 S. Berlin, Mittler.

- Nolan, M. E. (2005). *The Inverted Mirror. Mythologizing the Enemy in France and Germany, 1898–1914*. 141 p. New York, Berghahn Books.
- Schmidl, E. (Ed.). (2000). *Österreich im frühen Kalten Krieg: 1945–1958. Spione, Partisanen, Kriegspläne*. 275 S. Wien, Köln, Weimar, Böhlau.
- Pethö, A. (1998). *Agenten für den Doppeladler. Österreich-Ungarns Geheimer Dienst im Weltkrieg*. 448 S. Graz, Stuttgart, Stocker.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. & Menning B. (Eds.) (2004). *Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* (pp. 133–185). Washington DC, Cambridge, Woodrow Wilson Center Press.
- Renseignement et espionnage en 1914–1918. (2008). In *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 232 (Octobre-Décembre).
- Ronge, M. (1930). *Kriegs- und Industriespionage. Zwölf Jahre Kundschaftsdienst*. 424 S. Zürich u. a., Amalthea.
- Ronge, M. (1935). *Meister der Spionage*. 258 S. Leipzig, Wien, Günther.
- Rose, A. (2011). *Zwischen Empire und Kontinent. Britische Außenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg*. 650 S. München, Oldenbourg.
- Samojlo, A. (1963). *Dve zhizni* [Two Lives]. 345 p. Leningrad, Lenizdat.
- Schmidt, J. (2007). *Gegen Russland und Frankreich. Der deutsche militärische Geheimdienst 1890–1914*. 658 S. Ludwigsfelden, Ludwigsfelder Verlagshaus.
- Sever, A. & Kolpadiki, A. (2009). *GRU : Unikal'naya e'nciklopediya* [The GRU: A Unique Encyclopaedia]. 861 p. Moscow, Yauza.
- Shaposhnikov, B. M. (1982). *Vospominaniya* [Memoirs]. 558 p. Moscow, Voenizdat.
- Sibley, K. (2004). *Red Spies in America: Stolen Secrets and the Dawn of the Cold War*. 370 p. Lawrence, Univ. Press of Kansas.
- Stone, N. (1984). Austria-Hungary. In May E. *Knowing One's Enemies. Intelligence Assessment before the two World Wars* (pp. 37–61). Princeton, Univ. Press.
- Taylor, B. (2003). *Politics and the Russian Army. Civil-military Relations, 1689–2000*. 355 p. Cambridge, Univ. Press.
- The Journal of Intelligence History*. (2005). 5/2 (Winter).
- Wagner, A. (2004). Rezension zu: Hirschmann, Kai: *Geheimdienste*. Hamburg. In *H-Soz-Kult*, 12.10.2004. Available at: <<http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rez-buecher-5071>> (accessed 01.01.2015).
- Yves, G. (1978). *The Contribution of the Cryptographic Bureaus in the World War*. 87 p. Laguna Hills, Aegean Press.
- Zdanovich, A. A. (2008). *Organy' gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaya armiya* [National Security Forces and the Red Army]. 797 p. Moscow, Kuchkovo pole.

The article was submitted on 20.06.2015

Верена Моритц, Dr.,
 университет Вены,
 Вена, Австрия
 verena.moritz@univie.ac.at

Verena Moritz, Dr.,
 University of Vienna,
 Vienna, Austria
 verena.moritz@univie.ac.at

**PARIS-WIEN-ST. PETERSBURG ODER
ALGER-BRNO-CHARKIV?: WISSENSTRANSFER
UND DIE ‚COMPOSITE STATES‘**

The exchange of science and knowledge between capital cities has dominated research in recent decades. Imperial provinces have played only a minor role in recent works partly because as independent states, their histories are analyzed by other historians. In this article, I propose an alternative model to conceptualize and describe the contacts between both centers and provinces and between empires. Following ideas of Jurij Lotman, Andreas Kappeler and Moritz Csáky, I maintain that provinces and peripheries function as a necessary and constitutive moment in the intellectual geography of empires, and their interplay with the center prove essential for intellectual productivity. I discuss such processes as multicultural and multilingual exchange, including scholars defining themselves as Polish and Ukrainian, who helped to transmit new knowledge to imperial centers. I claim that the periphery is a privileged space for innovation, which is not constrained by the center's tight control, but instead subjected to manifold influences enabled through its heterogeneity. For instance, historiographically Kiev served in the 19th century as a center of innovation for the Russian empire. Similarly, John Stewart Mill's positivism was first discussed in Russian by a multilingual scholar of Polish origin, Baltazar Kalinowski, in St. Petersburg in the context of Polish (inner) Émigré organizations. Philosopher Henryk Struve, professor of Warsaw Main School, then Imperial Warsaw University, on the other hand, helps to visualize entanglements in the sphere of logic and history of philosophy. When Struve received his doctoral degree in Moscow, his controversial views sparked a debate over materialism, engaging several established and younger scholars. Also later, while predominantly writing in Polish, he published in Russian on contemporary philosophy and logic, presenting new insights from his western-peripheral position. Finally, while working in Graz, the Habsburg periphery, sociologist Ludwik Gumplowicz, of Jewish ancestry and Polish national allegiance, not only served a pivotal role in late imperial Russian sociology but also was cited in early Marxist works. Gumplowicz stands for manifold peripheries either through his Jewishness, his Anti-Clericalism and / or his scholarly position. Nonetheless, his sociology came to Russia by detouring through France, where it was popularized first by René Worms and his *Institut International de Sociologie*, a similarly peripheral institution, albeit located in the very center of Paris.

Keywords: history of science, imperial history, periphery, positivism, transfer of knowledge.

В последние десятилетия обмен знаниями между столицами государств стал главным источником развития науки. Провинциальным городам империй в недавних исследованиях уделялось мало внимания – в том числе и потому, что ученые рассматривают их историю как независимых государств. В настоящей статье я представляю альтернативный метод концептуализации и описания контактов между центрами и их провинциальными владениями, а также взаимодействия между империями. Опираясь на идеи Юрия Лотмана, Андреаса Каппелера и Морица Чаки, я предлагаю рассматривать провинции и периферию как необходимую составляющую интеллектуальной карты империй, а их взаимодействие с центром – как важный момент в порождении знания. Я рассматриваю такие процессы на примере мультикультурного и межъязыкового обмена, включая труды ученых, считавших себя поляками и украинцами и помогавших передавать новое знание в центры империй. Я настаиваю на том, что периферия является благоприятным местом для инноваций, так как она свободна от строгого контроля центра и при этом, благодаря своему разнородному характеру, открыта для воздействия множества взглядов. Прежде всего это касается историографии, относительно которой в XIX в. Киев служил инновационным центром Российской империи. Также позитивизм Джона Стюарта Милля впервые был описан на русском языке ученым польского происхождения Бальтазаром Калиновским в Санкт-Петербурге в контексте польских (внутренних) организаций эмигрантов. С другой стороны, благодаря философу Генриху Струве, профессору Варшавской главной школы, а впоследствии Императорского Варшавского университета, были обнаружены проблемные вопросы в сфере логики и истории философии. Когда Струве защищал докторскую диссертацию в Москве, его противоречивые взгляды вызвали споры молодых, но уже именитых ученых вокруг материализма. Позже, создавая свои работы почти исключительно на польском, он опубликовал труды и на русском языке на тему современной философии и логики, представляя новый взгляд на вещи, обусловленный проживанием на западной периферии страны. И, наконец, роль социолога еврейского происхождения Людвика Гумпловича, гражданина Польши и профессора университета Граца, города Габсбургской периферии, была ключевой для социологии поздней Российской империи, и его цитируют ранние марксистские труды. Гумплович оказался сразу на нескольких перифериях – в силу своего еврейского происхождения, а также антиклерикальных и научных воззрений. Но его труды по социологии пришли в Россию через Францию, где были популяризованы Рене Уормом и его Международным институтом социологии, также учреждением периферийного характера, хотя и находившимся в самом центре Парижа.

Ключевые слова: история науки; имперская история; периферия; позитивизм; передача знаний.

Den personenbezogenen Wissenstransfer – *komandirovki*, d.i. vom Staat bezahlte und verordnete Forschungsstipendien ins Ausland – bezeichnete die Historikerin Trude Maurer als den „Weg zur Mündigkeit“ russländischer Wissenschaftler. Und sie fügte hinzu, dass 1914 zumindest die Universitäten bereits „mündig“ geworden waren [Maurer, S. 60, 76]. Die Modernisierung der Wissenschaftslandschaft – im russländischen Fall werden darunter meistens deren Säkularisierung, Institutionalisierung, Verbürgerlichung, Professionalisierung und nicht zuletzt Russifizierung verstanden [z.B. Ellis; Vucinich] – schritt in der *belle époque* fort: „In the first third of the 20th century,“ schreibt der Moskauer Wissenschaftshistoriker Alexandr Dmitriev – „Russian science made a great leap forward, even compared to a generally accelerated and even revolutionary development of science in Europe and America.“ [Dmitriev, S. 147] Gleich im nächsten Satz beschreibt er allerdings die starke Orientierung der russischen Wissenschaften an den deutschen – allerdings nicht in allen Bereichen, denn auf der epistemisch-politischen Ebene, der „ideology of science and social progress“ [Ibid.], sieht Dmitriev die russländischen Wissenschaftler den französischen Republikanern näher als den deutschen „Mandarinern“ (zu Mandarinern: [Ringer]).

Die hier implizit angesprochene Tradition, Russland trotz einseitiger Abhängigkeiten gewissermaßen als einen Schmelztiegel wissenschaftlicher Ideen aus aller Welt zu sehen, wirft eine Reihe von Fragen auf. Erstens könnte zum Beispiel die Frage gestellt werden, warum die Wissenschaft nicht in das Ost-West Paradigma eingeschrieben ist, das Nikolai Berdjajew als ein ewiges Problem Russlands beschrieb [Siljak]; „moderne“ Wissenschaft ist dagegen, bis in die neueste Zeit, mit westlichen Werten verbunden, mit allen Folgen, die im Zuge der postkolonialen Debatten sichtbar gemacht werden (zum Russischen Postkolonialismus/Postimperialismus vgl. letzters Gerasimov, Glebov, Mogilner 2013; zu *decolonizing knowledge* generell [Mignolo, 2011]). Zweitens führte der Schmelztiegel nicht nur zur tatsächlichen Verschmelzung vieler Familien mit der russischen Wissenschaftslandschaft, z.B. die Dynastien Struve, Jakobi/Якоби oder Orbeli/Орбели/Орбели, sondern auch zur Umkodierung des Wissens in ein imperiales russisches. Auch hier führt die Deimperialisierung wie die Denationalisierung der west- und osteuropäischen Historiographien zum Sichtbarmachen bestimmter Problemkonstellationen wie zum Beispiel Bruchlinien der Übersetzungen oder ideologische Konflikte wie jene pro-französischer gegen pro-deutsche Gruppierungen [Valkova]. Man könnte auch fragen, inwiefern diese Transfers zur Entprovinzialisierung [zum Begriff Nowak] der russischen Wissenschaften führten. Wie Michael Gordin zeigte, leitete das Gefühl der Provinz auch Wissenschaftler wie Dmitri Mendelejew in ihrem Selbstverständnis [Gordin].

Letztens könnte man fragen, welche Rolle gerade der imperiale Charakter des Russländischen Reiches für den Wissenschaftstransfer in das Zarenreich spielte. Rezente Untersuchungen von *composite states* aller Art zeigten, dass vielsprachige, multikulturelle Staatsgebilde besondere Bedingungen für die wissenschaftliche Entwicklung stellten, die vielfach noch nicht entsprechend untersucht worden sind. Vor allem das Verhältnis zwi-

schen dem Binnentransfer und Wissensaustausch mit dem Ausland fand kaum Berücksichtigung. Der Frage nach einem möglichen Modell des Wissenschaftstransfers, welches die russländische Realität einbindet, widmet sich dieser Artikel.

Nach einem kurzen Überblick über den gegenwärtigen Stand der Transferforschung, werde ich im Hinblick auf die Peripherien des Russländischen Imperiums die Vermittlungswege wissenschaftlichen Wissens exemplifizieren. Es wird dabei gefragt, inwiefern die westlichen Gebiete des Russländischen Reiches das Zentrum-Peripherie bzw. Zentrum-Provinz Modell infrage stellen und inwiefern dies die wissenschaftliche Landschaft des Imperiums beeinflusste.

Imperiale Wissenschaftslandschaften vor dem Ersten Weltkrieg

Die russländische Wissenschaftslandschaft des ausgehenden 19. Jahrhunderts könnte man mit dem Stichwort Konsolidierung und Unifizierung beschreiben. Die früher heterogenen Wissenschaftssysteme rund um einzelne Universitäten, deren Autonomie mitunter von zaristischen Beratern unterstützt und geschützt wurde – man denke etwa an den polnisch-russländischen Politiker Adam Jerzy Czartoryski (1770–1861) und seine Schirmherrschaft über die Universität Vilnius bis 1832 [etwa Beauvois] –, wurden schrittweise, parallel zu der Reichskonsolidierung, der Staatsverwaltung unterzogen. Russisch wurde zur alleinigen Sprache der Hochschulbildung – die letzte nicht-russischsprachige Universität, in Dorpat, wurde 1893 russischsprachig und nunmehr, dem neuen Stadtnamen nach, zur Universität Jurjew. (Wie auch in der früher polnischsprachigen Universität Warschau lehrten in der neuen Hochschule Gelehrte aus Kernrussland und frühere Professoren verließen die Provinz, in diesem Falle Richtung Deutsches Reich).

Anders als die staatsgebundenen Universitäten entwickelten sich die wissenschaftlichen Organisationen unabhängig vom Staat. Zu geduldeten Netzwerken, wie etwa den polnischsprachigen und deutschsprachigen, konnte nach 1905 auch die Ukrainische Wissenschaftliche Gesellschaft (Українське наукове товариство, gegr. 1907) hinzukommen, wobei z.B. die Zeitschrift *Kievskaja Staryna* (Киевская Старина) schon früher ukrainophile Wissenschaftler versammelte [Зайцева]. Diese Netzwerke bildeten, zumindest teils, selbständige Austauschräume wissenschaftlichen Wissens, die zunehmend den Raum des Staates transzendierten. Polnischsprachige Wissenschaftler waren zum Beispiel über drei Imperien zerstreut und hatten auch intensive Kontakte zur Emigration in Frankreich, vor allem im frühen 19. Jahrhundert [Historia nauki polskiej, 1977; Historia nauki polskiej, 1987]. Die deutschsprachigen Professoren in Dorpat orientierten sich an dem Deutschen Imperium und die kleinrussischen Netzwerke reichten nach Galizien [Donnert; Зайцева]. Dass trotz diesen Re-

Orientierungen das Imperium als sozialer Raum seine Bedeutung behielt, muss an dieser Stelle nicht genauer erläutert werden. Wichtig ist aber im Auge zu behalten, dass die russländische imperiale Wissenskultur und die sprachlich gebundenen, linguistischen Wissenskulturen verschränkt aber nicht identisch waren und zwischen ihnen auch Transfer- und Translationsprozesse stattfanden [zu den Begriffen vgl. Surman, 2015].

Die Nationalisierung der Wissenschaften und deren Internationalisierung blieb auch in sich ein komplexer Prozess, in dem die wissenschaftlichen und technologischen Leistungen ein Teil der imperialen Großmachtinszenierung wurden, etwa bei den Welt- / Universalausstellungen [Rasmussen]. Das Ersetzen der früheren mehrsprachigen Publikationen durch jeweils einsprachige und deren Markierung als Produkte der jeweiligen Kultur (die auch Konferenzteilnahmen einschloss, da Gelehrte das jeweilige Imperium repräsentierten) bildeten einen wichtigen Teil der Selbstverortung der Staaten – ein Prozess, der gleichzeitig mit der Verwissenschaftlichung der Welt im 19. Jahrhundert stattfand¹.

Um das eigene Wissenschaftssystem zu entwickeln, wurde internationale Vernetzung forciert, zum Beispiel in der Form der oben erwähnten *komandirovki*. Die Hinwendung zum Ausland war auch ein Charakteristikum anderer sich nationalisierender Wissenskulturen [vgl. z.B. für Böhmen: Mandlerova]. Im Vergleich zu den Zeiten der Aufklärung zeigt sich hier auch deutlich, dass das Ausland zwar weiter als ein wichtiger Faktor der Eigenentwicklung erachtet wurde, aber statt prominente Gelehrte einzuladen, wurden eigene Nachwuchswissenschaftler in die westlichen Hörsäle, Laboratorien oder Krankenhäuser geschickt – wobei das Ziel, das Wissen der Anderen sich zu eigen zu machen, unverändert blieb.

Transfergeschichten und Zentren

Das Feld der Wissens- und Wissenschaftstransferforschung unterlag in den letzten zwei Dekaden gewichtigen Veränderungen. Nach der Maxime „Quidquid recipitur ad modum recipientis recipitur“ von Thomas von Aquin (1225–1274) [Jauss, S. 10] wurden die Aufnahmekontexte hervorgehoben und die frühere Konzentration auf eine Linearität der Transferprozesse aufgehoben; die Bedürfnisse und Interessen ersetzen somit die Qualität und (abstrakte) Bedeutung, die früher als wichtigste Faktoren gehalten waren, die ein Zustandekommen der Übersetzung erklärten [Le Rider, v.a. S. 199]. Hierbei wurde auch die Bedeutung der Netzwerke und Vermittler hervorgehoben, der Personen, die zwischen zwei Kulturen stehen, wie etwa Übersetzer, Emigranten, Reisende etc. Sie nehmen oft am Transfer kultureller Elemente teil, „indem sie durch den ihnen beigemessenen Expertenstatus eine Stimme in mehreren Kulturen ausüben. Vermitt-

¹ Rezente Arbeiten zum Russländischen 19. Jahrhundert, etwa [Изобретение века] oder [«Понятия о России»] nehmen dieses Phänomen ironischerweise kaum zu Kenntnis.

ler agieren innerhalb von Netzwerken an persönlichen Beziehungen, die einander berühren und ergänzen, beziehungsweise untereinander verwoben sind“ [Mitterbauer, S. 98]. Mit *imperial careering* [Colonial Lives] und *go-betweeners* [The Brokered World] wurden die Vermittlerpersönlichkeiten auch in die imperialen Kultur- und Machtkontexte eingeschrieben. Der durch das Imperium ermöglichte Erwerb kultureller und sprachlicher Kompetenzen, die einen Kontakt mit mehreren Gruppen erlaubten, wurde zu einem das neue Wissen generierenden sowie Transfer ermöglichenden Faktor erhoben, ohne dass die dem imperialen Machtgefüge inhärenten Ungleichheiten und Zwänge aufgehoben wurden. Man könnte hier im russländischen Kontext auf die nach Sibirien Verbannten hinweisen (Ethnologen und Anthropologen [J. S.: *североведы*] wie Lew Jakowlewitsch Sternberg (1861–1927) oder Bronislaw Piłsudski (1866–1918) oder Zoologen wie Benedykt Dybowski (1833–1930) [exemplarisch Kan]), oder aber auch auf mehr oder weniger freiwillig durch das Imperium versetzte Soldaten oder Beamte, deren geographische und kulturelle Mobilität auch in der *belle époque* für den Erwerb des Wissens über das Imperium (und vielfach darüber hinaus) wichtig war.

Postcolonial turn und *practical turn* problematisierten die Unterscheidung zwischen Wissen und Wissenschaft: Der frühere Dualismus zwischen dem ersten, das vor allem den indigenen Kulturen sowie Amateuren zugeschrieben wurde, und dem zweiten, worunter vor allem akademische, theoriegeleitete und forschungsbasierte Wissensverarbeitung verstanden wurde, wurde aufgehoben [Lipphardt, Ludwig]. Wissenschaftliches Wissen wird nunmehr als eine der mannigfaltigen Weisen etwas über die Welt zu erfahren gesehen und beansprucht nicht mehr das Monopol auf die Wahrheit. Somit rückte der Austausch zwischen den unterschiedlichen Wissensfeldern in den Blickpunkt (auch hier ohne die Machtdifferenz, d.h. die diskursive oder politische Privilegierung bestimmter Wissensformen in bestimmten Gesellschaften, zu vernachlässigen).

Wenngleich die neuen Arbeiten die klassische an dualistischen – oder durch Inklusion der (kollektiv verstandenen) Vermittler trialistischen und quadruplen [z.B. Russie, France, Allemagne, Italie] – Mustern orientierte Transferforschung infrage stellten, wichen sie dennoch einer Frage aus, und zwar der Frage, zwischen wem sich die Transfers ereignen. Die durch Homi Bhabha begonnene Infragestellung der Kultur als Einheit und ihre Darstellung „als Übersetzung[en]“, d.i. als Praxen des Aushandels kultureller Differenzen [Bachmann-Medick, S. 162], führt besonders in den Imperien zur Frage nach kulturellen Entgrenzungen, sprachlichen Überlappungen, multiplen Zugehörigkeiten und der Frage nach methodischer Entnationalisierung der uns als Nationen bekannten Gebilde [z.B. Understanding Multiculturalism].

Besonders in der institutions- und personenzentrierten Wissenschaftstransferforschung blieb diese Frage bisher weitgehend ausgespart und es wird nicht reflektiert, dass die Imperien des 19. Jahrhunderts „composite states“ darstellten, multilinguale und multikulturelle Einheiten, in denen zwar wissenschaftliche Zentren eine besondere Rolle spielten, diese je-

dochin mehrgliedrige Wissensproduktionsnetzwerke eingebunden waren, in denen Wissen weitergegeben wurde oder – um es mit Bruno Latour zu sagen – übersetzt [Latour, 1987] (Man muss dabei im Auge behalten, dass dieser Übersetzungsbegriff nicht sprachlich gebunden ist, sondern systemisch gedacht wurde).

Es liegt nahe, Bruno Latours Idee der Zentren – *centers of calculations*, „venues in which knowledge production builds upon the accumulation of resources through circulatory movements to other places“ [Jöns, S. 158] – auf Imperien zu übertragen. Untersuchungen zum Habsburger oder Britischen Imperium zeigen eine deutliche Konzentration der Wissensproduktionsressourcen in den Zentren. Die Hauptstädte, imperiale Machtzentren, sind für die Steuerung der Recherche verantwortlich, sie kontrollieren auch die Erschließung neuer Räume und ihre Beschreibung und Klassifizierung.

Dennoch, wie vor allem der Pariser Wissenschaftshistoriker Kapil Raj in den letzten Jahren am Beispiel des Britischen Imperiums argumentierte, auch hier kommt es zu vielfachen Translationsvorgängen, so dass der Wissenszuwachs des Zentrums nicht ohne die Peripherien möglich ist [Raj]. Mag das Wissen in den Zentren kodifiziert werden, die Innovation entsteht dennoch in den Peripherien. Man könnte auch mit Semiotiker und Kulturtheoretiker Jurij Lotman sagen, dass die Peripherien, gerade aufgrund der Entfernung vom Zentrum und damit verbundener verminderter Kontrolle, sich der Homogenisierung des Wissens entziehen und durch ihre Stellung nahe einer Grenze eines bestimmten Netzwerks privilegierte Orte des Neuen sind [Lotman; Saarts]. Publikationen werden zwar weiter in der Sprache des Imperiums verfasst – wenn sich die Prozesse der Entstehung des Wissens auch der Macht entziehen können, so sind dennoch die Aufschreibesysteme viel stärker an die Macht (und an das Kapital) gebunden. Für die Konzeptualisierung des Wissenstransfers und –austausches, hat Lotmans Modell aber gewichtige Folgen.

An dieser Stelle muss noch hinzugefügt werden, dass die Peripherien in diesem geographischen Sinne nicht mit den sozialen „Provinzen“ übereinstimmen, die zum Beispiel von Posener Philosophen Leszek Nowak besprochen wurden [Thinking about Provincialism in Thinking]. Hier resultierte gerade das Gefühl der geistigen Unterlegenheit in konservativen, am Zentrum orientierten Wissensproduktionsstrategien, d.i. in einer mehr oder weniger bewussten Konzentration auf die Suche nach Lösungen der vom Zentrum her gestellten Fragen statt auf innovativen Tätigkeiten. Selbstredend ließen und lassen sich diese Provinzen auch in den imperialen Wissenschaften finden, doch wäre es falsch sie nach geographischen Grundsätzen zu suchen.

Peripherien im Denken denken

Doch die gegenwärtige auf Imperien zentrierte Wissenschaftstransferforschung bleibt vor allem auf die Zentren konzentriert; Universitäten oder Akademien, und sogar Forschungsinstitute und Labore, die sich in der Pe-

riperie befanden, bleiben weitgehend ausgespart - genauso die individuellen Akteure. Wenn auch von einer Geschichte großer Männer nicht mehr wirklich gesprochen werden kann, so besteht dennoch sowohl in Hinblick auf Gender- wie auch auf soziale und kulturelle Fragen eine schiefe Optik, die bestimmte Narrative aufrechterhält.

Allerdings spiegelt dies nicht nur die Zentrumsbindung historiographischer Forschung wider, sondern ist auch dadurch bedingt, dass die ehemaligen Grenzregionen jetzt mehrheitlich selbständige Staaten sind und deren „historische Bearbeitung“ nunmehr in andere Hände fällt. Die Transferforschung wird somit „nationalisiert“, indem die imperial verflochtene Vergangenheit in die entflochtenen, nationsgebundenen Narrative zerfällt. Dies ist vor allem in Zentral- und Osteuropa der Fall. In Frankreich oder Großbritannien werden die früheren Kolonien durchaus intensiv in ihrem Verhältnis zum Zentrum beforstet.

Eine mögliche Lösung der so entstandenen Verwicklungen bildet eine Hervorhebung des Imperiums als eine historiographische Einheit, ein durch Kommunikationsverdichtungen vereinigter *espace vécu* [Frémont]. Neben dem durch die Nation besetzten Kulturbegriff wäre auch eine staatlich zentrierte imperiale Kultur ins Zentrum zu stellen – ohne aber deren imperiale und koloniale Züge zu vernachlässigen. Die modernen Narrative, auch das nationale Narrativ, entstanden ja gerade in einem imperialen Kontingenzraum – sowohl durch eine Interaktion mit dem Imperium wie auch in Abgrenzung zu ihm. So könnte man zum Beispiel die Geschichte tschechischer Nationalisierungsprozesse nicht ohne den Einfluss der imperialen, deutschsprachigen Bildung auf die frühen „buditelé“ verstehen, doch genauso bliebe diese Geschichte ohne den Kontext der Emanzipation unvollständig.

Ein besonders gelungenes Beispiel, wie eine wissenschaftsgeschichtliche Erzählung die nations- und sprachgebundenen Narrative transzendieren kann, lieferte kürzlich Andreas Kappeler [Kappeler]. In seiner Geschichte von dem ukrainisch-russischen Historikerpaar Alexandra Jefymenko-Stawrowskaja und Petro Jefymenko beschrieb er intellektuelle Biographien, die ohne ihre Position an der Schnittstelle zwischen Imperium und nationaler Bewegung nicht verständlich sind. Petro gelangte durch Verbannung aus Kiew nach Archangelsk und lernte dort Alexandra kennen. Gemeinsam bearbeiteten sie die Lokalgeschichte der Provinz. Mit Pionierarbeiten über die Rolle der Frau in Dorfgemeinden, oder in der Dorfgerichtsbarkeit, gelang Alexandra nach ihrer Migration nach Charkiv ein Durchbruch. Ihr 1906 veröffentlichtes Buch *История украинского народа* und die Tatsache, dass sie „zur ersten habilitierten Historikerin und Geschichtspräsidentin nicht nur Russlands, sondern ganz Ost- und Mitteleuropas“ wurde [Kappeler, S. 34], zeigen deutlich, dass historiographische Innovationen nicht nur weit von St. Petersburg und Moskau, sondern auch von Kiew, möglich waren. Zudem, was nicht immer der Fall ist, brachten sie Veränderungen im Zentrum hervor (auch wenn Alexandras Art der Geschichtsschreibung in dem Männerbund der *Kievskaja Staryna* nicht unmittelbar akzeptiert wurde).

Man könnte auch eine Reihe von Exempeln aufzählen, in denen der Transfers aus der Peripherie in die Peripherie stattfindet. Die Modernisierung und Erforschung Sibiriens (und auch Australiens oder Chiles) durch Verbannte aus dem Königreich Polen, die Modernisierung des letzteren Landes durch die Galizier (und im späten 19. Jahrhundert *vice versa*), das Mäzenatentum für den galizisch-ukrainischen Nationalismus aus Kiew, wären naheliegende Beispiele [zum letzten siehe Слабошпицький]. Weniger bekannt sind etwa der Transfer des Romantischen Nationalismus (und moderner Verfahren der Schießpulverherstellung) aus Warschau in das Osmanische Reich durch dem nach dem Novemberaufstand nach Paris und dann nach Aleppo verbannten Generalen Józef Bem/Murad Paşa (1794–1850) [Gałczyńska-Kiliańska, S. 81–97] oder ein tschechisch-ukrainischer Austausch in der Architektur (etwa das eklektizistische Gebäude der Residenz der bukowinischen und dalmatinischen Metropolen in Czernowitz, jetzt der Jurij-Fedkowskytsch-Universität, von tschechischen Architekten Josef Hlávka (1831–1908)). Schließlich könnte man die Übernahme des Rückständigkeitsmodells aus den britischen Kolonien in Galizien Stanisław Szczepanowski (1846–1900, ein galizischer Ökonom und Entrepreneur, davor 1870–9 Beamter in britischen India Office) und sein einflussreiches Buch *Nędza Galicji* (1888) und den Transfer von kolonialen Zweifeln *vice versa* in Gestalt von Joseph Conrads (1857–1924) Romanen [*Kłańska; Under Postcolonial Eyes*] nennen. Auch antiimperiale Ideologien können auf diesem Wege transferiert werden: Maler Antoni Piotrowski (1853–1924), Schüler des Krakauer 'Papstes' der patriotischen Historienmalerei Jan Matejko, malte 1889 in Bulgarien Großbilder vom Batak-Massaker (1876), die Symbole der Unabhängigkeit von der osmanischen Herrschaft wurden (der Martina-Baleva-Skandal 2007 ging u.a. um diese Bilder) [letztens Baleva]. Sehr eindrucksvoll beschrieb etwa Elleke Boehmer diese Art von antiimperialer Internationale der Subalternen beim interperipheren Transfer von antikolonialen Ideologien zwischen mehreren Teilen der imperial regierten Welt [Boehmer].

Osten des Westens und Westen des Ostens

Diese Zentralstellung der Peripherie war zwar selten ein Thema historiographischer Reflexion, lebt aber durchaus im populären Gedächtnis. Sowjetische Grenzregionen waren für die „Ostblock“-Historiographie ein Fenster nach Westen, wo man neuere Publikationen bekommen konnte, neue Theorien sich verbreiteten und von dort dann in Kiew und schließlich in Moskau oder St. Petersburg Verbreitung fanden.² Ähnlich sprach im März 2014 der ukrainische Star-Schriftsteller Jurij Andruchowytsh davon, dass die Kontakte mit den polnischen Schriftstellern (und der polnischen

² Diese Darstellung basiert auf privaten Gesprächen mit Volodymyr Kravchenko (Charkiv, Edmonton).

Kultur im Allgemeinen) und die aus Polen mitgebrachten Romane und Gedichte seine eigene Literatur ermöglichten [Andruchowytsh]. Und über frühere Zeiten schrieb der amerikanische Historiker Timothy Snyder folgendermaßen: „<Die Übernahme der Herrschaft Kiews durch Moskau> ermöglichte den Kontakt zwischen Moskowien und Europa, und gebildete Eliten aus der Universität Kiew gingen nach Norden, um als Beamte und Fachleute in dem wachsenden Reich zu arbeiten. Dasselbe Muster wiederholte sich, als Polen-Litauen Ende des 18. Jahrhunderts vollständig zwischen Moskowien (nun das Russländische Reich), Preußen und der Habsburger Monarchie aufgeteilt wurde. Das Russländische Reich, das auf dem Gebiet der Höheren Bildung keine Tradition besaß, nutzte die in Vilnius und Kiew ausgebildeten Männer für seine Zwecke“ [Snyder].

Snyder mag hier übertreiben, doch in vielen Fällen war dies sicherlich der Fall, was auch, aber nicht nur mit der peripheren Stellung bestimmter Regionen zusammenhängt. *Kievskaja Staryna*, die *Kiever Archeographische Kommission*, die Zeitschrift *Osnova*, können hier durchaus als Beispiele der wissenschaftlichen Innovation in der Peripherie genannt werden. Allerdings ist diese nicht unbedingt als eine Gegenbewegung zum Zentrum zu lesen, sondern wird durch dieses ermöglicht oder sogar errichtet. Charkiver (später Petersburger) Slavist, einer der Begründer der akademischen Slawistik Izmail Sreznevs'kyj (1812–1880), Begründer der sog. „dokumentarischen Schule“ der Historiographie in Kiew, Volodymyr Antonovych (1834–1908), oder des Historikers und Sozialaktivisten Mykola Kostomarov (1817–1885) könnten dagegen stellvertretend für viele andere stehen, die eine Wende historiographischer Paradigmen von einer staats- zur einer volkszentrierten Geschichtsschreibung hervorbrachten, die auch eine Erscheinung der imperialen Peripherie war [Киян].

Um hier die französisch-russischen Kontakte nicht zu vernachlässigen: Die Annales-Schule, die die historische Forschung des 20. Jahrhunderts revolutionierte, entwickelte sich im sowjetischen Kontext zunächst in Dnipropetrowsk, und zwar bereits in den 1960er und 1970er Jahren, und erst von dort konnte sie die Zentren erreichen. Die Sozialgeschichte der Kosaken ermöglichte so die Sichtbarkeit der französischen Historiographie in Sowjetrussland, deren Popularität erst in den 1990er Jahren in „Kernrussland“ (mit Ausnahme des aus politischen Gründen unwillkommenen Mediävisten Aron Gurjevitsch (1924–2006)) aufblühte.³ Auch die polnisch-französischen Kontakte erlaubten zumindest im außeruniversitären Bereich Einflüsse – um nur die bekanntesten polnischen Annalisten, Mediävisten Witold Kula (1916–1988) oder Bronisław Gieremek (1932–2008) zu nennen; doch ihr Einfluss war gering: Petersburger Historiographie-Historiker Borys Kaganovych schrieb etwa, dass Kula, dessen Schriften bis auf einige in den 1950er Jahren übersetzte Artikel nicht auf Russisch erschienen sind, nur unter Agrarhistorikern bekannt waren [Кaгaнoвич].

³ Ich danke Volodymyr Kravchenko, Edmonton, und Iaroslava Kravchenko, Warschau, für diese Informationen.

Ein anderes Beispiel könnte die Rezeption des Positivismus darstellen, die im russisch-imperialen Kontext zwar nicht in der Peripherie, sondern in St. Petersburg, begann, allerdings durch eine „periphere“ Persönlichkeit: nämlich durch jungen Gelehrten aus dem Gouvernement Kowno Baltazar Kalinowski (1827–1884) (auch Bal'tazar Kalynov'skij / Бальтазар Фомич Калиновский), der den englischen Ökonomen und Philosophen John Steward Mill (1806–1873) in seiner Dissertation *О развитии и распространении идеи свободной торговли* (1859) [Калиновский] popularisierte – nicht ohne an der Universität heftige Kontroversen auszulösen [Groniowski; Усенко, S. 209]. Kalinowski, dem die Biografen eine polnische Abstammung zuschreiben, war gemeinsam mit dem aus Gouvernement Minsk stammenden Józafat Ohryzko (1827–1890) (Иосафат Петрович Огрызко), dem Verleger von Literatur in mehreren Sprachen (u.a. altpolnischer Gesetze, *Volumina Legum*), in polnische Netzwerke in St. Petersburg eingebunden. Schlagartig wurde er für seine Thesen bekannt, die den Protektionismus und die Staatskontrolle der Wirtschaft kritisierten und die von dem Kreis um einen der Begründer der *Narodniki*-Bewegung, Nikolaj Cherny'shevskij (1828–1889) (Николай Чернышевский), breite Anerkennung fanden. Kalinowski initiierte anscheinend auch die Übersetzung von *The Principles of Political Economy* ins Polnische, die 1859/60 erschienen ist; hier wäre anzumerken, ohne aber eine direkte Einflussnahme in die eine oder die andere Richtung anzudeuten, dass Cherny'shevskij etwa zur gleichen Zeit Mill ins Russische übersetzte [Милль, 1905].

Zehn Jahre später löste ein ähnlich peripherer (hier aber im geographischen Sinne) Philosoph, Henryk Struve (1840–1912) (Генрих Егорович Струве) aus Warschau, in Moskau starke Kontroversen aus. Seine Dissertation *Самостоятельное начало душевных явлений* (Moskva, 1870) wurde wegen Verdacht auf Materialismus angegriffen und löste eine intensive Diskussion zwischen Struve und einer Reihe prominenter Gelehrter aus, darunter dem Biologen Nikolaj Aksakov (1848–1909) (Николай Петрович Аксаков), dem Zoologen Sergej Usov (1827–1886) (Сергей Алексеевич Усов), dem Philologen Pamfil Jurkevych (1827–1874) (Памфил Данилович Юркевич) und dem Philosophen Nikolaj Strahov (1828–1896) (Николай Николаевич Страхов).⁴ Struve, ein Beispiel für eine multigenerationelle imperiale Biographie [Imperiale Biographien], war Sohn einer alten aus Magdeburg stammenden Diplomatenfamilie, dessen einer Zweig dem Russländischen Reich diente und sich im Königreich Polen ansiedelte. Er lehrte zwischen 1863 und 1903 in Warschau, also, untypisch, sowohl an der polnisch- wie auch an der russischsprachigen Universität. Er galt als einer der populärsten polnischsprachigen Philosophen, Logiker und Ästhetiker seiner Zeit, der zwar bestimmte positivistische und materialistische Ideen aufnahm, sie jedoch mit klassischer polnischer Philosophie verband: ein Zugang der auch „idealny realizm“ (Idealrealismus) oder

⁴ Eine ausführliche Biographie Struves, die auch seine Auseinandersetzungen in Moskau beschreibt, steht noch aus, siehe aber [Borzum; Райков, с. 124–132; Струве].

„realny idealizm“ (Realidealismus) genannt wird. Doch weniger ist über sein bilinguales Schaffen bekannt – er schrieb anfänglich Polnisch (Lehrsprache in Warschau) und Deutsch (Sprache der Philosophie), dann ab etwa 1870 bis zu seinem Tod Russisch (zuerst wohl wegen der Notwendigkeit der Erlangung des Doktorgrades Russländischen Imperium), Deutsch und Polnisch, also in der Sprache des Imperiums, in dem er arbeitete, der Gemeinschaft, mit der er sich identifizierte, und der Disziplin, die er betrieb. Auch in russischer Sprache verbuchte er Erfolge: Sein Gymnasiallehrbuch *Элементарная логика* wurde von 1874 bis 1910 mehrmals neu aufgelegt (und wieder 2010), andere seiner Bücher und Broschüren – u.a. *Логика в Польше* (1877), *Энциклопедия философских наук и направлений в связи с введением в философию, или Философия философии* (1890), wurden bereitwillig in die professionelle russische akademische Philosophie aufgenommen. Er kommentierte auch deutsche Philosophie für ein russischsprachiges Publikum, etwa Friedrich Nietzsche (1844–1900) oder Karl Robert Eduard von Hartmann (1842–1906).

Bei Kalinowski, der in Russland blieb, ist der Transfer ins Zentrum durch die Peripherie erforscht – weniger der Kontext seiner Petersburger Rezeption Mills, die vielmehr aus den polnischsprachigen Diskussionen als aus den russisch-imperialen resultierte. Bei Struve dagegen ist seine Karriere in Warschau bekannt – viel weniger seine intellektuellen Abenteuer in Moskau. Der eine blieb (nicht immer freiwillig, könnte man anmerken) in den russländischen Kernländern, und daher widmeten sich russische Historiker der Erforschung seiner Person. Der andere hatte eine Professur in Warschau – daher ist nur der polnischsprachige Teil seiner Biographie erforscht; obwohl die Probleme in Moskau bei seiner Habilitation bekannt sind, werden seine zahlreichen russischsprachigen Publikationen und seine Karriere in den imperialen Netzwerken, der Kaiserlichen Universität Warschau oder der Moskauer Psychologischen Gesellschaft, kaum bzw. höchstens beiläufig erwähnt. Der imperialen Verflochtenheit, Uneindeutigkeit und interkulturellen Einbindung beider Transferprozesse wurde bisher keine Aufmerksamkeit gewidmet.

Schließlich will ich noch Ludwik Gumplowicz nennen, dessen Karriere eine Verbindung von imperialer Verflechtungsgeschichte und Transfergeschichte darstellt, die auch Russland und Frankreich einschließt. Gumplowicz wurde 1838 in Krakau geboren, in einer reformjüdischen Familie; studierte Rechtswissenschaften in Krakau und Wien und versuchte schließlich 1868 erfolglos sich in Krakau zu habilitieren. Daraufhin arbeitete er als Verleger und Redakteur der Zeitschrift *Kraj* [Land], die eine Pionierarbeit bei der Bekanntmachung des Positivismus in Galizien leistete [Lechicki]. 1874, als die Zeitschrift bankrottging, zog er nach Graz, habilitierte an der dortigen Universität und erhielt schließlich 1882 – nicht ohne Probleme – eine Professur für Allgemeines Staatsrecht und Verwaltungslehre; seit dieser Zeit bis zu seinem Tod im August 1909, widmete er sich der Disziplin, die ihn international bekannt machte – der

Soziologie. Als Erster verwendete er den Name der Soziologie im Titel eines deutschsprachigen Buches und wurde ein Vertreter der Konfliktsoziologie. Noch bevor sozialer Determinismus salonfähig wurde, ordnete er das Individuum seiner Gruppe unter und beschrieb so das Verhalten. Er ging so weit, auch Geschmack oder ästhetische Vorlieben von den sozialen Konstellationen abhängig zu machen [Surman, Mozetič]. Wenngleich er in der Habsburger Monarchie wie auch in Deutschland wenig Einfluss hatte, so doch in Frankreich, wo seine langjährige Kooperation mit dem organististischen Soziologen René Worms (1869–1926) und dem von ihm 1893 gegründetem *Institut International de Sociologie* (einem Treffpunkt internationaler Soziologen, der in Frankreich dennoch peripher blieb [Mosbah-Natanson]) in einer Welle an Übersetzungen ins Französische resultierte wie auch in internationalen Kontakten. So konnte der französische Sozialpsychologe Gabriel Tarde 1893 Schriften Gumplowicz mit denen der damals international renommierten Soziologen Émile Durkheim (1858–1917) und Jacques Novicow (1849–1912) vergleichen und sie an die Spitze der soziologische Denker stellen. Er sprach über eine bemerkenswerte Gleichzeitigkeit, vor allem da sie alle drei eine soziale Arbeitsteilung zur Grundlage ihrer Schriften machten [Tarde]. Mit dem in Frankreich lebenden russischen Sozialphilosophen Jacques Novicow, auch als Iakov Aleksandrovitch Novikov bekannt, schließt sich der Kreis nach Russland. Erst nach Gumplowicz's Erfolg in Paris wurden vier seiner Bücher ins Russische übersetzt und wurden auch zur Vorlesungsliteratur in den Kursen in Sozialwissenschaften und Staatslehre an imperialen Universitäten [Кочова].

Doch war Gumplowicz bereits davor bekannt: einer der wichtigsten russländischen Historiker der Jahrhundertwende, Nikolaj Kareev, etwa verwies mehrmals auf ihn, der Philosoph und liberale politische Ökonom Petr Struve kannte ihn schon seit seiner Reise in die Habsburger Monarchie und besprach auch seine Bücher auf Russisch [Кочова]. Novikov und der damals ebenfalls in Paris lebende russische Gesellschaftswissenschaftler Maxim Kovalevsky kannten ihn aus dem *Institut* [zu Gumplowicz in Frankreich vgl. Surman, 2007]. In den soziologischen Überlegungen der Beiden – wie auch in denen des russischen Emigranten und Professors der Soziologie an der Universität in Minneapolis und dann in Harvard, Pitrim Sorokin (1889–1968) wenige Dekaden später – spielte Gumplowicz als „Sozialdarwinist“, wie seine Lehre in Paris gelesen wurde [Surman, 2007; Sorokin, S. 480–487], keine herausragende Rolle. Dennoch waren sie mit seinen Grundannahmen über die Gruppengebundenheit des Individuums einverstanden, was Novikov und Kovalevsky auch in Kommentaren zu Gumplowicz's Referaten an den Kongressen des *Institut International* aussprachen [z.B. Anonym, S. 105–106]. Noch 1926 diente Gumplowicz als eine Negativfolie für A. Bolotnikov's marxistische Version der Soziologie, was von seiner weitergehenden Bekanntheit zeugt [Болотников].

Die Diskrepanz der hier genannten Beispiele liefert natürlich nur eine Seite der Medaille, denn Warschauer Positivisten lasen oft russische

Übersetzungen statt Originale; der polnische positivistische Schriftsteller Bolesław Prus (1847–1912) übersetzte auch Mills *Logik* nicht aus dem Englischen sondern aus der russischen Übersetzung von Fedor Fedorovich Rezener (1825–1881) [Prus; Милль, 1865, 1867]. Das Weichselland, wie nach 1863 und der Einschränkung der Autonomie sowie der inoffiziellen Verbot des Begriffs „Polen“ die Gebiete Kongresspolens genannt wurden blieb im 19. Jahrhundert nicht nur ein Vermittlungsraum zwischen Deutschland, Frankreich und Russland, sondern durchaus auch eine Peripherie des Russländischen Reichs.

Zusammenfassung

Diese kurzen Beispiele sollen vor Augen führen, dass die Dynamik der Transferprozesse sich kaum auf binäre (oder auch trinäre) Kategorien reduzieren lässt. Das letzte Beispiel, Gumpłowicz, ein polnischer Jude, ein akademischer Außenseiter in Graz, der dennoch (oder gerade deswegen, denn in Wien war Soziologie verpönt) zu einem bekannten Soziologen in Paris wurde, um von dort nach Russland importiert zu werden – zeugt gerade von der Komplexität der Wissensübersetzungsprozesse im imperialen Zeitalter. Und diese Verquickungen könnten noch verdeutlicht werden, indem Gumpłowiczs Lehre auf Einzelkomponenten untersucht wird, denn auch diese entstammten mehreren Forschungstraditionen.

In letzter Zeit mehren sich die Aufforderungen, die Peripherien als Ausgangspunkt der Analyse von Imperien zu nehmen, statt sich auf die Kerngebiete und Zentren zu konzentrieren [z.B. Csáky; Kappeler]. Diese Forderung wirft auch vielfältige neue Fragen für die Wissenschaftstransferforschung auf, die hier kurz skizziert worden sind. Eine Hinwendung zur Peripherie sowohl als Raum, in dem das Neue produziert wird, wie auch als Raum, in dem aus geographischen oder kulturellen Gründen Kontakte mit anderen Wissenschaftsnetzwerken leichter geknüpft werden können, scheint gerade im Hinblick auf die Trends neuer Transferforschung *en vogue* zu sein.

Wie ForscherInnen, die sich mit Postkolonialismus in Osteuropa beschäftigen, feststellten, entsprach aber der Westen des Russländischen Imperiums (und später der Sowjetunion) nicht der Idee der Provinz. Vielmehr wurde hier eindeutig eine kulturelle Überlegenheit gegenüber dem Zentrum imaginiert und gepflegt. Somit ist hier ein kulturelles Gefüge anzutreffen, das die symbolische Geographie der Zentrum-Peripherie Beziehung infrage stellt. Das Paradekontinentalimperium, Russland, könnte gerade durch die Dichte an multikulturellen Kontakten für die Untersuchung dieser Ambivalenzen zwischen der symbolischen Macht, der politischen Macht und deren Einfluss auf die Informationsübertragung sowohl im Binnen- wie auch im Außenraum, für die Erprobung neuer theoretischer Modelle geeignet sein.

Список литературы

- Болотников А.* Социологическая доктрина Гумпловича // Под знаменем марксизма. 1926. № 7–8. С. 135–162.
- Зайцева З. І.* Український науковий рух: інституціональні аспекти розвитку (кінець XIX — початок XX ст.). К. : КНЕУ, 2006. 368 с.
- Изобретение века. Семантика времени XIX столетия в России и Европе / отв. ред. Д. Сдвижков, Е. Вишленкова. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 368 с.
- Каганович Б. С. Витольд Кула* экономическая история и история ментальности // Одиссей. Человек в истории. Культурная история социального. 1996. М. : Наука, 1998. С. 275–298.
- Калиновский Б.* О развитии и распространении идеи свободной торговли и о применении ее к положительным законодательствам в главных европейских государствах : Рассуждение, представленное Юридическому факультету Императорского С.-Петербургского университета для получения степени магистра политической экономии, Санкт-Петербург. СПб. : Тип. Рюмина и Ко, 1859. 224 с.
- Киян О.* Володимир Антонович: історик й організатор “Київської історичної школи”. К. : РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2005. 490 с.
- Косова Ю. С.* Социология Людвиг Гумпловича : дис. канд. социол. наук. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 125 с.
- Милль Дж. С.* Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии / пер. Н. Чернышевского // Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского : в 10 т. Т. 7 : Современник, 1860–1861. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 426 с.
- Милль Дж. С.* Система логики / пер. Ф. Резенера под ред. и с прим. П. Л. Лаврова. СПб. : Изд. М. О. Вольфа. Т. 1. 1865. 602 с. ; Т. 2. 1867. 550 с.
- «Понятия о России» : К исторической семантике имперского периода : в 2 т. // ред. А. И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 576 с. ; Т. 2. 496 с.
- Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина : Материалы к истории эволюционной идеи в России : в 4 т. Т. 4. М., 1959. 588 с.
- Слабошпицький М.* Українські меценати : Нариси з історії української культури / 2-ге вид., допов. К. : Вид-во М. П. Коць ; Ярославів Вал, 2006. 412 с.
- Струве, Генрих Егорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 31а. СПб. : Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1901. С. 830–832.
- Усенко П. Г.* Ініціативи З. Сераковського у сфері реформ 1860-х рр. // Проблеми Історії України XIX — початку XX ст. 2011. № 7. С. 207–222.
- Andruchowytch J.* Die Polen. Aus der Perspektive eines Angenäherten // Festvortrag, Dritte Tagung Deutsche Polenforschung, Wissen, Verstehen, Übersetzen : Nachbarn im Dialog, Gießen, 20. bis 22. März 2014.
- Anonym. [Diskussion zu Ludwik Gumplowicz: «Un programme de sociologie»] // Annales de l'institut international de sociologie. Vol. 1 : Travaux du premier congrès. Paris : Giard & Brière, 1894. P. 105–110.
- Bachmann-Medick D.* Kulturanthropologie und Übersetzung // Übersetzung, Translation, Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. An International Encyclopedia of Translation Studies. Encyclopédie internationale de la recherche sur la traduction / Hrsg. H. Kittel, A. P. Frank et. al. 3. Bde. Bd. 1. Berlin ; New York : de Gruyter, 2004. S. 155–165.
- Baleva M.* Fremde Künstler — eigene Mythen. Der polnische Künstler Antoni Piotrowski und das Massaker im bulgarischen Batak // Im Dienst der Nation. Identitätstiftungen und Identitätsbrüche in Werken der bildenden Kunst / Hrsg. M. Krüger, I. Woldt. Berlin : Akademie Verlag, 2011. S. 373–397.
- Beauvois D.* Lumières et société en Europe de l'Est. L'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe (1803–1832). Vol. 2. Lille ; Paris : Champion, 1977. 912 p.
- Boehmer E.* Empire, the National, and the Postcolonial, 1890–1920. Resistance in Interaction. Oxford : OUP, 2002. 252 p.
- Borzum S.* Poglądy filozoficzne Henryka Struvego. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. 255 s.

Colonial Lives across the British Empire : Imperial Careering in the Long Nineteenth Century / ed. by D. Lambert, A. Lester. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 396 p.

Csáky M. Das Gedächtnis der Städte. Kulturelle Verflechtungen - Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien : Böhlau 2010. 417 S.

Dmitriev A. N. The State, the Universities, and the Reform of Higher Education in Russia during the First World War // Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. T. Maurer. Stuttgart : Steiner, 2006. S. 147–158.

Donnert E. Die Universität Dorpat-Jüřev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches. Frankfurt ; Bern u. a. : Peter Lang, 2007. 256 S.

Ellis Ch. Natural science // A History of Russian Thought / ed. by W. Leatherbarrow, D. Offord. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 286–307.

Frémont A. La région, espace vécu: Mélanges offerts à A. Meynier. Rennes : P.U.B., 1972. 223 p.

Galczyńska-Kiliańska K. Polacy w kraju półkłęsięczyka. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1974. 224 s.

Gordin M. D. Points Critical: Russia, Ireland, and Science at the Boundary // Osiris. Vol. 24 : National Identity : The Role of Science and Technology. Chicago : Chicago University Press, 2009. P. 99–119.

Groniowski K. Próba stworzenia polskiego ośrodku naukowego w *Petersburgu* przed 1863 r. // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 1962. No. 4. S. 461–476.

Historia nauki polskiej. T. 3. 1795–1862 / red. B. Suchodolski. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977. 868 S.

Historia nauki polskiej. T. 4. Cz. 1–2. 1863–1918. / red. B. Suchodolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. 1124 S.

Imperiale Biographien / Hrsg. M. Rolf, T. Buchen // *Geschichte und Gesellschaft*. 2014. Vol. 40, No. 1.

Jauss H. R. Die Theorie der Rezeption - Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte. Konstanz : Universitätsverlag Konstanz, 1987. 75 S.

Jöns H. Centers of Calculation // The SAGE Handbook of Geographical Knowledge / ed. by J. Agnew, D. N. Livingstone. London : SAGE Publications Ltd., 2011. P. 158–171.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln : University of Nebraska Press, 2009. 550 p.

Kappeler A. Russland und die Ukraine: verflochtene Biographien und Geschichten. Wien : Böhlau Verlag, 2012. 395 S.

Klańska M. Facetten des *galizischen Elends*. Stanisław Szczepanowski's Das *Elend Galiziens* in Ziffern [Nędza Galicyi w cyfrach, 1888] // Galizien im Diskurs. Inklusion, Exklusion, Repräsentation / Hrsg. P. Giersch, F. Schöfler, F. Krobb. Frankfurt/Main u. a. : Peter Lang, 2012. S. 57–77. *Latour B.* Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge : Harvard University Press, 1987. 274 S.

Le Rider J. Deutsch-französischer Kulturtransfer: Zur Übertragbarkeit dieses Modells auf Ostmitteleuropa // Kulturelle Nachbarschaft. Zur Konjunktur eines Begriffs / Hrsg. von J. Le Rider, G. Kofler, J. Strutz. Klagenfurt ; Wien ; Ljubljana ; Sarajevo : Wieser Verlag, 2002. S. 197–237.

Lechicki Cz. Krakowski 'Kraj': 1869–1874. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. 186 S.

Lipphardt, V., Ludwig D. Knowledge Transfer and Science Transfer [Electronic resource] // European History Online (EGO) / Institute of European History (IEG), Mainz, 12.12.2011. URL: <http://www.ieg-ego.eu/lipphardt-v-ludwig-d-2011-en> (accessed: 12.28.2014).

Lotman Y. M. Universe of the Mind: a Semiotic Theory of Culture. Bloomington : Indiana University Press, 2000. 288 S.

Mandlerová J. K. zahraničním cestám učitelů vysokých škol v českých zemích (1888–1918) // Dějiny věd a techniky. 1969. No. 4. S. 232–246.

Maurer T. Der Weg zur Mündigkeit. Auslandsaufenthalte rußländischer Wissenschaftler im 19. und frühen 20. Jahrhundert // Hyperboreus. Studia Classica. 2004. Bd. 10, no. 1–2. S. 60–77.

Mignolo W. Decolonizing Western Epistemology / Building Decolonial Epistemologies // Decolonizing Epistemologies / ed. by A. M. Isasi-Diaz, E. Mendieta. New York : Fordham University Press, 2011. P. 19–43.

Mitterbauer H. Kulturvermittlung um 1900: Hermann Bahr, Franz Blei und Max Brod // *Übergänge und Verflechtungen* / Hrsg. von H. Mitterbauer, G. Kokorz. Bern : Peter Lang 2004. S. 75–98.

Mosbah-Natanson S. Internationalisme et tradition nationale: le cas de la constitution de la sociologie française autour de 1900 // *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. 2008. No. 18. P. 35–62.

Nowak L. The Structure of Provincial Thought Half Essay, Half Thesis (1998) // *Thinking About Provincialism in Thinking* (Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. Vol. 100) / red. K. Brzechczyn, K. Paprzycka. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2012. P. 51–66.

Prus B. Logika Milla // Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy — Biblioteka Główna Województwa Mazowieckiego, sygn. 194. IV, [unveröffentlichter Manuskript, datiert 1879].

Raj K. Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900. Basingstoke : Palgrave, 2007. 285 p.

Rasmussen A. Les Congrès internationaux liés aux Expositions universelles de Paris, 1867–1900 // *Cahiers Georges Sorel*. 1989. No. 7. S. 23–44.

Ringer F. K. The Decline of the German Mandarins: the German Academic Community 1890–1933. Cambridge : Harvard University Press, 1969. 528 P.

Russie, France, Allemagne, Italie: transferts quadrangulaires du néoclassicisme aux avant-gardes / ed. M. Espagne. Tusson : Du Lérot, 2005. 248 p.

Saarts T. Construction of Peripheries: Foucault vs. Lotman and the Potential Peripherisation of New Member States in the EU // *European Peripheries* / ed. by G. Andrásy, J. Käkönen. Pécs : University of Pécs, Faculty of Law, Centre for European Studies, 2012. P. 21–38.

Siljak A. Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma // *Journal of the History of Ideas*. 2001. Vol. 62, No. 2. P. 335–358.

Snyder T. Putins Projekt [Electronic resource] // *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 13.04.2014. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/die-gegenwart/ukraine-putins-projekt-12893812.html> (accessed: 12.28.2014).

Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York : Harper & Brothers, 1928. 785 p.

Surman J. Entre indifférence et transfert d'idées: la réception de la sociologie autrichienne en France avant la Première Guerre mondiale // *Austriaca*. Cahiers universitaires d'information sur l'Autriche (Rouen). 2007. No. 63. P. 119–132.

Surman J. The Circulation of Scientific Knowledge in the Late Habsburg Monarchy: Multicultural Perspectives on Imperial Scholarship // *Austrian History Yearbook*. 2015. Vol. 62. P. 163–182.

Surman J., Mozetič G. Ludwik Gumplowicz i jego Socjologia // *Dwa życia Ludwika Gumplowicza Wybór tekstów* / red. J. Surman, G. Mozetič. Warszawa : Oficyna Naukowa, 2010. S. 9–83.

Tarde G. [Compte rendu de] Louis Gumplowicz, La lutte des Races // *Revue Philosophique*. 1893. No. 34. P. 618–638.

The Brokered World Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820 / ed. by S. Schaffer, L. Roberts, K. Raj, J. Delbourgo. Sagamore Beach : Science History Publications, 2009. 522 p.

Thinking about Provincialism in Thinking // ed. by K. Brzechczyn, K. Paprzycka. (Poznań Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. Vol. 100.). Amsterdam ; New York : Rodopi, 2012. 301 p.

Under postcolonial eyes: Joseph Conrad after Empire / ed. by G. Fincham, M. Hooper. Rondebosch : UCT Press, 1996. 216 p.

Understanding Multiculturalism. The Habsburg Central European Experience / ed. by J. Feichtinger, G. B. Cohen. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2014. 246 p.

Valkova O. Wissenschaftssprache und Nationalsprache. Konflikte unter russischen Naturwissenschaftlern in der Mitte des 19. Jahrhunderts // *Wissenschaft und Nation in der Europäischen Geschichte* / Hrsg. R. Jessen, J. Vogel. Frankfurt ; New York : Campus, 2002. S. 59–79.

Vucinich A. Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford : Stanford University Press, 1970. 575 p.

References

- Andruchowytsch, J. (2014). *Die Polen. Aus der Perspektive eines Angenäherten*. Festvortrag, Dritte Tagung Deutsche Polenforschung, Wissen, Verstehen, Übersetzen: Nachbarn im Dialog, Gießen, 20. bis 22. März.
- Anonym (1894). [Diskussion zu Ludwik Gumpłowicz: 'Un programme de sociologie']. In *Annales de l'institut international de sociologie. Vol. 1. Travaux du premier congrès* (p. 105–110). Paris, Giard & Brière.
- Bachmann-Medick, D. (2004). Kulturanthropologie und Übersetzung. In Kittel, H., Frank, A. P. & al. (Eds.). *Übersetzung, Translation, Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. An International Encyclopedia of Translation Studies. Encyclopédie internationale de la recherche sur la traduction* (in 3 vols.) (Vol. 1, p. 155–165). Berlin & New York, de Gruyter 2004.
- Baleva, M. (2011). Fremde Künstler – eigene Mythen. Der polnische Künstler Antoni Piotrowski und das Massaker im bulgarischen Batak. In Krüger, M. & Woltdt, I. (Eds.). *Im Dienst der Nation. Identitätsstiftungen und Identitätsbrüche in Werken der bildenden Kunst* (S. 373–397). Berlin, Akademie Verlag.
- Beauvois, D. (1977). *Lumières et société en Europe de l'Est*. L'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe (1803–1832). Vol. 2, 912 p. Lille & Paris, Champion, 1977.
- Boehmer, E. (2002). *Empire, the National, and the Postcolonial, 1890–1920. Resistance in Interaction*. 252 p. Oxford, OUP.
- Bolotnikov, A. (1926). Sociologicheskaya doktrina Gumplovicha [Gumpłowicz's Sociological Doctrine], *Pod znamenem marksizma*, 7–8, pp. 135–162.
- Borzym, S. (1974). *Poglądy filozoficzne Henryka Struwego*. 255 p. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Brzechczyn, K. & Paprzycka, K. (Eds.). (2012). *Thinking about Provincialism in Thinking* (Poznań Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. Vol. 100.) 301 p. Amsterdam & New York, Rodopi.
- Csáky, M. (2010). *Das Gedächtnis der Städte. Kulturelle Verflechtungen - Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa*. 417 p. Wien, Böhlau.
- Dmitriev, A. N. (2006). The State, the Universities, and the Reform of Higher Education in Russia during the First World War. In Maurer, T. (Ed.). *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* (S. 147–158). Stuttgart, Steiner.
- Donnert, E. (2007). *Die Universität Dorpat-Jürev 1802-1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches*. 256 p. Frankfurt & Bern u.a., Peter Lang.
- Ellis, Ch. (2010). Natural science. In: Leatherbarrow, W. & Offord, D. (Eds.) *A History of Russian Thought* (pp. 286–307). Cambridge, Cambridge University Press.
- Espagne, M. (Ed.). (2005). *Russie, France, Allemagne, Italie: Transferts Quadrangulaires du Néoclassicisme aux Avant-Gardes*. 248 p. Tusson, Du Lérot.
- Feichtinger, J. & Cohen, G. B. (Eds.). (2014). *Understanding Multiculturalism. The Habsburg Central European Experience*. 246 p. New York & Oxford, Berghahn Books.
- Fincham, G. & Hooper, M. (Eds.). (1996). *Under Postcolonial Eyes: Joseph Conrad after Empire*. 216 p. Rondebosch, UCT Press.
- Frémont, A. (1972). *La région, espace vécu: Mélanges offerts à A. Meynier*. 223 p. Rennes, P. U. B.
- Gałczyńska-Kiliańska, K. (1974). *Polacy w kraju półksiężycyca*. 224 p. Kraków, Wydawnictwo Literackie.
- Gordin, M. D. (2009). Points Critical: Russia, Ireland, and Science at the Boundary. In: *Osiris. Vol. 24 : National Identity : The Role of Science and Technology* (pp. 99–119). Chicago, Chicago University Press.
- Groniowski, K. (1962). Próba stworzenia polskiego ośrodka naukowego w Petersburgu przed 1863 r., *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*, 4, pp. 461–476.
- Jauss, H. R. (1987). *Die Theorie der Rezeption - Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte*. 75 p. Konstanz, Universitätsverlag Konstanz.
- Jöns, H. (2011). Centers of Calculation. In Agnew, J. & Livingstone, D. N. (Eds.). *The SAGE Handbook of Geographical Knowledge* (pp. 158–171). London, SAGE Publications Ltd.

Kaganovich, B. S. (1998). Vitol'd Kula: e'konomicheskaya istoriya i istoriya mental'nosti [Witold Kula: History of Economy and History of Mentality], *Odissej. Chelovek v istorii. Kul'turnaya istoriya social'nogo*. 1996 (pp. 275–298). Moscow, Nauka.

Kalinovskij, B. (1859). *O razvitii i rasprostranении idei svobodnoj trgovli i o primenenii ee k polozhitel'nym zakonodatel'stvam v glavnyh evropejskikh gosudarstvah* [On The Development and Dissemination of the Idea of Free Commerce and About Its Use in the Laws in the Main European States]. 224 p. Saint-Petersburg, Tipografiya Ryumina i Ko.

Kan, S. (2009). *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. 550 p. Lincoln, University of Nebraska Press, 2009.

Kappeler, A. (2012). *Russland und die Ukraine: verflochtene Biographien und Geschichten*. 395 p. Wien, Böhlau Verlag.

Kiyan, O. (2005). *Volodimir Antonovich: istorik j organizator "Kiivs'koj istorichnoj shkoli"* [Volodymyr Atonovych: Historian and Organizer of the „Kiev Historical School“]. 490 p. Kiev, RVC KDPU im. V. Vinnichenka.

Kłańska, M. (2012). Facetten des galizischen Elends. Stanisław Szczepanowski's Das Elend Galiziens in Ziffern [Nędza Galicyi w cyfrach, 1888]. In Giersch, P., Schöfler, F. & Krobb, F. (Eds.). *Galizien im Diskurs. Inklusion, Exklusion, Repräsentation* (pp. 57–77). Frankfurt am Main, Peter Lang.

Kosova, Yu. S. (2002). *Sociologiya Lyudviga Gumplovicha* [Sociology of Ludwik Gumpłowicz]. 125 p. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet.

Lambert, D. & Lester, A. (2006). *Colonial Lives across the British Empire: Imperial Careering in the Long Nineteenth Century*. 396 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Latour, B. (1987). *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. 274 p. Cambridge, Harvard University Press.

Le Ridem J. (2002). Deutsch-französischer Kulturtransfer: Zur Übertragbarkeit dieses Modells auf Ostmitteleuropa. In Le Rider, J., Kofler, G. & Strutz, J. (Eds.). *Kulturelle Nachbarschaft. Zur Konjunktur eines Begriffs* (pp. 197–237). Klagenfurt, Wien, Ljubljana & Sarajevo, Wieser Verlag.

Lechicki, Cz. (1975). *Krakowski 'Kraj': 1869–1874*. 186 p. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Lipphardt, V. & Ludwig, D. (2014). Knowledge Transfer and Science Transfer. In *European History Online (EGO)*, published by the Institute of European History (IEG), Mainz, 12.12.2011. Available at: <http://www.ieg-ego.eu/lipphardtv-ludwigd-2011-en> (accessed 28.12.2014).

Lotman, Yu. M. (2000). *Universe of the mind: a semiotic theory of culture*. 288 p. Bloomington, Indiana University Press.

Mandlerová, J. (1969). K zahraničním cestám učitelů vysokých škol v českých zemích (1888–1918), *Dějiny věd a techniky*, 4, pp. 232–246.

Maurer, T. (2004). Der Weg zur Mündigkeit. Auslandsaufenthalte rußländischer Wissenschaftler im 19. und frühen 20. Jahrhundert, *Hyperboreus. Studia Classica*, 10/1–2, pp. 60–77.

Mignolo, W. (2011). Decolonizing Western Epistemology / Building Decolonial Epistemologies. In Isasi-Diaz, A. M. & Mendieta, E. (Eds.). *Decolonizing Epistemologies* (pp. 19–43). New York, Fordham University Press.

Mill', Dzh. S. (Cherny'shevskij, N., transl.). (1905). Osnovaniya politicheskoy e'konomii s nekotory'mi iz ih primenenij k obshhestvennoj filosofii [Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy]. In Cherny'shevskij, N. G. *Polnoe sobranie sochinenij* (in 10 vols.). Vol. 7, 426 p. Saint-Petersburg, Tipografiya F. Vajsberga i P. Gershunina.

Mill', Dzh. S. (Rezener, F., transl.; Lavrov, P. L., ed., comment.). (1865, 1867). *Sistema logiki* [System of Logics]. Vol. 1, 602 p. Vol. 2, 550 p. Saint-Petersburg, Izdanie M. O. Vol'fa.

Miller, A. I., Sdvizhkov, D. & Shirle I. (Eds.). (2012) *«Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [“Concepts about Russia”: On Historical Semantics of the Imperial Period] (in 2 vols.). Vol. 1, 576 p. Vol. 2, 496 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Mitterbauer, H. (2004). Kulturvermittlung um 1900: Hermann Bahr, Franz Blei und Max Brod. In Mitterbauer, H. & Kokorz, G. *Übergänge und Verflechtungen* (pp. 75–98). Bern, Peter Lang.

Mosbah-Natanson, S. (2008). Internationalisme et Tradition Nationale: le Cas de la Constitution de la Sociologie Française autour de 1900, *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*, 1/18, pp. 35–62.

Nowak, L. (2012). The Structure of Provincial Thought Half Essay, Half Thesis (1998). In Brzezczyński, K. & Paprzycka, K. (Eds.). *Thinking About Provincialism in Thinking* (Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. Vol. 100) (pp. 51–66.). Amsterdam & New York, Rodopi.

Prus, B. ([1879]). *Logika Milla*, Biblioteka Publiczna m.st. Warszawy – Biblioteka Główna Województwa Mazowieckiego, sygn. 194. IV.

Raj, K. (2007). *Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900*. 285 p. Basingstoke, Palgrave.

Rajkov, B. E. (1959). *Russkie biologi-jevoljucionisty do Darvina. Materialy k istorii jevoljucionnoj idei v Rossii* [Russian Biologists-Evolutionists up to Darwin. Materials to the History of Evolutionary Idea in Russia]. Vol. 4, 588 p. Moscow.

Rasmussen, A. (1989). Les Congrès Internationaux Liés aux Expositions Universelles de Paris, 1867–1900, *Cahiers Georges Sorel*, 7, pp. 23–44.

Ringer, F. K. (1969). *The decline of the German mandarins: the German academic community 1890–1933*. 528 p. Cambridge, Harvard University Press.

Rolf, M. & Buchen, T. (Eds.). (2014). Imperiale Biographien, *Geschichte und Gesellschaft*, 40/1.

Saarts, T. (2012). Construction of Peripheries: Foucault vs. Lotman and the Potential Peripherisation of New Member States in the EU. In Andrassy, G. & Käkönen, J. (Eds.). *European Peripheries* (pp. 21–38). Pécs, University of Pécs.

Schaffer, S., Roberts, L., Raj, K. & Delbourgo, J. (Eds.). (2009). *The Brokered World Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. 522 p. Sagamore Beach, Science History Publications.

Sdvizhkov, D. & Vishlenkova, E. (Eds.). (2013). *Izobretenie veka. Semantika vremeni XIX stoletiya v Rossii i Evrope* [Inventing a Century. Semantics of Time in 19th Century Russia and Europe]. 368 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Siljak, A. (2001). Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma, *Journal of the History of Ideas*, 62/2, pp. 335–358.

Slaboshpicz'kij, M. (2006). Ukraïns'ki mecenati: Narisi z istorii Ukraïns'koï kul'turi [Ukrainian Patrons: Sketches from the History of Ukrainian Culture]. 412 p. Kiev, Vid-vo M. P. Kocz' & Yaroslaviv Val.

Snyder, T. (2014). Putins Projekt, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 13.04.2014. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/die-gegenwart/ukraine-putins-projekt-12893812.html>.

Sorokin, P. (1928). *Contemporary Sociological Theories*. 785 p. New York, Harper & Brothers.

Struve, Genrih Egorovich. In *E'nciklopedicheskij slovar' Brokgauza i E'frona* (in 86 vols). (1901). (Vol. 31a, pp. 830–832). St. Petersburg, F. A. Brokgauz — I. A. Efron.

Suchodolski, B. (Ed.). (1977) *Historia nauki polskiej*. Vol. 3, 868 p. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Suchodolski, B. (Ed.). (1983) *Historia nauki polskiej*. Vol. 4, 1124 p. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Surman, J. (2007). Entre Indifférence et Transfert d'Idées: la Réception de la Sociologie Autrichienne en France avant la Première Guerre Mondiale, *Austriaca. Cahiers universitaires d'information sur l'Autriche (Rouen)*, 63, pp. 119–132.

Surman, J. (2015). The Circulation of Scientific Knowledge in the Late Habsburg Monarchy: Multicultural Perspectives on Imperial Scholarship. In *Austrian History Yearbook*. Vol. 62, pp. 163–182.

Surman, J. & Mozetič, G. (2010). Ludwik Gumplowicz i jego Socjologia. In *Dwa życia Ludwika Gumplowicza Wybór tekstów* (pp. 9–83). Warsaw, Oficyna Naukowa.

Tarde, G. (1893) [Compte rendu de] *Louis Gumplowicz, La lutte des Races*, *Revue Philosophique*, 34, pp. 618–638.

Usenko, P. G. (2011). Inicijativi Z. Serakovskogo u sferi reform 1860-h rr [Z. Serkarowski's Reform Initiatives in the 1860s], *Problemi Istorii Ukraïni XIX — pochatku XX st.*, 7, pp. 207–222.

Valkova O. (2002). *Wissenschaftssprache und Nationalsprache. Konflikte unter russischen Naturwissenschaftlern in der Mitte des 19. Jahrhunderts*. In Jessen, R. & Vogel, J.

(Eds.). *Wissenschaft und Nation in der Europäischen Geschichte* (pp. 59–79). Frankfurt & New York, Campus.

Vucinich, A. (1970). *Science in Russian Culture 1861–1917*. 575 p. Stanford, Stanford University Press, 1970.

Zajceva, Z. I. (2006). *Ukrains'kij naukovij ruh: institucional'ni aspekti rozvitku (kinecz' XIX — pochatok XX st.)* [Ukrainian Scientific Movement: Institutional Aspects of its Development (End of the 19th – Beginning of 20th century)]. 368 p. Kiev, KNEU.

The article was submitted on 02.07.2015

Ян Сурман, Dr.,
Институт Гердера,
Марбург, Германия
jan.surman@univie.ac.at

Jan Surman, Dr.,
Herder Institute
for Historical Research on East
Central Europe — Institute of the
Leibniz Association,
Marburg, Germany
jan.surman@univie.ac.at

DOI 10.15826/qr.2015.3.115

УДК 930.2:94(47+57)+656.8(47+57)

Даниель К. Уо

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ НОВОСТЕЙ В РОССИИ XVII в.:
ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ОПЫТ ПАТРИКА ГОРДОНА¹**

Daniel C. Waugh

**COMMUNICATION IN RUSSIA IN THE 17th CENTURY:
THE EVIDENCE IN PATRICK GORDON'S
CORRESPONDENCE**

A unique 17th-century historical source, the diaries of Patrick Gordon, a Scot in Russian service, contains a great deal of information about Russian history. A close reading of the detailed record of daily events in the author's life reveals details about Russian life, which are not found in other documents. From Gordon's diaries and correspondence, the article's author extracted information, which helps us understand the functioning of the postal service in Russia in the late 17th century. Several aspects of the problem are treated. Firstly, information about his correspondents is systematized, including personal, official, and more casual acquaintances. Analysis of the correspondence underscores Gordon's wide-reaching national, social and familial connections. Secondly, the article describes the routes that letters traveled to and from their addressees. There was a clear preference for sending letters via special couriers or acquaintances who happened to be traveling, even if a government system of communication was available. Thirdly, the article establishes transit times and explains the possible objective or subjective reasons why they might be faster or be delayed. This analysis also reveals something about the interactions between Patrick Gordon and his contemporaries, which is evidenced by the frequency of the correspondence and the direct responses. The author discusses concrete circumstances around the organization of the official postal network and its development in its early stages.

The publication of the article is in two thematically delineated parts. The first examines data about Gordon's communications network, such as

¹ Статья является русскоязычным вариантом более развернутой публикации, где данные переписки Патрика Гордона детально представлены в виде таблиц, а также присутствует дополнительный сопоставительный материал [Waugh]. Я благодарен Дмитрию Федосову и Полу Дюксу, предложившим внести в статью несколько важных исправлений.

communication routes, official and personal agreements, as well as speed and frequency of exchanges. To a degree the content of the letters is examined here, though their more detailed treatment is to be found in the second part of the article devoted to the analysis of how he obtained political news and intelligence information. Both parts are organized roughly chronologically: it is important to see what changes occurred over nearly half a century covered in the diaries.

The author's conclusions provide evidence about the broad connections of Russia and Europe as well as the active diplomacy, which made it imperative in the Petrine era to establish a state postal system. In the case of Patrick Gordon, who was an active participant in the political process, we can see how it was essential for him to take advantage of all means of communication in order to maintain his extensive correspondence about political, military, and personal affairs.

Keywords: Patrick Gordon, Peter the Great, history of Russia in the 17th century, history of the post, Russian communications in the 17th century, international relations.

Уникальный исторический источник XVII в. — дневники шотландского подданного на российской службе Патрика Гордона — таят в себе немало сведений по русской истории. Подробное описание каждодневных событий из биографии автора при внимательном чтении обнаруживает такие детали российской жизни, которые не представлены ни в каких других документах. Автор статьи поставил задачу вычлнить из дневников и переписки Патрика Гордона информацию, способную раскрыть состояние почтовой службы в России конца XVII в. Проблема поставлена в нескольких аспектах. Во-первых, систематизируются адресаты Гордона, учитывая частные, официальные и дружеские контакты. Анализ переписки свидетельствует об очень широких национальных, социальных и родовых связях ее героя. Во-вторых, обрисовываются маршруты, которыми письма шли к адресатам и обратно, выявляется предпочтение отправки писем с нарочными или попутными средствами, хотя начинает работать и государственный канал доставки. В-третьих, фиксируется время доставки и устанавливаются возможные объективные и субъективные причины ее ускорения или замедления. Попутно обращается внимание на взаимоотношения Патрика Гордона и его современников, проявляющиеся в частоте переписки и оперативности ответов. Уточняются конкретные обстоятельства организации официальной почтовой связи и ее развития на начальном этапе.

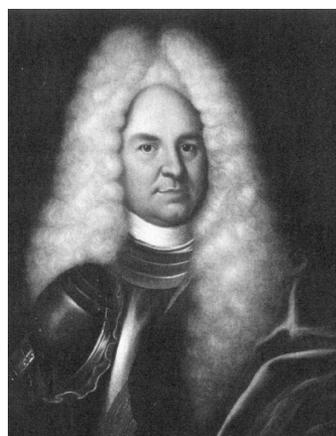
Публикация статьи тематически разделена на две части. В первой рассматриваются данные о сети коммуникаций, которой пользовался Гордон, — о путях сообщения, официальных и личных договоренностях, скорости, частоте сообщений. В некоторой степени здесь раскрывается содержание писем, более подробно разбираемое автором во второй части статьи, посвященной анализу того, как Гордон получал политические

новости и сведения разведки. В обеих частях данные приводятся преимущественно в хронологическом порядке: важно увидеть, какие изменения произошли почти за полвека, которые охватывают дневники.

Выводы автора свидетельствуют об обширных связях России и Европы, активной дипломатической деятельности, в связи с чем для петровского времени стало актуально создание государственной службы почтовой связи. Новые качества обнаруживаются в личности Патрика Гордона, активного участника политического процесса в России, пользующегося малейшей возможностью коммуникации с различными адресатами политического, военного и дружеского свойства.

Ключевые слова: Патрик Гордон, Петр Великий, история России XVII в., история почты, российские коммуникации XVII в., международные отношения.

На сегодняшний день данных об истории коммуникаций в Московском государстве XVII в. явно недостаточно, и, судя по объему и разбросанности источников, их увеличения в ближайшем будущем

не предвидится. Определенное представление можно получить из анализа сохранившейся переписки и дневника Патрика Гордона (1635–1699), одного из известнейших и, возможно, самого осведомленного иностранного специалиста шотландского происхождения, служившего в Московском государстве [Gordon; Гордон]². Многолетний дневник Гордона уже давно служит источником по истории Московского государства XVII в. Первые записи в нем относятся к 1650-м гг., когда Гордон приехал в Восточную Европу из Шотландии в поисках удачи, и продолжаются почти до самой его смерти в Москве в 1699 г. До

недавнего времени историкам приходилось довольствоваться неполным и несовершенным немецким переводом дневника (источник для русского перевода XIX в.) и изданными отрывками английского (шотландского) оригинала. Благодаря современному исследованию

² Основным источником является оригинальный английский текст дневника; исключение составлял его последний вышедший том, который был недоступен, когда я писал эту статью, поэтому мне пришлось полагаться на перевод Д. Федосова. В данном варианте статьи большая часть цитат из дневника и переписки Гордона была переведена Федосовым. В цитатах большинство слов и букв в скобках принадлежат Федосову, хотя я добавил в скобки некоторые указания на личности (например, имена), где это было необходимо. Я также полагаюсь на указания Федосовым личностей тех, с кем общался Гордон; надеюсь, что будет расширен контекст их взаимоотношений. Объем статьи не позволяет привести полностью те отрывки из дневника, которые служат источником информации, но, учитывая хронологический порядок, в котором в нем расположены события, читателям будет несложно установить местоположение отрывков, на которые я ссылаюсь.

Дмитрия Федосова мы имеем как качественное издание оригинала, так и основанный на нем перевод. Ожидаются последний том в переводе на русский и два тома оригинала. В статье рассматривается период из дневника до 1695 г., а также переписка Гордона, опубликованная на основании разных архивов³ [Kononov, 1964, 1967; Dukes].

Александр Брикнер [Брикнер, 1878, март, отд. 2, с. 102–104] в XIX в. и современный исследователь Д. Федосов обращали внимание на поразительно обширную переписку Гордона и его особый интерес к новостям. В книге об отношениях между Стюартами и Романовыми Пол Дюкс, Грейм Херд и Ярмо Котилайне [Dukes, Herd, Kotilaine] также описывают контакты Гордона, о которых можно судить на основе его дневника и переписки. Однако эту тему нельзя считать исчерпанной.

Особенности расположения информации в дневнике

В дневнике Гордона есть значительные пропуски — некоторые тома до нас не дошли, а в сохранившихся имеются лакуны. Несмотря на подробные записи Гордона, его полная переписка не сохранилась, и нет уверенности, что нам известны все новости, которые он узнавал и распространял. Даже в тех частях дневника, где он, казалось бы, действительно писал каждый день, подобная регулярность может быть обманчива. Из дневника Гордона, раскрывающего процесс формирования записей, явствует, что он мог вносить более позднюю информацию в более ранние записи (таким образом, например, он поместил несколько новостей под неверной датой).

Как следует из отсылок, которые делает Гордон, у него были отдельные журналы корреспонденции, где он хранил копии писем. И хотя сами журналы не сохранились, отрывки из них включены в дневник⁴. Таким образом, тема послания конкретному адресату, даже если само письмо не сохранилось, может раскрываться в дневнике.

Для корректной оценки сведений о контактах Московского государства и характера новостей, которые содержатся в дневнике, необходимо определить содержание терминов, используемых Гордоном. Слово “post” («почта») может обозначать в дневнике регулярные официальные письма⁵, но в некоторых более поздних заметках слово «почта» используется с прилагательным (“regular” — «регулярная» или “ordinary” — «повседневная»); это свидетельствует, что к тому времени

³ Д. Федосов включает переводы этих писем в русскоязычное издание дневника.

⁴ Помимо тех писем, которые скопированы в дневнике, несколько оригиналов были обнаружены в британских архивах и в Ревеле (Таллине); возможно, в европейских архивах могут быть найдены и другие письма.

⁵ В своем переводе Д. Федосов очень внимательно относится к этой разнице. Там, где он считает это уместным, он переводит “post” словом «почта»; но в некоторых случаях разумно предположить, что сообщения доставлялись со специальным курьером, и тогда Федосов переводит “by post” как «с гонцом».

сложилась система почтовых отправлений. Иногда Гордон указывает, что письмо высылается «посредством пересылки», «через посредство» (“by the conveyance”) кого-либо; это может означать, что письмо доставляет лично названный человек или его слуга. Вероятно, когда письмо доходило до первого посредника, этот человек знал, как лучше отправить его конечному адресату; поэтому дальнейший способ пересылки в дневнике может не уточняться. Довольно часто письма отправлялись посреднику «в конверте», а затем вкладывались в другой конверт и пересылались следующему человеку по пути следования письма и т. д. Таким образом, письма могли пересылаться до четырех-пяти раз и только затем попадали к адресату. Последний посредник обычно жил в том же месте, что и адресат, и его, вероятно, хорошо знал «почтмейстер»; адресат же обычно не получал прямую корреспонденцию. Вероятно, некоторые письма часто вкладывали в конверты и отправляли не конечному получателю, а другому лицу из соображений безопасности.

Сведения из дневника дают возможность рассчитать время нахождения письма в пути. Также можно определить частотность и временной период, за который участники переписки обменивались сообщениями, так как в начале писем Гордон обычно указывал, когда он отправил предыдущие письма или когда получил их от адресата. В дневниковых записях иногда упоминается, когда письмо написал «собеседник» и когда Гордон получил письмо, на которое отвечает⁶.

Термины, которыми Гордон описывает получение новостей, многообразны. Фразы “We heard” («Мы прослышали»), “We had notice” («Мы получили весть»), “We had that” («Мы узнали, что») и “We were informed” («Мы уведомлены») часто вводят информацию о какой-либо новости, но не сообщают, от кого и в какой форме эта новость была получена. Иногда ключ к разгадке дает контекст: например, под той же датой упоминается, что Гордон с кем-то обедал там-то и там-то, где происходил обмен новостями. Но часто заметки с новостями не имеют контекста; из дневника нам известно лишь, что в то время его автор жил в определенном месте. Некоторые неясности мешают отделить устные сообщения от письменных, а неподтвержденные новости — от подтвержденных. Однако Гордон и его московские соратники хорошо знали, как важно проверять информацию: иногда люди, сообщавшие новости, были плохо осведомлены или намеренно вводили других в заблуждение.

⁶ Если не указано иначе, ниже все даты приведены по старому стилю (st. v.), то есть в соответствии с Юлианским календарем. Обычно Гордон отмечает, когда полученное письмо датируется по новому стилю (по Григорианскому календарю, st. n.); но в некоторых случаях, когда он этого не делает и когда известно, что авторы писем использовали новый стиль, для соблюдения последовательности я привел даты по старому стилю. Когда мне кажется, что время письма в пути указано неточно, в скобках делается следующее предположение: одна из дат могла относиться к новому стилю, даже если Гордон это не указал. В XVII в. старый стиль отставал от нового на десять дней. Вычисляя время письма в пути, я учитываю дни, когда оно было написано и получено. Некоторые исследователи при этом просто вычитают одну дату из другой и таким образом получают период на один день короче, чем по моим вычислениям.

Во многих случаях Гордон уточняет, кто принес новости: купец, казачий гонец или агент разведки. Иногда он записывает новость для того, чтобы выразить свое скептическое отношение к ее достоверности; в более поздних заметках он указывает, что новая информация показала ошибочность старой. Довольно много примеров относятся к тому времени, когда он находился в Киеве: особенно подробные и важные сообщения о событиях в Польше немедленно отправлялись в Москву.

Наибольший интерес представляют заметки, в которых упоминается деятельность московского почтмейстера Андрея Винууса. Он не только получал от Гордона конверты с письмами (по-видимому, заранее оговаривалось, что он присоединит их к международным отправлениям), но также был для Гордона главным поставщиком голландских (возможно, и немецких) газет. Это следует из упоминаний, которые делал Гордон в дневнике во время нахождения в Киеве в связи с участием в кампании или военной службой. Среди адресатов Гордона тех, с кем он делился политическими новостями, было немного (насколько мы можем судить по сохранившимся копиям писем). В его переписке с семьей и друзьями часто упоминались семейные и личные финансовые вопросы. С течением времени Гордон все чаще пишет представителям московской элиты; стремление сблизиться с этими людьми отчасти объясняется целью найти поддержку его ходатайству о возвращении в Шотландию.

Коммуникативная сеть Патрика Гордона

В XVI–XVII вв. в Европе стремительно развивались системы почтовых отправлений. Важными факторами становились скорость передачи сообщений и надежность сети коммуникаций. Даже если существовали официальные сети коммуникаций, приходилось действовать через посредничество знакомых, так как системам сообщений не всегда можно было доверять. В то время люди все еще полагались больше на личное доверие и знакомство. Кроме того, учитывая неожиданности, которые случались в пути (корабль мог затонуть, почта — потеряться, письмо — не быть доставленным из-за военных конфликтов, а доставщик письма — заболеть и умереть), зачастую требовалось послать одно и то же сообщение одновременно разными путями.

Одна из первых серий записей в дневнике, содержащая данные о переписке Гордона, относится к 1663 и 1664 гг. В этих записях говорится не о международной почте (она сложилась как система лишь через два года), а, скорее, о внутренних коммуникациях Московского государства. В связи с тем что не был заключен мир с Речью Посполитой, Смоленск являлся важным центром для московских армий. Гордон вел активную переписку с офицерами, которые там размещались, особенно со своим соотечественником генералом-лейтенантом Уильямом Драммондом. Их переписка позволяет предположить, что

обычное время следования писем между Смоленском и Москвой равнялось 5–7 дням. Вероятно, большинство этих писем перевозилось с помощью ямской гоньбы (государственной системы смены лошадей), хотя полной уверенности в этом нет.

Когда в начале мая 1664 г. Гордона отправили в Смоленск, он часто переписывался с оставшимися в Москве: со своей невестой Катериной фон Бокховен, с ее матерью, с миссис Брайан (женой друга семьи).

Тройка (литография начала XIX в.).
Художник А. О. Орловский (1777–1832)

С 5 мая по 6 декабря Гордон послал по меньшей мере 28 писем Катерине и 18 ее матери. Он получил по крайней мере 15 ответов от Катерины и 13 — от ее матери. Однажды письмо Катерины из Москвы дошло за четыре дня, но обычное время письма в пути приближалось к двум неделям. В одном из случаев Гордон со-

общает, что его письмо к Катерине шло «с русским гонцом» (“by the Russe post”), что, очевидно, означает использование системы ямов.

В тех случаях, когда не говорится, кто доставлял письмо, можно предположить, что это делал ямщик. Однако чаще всего Гордон уточняет, кто был доставщиком письма; он пользовался любой возможностью послать свою личную корреспонденцию, даже если главной целью доставщика была деловая поездка. Как-то Гордон даже получил свою почту из Москвы через главного московского дипломата и политика Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина: этот последний, покинув переговоры с поляками на границе, ездил в Москву, чтобы проконсультироваться с начальством, и возвращался на границу через Смоленск. В этот период Гордон переписывался со многими другими людьми, в частности с сослуживцами, жившими в городах недалеко от Смоленска, а своей семье в Шотландию писал редко. Но, вернувшись в Москву в середине января 1665 г., он написал отцу, дяде, брату Джону и друзьям. Он также начал переписываться с шотландским наемником Полом Мензисом, который в 1665 г. находился в Смоленске (Мензис известен тем, что позднее отправился в посольство по Европе по поручению Московского государства)⁷.

В 1665 г., когда Гордон вернулся в Москву, предприимчивый Ян ван Сведен заключил контракт с царским правительством (он был

⁷ Классическим источником, в котором говорится о Мензисе, по-прежнему остается книга Чарыкова [Чарыков], хотя его биография, несомненно, требует дополнительных исследований.

подписан в мае). Согласно этому контракту между Москвой и Ригой устанавливалось регулярное почтовое сообщение, главной целью которого было обеспечить получение иностранных новостей⁸. Мы очень мало знаем о том, как работало предприятие Сведена. Поэтому авторы некоторых работ о зарождении международных сообщений в Московском государстве полагают, что эта система никогда не функционировала и международная почта на самом деле появилась благодаря семье Марселисов, которой предприятие было отдано два года спустя. Но примечания, сделанные писцами из Посольского приказа на рукописях «Курантов», не только позволяют проследить, каким образом в Россию приходили иностранные газеты, переводы которых помещались в этом издании, но и свидетельствуют о том, что почтовая сеть ван Сведена все же начала работать, как планировалось, и сообщения доставлялись в обе стороны раз в две недели [Waugh, Maier, p. 30, n. 19]⁹. В дневниках Гордона, относящихся к данному периоду, появляется все больше информации о письмах, которые он отправлял из Москвы за границу (или из-за границы в Москву, когда он был на Западе), что позволяет уточнить начало функционирования новой международной почты.

Первое свидетельство извлекается из переписки Гордона с генералами Драммондом и Далеyleм. Они получили разрешение покинуть службу в Московском государстве, но в середине января 1665 г. московские власти изменили решение и пытались найти предлог, чтобы помешать их отъезду. Гордон активно переписывался с этими двумя, когда они направились из Москвы обратно в Смоленск и когда в спешке уехали из Смоленска в Псков, а затем в Ригу. Эта переписка продолжилась до осени, когда Драммонд и Далеyleй находились уже далеко, в Западной Европе. Данные Гордона говорят лишь о состоянии коммуникаций по дороге из Москвы в Ригу и за ее пределами непосредственно перед вводом новой службы. Так как почтовая система ван Сведена не работала в полную силу до начала 1666 г., внутри России письма могли отправляться с ямщиками (то есть «следующей почтой» — “the next post”). Сложно сказать, существовало ли что-то вроде регулярного расписания; но свидетельства указывают, что почта приходила в Москву и отправлялась оттуда в середине месяца. По имеющимся датам можно предположить, что письмо почтой из Риги могло дойти до Москвы примерно за три недели, а из Гамбурга —

⁸ Классической работой по истории международной почты времен Московского государства до сих пор является книга Козловского [Козловский]; см. также: [Вигилев]. В рамках проекта книги о получении иностранных новостей в Московском государстве проф. Ингрид Майер и я дополняем Козловского; настоящее эссе является шагом в этом направлении. Эта работа частично поддерживается грантом на изучение «Межкультурного обмена в Европе Нового времени» (RFP12-0055:1), который выплачивает фонд “Riksbankens jubileumsfond” и организация “The Bank of Sweden Tercentenary Foundation”.

⁹ К этому можно добавить даты получения и перевода курантов (иностранных новостей, которые получали в Москве) 19 ноября и 15 декабря. См.: [Вести-Куранты, 2008, 2009, вып. 66, 72].

примерно за месяц. Хотя все еще считалось, что надежнее отправить письма с путешествующим лицом.

Сам Гордон получил разрешение поехать в Великобританию в 1666 г.; тогда ему удалось совместить семейные дела с официальным визитом к английскому двору в качестве посла. Поездка длилась почти год: Гордон уехал из Москвы в конце июня, — и в это время он вел активную переписку. Она довольно хорошо задокументирована в дневнике, однако в нем есть несколько пропусков, относящихся к периодам, когда он, несомненно, также писал письма. У Гордона не было ни слуг, ни крупных денежных средств, и он не мог посылать гонцов, которые бы доставляли письма, связанные с его официальными обязанностями. Логично предположить, что он использовал почту с постоянным расписанием, если у него не было возможности вручить письма путешествующим. В дневнике Гордона отмечается, что еще до приезда в Великобританию он по крайней мере четыре раза высылал отчеты Алмазу Иванову в Посольский приказ. С того времени, как он покинул Москву в 1666 г., — уже через несколько дней после отъезда из города, — он по меньшей мере 20 раз писал семье, оставшейся там, и иностранцам из Немецкой слободы. В среднем он писал письма приблизительно каждые две недели. Не менее 15 раз отмечается получение письма из Москвы. Очевидно, не все письма следовали по рижскому маршруту, но в целом порядок отправки и получения писем отражает расписание, по которому работала рижская почта: в середине и в конце каждого месяца.

Для отправки почты Гордон использовал сеть посредников, живущих в Европе. Например, по приезде в Гамбург 6 августа он встретился с Натаниэлем Кембриджем, который получал и отправлял его письма. Посредник часто держал у себя конверты с письмами до приезда адресата. Поэтому, когда Гордон приехал в Гамбург, Кембридж вручил ему конверт; затем он получил конверт, когда приехал в Лондон, и еще один, когда вернулся в Ригу. В таких случаях письма могли какое-то время дожидаться адресата, и поэтому датой их прибытия считалась дата получения. Это означает, что данных о времени нахождения писем в пути может быть недостаточно, чтобы выяснить, с какой скоростью обычно работала почта. До Риги почта шла от двух до трех недель (хотя один раз письмо дождалось там Гордона более двух месяцев), до Гамбурга — немногим больше месяца (а с учетом ожидания — 54 дня), а из Москвы в Лондон — всего месяц (но Гордон забирал почту через 6–7 недель после отправки). Не ясно, влияло ли на скорость отправки писем время года: в нескольких случаях письма в Лондон шли быстрее всего в середине зимы. Но у нас недостаточно данных, чтобы предположить, что зимой письма обычно шли быстрее¹⁰.

¹⁰ Необходимо учитывать, что на почтовую связь с Лондоном могла повлиять Англо-голландская война. В одном месте Гордон замечает, что почта шла, даже если он сам не мог быть уверен в безопасности своего путешествия через Ла-Манш. Причиной задержек также мог быть карантин, который объявляли из-за чумы.

Учитывая все это, нельзя уверенно сказать, насколько часто Гордон пользовался новой почтой ван Сведена, хотя, вероятно, делал это, кроме того они были лично знакомы¹¹. В конце концов, линия между Ригой и Москвой почта была отчасти создана специально для русских послов, находящихся за границей.

Будучи в Лондоне, Гордон договорился с Джозефом Уильямсоном (секретарем графа Арлингтона и одним из главных государственных секретарей), что будет регулярно присылать ему новости из России. Некоторые из этих новостей впоследствии были напечатаны в «Лондонской газете» (London Gazette), финансируемой правительством [Pernal]. Гордон начал переписываться с Уильямсоном еще до своего возвращения в Россию¹². Письма же Гордона из Москвы, заслуживают особого внимания¹³. Известны семь писем Гордона Уильямсону, и в трех случаях Гордон получил ответы в период между июлем 1667 г. и началом 1668 г. Эти свидетельства позволяют сделать вывод, что письма между Ригой и Москвой отправлялись и присылались каждые две недели. С каждой такой почтой Гордон отправлял письмо и мог ожидать ответа на предыдущее послание от Уильямсона. Если это правило не соблюдалось, виной тому была не столько почта (однажды ее отправили на день раньше), сколько то, что Гордон был занят другими делами. В тех случаях, когда мы можем подсчитать время письма в пути, мы видим, что послания Гордона доходили из Москвы до Лондона за 47, 55 и 51 день; одно письмо Уильямсона было доставлено в Москву через 41 день, а другое — за 39 дней. Из более поздних свидетельств известно, что, если срок доставки за 40 дней считался обычным, то 50 дней были долгим сроком. Для сравнения: газеты, изданные в Лондоне и напечатанные в Голландии в середине 1660-х гг., доставлялись в Москву за такое же время или больше.

¹¹ Возвращаясь в Россию, в Любеке Гордон встретил Яна ван Сведена, который ехал обратно в Москву с семьей. Они вместе добрались до Риги, где их принял у себя дома один из знакомых ван Сведена Герман Бекер (вероятно, родственник рижского почтмейстера Якоба Бекера).

¹² Письмо, отправленное из Любека 2 марта 1667 г., было издано Коноваловым [Konovalov, 1967, p. 80–81]. Помимо возможных финансовых соображений (о которых у нас нет данных), договоренность состояла в том, что взамен Уильямсон будет регулярно отправлять Гордону рукописные сборники новостей. В дневнике Уильямсона за период с декабря 1667 г. по январь 1669 г. Гордон записан в число получателей писем; см.: [Fraser, p. 154]. Уильямсон высылал Гордону как печатные выпуски «Лондонской газеты» (к изданию которой он имел отношение), так и рукописные сборники новостей; последние, видимо, представляли особый интерес, и их было невозможно достать через открытые источники новостей. Когда кто-то пишет о том, что получил новости от Уильямсона, не всегда ясно, какой из этих двух источников имеется в виду.

¹³ Письма Гордона см. в работе Коновалова [Konovalov, 1964], где он печатает их по изданию Национальных архивов [National Archives, SP 91/3], и в переводах Федосова [Гордон, т. 2, с. 211–217]. Не вполне ясно, как долго Гордон оставался новостным агентом Уильямсона в Москве (независимо от того, получал ли он письма с новостями от Уильямсона). Сохранилось письмо Гордона, которое он послал из Эдинбурга 12 октября 1669 г., а также его письмо из Москвы, которое датируется 28 января 1678 г. (в то время Уильямсон был главным государственным секретарем). Эти письма см. в работах [Konovalov, 1967, p. 81–83; Гордон, т. 3, с. 104–105, 112].

Можно сравнить эти данные со временем курсирования писем между Уильямсоном и его стокгольмским агентом Томасом Тайном. Последний постоянно жаловался, что чувствует себя отрезанным от остальной Европы, хотя он мог посылать и получать письма каждую неделю (правда, не всегда этим пользовался) и его почта могла дойти до Лондона меньше чем за три недели¹⁴. Очевидно, Тайн считал, что 29-дневный срок доставки для письма из Лондона — это долго. По всей вероятности, чаще всего он отправлял письма обычной почтой; кратчайший путь пролегал через южную Швецию, Гамбург, откуда почта шла в Голландию и Фландрию. Из соображений безопасности Тайн всегда посылал письма в конверте и адресовал их не своему руководству в Лондоне, а другим людям.

В дневнике Гордона отсутствуют сведения от середины 1667 г. до 1676 г., а также от 1679 до 1683 г.; этот факт и особая форма повествования в томе за 1677–1678 гг. — причины пробелов в переписке. Регулярные записи возобновляются Гордоном только с января 1684 г. За 25 лет (после 1660 г.) многое изменилось. К 1684 г., отчасти благодаря хорошей службе во время осады Чигирина, Гордон пользовался уважением московской элиты, обладал внушительными личными связями в этих кругах. Те задания, которые ему давали, отражают высокий статус, которого в 1660-е гг. у него не было; в то время он больше общался с шотландцами и другими иностранцами, жившими в Москве, чем с высокопоставленными русскими. Значительную часть времени, которое охватывает этот том дневника, Гордон находился в Киеве и участвовал в кампаниях против Крыма (которые оказались катастрофически неудачными). В Киеве он вращался в кругах элиты, регулярно обменивался письмами с московским воеводой и его подчиненными, встречался с важными духовными лицами и вел активную общественную жизнь¹⁵. Таким образом, у него имелся свободный доступ ко всем возможным каналам сообщений, и его постоянно посвящали в важные новости (письма могли идти к нему через Москву или через границы из Польши)¹⁶.

6 марта 1684 г. по дороге из Москвы в Киев Гордон остановился в городе Севске, важном военном гарнизоне для южных операций, где он жил с семьей до отправки в Киев в 1678 г. Его следующей

¹⁴ См.: [National Archives, SP 95/6]; продолжение переписки с Тайном в 1668 г. см. [Ibid, SP 95/7].

¹⁵ Хороший обзор его службы и жизни в Киеве приводится во введении Д. Федосова к работе [Gordon, Vol. 4, p. VIII–XVII]; см. также статью Д. Федосова [Гордон, т. 4, с. 232–262].

¹⁶ Отсутствие систематического исследования российской почты и коммуникаций в южном направлении для XVII в. и то, как получались данные военной и политической разведки, придают особую важность записям Гордона. Чтобы создать такое исследование, необходима обширная архивная работа, на данный момент мне мало-доступная. Особый интерес вызывают архивы «Малороссийских дел» и архивы по международным делам. Конечно, некоторые материалы из этой области были изданы в таких сериях, как «Акты для истории Южной и Западной России», что позволяет сравнивать их с тем, что сообщает Гордон.

остановкой был Батурун, где находился штаб гетмана левобережных казаков Ивана Самойловича. В дневнике много раз упоминается, что Гордон посылал письма в оба эти города. У него все еще были близкие связи в Севске, где находился на службе его тесть полковник Ронер. Очевидно, Гордон состоял в очень хороших отношениях с Самойловичем, от которого 11 августа получил «весьма дружеское письмо... и при оном 3 коров, 25 овец, бочку водки и 40 рублей деньгами». В близких отношениях он был, вероятно, с Иваном Мазепой, главным лейтенантом Самойловича. Сохранилось несколько писем Гордона Мазепе; все они написаны на латыни, чаще всего Гордон в них просто вежливо выражает свою дружбу и благодарит Мазепу за какую-то личную услугу. В 1687 г. Мазепа сменил Самойловича на посту гетмана, когда последний был свергнут и сослан в ссылку в Московское государство. Сообщая об этом графу Миддлтоу в Лондон, Гордон писал о Мазепе: «Этот человек сильнее привержен христианскому делу и, надеюсь, будет более деятелен и усерден в пересечении татарских набегов на Польшу и Венгрию...» [Коповалов, 1967, р. 88; Гордон, т. 4, с. 223].

В этот период Гордон вел переписку со многими людьми из-за границы; однако слал письма реже, чем если бы оставался в Москве. Обычно он вкладывал один конверт с письмом в другой. Например, 23 января 1685 г. он отправил письмо генералу Драммонду, который тогда пребывал в Лондоне; оно находилось «в письме к м-ру <Джеймсу> Эди, а оное в другом к м-ру <Ричарду> Дэниэлу и сие к почтмейстеру <Андрею> Виниусу, его же <письмо> – в моем ко Джеймсу Линдзи... все в пакете для полковника <Георга> фон Менгдена... отосланы с боярской слугой Кузьмою»¹⁷. Важными были связи в Данциге, так как оттуда корабли отправлялись напрямую в Абердиншир (Шотландия), где жила семья Гордона.

4 июля 1685 г. к Гордону приехали из Москвы его слуги и привезли ему большую пачку писем. Так как он указывает, когда и откуда были отправлены эти письма, данную запись стоит привести полностью:

Мои письма были от м-ра Меверелла — Лондон, 24 февр. 1685; от м-ра Дэниэла — Рига, 26 марта и за 2 недели до 2 апреля; от полковника Гордона — Ганновер, 12 декабря '84; от м-ра Хартмана, Москва, 21 мая '85; от м-ра Гуаскони, Москва, 29 апреля и 11 июня; от м-ра Виниуса, 2 июня; от голл. резидента, 20 мая и 5 июня; от п-атера> де Буа, 10 июня ст. ст.; полковника фон Мен<дена>, 10 июня; м-ра Склейтиера, 12 июня; м-ра ван Тройена, 11 июня; от полковника Хэмилтона, Севск, 26 июня; полковника Ронаэра, 26 июня, и от многих рус. вельмож приветствия с разными датами; <от> м-айора> Хэм<илтона>, 11 июня.

¹⁷ Фон Менгден в то время был главным посредником Гордона в Немецкой слободе; Дэниэл — одним из его посредников в Риге; в Гамбурге интересы Гордона представлял Натаниэль Кембридж, что известно из других записей.

Между написанием самого недавнего письма из Москвы (26 июня) и его доставкой в Киев прошло 23 дня; возможно, это указывает на то, что слугам Гордона нужно было доставить не только письма и поэтому они двигались медленно. Письмо из Лондона шло больше четырех месяцев, а письмо из Ганновера — более полугодом. Самое позднее письмо из Риги провело в пути около трех месяцев; вероятно, эти письма для Гордона лежали где-то, пока их не догадались отправить дальше.

В этот период Гордон посылал из Киева много писем высокопоставленным представителям российской элиты; большинство из них — дворяне, с которыми он переписывался постоянно. Среди них были Василий Васильевич Голицын, Никита Семенович Урусов, Бенедикт Андреевич Змеев, Леонтий Романович Неплюев, Борис Федорович Дементьев, Емельян Игнатьевич Украинцев, Борис Васильевич Горчаков, Петр Васильевич Шереметев, Иван Федорович Волынский, Алексей Петрович Салтыков и Иван Михайлович Милославский. Большинство из этих имен попали в его адресную книгу. Голицын, был фаворитом и управлял внешней политикой, в Москве он вел переговоры с Гордоном по поводу военной политики и международных отношений. Украинцев был одним из главных специалистов по внешней политике в Московском государстве и экспертом по Украине, Польше и Османской империи¹⁸. Другие из этого списка (например, Неплюев) были начальниками Гордона, ранее занимали высокие посты на военной службе и в местном управлении на юге России и на Украине. Одной из основных причин всей этой переписки было желание Гордона покинуть российскую службу и вернуться в Шотландию, и он надеялся, что высокопоставленные дворяне смогут в этом помочь.

Переписка Гордона из Киева ставит вопрос о том, существовало ли к 1680-м гг. регулярное почтовое сообщение в Москву по обычной дороге¹⁹. Если судить по записям в дневнике Гордона с середины апреля по сентябрь 1684 г., большинство его писем доставлялось отдельными людьми, часто офицерами российской армии. Лишь изредка Гордон пишет, что письмо шло «почтой» (“by post”), но и эта фраза может означать не наличие постоянного расписания, а то, что письма доставлял специальный гонец. Послание из Москвы могло дойти всего за 10 или 11 дней; но приказы и письма могли находиться в пути от одного до полутора месяцев. В целом я прихожу к заключению, что сообщение между Москвой и Киевом осуществлялось «по требованию»: если же было необходимо, власти обоих городов могли в короткий срок выслать курьера.

После возвращения в Москву в начале 1686 г. Гордону было дано разрешение вернуться в Шотландию по семейным обстоятельствам, хотя эта поездка имела дипломатическую подоплеку²⁰. Среди инструкций, которые Гордон получил на словах, было требование В. В. Голицына писать ему «каждой почтой». Во время этого путешествия он действительно регулярно писал Голицыну и Андрею Винуису, а также семье и кол-

¹⁸ Его послужной список см. в работе: [Демидова, с. 575–576].

¹⁹ Здесь я ставлю под вопрос утверждение А. Н. Вигилева, что почта из Москвы в Киев и обратно отправлялась регулярно; см.: [Вигилев, с. 119–130],

²⁰ См.: [Dukes, Herd, Kotilaine, p. 141] — в этой работе содержится хороший анализ данной поездки в более широком контексте отношений России со Стюартами.

легам, оставшимся в Москве. По дороге Гордон регулярно встречался со своими посредниками, через которых всегда посылал почту. Например, в Риге он встретился с Ричардом Дэниэлом и Джорджем Фрээрером — купцами, с которыми он переписывался. По приезде в Гамбург 22 марта Гордона «изобильно угощали» в доме его постоянного корреспондента и посредника Натаниэля Кембриджа; среди гостей были англичанин сэръ Питер Уич (ранее — английский посол в Москве) и купцы Московской компании. На следующий день Гордон записал в дневнике, что получил письмо из Киева от своего зятя и из Москвы от Виниуса; последнее датировалось 7 февраля. 26 марта он воспользовался почтой, чтобы написать В. В. Голицыну, Виниусу, Даниэлю Хартману, фон Менгдену и своей жене в Москву; все письма были «в конверте м-ра ван Сома, адресованном м-ру Виниусу». Отдельно он написал мадам Крофьюрд, «в конверте для м-ра <Джорджа> Грэя, адресованном м-ру Эди в Данц<иг>». Нет нужды останавливаться на других деталях этой поездки, но стоит заметить, что, уезжая из Лондона, Гордон попрощался с Чарльзом Миддлтоном, государственным секретарем Северного департамента; после возвращения в Москву Гордон будет посылать ему письма с новостями²¹. Гордон прибыл обратно в Москву 31 августа.

В Англии Гордон организовал королевское послание с просьбой об освобождении от службы в России. Официальный экземпляр письма был доставлен в Москву через жителя Нидерландов ван Келлера, который получил его через голландского посла в Лондоне²². Эта последняя попытка Гордона покинуть российскую службу привела его к неприятному столкновению с начальством в России, в результате чего он был вынужден ходатайствовать о прощении и выполнять любые приказы. Ситуацию осложнило пришедшее из Лондона официальное письмо, где сообщалось о назначении Гордона представителем Великобритании в Москве. Гордону пришлось отказаться от этого назначения; ответ он послал в пакете, который из Москвы отправил швед Юхан Спарвенфельд²³.

²¹ В 1688 г. Миддлтон стал государственным секретарем Южного департамента, но, как сторонник Стюартов, был смещен после свержения короля Якова II (VII) [Charles Middleton]. Вероятно, Гордон знал о симпатиях Миддлтона.

²² Данные об отношениях Гордона и ван Келлера см. в работе: [Eekman, esp. p. 48–50]. Гордон считал ван Келлера своим другом; однако голландец делал все, что было в его силах, чтобы Гордон не смог, воспользовавшись своим положением, воспрепятствовать торговым интересам Голландии в России.

²³ За время своего пребывания в России Спарвенфельд оставил значительное наследие. Он собрал интересную коллекцию русских рукописей, составил латинско-церковнославянский словарь и написал дневник о своем путешествии и пребывании в Московском государстве (1684–1687). Теперь есть перевод этого дневника на английский язык [J. G. Sparwenfeld's Diary]; Виррегорд также выпустил академическое издание словаря. Спарвенфельд упоминает Гордона среди своих лучших друзей и сообщает интересные подробности об инциденте — о прошении Гордона, письмах из Англии и о том, как власти категорически отказали ему и в отъезде, и в должности английского представителя. По его версии, русские обвинили Гордона в том, что он «обманывал царей», поехав в Англию специально, чтобы добиться письма в свою поддержку от короля. Согласно Спарвенфельду, Гордон сказал в свою защиту, что он все еще является подданным Якова II. Письмо Гордона Миддлтону опубликовано Коноваловым; см.: [Konovalov, 1967, p. 85–86; Гордон, т. 4, с. 219].

Готовясь к своему следующему заданию (участие в Крымском походе 1687 г.), Гордон отправил за границу несколько пакетов с письмами, один из которых доставил английский купец Джозеф Вульффе. Вульффе уехал из Москвы в Ригу 29 января; он вез с собой более 30 писем, которые Гордон написал сыновьям, ректору иезуитского колледжа в Дуэ (Фландрия), где учился один из них, семье в Шотландию и знакомым в Лондон, Данциг и Гамбург.

С начала своего участия в походе Гордону какое-то время удавалось сохранять переписку. В нескольких случаях «почту» обменивали на отчеты о кампании из Москвы. Во время второго Крымского похода в 1689 г. у Гордона получалось изредка писать жене и Виниусу в Москву; также он отправил одно или два письма деловому знакомому Франческо Гаскони.

В дневниковых записях с конца 1680-х гг. часто содержится точная информация о времени написания письма и его получения в Москве. Если объединить дневниковые данные двух периодов — с конца сентября 1688 г. до февраля 1689 г. (отъезд на Украину) и с 1690 г. до 1 мая 1694 г. (отъезд в Архангельск), — возникает детальная картина. Путь письма из Москвы в Ригу и обратно почти всегда занимал 11–12 дней²⁴. Из Браунсберга (Бранево), где учился сын Гордона, письма шли через Кенигсберг и/или Ригу; обычно они доходили до Москвы за три недели, хотя в нескольких случаях для этого потребовалось намного больше времени. Почту из Кенигсберга обычно доставляли за 19–20 дней; из Данцига — чуть больше трех недель, и в одном описанном случае письмо из Гамбурга дошло за 23 дня. Значительно расходилось время доставки писем из Лондона: самое малое время в пути составило 31 день, а в среднем оно было менее 40 дней. Однако если письма следовали из Лондона через Прибалтику, иногда они приходили в Москву спустя 3–4 месяца (надо предполагать, что в этих случаях письма не направлялись с посредником незамедлительно). В одном случае письмо из Лондона шло через Архангельск и было получено через 75 дней. Очень часто Гордон получал почту из Шотландии через два, четыре месяца и более. Письма из Польши шли долго; отчасти это было связано с тем, что значительную часть этой корреспонденции доставляли непрямым путем, чтобы по дороге собрать почту, шедшую по маршрутам вдоль южного берега Балтийского моря. Учитывая заботу Гордона о безопасности (о чем подробно говорится ниже), возможно, что иногда письма из Польши дожидались надежного лица. Встречается много аномальных случаев, особенно когда у нас есть всего один-два примера отправки или получения писем из определенного города и мы не можем быть уверены, насколько быстро письма

²⁴ Переправлять письма в Вильну с конца 1691 г., напротив, становилось все сложнее, и это делалось все менее регулярно [Козловский, т. 2, с. 198–199]. В дневнике и письмах Гордона за период, который рассматривается в данной статье, в 41 случае мы можем подсчитать, сколько времени занимало сообщение между Москвой и Ригой.

оттуда доставлялись обычно²⁵. Часто мы просто недостаточно знаем, чтобы понять, лежало ли письмо долгое время на одном месте в ожидании подходящего курьера.

В своих письмах Гордон дает очень подробные указания тем, кто был вовлечен в его сеть коммуникаций. Его родственник капитан Уильям Гордон, находившийся в Киеве по службе, уезжая обратно в Шотландию в 1691 г., вез с собой письма, которые получил из дома через Патрика в 1686 г., а также новые письма от Патрика и его сына Джеймса семье в Шотландию. Патрик дал Уильяму указания относительно семейных дел и попросил его сообщить о себе:

Напиши мне как можно скорее: мой корреспондент в Лондоне — мистер Сэмюэл Меверел, в Данциге — Патрик Форбс и Джеймс Эди. В Гамбурге — Роберт Джоли, в Роттердаме — Джеймс Гордон. В Риге — Джордж Фрэзер, в Нарве — Томас Лофтус и Томас Мор.

Но, несмотря на такую предусмотрительность, в дело вмешалась судьба. Уильям так и не продвинулся дальше Ревеля (Таллина), где он заболел и умер. Поэтому все бывшие при нем письма так и не добрались до Шотландии и сегодня находятся в таллинских архивах²⁶.

В данной статье я не останавливаюсь подробно на данных о внутренних коммуникациях в Московском государстве; но архангельская дорога представляет особый интерес. Она связывала Россию с другими странами и была примером того, как быстро можно доставить почту, если прилагать решительные усилия. В дневнике Гордона записано, что в августе и сентябре 1693 г. письма из Архангельска доходили до Москвы необыкновенно быстро, поскольку это было приоритетное направление во время поездки Петра I в Архангельск. Гонцы между двумя городами передвигались очень быстро, поэтому

²⁵ И все же стоит отметить, что в большинстве случаев новости, которые содержатся в письмах Гордона из европейских городов, могли приходиться в Москву быстрее, чем новости из тех же городов, печатавшиеся в газетах, которые затем попадали в Москву. Ср. временные промежутки в табл. 3 в работе [Waugh, Maier], вычисленные путем анализа небольшой выборки новостей, которые были напечатаны в одной из голландских газет в 1666 г. Необходимо понимать, что от места, где печаталась газета, зависело то, насколько давними были новости: местные новости быстрее попадали в газеты и отправлялись за границу. Министр иностранных дел Англии Джозеф Уильямсон, очевидно, очень интересовался временем доставки новостей: он внес в таблицу дни отправки почты из многих городов и время, за которое она доходила до Лондона. В отдельной таблице он сопоставил даты иностранных новостей, которые печатались в газете "Courant" в Харлеме, и время, когда эти новости достигали Лондона. См.: [National Archives, SP 29/87, fols. 74, 70, 72]. Еще в одной таблице Уильямсон указал время отправления и доставки почты внутри Англии.

²⁶ Все письма, в том числе процитированные указания, см. в работе Дьюкса [Dukes]. Как отметил в переписке со мной Дмитрий Федосов (электронное письмо от 9 октября 2014 г.), дневник демонстрирует, что при отправке писем Гордон руководствовался определенной иерархией: в первую очередь он полагался на своих родственников (независимо от дальности родства), затем — на шотландцев, а если не было иного выбора — на англичан и представителей других народов.

в нескольких случаях письма доходили до Москвы всего за неделю. После того как царь отбыл обратно, время доставки писем в Архангельск начало увеличиваться.

Во время следующей поездки Петра I к Белому морю в 1694 г. туда же был направлен и Гордон. В записях об этой поездке на север он приводит точную информацию о расстояниях между городами и о времени доставки писем; в одном месте он указывает на неточности в карте, которая была у него с собой. Благодаря его переписке в данный период можно многое узнать о функционировании архангельской почты. В течение всего пути Гордон получал свою обычную почту, которую доставляли из Москвы за несколько дней. Очевидно, письма отправлялись из Архангельска рано утром через день или два после прибытия из Москвы, хотя, как отмечает Гордон, первое не всегда происходило вовремя. С конца мая по август включительно почта из Москвы приходила каждую неделю и доставлялась за 8–9 дней; письма же, которые отправляли с частными лицами, обычно находились в пути более двух недель. Гордон получил не меньше 22 писем в одной только почте, которая пришла 9 июля и была отправлена всего за семь дней до этого.

Гордон также приводит сведения о письмах, которые доставлялись северным морским путем. 4 июня в Архангельск прибыли корабли из Бремена и Гамбурга, которые вышли в море шестью неделями ранее. Утром 9 июня в порту причалили два английских корабля после семи недель в море. Корабль из Бремена, прибывший 22 июня, провел в пути всего три недели и пять дней. 27 июня из Бордо прибыл небольшой шведский галиот с 400 бочками вина на борту; он плыл на север, обогнув Британские острова, и этот путь занял девять недель. Особый интерес представляет прибытие из Голландии 44-пушечного фрегата, который там заказал Петр I. Он бросил якорь 21 июля после пяти недель и четырех дней в море.

После десяти дней путешествия по Белому морю, в полдень 24 августа, Гордон отправился обратно в Москву. Он вернулся в Немецкую слободу вечером 11 сентября и почти сразу принял участие в важнейших военных учениях Петра, которые включали в себя штурм крепости. Обычная частота переписки, которую Гордон вел из Москвы, возобновилась, поэтому данный вопрос не нуждается в рассмотрении.

Как ярый приверженец католической династии Стюартов, Гордон в своем дневнике много раз выражает тревогу по поводу свержения короля Якова II (VII) и восхождения на английский престол Вильгельма Оранского²⁷. Волнения, которые за этим последовали, оказали влияние на сообщение Гордона с Шотландией в тот период, когда ему было необходимо установить безопасную и регулярную переписку с сыновьями. В письме, отправленном 28 января 1690 г.

²⁷ Беспокойство Гордона в контексте отношений между Романовыми и Стюартами лучше всего рассмотрено в работе [Dukes, Herd, Kotilaine] – особенно в гл. 7, охватывающей период 1688–1697 гг.

из Москвы Джорджу Гордону, графу Абердинскому, Патрик пишет, что не получал от него почты почти два года. По крайней мере одно письмо, которое сын Гордона Джеймс в августе отправил из Шотландии через Лондон, так и не дошло до Москвы. Возможно, дорога в Данциг была безопасной; но в одном из писем Гордон сообщает, что, как он узнал, все предыдущее лето между этим городом и Абердином не ходили корабли.

Сын Гордона Джеймс наконец вернулся в Шотландию, где участвовал в попытке восстания в поддержку Якова II (VII). По всей видимости, Патрик надеялся, что его сын станет состоятельным фермером, но Джеймс был настроен на военную карьеру. Когда Гордон писал сыну 9 июля 1690 г., он все еще не знал, собирается ли тот приехать в Москву (прежде он советовал Джеймсу не поступать на службу в Польшу, так как это осложнило бы военную карьеру самого Патрика в России): если Джеймс решит приехать в Москву, ему следует добираться туда через Ригу, но если примет решение остаться в Польше, он должен будет отправлять отцу письма только через Данциг или Ригу. В этом случае Патрик советовал Джеймсу никогда не указывать Польшу в качестве обратного адреса и датировать письма на месяц раньше, как будто бы они пришли из Франции. Чтобы обозначить свое истинное местонахождение, Джеймсу следовало просто указать название города, которое начинается с той же буквы: Париж вместо Познани, Лион вместо Львова, Кан вместо Кракова, Вантадур вместо Варшавы и т. д. Он не должен был упоминать и имен тех, с кем имел дело, потому что письма могли перехватить: нигде люди не были так подозрительны, особенно по отношению к полякам, как в Московском государстве. Главной мыслью письма было следующее: Джеймс не должен делать ничего, что могло бы поставить под угрозу шансы его отца навсегда покинуть Россию. Хотя почта из Москвы не доходила до Джеймса (тем не менее Гордон пытался писать сыну, ожидая его приезда), ему удавалось использовать связи отца для отправления писем во время движения по Северной Европе. Джеймс прибыл в Москву 22 сентября и начал карьеру в российской армии. В последующие годы Гордон пишет в дневнике о своей переписке с сыном, когда они служили в разных местах.

В качестве последнего примера того, как была организована сеть коммуникаций Гордона, мы вкратце рассмотрим время его участия в первом Азовском походе Петра I в 1695 г. Для этой кампании было необходимо установить специальное почтовое сообщение, чтобы царь мог быть в курсе событий в столице. Гордон отправился в поход 7 марта; прибыв в Тамбов, он провел там несколько недель, занимаясь последними приготовлениями. В этот период он поддерживал свою обычную переписку, посылая письма через Москву, так как между двумя городами часто курсировали гонцы. Когда армия выступила в поход 1 мая 1695 г., почтовое сообщение значительно

замедлилось: к тому времени как Гордон добрался до Дона, некоторые письма из Москвы шли к нему больше месяца. Но как только в начале июля приехал царь, регулярное сообщение с Москвой возобновилось. Между 2 августа и 1 октября, когда было принято решение свернуть лагерь и снять осаду, почта из Москвы приходила по меньшей мере девять раз. Письма доставлялись с промежутками от шести до десяти дней, а их среднее время в пути составляло тринадцать дней. Когда армия медленно возвращалась в Москву в октябре (было холодно и уже начиналась зима), почта продолжала приходить регулярно. Один пакет, который Гордон получил 19-го числа, провел в дороге десять дней. Под Тулой он получил в пакете от Виниуса письма из Шотландии — через 64 дня после того, как было написано самое последнее из них.

Эта история периода первого Азовского похода повторяет ту ситуацию, когда Петр захотел установить быстрое сообщение с Москвой во время своего приезда в Архангельск. Царь смог выделить ресурсы и обеспечить наличие на всем пути людей и свежих лошадей, благодаря чему почта доставлялась регулярно и чрезвычайно быстро, особенно для российских условий. Дорога в Архангельск появилась давно и использовалась как русскими чиновниками, так и иностранными купцами. Но, насколько нам известно, до 1690-х гг. скорость и регулярность доставки почты были далеки от того уровня, которого хотел достичь Петр. Частным лицам, которые все еще путешествовали по этой дороге в то время, всегда требовалось намного больше времени, чтобы доставить письма, чем это происходило по петровской инициативе.

Во время Азовского похода почта доставлялась до Тамбова установленным военным маршрутом; однако мы не знаем, насколько регулярно и быстро шли письма между Тамбовом и Москвой в мирное время. За Тамбовом лежала неизвестность, по крайней мере для системы сообщений. Армия продвигалась тяжело, но была заложена основа для быстрой военной почты, которая работала с того времени, как Петр приехал на Дон. Таким образом, до самого конца похода действовала регулярная почта, и по мере необходимости к работе привлекалось больше гонцов, чем обычно. Гордон с легкостью восстановил свою переписку, хотя обычно круг его корреспондентов был невелик: он писал только жене, дочери, Андрею Виниусу и нескольким русским вельможам, с которыми искал дружбы в Москве.

(Продолжение публикации в следующем номере.)

Список литературы

Брикнер А. Патрик Гордон и его дневник // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Сент. (гл. СХСIII); 1877. Нояб. (гл. СХСIV); 1878. Март (гл. СХСVI), май (гл. СХСVII).

Вести-Куранты. 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии А. Корнилаевой; подгот. к печати Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.

Вести-Куранты. 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам / исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М.: Языки славянских культур, 2008. 648 с.

Вигилев А. История отечественной почты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 1990. 312 с.

Гордон П. Дневник / пер., ст. и примеч. Д. Федосова. Т. 1: 1635–1659; Т. 2: 1659–1667; Т. 3: 1677–1678; Т. 4: 1684–1689; Т. 5: 1690–1695. М.: Наука, 2000–2014.

Демидова Н. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 718 с.

Козловский И. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: в 2 т. Варшава, 1913.

Оглоблин Н. Воеводские вестовые отписки XVII в. как материал по истории Малороссии // Киевская старина. 1885. № 12. Р. 365–416.

Чарыков Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1613–1694). СПб.: Тип. Суворина, 1906.

Charles Middleton, 2nd Earl of Middleton [Electronic resource]. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Middleton_2nd_Earl_of_Middleton (accessed 26.09.2014).

Dukes P. Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters // Scottish Slavonic Review. 1988. No. 10. P. 19–49 (reprinted in: Journal of Irish and Scottish Studies. 2015. Vol. 7, No. 2. P. 125–151).

Dukes P., Herd G., Kotilaine J. Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee, 2009. 262 p.

Ekman T. Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century: Johan van Keller's Observations // California Slavic Studies. 1992. No. 14. P. 46–67.

Fraser P. The Intelligence of the Secretaries of State & Their Monopoly of Licensed News 1660–1688. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. 362 p.

Gordon P. Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699 / ed. by D. Fedosov. Vol. 1: 1635–1659, With a Foreword by Paul Dukes; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695. Aberdeen: AHRC Centre for Irish and Scottish Studies, University of Aberdeen, 2009–2014.

J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687 / ed., tr. and commentary by U. Birgegård // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademi. Slavica Suecana, Series A—Publications. Vol. 1. Stockholm, 2002.

Konovalov S. Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. No. 11. P. 8–16.

Konovalov S. Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Oxford Slavonic Papers. 1967. No. 13. P. 72–95.

Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // Gutenberg-Jahrbuch. 2004. P. 191–218.

National Archives, London.

Pernal A. The London Gazette as a Primary Source for the Biography of General Patrick Gordon // Canadian Journal of History. 2003. No. 38. P. 1–17.

State Papers Domestic. (Notebook of Joseph Williamson). SP 29/87.

State Papers Foreign. Russia. SP 91/3.

State Papers Foreign. Sweden. SP 95/6, 95/7.

The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe / ed. by B. Dooley. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate, 2010. 304 p.

Waugh D. The Best Connected Man in Muscovy? Patrick Gordon's Evidence Regarding News and Communications in Muscovy in the 17th Century // Journal of Irish and Scottish Studies (Aberdeen). 2015. Vol. 7, No. 2. P. 61–123.

Waugh D., Maier I. How Well Was Muscovy Connected with the World? // Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler / Hrsrg. von G. Hausmann, A. Rustemeyer. Wiesbaden : Harrassowitz. 2009. Bd. 75. S. 17–38. (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte).

References

Birgegård, U. (Ed., transl. & comment.). (2002). J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687. In: *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akadien*. Slavica Suecana, Series A—Publications. Vol. 1. Stockholm.

Brikner, A. (1877). Patrik Gordon i ego dnevnik [Patrick Gordon and His Diary]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*. September (ch. CXCIII); November (ch. CXCIV).

Brikner, A. (1878). Patrik Gordon i ego dnevnik [Patrick Gordon and His Diary]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya* March (ch. CXCVI); May (ch. CXCVII).

Charles Middleton, 2nd Earl of Middleton. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Middleton_2nd_Earl_of_Middleton (accessed 26.09.2014).

Chary'kov, N. (1906). *Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Meneziya* [Paul Menesius' Embassy to Rome and Service in Moscow]. Saint-Petersburg, Tipografiya Suvorina.

Dem'yanov, V. G., Kornilaeva, A., Podshivalova, E. A., Shamin, S. M., Moldavan, A. M. & Majer, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty'. 1660–1662, 1664–1670 gg.* [Curanty (Herald). 1660–1662, 1664–1670 years]. (Part 1: Russian Texts). 856 p. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi.

Demidova, N. (2011). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700)*. Biograficheskij spravochnik [Service Class Bureaucracy in 17th Century Russia (1625–1700). A Biographic Reference Book]. 718 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my'sli.

Dooley, B. (Ed.). (2010). *The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe*. Farnham, Surrey; Burlington, VT, Ashgate.

Dukes, P. (1988). Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters, *Scottish Slavonic Review*, 10, pp. 19–49 (reprinted in the *Journal of Irish and Scottish Studies*. 2015. Vol. 7, No. 2, pp. 125–151).

Dukes, P., Herd, G., & Kotilaine, J. (2009). *Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship*. 262 p. Dundee.

Eekman, T. (1992). Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century: Johan van Keller's Observations, *California Slavic Studies*, 14, pp. 46–67.

Fraser, P. (1956). *The Intelligence of the Secretaries of State & Their Monopoly of Licensed News 1660–1688*. 362 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Gordon, P. (Fedosov, D., ed.). (2009–2014). *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699* (Vol. 1: 1635–1659, With a Foreword by Paul Dukes; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695). Aberdeen, AHRC Centre for Irish and Scottish Studies, University of Aberdeen.

Gordon, P. (Fedosov, D., ed., comment.). (2000–2014). *Dnevnik* [Diary] (Vol. 1: 1635–1659; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695). Moscow, Nauka.

Kononov, S. (1964). Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667, *Oxford Slavonic Papers*, 11, pp. 8–16.

Kononov, S. (1967). Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon, *Oxford Slavonic Papers*, 13, pp. 72–95.

Kozlovskij, I. (1913). *Pervye pochty' i pervye pochtmestery' v moskovskom gosudarstve* [The First Post Offices and First Postmasters in Muscovy]. Warsaw.

Maier, I. (2004). Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau. In: *Gutenberg-Jahrbuch*, pp. 191–218.

Majer, I. (Ed.). (2008). *Vesti-Kuranty'. 1660–1662, 1664–1670 gg.* [Kuranty (Herald). 1660–1662, 1664–1670]. (Part 2: Foreign Originals to the Russian Texts). 648 p. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur.

National Archives, London.

Pernal, A. (2003). The London Gazette as a Primary Source for the Biography of General Patrick Gordon, *Canadian Journal of History*, 38, pp. 1–17.

Vigilev, A. (1990). *Istoriya otechestvennoj pochty* [The History of Domestic Post]. 312 p. Moscow, Radio i svyaz'.

Waugh, D. & Maier, I. (2009). How Well Was Muscovy Connected with the World? In: Hausmann, G. & Rustemeyer, A. (Eds.). *Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler* (Vol. 75, pp. 17–38). Wiesbaden (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte).

Waugh, D. (2015). The Best Connected Man in Muscovy? Patrick Gordon's Evidence Regarding News and Communications in Muscovy in the 17th Century, *Journal of Irish and Scottish Studies (Aberdeen)*, 7/2, pp. 61–123.

Translated by Elena Galitsyna

The article was submitted on 30.06.2015

Даниель К. Уо,
почетный профессор,
США, Сиэтл,
Вашингтонский университет
dwaugh@u.washington.edu

Daniel C. Waugh,
Professor Emeritus,
USA, Seattle,
University of Washington
dwaugh@u.washington.edu

DOI 10.15826/qr.2015.3.116

УДК 71(73)(069)+327(73)+327(470)

Ольга Якушенко

**ВЫСТАВКА «АРХИТЕКТУРА США» В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
ОПЫТ КОММУНИКАТИВНОГО АНАЛИЗА**

Olga Yakushenko

***‘THE ARCHITECTURE OF THE USA’ EXHIBITION
IN THE SOVIET UNION OF THE COLD WAR ERA:
THE EXPERIENCE OF COMMUNICATIVE ANALYSIS***

American exhibitions in the USSR are traditionally treated in historiography as part of American Cold War propaganda for winning the “hearts and minds” of Soviet citizens. The author analyzes one of these exhibitions, *The Architecture of the USA* (Leningrad, Moscow, Minsk, 1965), as a complex communicative process. The article treats the communication channel (an American exhibition as a type of event) and the message (the theme of the exhibition under consideration) separately. The author suggests that American exhibitions as a type of event could be seen as propaganda regardless of their content. They had a stable, complex form that created an attractive image of the US, although the message of the exhibition, its display and its theme were neutral. The form and the content of the exhibition had different audiences: the former attracted the general public, and the latter interested specialists. The author claims that Soviet visitors of American exhibitions constituted a specific ‘target for propaganda’, and some of them can be treated as ‘propaganda experts’. Propaganda may be defined as an intentionally manipulative type of communication, aimed at influencing the actions and opinions of recipients of information (Kecskemeti). However, the author proposes to concentrate on historical agents’ interpretation of propaganda; consequently, this article aims at understanding which aspects of the exhibition were seen as propaganda by the Soviet side.

Keywords: Soviet architecture; American exhibitions; USIA; propaganda; 1965.

Американские выставки в СССР традиционно расцениваются в историографии как американская пропаганда и часть холодной войны за сердца и умы советских граждан. Автор предлагает анализ одной из

таких выставок под названием «Архитектура США» (Ленинград, Минск, Москва, 1965), чтобы продемонстрировать ее сложность как коммуникационного события. В статье рассматриваются отдельно канал (американская выставка как тип события) и сообщение (тематика каждой отдельной выставки). Американские выставки в целом можно рассматривать как средство трансляции пропаганды *per se*, сама их форма (очень устойчивая) является пропагандой. Сообщение же, тема и экспозиция выставки относительно нейтральны. Форма и содержание выставок имели разную аудиторию: американская выставка как тип события привлекала широкую публику, тогда как тематически выставки были нацелены на профессионалов. Советских посетителей американских выставок можно рассматривать как специфическую «публику пропаганды», а в некоторых случаях и как экспертов пропаганды.

Пропаганду обычно определяют как намеренно манипулятивную форму коммуникации, цель которой состоит во влиянии на суждения и действия получателя информации. Однако определение явления как пропагандистского зависит от его интерпретации со стороны акторов. Поэтому в данной работе как пропаганда рассматривается в первую очередь то, на что советская сторона реагировала как на пропаганду.

Ключевые слова: советская архитектура, американские выставки, ЮСИА (USIA), пропаганда, 1965 г.

Особенности презентации выставки

Выставка «Архитектура США» была организована в Москве, Ленинграде и Минске в рамках третьего двустороннего соглашения об обменах на 1964–1965 гг.¹ После первого соглашения об обменах, заключенного в 1958 г., такого рода договоры обновлялись каждые два года. К тому моменту в СССР уже прошли семь американских выставок, все они были организованы созданным в 1953 г. Информационным агентством Соединенных Штатов Америки (USIA/ ЮСИА). С советской стороны обеспечением выставочного обмена занималась Всесоюзная торговая палата (ВТП), основанная в 1932 г.

Выставка «Архитектура США» представляла собой большие лайтбоксы с фотографиями зданий². Ввиду отсутствия в архивах выставочной документации не ясно, демонстрировалось ли на выставке кино- или слайд-шоу, были ли представлены профессиональные материалы – чертежи или макеты.

¹ Выставка «Архитектура США» проходила в трех городах: в Ленинграде с 25 мая по 26 июня в помещении Научно-исследовательского музея Академии художеств; в Минске с 24 июля по 24 августа в помещении Белорусского государственного большого театра оперы; в Москве с 18 сентября по 19 октября в помещении выставочного павильона в Лужниках [ГА РФ].

² «...Large color transparencies mounted in boxes and illuminated from behind» [U. S. Architecture]. На фотографиях из ЦГАКФФД СПб также отчетливо видно, что это лайтбокс.

К каждой выставке, которая проводилась ЮСИА, агентство подбирало русскоговорящих гидов, по возможности разбирающихся в ее предмете. В их обязанности входило не только рассказывать об экспонатах, но и отвечать на любые вопросы, которые могли быть интересны советским посетителям. Американский исследователь Томас

Выставка «Архитектура США», Ленинград, 1965 г.
Источник: Центральный государственный архив
кинофотодокументов Санкт-Петербурга
(ЦГАКФФД СПб), Ар 113008

Толвайсас [Tolvaisas] в своей работе рассматривает гидов как главных агентов пропаганды. По его мнению, именно беседы с американскими гидами, встречи с ними на выставке или вне ее оказывали на советских граждан огромное проамериканское влияние. Он также подчеркивает, что разговоры с советскими обывателями, вопросы, которые они задавали гидам, были ценным источником информации о Союзе для американской стороны. Организаторы выставки «Архитектура США» с советской стороны были обеспокоены возможными неформальными контактами гидов, в особенности со студентами Академии художеств, в помещении которой проходила выставка в Ленинграде, а также расположенного недалеко Ленинградского государственного университета. Во время совещания пропагандистов, прошедшего за неделю до выставки, ее директор с советской стороны С. И. Егоров предлагал «сковывать» гидов в свободные дни, навязывая им плотную культурную программу, «чтобы направить их внимание туда, куда нужно и выгодно нам, а не дать им возможность свободно болтаться по городу» [ЦГАИПД СПб, л. 19].

Важной частью выставки были печатные материалы. Каждый посетитель получал бесплатный красочный буклет с вводной статьей куратора выставки Артура Дрекслера³, и множеством цветных фотографий зданий, собранных по типам: образовательные учреждения,

³ Артур Дрекслер (Arthur Drexler, 1925–1987) – американский искусствовед. В период с 1951 по 1985 г. был куратором, а затем директором отдела архитектуры и дизайна Музея современного искусства в Нью-Йорке (МоМА). Дрекслер известен не только своей выставочной работой, он также был автором каталогов и книг по истории архитектуры (например, *Transformations in Modern Architecture*, 1979), поддерживал тесные связи с выдающимися архитекторами своего периода, был одним из адептов постмодернизма.

больницы, церкви и т. д. Для посетителей-профессионалов большой интерес имели книги по архитектуре и строительству, которые организаторы мероприятия привезли с собой. После закрытия выставки в Москве дирекция «Архитектуры США» подарила советской стороне 551 книгу на общую сумму 4000 долларов [ЦГАИПД СПб, л. 84–86]. Также все посетители получали небольшой памятный подарок – красочный значок с американским флагом и символом выставки.

Кроме гидов, которые разбирались в предмете выставки, к участию были приглашены видные американские специалисты в области архитектуры. В Ленинград приехали Луис Кан и Винсент Скалли, в Минск – Виктор Ланди и Уильям Данлэп (изначально планировался приезд Чарльза Имза), в Москву – Пол Рудолф и Роберт Вентури⁴. В московских и ленинградских архивах сохранились записи лекций Кана, Скалли и Рудолфа⁵. Вероятнее всего, Вентури не читал лекцию для московских архитекторов. В архивах нет ни стенограммы, ни каких-либо упоминаний о ее проведении.

До 1965 г. известные американские архитекторы не проявляли особого интереса к Советскому Союзу. В обменных делегациях с американской стороны принимали участие инженеры, строители, администрация. А в 1965 г. сразу пять ведущих архитекторов США изъявили желание посетить СССР. Этот внезапный интерес, скорее всего, связан с куратором выставки Артуром Дрекслером, который был значительной фигурой в архитектурном мире. Можно предположить, что он стал связующим звеном между бюрократическим и политическим миром ЮСИА и миром архитектуры. Его контакты с Американским информационным агентством начались еще в 1953 г. с выставки «Строить в США: послевоенная архитектура» (показанной в том числе в Польше и Румынии) [Internationally Circulating Exhibitions].

⁴ Луис Кан (Louis Kahn, 1901–1974) – американский архитектор, создатель оригинального монументального стиля, близкого к модернизму и брутализму. Преподавал архитектуру в Йельском и Пенсильванском университетах, считается одним из самых известных архитекторов XX в. Винсент Скалли (Vincent Scully, 1920) – американский теоретик и историк архитектуры. С 1947 по 1991 г. был профессором архитектуры в Йельском университете. Автор ряда книг (*American Architecture and Urbanism*, 1969; *The Earth, the Temple, and the Gods: Greek Sacred Architecture*, 1962 и т. д.). В 1999 г. была учреждена премия имени Винсента Скалли, присуждаемая за вклад в изучение архитектуры. Виктор Ланди (Victor Lundy, р. 1923) – американский архитектор, последователь модернистского стиля, один из основателей так называемого «сарасотского стиля», характерного для послевоенной Флориды. Уильям Данлэп (William E. Dunlap, 1922–1973) – американский архитектор, был учеником Миса ван дер Роэ, с 1951 г. работал в архитектурном бюро Скидмор, Оуинс и Мерил (СОМ). Чарльз Имз (Charles Eames, 1907–1978) – американский дизайнер и архитектор. Пол Рудолф (Paul Rudolph, 1918–1997) – американский архитектор, учился у Вальтера Гропиуса в Гарварде, был профессором архитектуры в Йельском университете. Роберт Вентури (Robert Venturi, р. 1925) – американский архитектор и теоретик архитектуры, один из основателей постмодернизма в архитектуре, автор ряда классических работ по теории архитектуры (в том числе *Complexity and Contradiction in Architecture*, 1966).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 37; ЦГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 678.

Выставка как пропаганда: особенности восприятия с советской стороны

Запись совещания пропагандистов, прошедшего в Ленинграде перед открытием выставки, показывает, как эта выставка воспринималась с советской стороны. В самом начале совещания его председатель Лавриков указал на то, что «господа американцы больше будут пропагандировать на выставке не архитектуру, а жизненный уровень, заработные платы, бюджет семьи и т. д. и т. п.» [ЦГАИПД СПб, л. 2]. Представитель Комитета по культурным связям с границей (ГККСЗ) И. И. Миронов признал, что архитектура – «выигрышная» тема для США, не пострадавших от Второй мировой войны [ЦГАИПД СПб, л. 8]. При этом свою критику он обращает исключительно на критику статистической части буклета (она была вклеена организаторами специально для Советского Союза), приводя цифры из других источников и делая акцент на то, что «среднего американца» не существует. Буклет к выставке, последние шесть страниц которого были посвящены статистическим данным, показывающим жилищные условия в Америке с наилучшей стороны, стал главным объектом внимания со стороны советских пропагандистов и прессы. Например, на этих шести страницах вклейки сообщалось, что 62 % населения США живут в частных домах, а 83 % американских жилищ заняты только одной семьей. Кроме того, давалась информация о том, что американцы имеют «не только по два автомобиля, но и по два дома» [Архитектура США, с. 83], вторые загородные дома были названы дачами. Эти последние страницы напечатаны на другой бумаге и очевидным образом подклеены в уже сверстаный буклет.

Наумов, заместитель главного архитектора Ленинграда, выступил на совещании с информацией о недавней поездке в США. В его речи можно выделить три основных пункта: 1) градостроительство в США находится в глубоком кризисе, 2) строят там хорошо, красиво и быстро, но очень дорого, 3) во время встреч с советскими архитекторами американские коллеги признавали превосходство советского подхода к градостроительству. Однако ни Наумов, ни другие докладчики не упоминали об успехах массового строительства в СССР в качестве контрпропагандистского аргумента, хотя в конце совещания пропагандистам было обещано предоставить эту информацию позже. Экономист В. Г. Онушкин, обрисовал пропагандистам семейный бюджет усредненной американской семьи, отмечая, что при высоком, по сравнению с советским, доходом, американский гражданин не имеет системы бесплатного социального обеспечения и «должен за все буквально платить» [ЦГАИПД СПб, л. 50]. В заключительном выступлении председатель заседания Лавриков подчеркнул, что «пожалуй, никогда мы еще не сталкивались с трудностями, с которыми

мы наверняка столкнемся при организации и в работе вокруг этой выставки» [ЦГАИПД СПб, л. 60], что ни одна предыдущая американская выставка не обладала таким большим потенциалом по пропаганде американского образа жизни. Пропагандистам были даны общие инструкции, которые включали не только необходимость писать в книге отзывы «обстоятельные, спокойные в критическом плане замечания», но и «в какой-то степени взять под контроль вообще книгу, чтобы мы представляли кто и что там пишет» [ЦГАИПД СПб, л. 61].

Выставка получила достаточно широкое освещение в прессе: только в газете «Ленинградская правда» за месяц вышло три больших статьи и несколько информационных заметок, посвященных мероприятию. Статьи в этой и других газетах демонстрируют хорошую осведомленность авторов о процессах, проходящих в американской архитектуре, и знание недавней литературы по данному вопросу. Так, не подписавшийся автор статьи [На задворках «рая»] пересказывает книгу американского урбаниста Питера Блейка 1964 г., а кандидат архитектуры В. Муравьев в своей статье для газеты «Строительный рабочий» апеллирует к личному опыту недавней поездки в Штаты [Муравьев]. Основной пункт критики во всех статьях состоял в том, что выставка представляет не реальное состояние жилищного строительства в США, а только «парадную» архитектуру. Соответственно в ряде статей приводятся данные о жилищном кризисе и красочные описания американских трущоб. Единственная статья, содержание которой относится непосредственно к архитектуре, – это публикация А. Наумова (который, как указывалось выше, принимал участие в совещании пропагандистов). Автор статьи критикует выставку за ограниченный выбор объектов, а также за отсутствие профессиональных материалов – чертежей, макетов и т. д. и дает общую критику американской архитектуры. Интересно, что Наумов (как и Муравьев), противопоставляя СССР Америке, включает Союз в европейскую традицию: «Современный облик городов США для нас, европейцев, несколько необычен» [Наумов]. Также в публикациях постоянно либо делаются намеки, либо прямым текстом говорится о пропагандистском характере выставки. Муравьев пишет: «Подобные упущения разочаровывают, заставляют прийти к заключению, что устроителей выставки больше заботила ее пропагандистская и рекламная сторона, а не высокая профессиональная значимость» [Муравьев], а некий В. Григорьев заканчивает свою статью о жилищном кризисе в США следующим выводом: «Авторы его (буклета. – О. Я.) руководствовались, очевидно, не стремлением ознакомить посетителей выставки с правдой о жизни народа США, а соображениями, весьма далекими от этой цели» [Григорьев].

Таким образом, главным предметом критики в печати и среди профессиональных советских пропагандистов стал потенциал выставки как пропаганды американского образа жизни и шестистраничная вкладка с усредненной статистикой. Однако, насколько нам ясно из архивных

фотографий и буклета выставки, на ней были представлены изображения в первую очередь общественных зданий, интересных своей модернистской архитектурой, а не многоквартирные дома или американские «дачи». Таким образом, фокус внимания советских пропагандистов и прессы смещается относительно изначального фокуса выставки.

Американская выставка: коммуникативный аспект

Чтобы понять коммуникативное сообщение выставки, нужно обратиться к текстам буклета [Архитектура США] и выступлениям американских специалистов архитектуры. Буклет требует особо пристального внимания, поскольку он массово выдавался бесплатно всем посетителям выставки, в то время как лекции американских архитекторов были предназначены для профессионалов и проходили в Доме архитекторов в Ленинграде и в Москве.

Как объект анализа буклет можно разделить на пять частей: 1) обложка (см. цветную вклейку), 2) по всей видимости, стандартное обращение президента на второй странице, 3) вводный текст куратора выставки Артура Дрексlera, 4) основная часть с фотографиями и небольшими текстами, 5) шестистраничная (три листа) вклейка с краткими данными о жилье и строительстве в Америке. Обложка буклета представляет собой изображение американского флага во весь формат на белом фоне с надписью «Архитектура США» по верхнему краю.

Текст буклета написан куратором Артуром Дрексlerом специально для советской публики, на что указывают отсылки к сходству между СССР и США. Судя по обилию технических деталей, этот текст предназначен для профессионала, а не для широкого читателя. Автор представляет американскую архитектуру как единственную подлинно космополитическую, вобравшую в себя национальные черты многих архитектур, но при этом соотносимую с ландшафтом страны. В его представлении европейская архитектура первой половины XX в. находилась в тесном взаимодействии с американской архитектурой – либо Чикагской школы, либо с творчеством Ф. Л. Райта⁶. Статья Дрексlera излагает историю, в которой архитектура США находится в центре всей мировой архитектуры. При желании этот текст можно рассматривать как вариант довольно сложно исполненной «мягкой» пропаганды, направленной на профессионалов-архитекторов. При этом сложно судить, насколько данная точка зрения является специально сконструированной или свойственной Дрекслеру как теоретику архитектуры.

⁶ Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright, 1867–1959) – американский архитектор, дизайнер и теоретик архитектуры, один из вдохновителей модернизма. Его работы выполнены в так называемом «стиле прерий», согласно которому здание должно находиться в согласии с окружающим его естественным ландшафтом.

Основная часть буклета состоит из девяти разделов: жилые дома, многоквартирные дома, храмы, университеты, конторские здания, объединенные в одну секцию музеи, картинные галереи, театры и выставочные залы, также объединенные в группу магазины, рестораны и гостиницы, завершает основную часть секция промышленных и утилитарных сооружений. Краткое пояснение в начале каждой секции и комментарии в два-три предложения к каждому объекту, видимо, также написаны самим Дрекслером. Это пронизательные замечания, которые дают зрителю информацию об особенностях развития разных типов зданий и основные характеристики отдельных построек, как технические, так и эстетические. Вступительная статья Дрекслера и основная часть буклета производят впечатление выполненной на высоком уровне искусствоведческой работы. В буклете множество очень ярких, красочных фотографий. Они представляют не только внешний вид зданий, но и детали и интерьер. На этом фоне поразительно мало места уделено чертежам – их дано всего семь.

Заключительная часть буклета – шестистраничная вклейка. Она поделена на два блока под названиями «Архитектура США: жилищный фонд» и «Архитектура США: строительство». В них даются краткие ответы на вопросы вроде «Сколько в США негров-домовладельцев?», «Как оборудована типичная американская кухня?», «Как меняется роль американского архитектора под влиянием автоматизации?» и «Каков годовой прирост жилплощади в США?». Эта часть, несомненно, имеет выраженный пропагандистский характер и, как указывалось выше, рассматривалась советской стороной в качестве наиболее опасной.

Выступления на выставке трех американских гостей носили исключительно профессиональный характер. Луис Кан, выступая, большую часть времени посвятил показу слайдов и рассказу о своем проекте в городе Дакка, Бангладеш [ЦГАЛИ СПб, ф. 341, оп. 1, д. 678]. Пол Рудолф сосредоточился на градостроительных проблемах современного американского города [РГАЛИ, ф. 2466, оп. 4, д. 37], а Винсент Скалли, как теоретик архитектуры, рассуждал на более общие темы [ЦГАЛИ СПб, ф. 341, оп. 1, д. 680].

Текст буклета и выступления архитекторов можно рассматривать как попытку профессионального общения с советскими коллегами. Появление же явно добавленной позже вклейки, возможно, свидетельствовало о неуверенности кураторов из ЮСИА в пропагандистской эффективности буклета и обращении с этой целью к радужной статистике об американском уровне жизни.

В пользу непропагандистского характера и буклета, и самой выставки говорит то, что в мае того же года в самом Музее современного искусства Нью-Йорка прошла выставка «Современная архитектура США», созданная тем же куратором – Артуром Дрекслером. На мысль о том, что американская и советская выставки были похожи, наводит не только единство темы и авторства куратора. Сравнение

буклетов, а также рецензий в американской прессе и пресс-релизов показывает пересечения в объектах. Опубликованное в «Нью-Йорк Таймс» [Nuxtable] фотографическое изображение американской выставки демонстрирует тот же дизайн экспозиции: лайтбоксы на невысокой платформе с выступающими прямоугольниками. Таким образом, наиболее вероятно, что путешествовавшая по СССР выставка архитектуры являлась частью большого проекта МоМА и не имела самостоятельного пропагандистского сообщения. Нужно отметить, что это не первый случай использования собственных выставок МоМА для показа за рубежом, в том числе и через ЮСИА.

Восприятие американских выставок населением СССР

Выставка «Архитектура США», как и предыдущие, была невероятно популярна в СССР. По неформальной оценке С. Егорова, уполномоченного ВТП по выставке, только в Ленинграде за месяц ее посетили 225 тыс. человек, то есть по 7,5 тыс. человек в день⁷ [ЦГА СПб]. При этом предыдущую американскую выставку, «Средства связи США», за месяц посетили 370 тыс. человек [ЦГАИПД СПб, л. 15].

Как тысячи советских граждан воспринимали американские выставки? Оценка исследователей здесь неоднозначна. Для изучения перцепции используются книги отзывов и отчеты агитаторов, сохранившиеся в американских и российских архивах. Американский исследователь Вальтер Хиксон прямо связывает американское культурное влияние и распад СССР, отмечая, что «образы и символы американской жизни оставили глубокое впечатление. Большинство советских граждан, казалось, были согласны потерпеть и дать социалистической системе необходимое время, чтобы догнать Запад. Тридцать лет спустя их терпение пришло к концу» и что «культурная инфильтрация... играла главную, если не решающую роль в падении советского и восточноевропейских режимов» [Nixon, p. 213, 223]. Однако в статье «Кто кого победит?» британская исследовательница Сюзан Рид [Reid] отмечает, что нельзя столь однозначно интерпретировать имеющиеся архивные данные в пользу убежденности советских посетителей в превосходстве американского образа жизни и отбрасывать негативные комментарии как принадлежащие агитаторам, как это делает Хиксон. Ссылаясь на исследования о советской субъективности, она сомневается в существовании трансцендентного подлинного субъекта, который бы оставлял «чистосердечные»

⁷ Общей статистики по 1960-м гг. нет, для оценки реальности такого рода цифр в какой-то степени можно использовать статистику посещений современных выставок. По данным газеты *The Art Newspaper*, самую успешную выставку в 2012 г. посещали 9,7 тыс. человек в день (Эшер в культурном центре Рио-де-Жанейро), самую успешную русскую – 6,6 тыс. человек в день (Музей Прадо в Эрмитаже). Таким образом, цифра в 7,5 тыс. посетителей в день вполне реальна. См.: <http://lenta.ru/news/2012/03/23/brasil/> (дата обращения: 22.04.2014).

комментарии. Имеющиеся комментарии, как положительные, так и отрицательные, сообщают информацию о том, какие реакции были возможны, какие дискурсы и риторические приемы умения говорить «по-большевистски» существовали. Этой же позиции придерживается А. Юрчак [Yurchak], когда пишет о сложности восприятия заграницы в СССР. Он указывает на двойственность официального дискурса в оценке иностранного: космополитизм – отрицательное явление, интернационализм – положительное, а границы между ними устанавливались в полупроизвольном порядке. Так, например, джаз – явление положительное, потому что его возникновение относится к искусству угнетенных рабов, но при этом и порицаемое, поскольку искажено американской буржуазией. Обе точки зрения присутствовали в официальном дискурсе одновременно, но в разных контекстах. Юрчак указывает на то, что можно было высоко оценивать иностранные достижения и одновременно верить в коммунизм. Он приводит примеры из мемуаров джазмена Алексея Козлова, который активно пропагандировал западную музыку, но при этом считал себя патриотом и «красным» [Yurchak, p. 155.].

В данной статье для анализа восприятия американских выставок в СССР предлагается использовать понятие «смещенных публик», которое предлагает Алексей Юрчак. Он заимствует определение публики из работы Майкла Уорнера «Публики и контрпублики» [Warner]. Уорнер указывает на то, что вне ситуации общения лицом к лицу обращение, в особенности властное, адресовано бесконечному множеству других людей. Публика – это самоорганизованная, протяженная во времени, открытая группа. Членами публики становятся все те люди, которые распознают себя в качестве адресата сообщения, причем реальная совокупность публики может не совпадать с целевой аудиторией, сконструированной отправителем сообщения. В этом смысле состав публики непредсказуем. Каждый человек может быть членом множества публик как последовательно, так и одновременно. Посетителей иностранных выставок в СССР можно рассматривать как отдельную публику, которая распознавала себя в качестве адресата иностранной пропаганды.

Юрчак уточняет понятие публики, введенное Уорнером, называя советскую публику «смещенной» [Yurchak, p. 36–126]. Основой подхода Юрчака к пониманию позднесоветского общества является так называемый «перформативный сдвиг», который происходит с начала 1950-х гг. Суть этого сдвига состоит в том, что буквальный смысл, содержание высказывания, ритуала, образа становятся несущественны, главным остается воспроизводство формы. Юрчак указывает на примат формы как базовое качество позднесоветской субъективности, и в случае трактовки иностранных выставок оно также может быть применено. Таким образом, тысячи советских граждан приходят на выставку не потому, что им интересна американская архитектура (медицина, средства связи, производство пластмассы и т. д.), а по-

тому, что они распознают себя в качестве аудитории определенной организационной формы – американской (иностранной) выставки, а не сообщения, которое несет эта форма.

Сходную интерпретацию выставки «Архитектура США» мы находим в повести «Письма из Русского музея» советского писателя Владимира Солоухина. Несколько абзацев, посвященных событию, построены как описание пропаганды, а о самой архитектуре не говорится ни слова. Сначала писатель сообщает, что по всему Ленинграду расклеены афиши выставки: «Раскаленные полосы и синие звезды кричат с афишных стендов по всему Ленинграду, призывая остановиться, прочитать и отложить все дела, чтобы как можно скорее внять призыву». Далее автор сдается на этот призыв: «Два дня я смотрел на красные полосы и синие звезды. На третий день решил сойти с троллейбуса и прочитать». Поговорив с другом-художником, писатель получает возможность пройти на выставку не просто, а по некоему «пропуску», который позволил ему обойти пятичасовую очередь. Далее автор описывает красочную брошюру, значки, милых американских гидов, «которые в течение восьми часов – с одиннадцати до семи – горячо пропагандируют архитектурное искусство США и вместе с тем американский образ жизни, американское мировоззрение». Завершаются эти несколько абзацев двумя выводами. Во-первых, автор указывает на то, что эта выставка должна стать образцом качественной пропаганды для советской стороны: «Я просто хочу сказать: вот как нужно пропагандировать свое искусство, вот как нужно пропагандировать вообще все свое». Во-вторых, он указывает на то, что эта пропаганда на советских граждан не работает: «посетители, по крайней мере, большинство из них, выходят, недоуменно пожимая плечами» или «Не распропагандируют ленинградцев эти очаровательные юноши и девушки, но как поставлено дело!», далее как бы милостиво разрешая американцам продолжать их тщетную работу: «Пусть» [Солоухин].

Таким образом, Солоухин рассказывает историю, в которой он позиционирует себя в роли соблазняемого, но необужденного объекта пропаганды. Он распознает себя как адресата той части публики, которая изначально видит в ней исключительно пропагандистский смысл и оценивает с точки зрения качества и эффективности такой пропаганды.

Экстраполировать концепцию «смещенных публик» на всех посетителей американской выставки представляется неверным, однако интересно рассмотреть и такое измерение советского субъекта. С одной стороны, в своих работах Юрчак достаточно убедительно показывает присутствие перформативного сдвига в постсталинской культуре, с другой – сложно представить, что советские граждане не отдавали себе отчета о пропагандистской интерпретации американских выставок, которая, как показано выше, была открыто представлена в советской прессе и советской идеологии. Причины того, почему

каждый из этих людей пришел на выставку, слишком множественны и вряд ли могут быть исследованы¹. Однако если игнорировать тот факт, что советские граждане шли на выставку, имея представление о ней как о пропаганде, тогда они предстают не осознающими себя объектами пропаганды, что далеко от современного понимания сложности и советского субъекта, и советского общества.

Выставка в восприятии советских архитекторов

В данной части хотелось бы обратиться к воспоминаниям двух профессиональных архитекторов, которые присутствовали на выставке в Ленинграде. Эти два взгляда представляют собой очень разные способы восприятия одного события. Интервью были взяты автором статьи в начале осени (4 и 20 сентября 2013 г. соответственно и, как кажется, хорошо показывают полярность возможных реакций на исследуемую выставку.

Первый свидетель – Анатолий Михайлович Р., в 1965 г. закончил художественное училище. В мае 1965 г. он пришел на выставку «Архитектура США» как живописец. Через месяц он поступит в ЛИСИ, совмещающая учебу здесь с получением специальности по искусствоведению в Академии художеств, в дальнейшем будет проектировать в основном заводы. Анатолий Михайлович был очень впечатлен выставкой, ставшей для него открытием не только другой архитектуры, но и другой культуры, которую, по его словам, «огульно охаивали». Что касается влияния выставки на его профессиональную деятельность, то в интервью он высказался следующим образом (*сохраняем максимальную близость к устному высказыванию*):

Во-первых, всем очень понравился Райт. Тогда он не был еще так признан, но естественно его Дом над водопадом произвел впечатление. Второе. Очень понравилась вот эта крылатая штукавина (*показывает в каталоге. – О. Я.*). У нас в государственном училище почему-то решили, что мы должны кроме живописного проекта подавать еще и дизайнерский проект... Тогда после выставки в массовом порядке на всех курсовых проектировались вот такие дома с выступающими всякими штукавинами (*показывает в брошюре на Кана. – О. Я.*). До бесконечности. Мне, честно говоря, тогда очень понравилось вот эти всякие неприличные штукавины (*брошюра. – О. Я.*) Мис ван дер Роэ, поскольку почему-то я всегда был поклонником железной архитектуры... Вот, собственно говоря, такое воздействие – это раз. Еще то, что все потом дружно листали эти журналы, приходили с ними в библиотеку, смотрели по фамилиям и, соответственно, отыскивали.

¹ О неожиданных формах восприятия заграницы в целом в позднесоветский период см., например: [Крамола].

Анатолий Михайлович отлично помнит фотографии проектов, которые произвели на него впечатление 48 лет назад. По его мнению, эти впечатления почти сразу же перешли в практику проектирования советских архитекторов. Брошюра к выставке послужила также иллюстрированным каталогом по современной архитектуре Америки, с которым можно было пойти в библиотеку и сориентироваться в поиске литературы. Однако на вопрос о присутствии американских влияний в реальном строительстве, а не в студенческих проектах Анатолий Михайлович отозвался весьма скептически, хотя и вспомнил окна – «американские градусники» и спортивные павильоны. Что касается общего впечатления от выставки, то его поразила огромная толпа (Анатолий Михайлович побывал несколько раз), очень понравилась красивая и бесплатная брошюра и, наконец, фотографии-плакаты, потому что «таких больших и таких качественных не было до того».

Второму свидетелю исследуемого события, Генриху Соломоновичу Х., в 1965 г. было 34 года. Он был более компетентен профессионально, закончил архитектурный факультет Академии художеств в 1955 г., продолжал обучение в аспирантуре. По воспоминаниям Генриха Соломоновича, новой информации выставка ему не дала, к тому времени он был уже хорошо знаком с американской архитектурой. Кроме того, никакого влияния на его отношение к США выставка не имела, поскольку «ну какая там “холодная война”, кто всерьез к этому вообще относился, политика, как тогда, так и сейчас, существовала сама по себе, а мы жили сами по себе»².

Самыми важными событиями выставки для Генриха Соломоновича были присутствие Луиса Кана – «этого великого человека», который с помощью переводчика проводил экскурсии по выставке, и «выгородка» с книгами по архитектуре на английском. Генрих Соломонович на встрече с Каном в Доме архитектора не был и, судя по всему, о ней даже не знал. Неизвестно, насколько трудно было попасть на эти встречи, но краткие заметки о них публиковались в «Ленинградской правде» и газете «Строительный рабочий» [Доклад американского архитектора; Доклады американского архитектора]. В статье, посвященной зарубежным влияниям на советскую архитектуру и также опирающейся на устные свидетельства, Анна Броницкая пишет о выставке «Архитектура США»: «Лекции (американских архитекторов. – О. Я.) проходили при переполненных залах, а попавшие на них выносили, главным образом, ощущение того, что они живьем видели американских знаменитостей – понять то, что они говорили, в переводе и во взвинченной атмосфере “события” было сложно. После выставки Рудольф и Кан становятся культурными героями советских архитекторов» [Броницкая, с. 98].

² Можно привести цитату из статьи Феликса Новикова о другой выставке – «Архитектура ФРГ»: «И все-таки у нас была бы совсем иная реакция, если бы нам показали это восемь – десять лет назад» [Новиков, с. 48].

Здесь нужно подчеркнуть несколько значимых аспектов, важных для понимания роли этой выставки для профессионального сообщества советских архитекторов. Во-первых, это общение с американскими архитекторами, причем не рядовыми, а обладающими мировой известностью, о которых советские коллеги уже имели возможность читать в журналах. Из архитекторов такой же величины после начала «оттепели» СССР посетили Оскар Нимейер и Алвар Аалто. Во-вторых, это роль проспекта к выставке как иллюстрированного каталога. Кроме того, привезенные американцами книги были затем подарены принимающей стороне. Наконец, нельзя забывать об эмоциональной и психологической стороне. К 1965 г. студенты-архитекторы и специалисты имели широкий доступ к зарубежной литературе, появился большой объем отечественной, переводной или реферированной, литературы. Международный послевоенный модернизм уже вошел в практику советских зодчих. Но не хватало важного, не было контакта – как личного, с иностранными коллегами, так и с объектами. Здание существует во времени и пространстве, оно имеет вес, объем, по-разному выглядит в утреннем и вечернем освещении, может быть удобно или нет в эксплуатации и т. д. Фотография не может передать всего многообразия реальности здания, она уплощает и упрощает его. Недаром советский специалист по финской архитектуре Андрей Гозак вспоминал, что однажды дал себе зарок никогда не писать о зданиях, которых он не видел [Гозак, с. 128].

Из приведенного материала следует, что как советские власти, так и обычные граждане реагировали в первую очередь на форму (американская выставка), а содержание (современная американская архитектура) оставалось в зоне внимания специалистов. Для понимания восприятия выставки советскими архитекторами важно иметь в виду, что к 1965 году большой объем профессиональной информации о западной архитектуре был уже доступен и красивые фотографии американских зданий могли перевернуть мировоззрение только начинающего архитектора. Однако приезд в СССР «звезд» американской и мировой архитектуры, таких как Кан, Рудолф, Вентури, был важен для советских специалистов как приобщение к мировому архитектурному сообществу.

Список литературы

- Архитектура США. Б. м. : б. и., 1965.
Броновицкая А. Сны о чем-то дальнем: советская архитектура и Запад от «оттепели» до перестройки // Проект Россия. 2004. № 4. С. 89–100.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 378. Л. 257–258 (Письмо заместителя председателя ГК СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами М. М. Песляк – заместителю председателя президиума ВТП Ф. Владимирскому от 21 апр. 1965).

Гозак А. П. Ценности жизни – ценности архитектуры : Очерки, статьи, воспоминания. М. : С. Э. Гордеев, 2011. 303 с.

Григорьев В. Может ли Милфред Мейсон купить дом? Заметки о каталоге выставки «Архитектура США» // Ленинградская правда. 1965. № 127 (15295). 2 июня. С. 3. Доклад американского архитектора // Строительный рабочий. 1965. № 49. 20 июня. С. 4.

Доклады американского архитектора // Ленинградская правда. 1965. № 130. 4 июня. С. 1.

Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. М. : Материк, 2005. 448 с.

Муравьев В. Надежды. Недоумения. Разочарования : Заметки с выставки «Архитектура США» // Строительный рабочий. 1965. № 50. 23 июн. С. 3.

На задворках «рая» // Ленинградская правда. 1965. № 125 (15293). 30 мая. С. 3.

Наумов А. Архитектурное попури. Заметки с выставки «Архитектура США» // Ленинградская правда. 1965. № 139. 16 июн. С. 3.

Новиков Ф. Дело жизни. Екатеринбург : TATLIN, 2010. 232 с.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2466. Оп. 4. Д. 37 (Стенограмма беседы московских архитекторов с американским архитектором Полем Рудолфом. 27 сентября 1965)

Солоухин В. А. Письма из Русского музея // Молодая гвардия. 1966. № 9, 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLOUHIN/musej.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 20.03.2014).

ЦГА СПб – Центральный государственный архив СПб. Ф. 7384. Оп. 42. Д. 983. Л. 43 (Письмо заместителю председателя Ленисполкома по делам строительства и архитектуры товарищу Гоголеву И. Е. от С. Егорова, уполномоченного ВТП по выставке «Архитектура США» на бланке Всесоюзной торговой палаты, 29 июня 1965).

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов СПб. Ф. 25. Оп. 94. Д. 307. (Диктофонограмма совещания пропагандистов в Лепном зале Смольного 21 мая 1965 года в связи с предстоящим открытием американской выставки «Архитектура США»).

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 678 (Стенографический отчет встречи ленинградских архитекторов с американским архитектором Канном – профессором Пенсильванского университета, 2 июня 1965); Д. 680 (Стенографический отчет встречи ленинградских архитектурной общественности с профессором теории архитектуры Йельского университета Винцентом Скалли, 17 июня 1965).

Hixson W. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–61*. New York : St. Martin's Press, 1997. 356 p.

Huxtable A. L. Victory by default // *New York Times*. 1965. May 23. P. 18.

Internationally Circulating Exhibitions [Electronic resource]. URL: <http://www.moma.org/pdfs/docs/learn/icelist.pdf> (accessed: 12.02.14).

Reid S. Who will beat whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9, no. 4. P. 855–904.

Tolvaisas T. Cold War “Bridge-Building”. U. S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967 // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12, no. 4. P. 3–31.

U. S. Architecture Shown in Soviet: Modern Design Display Opens in Leningrad // *New York Times*. 1965. May 25. P. 44.

Warner M. *Publics and Counterpublics*. Zone Books, 2005. 334 p.

Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press, 2006. 323 p.

References

Arhitektura SShA [The USA Architecture]. (1965).

Bronoviczkaya, A. (2004). Sny' o chem-to dal'nem: sovetskaya arhitektura i Zapad ot «ottepeli» do perestrojki [Dreams of Something Far Away: Soviet Architecture and the West from the Thaw to Perestroika], *Proekt Rossiya*, 4, pp. 89–100.

Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv, St. Petersburg. Stock 7384. List 42. Dossier 983. Leaf 43 (Pis'mo zamestitelyu predsedatelya Lenispolkoma po delam stroitel'stva i arhitektury' tovarishhu Gogolevu I. E. ot S. Egorova, upolnomochennogo VTP po vy'stavke «Arhitektura SShA» na blanke Vsesoyuznoj torgovoj palaty', 29 iyunya 1965) [Central State Archive, Saint Petersburg. Stock 7384. List 42. Dossier 983. Leaf 43 (A Letter to Vice-Chairman of Lenin Executive Committee for Issues of Development and Architecture Comrade Gogolev I. E. from S. Yegorov, Authorized Representative of the ACC of the USA Architecture Exhibition on the Letterhead of All-USSR Chamber of Commerce, 29 June, 1965)].

Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Petersburg. Stock 25. List 94. Dossier 307 (Diktofonogramma soveshhaniya propagandistov v Lepnom zale Smol'nogo 21 maya 1965 goda v svyazi s predstoyashhim otkrytiem amerikanskoj vy'stavki «Arhitektura SShA»). [Central State Archive of Historical and Political Documents, Saint Petersburg Stock 25. List 94. Dossier 307 (Dictaphone Record of the Meeting of Propagandists in the Lepnoy Hall of Smolny on May 21, 1965 on the Occasion of Opening of the USA Architecture Exhibition)].

Doklad amerikanskogo arhitekatora [A Report of an American Architect]. (1965). In *Stroitel'ny'j rabochij*, 49, June 20, p. 4.

Doklady' amerikanskogo arhitekatora [Reports of an American Architect]. (1965). *Leningradskaya Pravda*, 130, June 4, p. 1.

Gosudarstvenny'j arhiv Rossijskoj Federacii. Stock R-9518. List 1. Dossier 378. Leaf 257–258 (Pis'mo zamestitelya predsedatelya GK SM SSSR po kul'turny'm svyazyam s zarubezhny'mi stranami M. M. Peslyak – zamestitelyu predsedatelya prezidiuma VTP F. Vladimirskomu ot 21 apr. 1965) [State Archive of the Russian Federation Stock R-9518. List 1. Dossier 378. Leaf 257–258 (Letter of Vice-Chairman of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Cultural Connections with Foreign Countries M. M. Peslyak to Vice-Chairman of the ACC Presidium F. Vladimirsky as of 21 April, 1965)].

Gienow-Hecht, J. (2000). “Shame on US?” Academics, Cultural Transfer, and the Cold War: A Critical Review, *Diplomatic History*, 24, 3, pp. 465–494.

Gozak, A. P. (2011). *Cennosti zhizni – cennosti arhitektury': Ocherki, stat'i, vospominaniya* [Values of Life – Values of Architecture: Essays, Articles, Memoirs]. 303 p. Moscow, S. E'. Gordeev.

Grigor'ev, V. (1965). Mozhet li Milfred Mejson kupit' dom? Zametki o kataloge vy'stavki «Arhitektura SShA» [Can Milfred Mason Buy a house? Notes on the USA Architecture Exhibition Catalogue], *Leningradskaya Pravda*, 127 (15295), June 2, p. 3.

Hixson, W. (1997). *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–61*. 356 p. New York, St. Martin's Press.

Huxtable, A. L. (1965). Victory by default. In *New York Times*, May 23, 18.

Internationally Circulating Exhibitions, available at: <http://www.moma.org/pdfs/docs/learn/icelist.pdf> (accessed: 12.02.14).

Kramola. Inakomy'slie v SSSR pri Hrushheve i Brezhneve. 1953–1982 gg. [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. (2005). 448 p. Moscow, Materik.

Lorente, J. P. (2011). The MoMA as an International Role Model during the Cold War. In Lorente, J. P. *The Museums of Contemporary Art: Notion and Development* (pp. 207–230). Ashgate.

Murav'ev, V. (1965). Nadezhdy'. Nedoumeniya. Razocharovaniya : Zametki s vy'stavki «Arhitektura SShA» [Hopes. Bewilderment. Disappointment: Notes from the USA Architecture Exhibition], *Stroitel'ny'j rabochij*, 50, June 23, p. 3.

Na zadvorkah «raya» [On the Outskirts of 'Paradise'] (1965). *Leningradskaya Pravda*, 125 (15293), May 30, p. 3.

Naumov, A. (1965). Arhitekturnoe popurri. Zametki s vy'stavki «Arhitektura SShA» [Architectural Potpourri. Notes from the USA Architecture Exhibition], *Leningradskaya Pravda*, 139, June 16, 3.

Novikov, F. (2010). *Delo zhizni*. [A Business of Lifetime]. 232 p. Yekaterinburg, TATLIN.

Reid, S. (2008). Who will beat whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 9, 4, pp. 855–904.

Solouhin, V. A. (1966). Pis'ma iz Russkogo muzeya [Letters from the Russian Museum], *Molodaya gvardiya*, 9–10, available at: http://www.lib.ru/PROZA/SOLOUHIN/musej.txt_with-big-pictures.html (accessed: 20.03.2014).

Tolvaisas, T. (2010). Cold War “Bridge-Building”. U. S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967, *Journal of Cold War Studies*, 12, 4, pp. 3–31.

U. S. Architecture Shown in Soviet: Modern Design Display Opens in Leningrad (1965). *New York Times*, May 25, p. 44.

Warner, M. (2005). *Publics and Counterpublics*. 334 p. Zone Books.

Yurchak, A. (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. 323 p. Princeton University Press.

The article was submitted on 05.04.2015

Ольга Владимировна Якушенко,

аспирантка Европейского
университетского института,
факультет истории и
цивилизации,
Флоренция, Италия
olga.yakushenko@eui.eu

Olga Yakushenko,

PhD researcher at the Department
of History and Civilization
European University Institute,
Florence, Italy
olga.yakushenko@eui.eu

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2015.3.117

УДК 930.1+930.2+930.85+17.023.36

Людмила Мазур

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ:
НОВЫЙ ПОВОРОТ В РАЗВИТИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹**

Lyudmila Mazur

**THE VISUALIZATION OF HISTORY:
A NEW TURN IN THE DEVELOPMENT
OF HISTORICAL COGNITION**

The author analyzes the transformational processes of historical research in the advent of a society of visual culture. The development of visual anthropology became the most obvious factor of the visual turn in historical research, and it studies different manifestations of visibility, using new tools for collecting and registering data (such as a video camera). The increasing popularity of historical films and documentaries, museum installations and historic reconstructions testify to the intensification of the processes of visualization in historical research. The article gives a brief overview of the main stages of the transformation of historical research, including changes in style of language, the expansion of subject matter of research, the update of the resource base and analysis methods in relation to visual sources. The author emphasizes that there is a tendency among historians to use a wide variety of terms that are related to the visual approach (image, appearance, portrait, landscape, etc.).

The author focuses on the methodological and methodical aspects of historical-visual studies and considers the methodological approaches towards image reconstruction, mechanisms of image formation, the display of images and the influence of social consciousness and behavior on images. The increase in the amount of modern historical sources is caused by the increasing use of audio-visual sources. Special attention is paid to fictional films as a subtype of audio-visual documents; the author describes their potential and peculiarities of representation. It is noted that when analyzing video documents, it is necessary that the researcher take into account the character of information (images of the present and past). Films based on topics belonging to the same

¹ Тема поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации советской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческое исследование».

epoch as the researchers are the most attractive ones for analyzing as they contain a considerable amount of information reflecting the peculiarities of material culture, behavioral models and relationships as well as social types.

The author demonstrates that to study audio-visual sources it is necessary to use special methods, namely, the method of observation. The article studies its essence, and the methods of its adaptation to the analysis of audio-visual documents. Additionally, the article characterizes the main stages in the employment of the method when analyzing video documents. The study of visual sources forms special skills needed to work with information.

Keywords: visual anthropology; visual history; image; method of observation in history; modern historiography.

Анализируются процессы трансформации исторической науки в условиях формирования общества визуальной культуры. Наиболее очевидным показателем визуального поворота в исторической науке стало стремительное развитие визуальной антропологии, в рамках которой изучаются различные проявления визуальности и используется новый инструментарий сбора и фиксации информации (кинокамера). Об усилении процессов визуализации исторической науки свидетельствует растущая популярность историко-документального кино, музейных инсталляций, исторических реконструкций. Кратко охарактеризованы основные направления трансформации исторической науки, в том числе изменение стиля языка, расширение тематики исследований, обновление источниковой базы и методов анализа визуальных источников. Отмечено широкое использование в словаре историка понятий, связанных с визуальным подходом (образ, облик, портрет, ландшафт и пр.).

Основное внимание уделяется методологическим и методическим аспектам историко-визуальных исследований, рассматриваются методологические подходы к реконструкции и механизмам формирования образа; его трансляции; влиянию на общественное сознание и поведение. Расширение современной источниковой базы исторических исследований связано со все более широким использованием аудиовизуальных источников. Особое внимание уделено такой разновидности аудиовизуальных документов, как художественные фильмы, раскрываются их потенциал и особенности репрезентации информации. Отмечено, что при анализе кинодокументов необходимо учитывать прежде всего характер отражения информации (образы «настоящего» или «прошлого»). Наиболее интересными для исторического исследования являются фильмы на современную авторам тему, поскольку они содержат значительный пласт информации, отражающей особенности материальной культуры, поведенческих моделей и отношений, социальных типажей.

Показано, что для изучения аудиовизуальных источников необходимо использование особых методов, в частности метода наблюдения. В статье рассмотрены его содержание, проблемы адаптации его к изучению аудиовизуальных документов. Приводится характеристика основных этапов ре-

ализации метода наблюдения при изучении кинодокументов. Изучение визуальных источников формирует особые навыки работы с информацией.

Ключевые слова: визуальная антропология, визуальная история, образ, метод наблюдения в истории, современная историография.

В условиях активной интеграции гуманитарных, общественных и естественных наук, переворачивающей привычный мир исследователя, мы постоянно оказываемся за пределами «зоны комфорта», то есть в положении, психологически очень сложном и неоднозначном. Историк трудно отказаться от привычного мира архивных и кабинетных практик, в рамках которых основным помощником в понимании прошлого выступает исторический текст, а основными инструментами — перо и бумага. Однако время диктует другое. Мир визуальной культуры, о формировании которого настойчиво твердят социологи, искусствоведы и культурологи, оказывает влияние и формирует не только массовое сознание, но и науку, порождая новые научные направления, теории и практики.

По мнению В. Митчелла, за последние десятилетия произошел настоящий переворот в гуманитарных науках, связанный с изучением визуальной культуры и ее проявлений [Mitchell]. В исследованиях по истории и социологии кино, телевидения, массовой культуры, в философских работах и социологических теориях рассматриваются механизмы появления нового общества «спектакля»/«шоу», функционирующего по законам массовых коммуникаций, инсталляций и аудиовизуальных технологий. Рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как Текст, он становится Образом [см.: Усманова].

Все эти трансформации имеют далеко идущие последствия, поскольку затрагивают так или иначе все элементы общества, начиная от конкретного человека и заканчивая общественными практиками, в том числе научными. Основным каналом распространения информации становится аудиовизуальный (реклама, телевидение, видео, кинематограф), имеющий свои психофизиологические особенности воздействия, а механизмом восприятия — видение, которое воздействует преимущественно на чувства и эмоции человека (первая сигнальная система). Новая информационная среда, в свою очередь, формирует новый тип «человека смотрящего» и, соответственно, предъявляет свои требования к информационным продуктам.

Для нас важно понять, какие изменения происходят в этих условиях в научных практиках, в том числе в исторической науке, для которой письменный текст был и остается основным источником информации и способом репрезентации исторического знания. В целом в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку «видимость» для историка понятие условное. Живая событийная реальность прошлого недоступна для прямого восприятия,

только через источники (письменные, иконографические, аудиовизуальные). Текст, письменный источник остается основой исторического познания и его символом. Он определяет основные методы и технологии работы историка.

Однако историческая наука не остается в стороне от новых веяний. Можно говорить о комплексном, многоуровневом влиянии визуальной культуры на нее:

- складываются новые направления исследований (например, визуальная антропология; визуальная история; исторические реконструкции);
- расширяется проблемно-тематическое поле за счет включения сюжетов из истории повседневности, исторической памяти, общественного сознания, что, с одной стороны, связано с реконструкцией и интерпретацией образов, а с другой, предполагает апелляцию к визуально воспринимаемой реальности;
- происходит постепенное изменение языка исторической науки и его понятийного аппарата, где все более широкое применение находят слова и термины, отражающие различные варианты визуализации («портрет», «образ», «облик», «ландшафт» и пр.);
- приобретают популярность новые методологические концепты (теория видения и визуального; концепт «образа»);
- происходит расширение источниковой базы исторических исследований за счет привлечения фото-, аудиовизуальных, изобразительных источников;
- получают развитие новые, нетрадиционные методы и технологии исторического исследования (методы наблюдения, технологии анализа визуальной исторической информации);
- происходит визуализация традиционных способов репрезентации результатов исторического исследования; в частности, появляются мультимедиапубликации [см., например: Виртуальный музей], документально-исторические фильмы, этнокино и пр.

Каждый из отмеченных выше аспектов нуждается в тщательном изучении с выходом на новое понимание задач и технологий истории как науки. В данной статье мы остановимся на некоторых из них, в том числе на методологических и методических проблемах визуализации исторической науки.

Визуализация исторической науки

Наиболее очевидным проявлением визуального поворота в исторической науке стало стремительное развитие визуальной антропологии, которая, по мнению В. М. Магидова, превращается в одну из фундаментальных научных отраслей, объединяя культурологов, социологов, историков, философов и задавая определенный тренд в

способах познания культуры и общества [Магидов, 2012]. В СССР интерес к данному направлению явственно проявился в 1970-е гг., отсчет визуально-антропологических исследований в зарубежной науке начался еще раньше — в 1920-е.

Первоначально под визуальной антропологией понимали этнографическое документирование средствами фото- и киносъемки. На этих позициях до сих пор находится Центр визуальной антропологии при Московском государственном университете, начавший свою деятельность еще с 1991 г. (руководитель Е. В. Александров)². Однако довольно скоро рамки визуальной антропологии стали восприниматься значительно шире, в контексте не столько этнографического, сколько общеполитического дискурса. В таком, более широком смысле склонны трактовать визуальную антропологию в Центре визуальной антропологии и этноистории Российского государственного гуманитарного университета (руководитель Н. И. Басовская)³. Большой интерес к развитию визуальной антропологии сегодня проявляет и киноведческая общественность, хотя ее представители, и в частности К. Э. Разлогов, рассматривают визуальную антропологию еще более широко — в контексте «культурной антропологии» [Разлогов].

Жизненный потенциал визуальной антропологии, рост интереса научной общественности к ее проблемам находят свое выражение в активной регионализации: мы наблюдаем устойчивое увеличение числа центров и лабораторий визуальной антропологии, которые создаются не только в столицах, но и в различных регионах России (Екатеринбург, Пермь, Омск, Чебоксары, Новосибирск и др.).

К сфере визуальной антропологии относятся также научные практики, основанные на анализе разнообразных изобразительных источников, среди которых важное место занимают фото- и кинодокументы. Развитие нового направления связано с постановкой и решением целого ряда методологических проблем, в том числе с разработкой понятийного аппарата, обоснованием критериев анализа информации, полученной в ходе визуально-антропологических исследований. Наиболее активно эти вопросы обсуждаются в трудах зарубежных антропологов, которые раньше включились в процесс когнитивной перестройки исторической науки [см., например: Барт; MacDougall; Гирц; Круткин (Дж. Руби); и др.].

Помимо методологических основ в рамках визуальной антропологии складывается своя методическая база, которая также существенно отличается от традиционных исследовательских практик. Она включает прежде всего особые методы документирования визуальной информации (видео-, фотосъемка), рассматривая их в контексте фиксации и интерпретации реальности через объектив кинокамеры [см.: Головнёв].

² См. сайт Центра: <http://visant.etnos.ru/about/project.php> (дата обращения: 11.06.2015).

³ См. сайт Центра: <http://visantrop.rsu.ru/> (дата обращения: 11.06.2015).

Ярким примером новых форм проявления визуальной антропологии является Российский фестиваль антропологических фильмов, председателем которого выступает член-корр. А. Головнёв⁴. Используя в качестве основного инструмента визуальных репрезентаций образы, киноантропологи создают принципиально новый, сложно структурированный документ, который можно рассматривать и как научный текст, и как источник, созданный исследователем. Используя этнокино в качестве научного текста/источника, мы сталкиваемся с субъективацией информации, возведенной в квадрат, поскольку оно создается по законам киножанра и оперирует образами. Как справедливо отмечает Я. Панакова, визуальность не обладает явностью текста [Панакова, с. 165]. Потребовались столетия, прежде чем историки признали факт «одушевленности» исторического источника и разработали адекватные методы анализа, позволяющие максимально объективировать содержание письменных исторических документов. Современные темпы развития науки практически не оставляют времени для решения этой методической проблемы по отношению к визуальным документам.

Утверждение, что в рамках визуальной антропологии происходит становление нового направления — визуальной истории, подкрепляется появлением интересных сборников статей и монографий [см.: Визуальная антропология: режимы видимости; Визуальная антропология: настройка оптики; Очевидная история; История страны; Нарский; и др.], авторы которых успешно расширяют предметное поле отечественной исторической науки [см.: Щербакова]. Особенно плодотворны в этом отношении исследования, ориентированные на изучение визуальности, используемой в пропаганде, агитации, рекламе, архитектуре и других вариантах общественных практик прошлого [Лейдингер; Roberts]. Они свидетельствуют о новом этапе эволюции исторической науки, где визуальные источники играют все большую роль, а внимание исследователей сосредотачивается на проблемах исторической визуальности, методах прочтения и интерпретации визуальных репрезентаций.

Образ как понятие исторической науки

О визуальном повороте исторической науки опосредованно свидетельствует широкое использование в современном словаре историка терминов, связанных с визуализацией (образ, облик, портрет, ландшафт и пр.). Уже на рубеже 1970–80-х гг. из социологии в исследования советских историков начинают проникать такие понятия, как «социальный портрет», «социальный облик», «образ жизни» и т. п. Многомерность вводимых в научный оборот «визуализированных»

⁴ См. сайт фестиваля: <http://rfaf.ru/rus/video/203> (дата обращения: 15.12.2014).

понятий сопровождалась их стремительной концептуализацией, обрастанием теоретическими смыслами и представлениями. Так, например, В. И. Казакова предлагает рассматривать понятие «социальный портрет» как «концепт... отражающий тенденцию эстетизации современного общества. <...> ...Как симптом и символ информационного (вернее, визуального. — Л. М.) общества, одно из воплощений “смерти” социального, которое переживается сейчас в горизонте художественного мировосприятия» [Казакова, с. 32]. Тематика, связанная с реконструкцией социальных портретов определенных социальных групп (коммунисты, молодежь, рабочие и пр.) в их исторической ретроспективе, начала активно изучаться отечественными историками в 1990–2000-е гг., но раскрывалась преимущественно в традиционном статистико-социологическом ракурсе [см.: Советский простой человек; Воробьев; Обрезкова; и др.], порождая вопросы и оставляя некоторую неопределенность и неудовлетворенность характером интерпретации материала.

Сегодня практически в каждой пятой диссертации по историческим наукам в качестве базового понятия используется категория «образа», с помощью которого пытаются реконструировать и описать не только собственно «образы» как факты общественного сознания, но и вполне традиционные исторические объекты — события, организации, личности. При этом применяемое историками понятие образа остается пока слабо структурированным и в значительной степени неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации) — то есть способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт.

Понятие «образа» имеет междисциплинарную природу⁵. Появившись изначально как атрибут религии, оно стало основным инструментом познания в литературоведении, культурологии, искусствоведении. В большинстве определений подчеркивается, что «образ» представляет собой инструмент художественного творчества, искусства, и в этом смысле он противопоставляется строгому научному понятийному знанию, что способствует конфликтности восприятия проблемы образа в качестве объекта научного исследования.

В трудах историков чаще всего образ определяется как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и группо-

⁵ Сложная семантическая нагрузка отражается в разнообразии определений данного термина. В толковом словаре Ожегова мы находим дефиницию, которая характеризует образ как живое, *наглядное представление* о ком-чем-либо [Образ]. В философии он воспринимается в качестве результата и *идеальной формы отражения* предметов и явлений материального мира в сознании человека; в искусствоведении — как *обобщенное художественное отражение* действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [Роднянская]. В литературоведении «художественный образ» определяется через категорию *модели мира*, всегда в чем-то не совпадающей с той, которая нам привычна, но всегда узнаваемой. С позиций семиотики «образ» рассматривается как *знак*, получивший дополнительное значение в существующей системе знаков [Николаев, с. 34–38].

вые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах [Голубев, Поршнева, с. 6]. «Образ» рассматривается и как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники, и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических (типология, моделирование, структурирование) и эстетических приемов анализа.

Структура и содержание образа раскрываются через такие категории, как историческая модель (целостное представление), идеальный тип, стереотип, исторический миф. Собственно, они и определяют конкретные исследовательские подходы, поскольку фокусируют внимание на различных вариантах образа, которые могут существовать одновременно (идеальный, массовый, мифологизированный, индивидуальный и пр.). Каждая из этих категорий сама по себе представляет сложный теоретический конструкт, утяжеляя собственно исторические интерпретации образа и перемещая их в плоскость историко-философского познания. Исследование исторического образа чего-кого-либо выдвигает особые требования к используемым документальным историческим источникам, а также методам, которые должны соответствовать задачам ментальных реконструкций [см., например: Porshneva]. В качестве центральных вопросов изучения образов выделяются: механизмы их формирования и трансляции; влияние их на общественное сознание и поведение; факторы их трансформации и эволюции.

Разнообразие подходов к изучению исторического «образа» чего-либо (страны, социальной группы, семьи, врага, союзника, детства, исторической науки и т. д. и т. п.) [см.: Оболенская; Голубев; Корзун; Родигина; Сенявская; Сенявский, Сенявская; Кныш; Голубев, Поршнева; и др.] представляет собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого — с позиций визуального восприятия. В этом смысле методы реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как стремление отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращение к так называемым «качественным» методам познания, основанным на законах чувственного восприятия.

Проблемы деконструкции (на уровне источника) и реконструкции (на уровне исследования) образа тесно связаны с переводом визуальной информации в вербальную. Причем историческая реконструкция образа вынужденно осуществляется с помощью научного языка, который имеет абстрактно-логическую природу и слабо настроен на передачу визуальной, то есть эмоциональной по своей природе, информации. Важнейшими свойствами любого, в том числе исторического, образа выступают его метафоричность, узнаваемость и эмоциональность, что обеспечивает реализацию его коммуникативных функций. Как достичь этого, используя строгий язык науки? Тенденция придавать историческим описаниям литературность при-

существовала в исторической науке всегда, но в настоящее время эта тенденция становится все более значимой. Историк должен писать не только точно, но и образно.

Но возможен и другой путь — сохранение традиций строгого научного описания образов за счет более тщательной структуризации понятия. Структура исторического образа как абстрактно-символьной модели прошлого включает определенные базовые элементы: это имя (ключевое слово / ключевые слова) и форма. При этом имя имеет символьную абстрактно-метафорическую природу, а форма может быть представлена в виде текста (сюжетного описания), который должен соответствовать особенностям изучаемого, либо в виде фразы (дискурса) или символа/знака.

Данные подходы к реконструкции образа в основе своей соответствуют апробированным приемам изучения мифа. И это не случайно, так как образ является сердцевиной мифа и по своей структуре и функциям соотносится с ним. Чрезвычайно плодотворными в этом отношении представляются идеи Ю. М. Лотмана, выделяющего в структуре мифа три основных уровня: миф-текст, миф-знак, миф-пространство [Лотман], которые вполне приложимы к инсталляции образа в историческом исследовании.

Итак, новая культурологическая ситуация, порождаемая визуальным поворотом, ставит перед историками сложные методологические вопросы. Что такое образ и является ли визуальность его необходимым свойством? Можно ли рассматривать визуальные образы как источники исторической информации? Какие методы наиболее адекватны задачам изучения визуальных образов? Как соотносить язык образов с вербальным языком? Каково соотношение исторической реальности и исторических форм визуальной культуры? И т. д. Вопросов пока больше, чем ответов, но они являются первым шагом к познанию.

Визуальные источники и метод наблюдения в исторической науке

Визуализация истории связана с введением в научный оборот новых комплексов изобразительных исторических источников. Значительным информационным потенциалом обладает русская живопись XIX в., в которой «представлена вся история России, все важные темы того времени, — отмечает Г. Пикхан. — Произведения художников могут быть историческим источником», — утверждает она, реализуя эту мысль в своем научном творчестве [Пикхан, с. 49]. Среди визуальных источников особое место занимают фото-, кинодокументы. Они все чаще становятся основной для исторических исследований.

Интерес к фотографии как особому типу источника возник уже давно, и на сегодняшний день мы имеем сложившуюся традицию использования фотодокументов в качестве основы исторического исследования [см.: Магидов, 2005; Нарский; Главацкая; Красильников, Рубинина; и др.]. Кинодокументы пока остаются в тени, лишь изредка становясь предметом исследования [см.: Дашкова, 1999; 2004; Димони; и др.]. Осторожность историков вполне понятна: признавая за кинодокументами способность отражения правды жизни, они пока не владеют необходимыми методами их исторической интерпретации. Причем эмоциональное восприятие кино оказывается, как правило, более сильным, чем попытки рационального анализа. Это порождает недоверие и отказ от использования этого источника в исторических исследованиях.

Традиционно кинодокументы подразделяются на два вида — документальные и художественные. Они различаются подходами к отражению реальности. Документальные фильмы не вполне обоснованно считаются более достоверными, чем художественные, поскольку фиксируют «объективную реальность» [см.: Магидов, 2005]. Художественное кино отражает вымышленную реальность, и это выводит его за пределы понятия «достоверность», хотя художественные тексты уже давно и успешно используются историками, особенно антиковедами и медиевистами.

Специфика кинематографа такова, что любые тексты — и документальные, и художественные — семиотичны, то есть их основным элементом выступает образ, создаваемый различными средствами. Поскольку художественное кино обладает более широким спектром изобразительных средств (это не только режиссерский замысел, операторская работа, музыка, текст — как в документальном кино, но и игра актеров, диалоговый дискурс, декоративные эффекты и пр.), оно обладает способностью более многогранно воплотить образ мира. Кроме того, необходимо учитывать, что любой фильм — это чаще всего результат коллективного творчества (режиссера, сценариста, актеров, оператора, композитора и пр.). А если еще помнить про цензуру, то кино становится отражением коллективного сознательного и бессознательного, в том числе общественных мифов и стереотипов.

Информационный потенциал аудиовизуальных источников огромен, но, чтобы его активировать, требуются особые методы, учитывающие родо-видовые и жанровые свойства документов: это специфическая художественно-идеальная форма отражения реальности, технотронный характер, особые идеологические, воспитательные и информационные функции кинематографа, его воздействие на сознание и модели поведения людей (эффект кодирования).

Речь идет о появлении в лаборатории историка особых визуальных технологий, отличительной чертой которых выступает использование «неисторических» приемов сбора, фиксации и интерпретации информации, прежде всего методов наблюдения. Следует подчер-

кнуть, что эти методы не являются чем-то принципиально чуждым для исторической науки. Быть может, здесь сказываются отголоски летописного прошлого истории, когда роль очевидца была вполне типичной для составителя хроник. О возможностях применения метода наблюдения рассуждал А. С. Лаппо-Данилевский, подчеркивая, что только «незначительная часть действительности, протекающей пред историком, непосредственно доступна личному его чувственному восприятию» [Лаппо-Данилевский, с. 277]. Возможность реализации исторического наблюдения отмечена в работах М. Блока, который определяет его как опосредованное восприятие прошлого с опорой на свидетельства источников, обладающих свойствами визуальности (вещественные, этнографические, письменные) [Блок].

Прямое наблюдение для историка останется, видимо, недоступным и в дальнейшем, поскольку участие в историческом событии и его наблюдение — это не одно и то же. Наблюдение как метод отличается своей целенаправленностью, организованностью, а также обязательностью регистрации информации непосредственно в ходе наблюдения. Соблюдение всех этих условий, и прежде всего позиции нейтрального наблюдателя, невозможно для очевидца, который, участвуя в событиях, не может регулировать сам процесс его прослеживания и комплексной оценки. Для этого нужно планировать наблюдение и готовиться к нему, вводить контрольные элементы. В противном случае мы получаем на выходе вариант мемуаров, который можно рассматривать как разновидность самонаблюдения, но оно не компенсирует субъективности восприятия.

Можно выделить основные проблемы изучения киноисточников.

1) Проблема отбора фильма/фильмов в качестве исторического источника. В этом вопросе принципиально важным является соблюдение принципа историчности по отношению к кинодокументам. Их условно можно разделить на две категории: актуальные фильмы, то есть снятые на «современную тему» и отражающие образы «настоящего»; и ретроспективные фильмы, которые традиционно относят к жанру исторического кино. Особенность данной категории кинодокументов состоит в том, что они представляют образы прошлого, созданные в разное время. Помимо характера отражения реальности, при отборе фильмов неизбежно возникают проблемы качества кино: какие фильмы изучать в первую очередь? Те, которые стали классикой или остались рядовым событием для кинематографа? В каждом случае этот вопрос решается отдельно. Массовое кино может быть более информативным для изучения стереотипов, стандартных ситуаций, актуальных проблем. Сила «высоких» произведений искусства в умении создать те образы, которые отражают сущность эпохи и обращены к решению «вечных» вопросов. Сочетание количественного анализа фильмов с феноменологическим здесь представляется очень важным, поскольку позволяет рассмотреть изучаемые явления на микро- и макроуровне. Особой осторожности требует историческое

кино, где зачастую присутствуют анахронизмы, отвечающие потребностям современного зрителя.

2) Проблема источниковедческого анализа фильмов. Очень часто приходится слышать о недостоверности художественных фильмов как источников для изучения прошлого. Выдуманная реальность, выстроенная по законам искусства, на первый взгляд не может рассматриваться как надежный свидетель. В советском кино, к примеру, на протяжении всей его истории большую роль играли идеологический заказ, цензура и требования соответствия критериям социалистического реализма. Все это накладывало свой отпечаток на аудиовизуальные источники и, следовательно, требует тщательной источниковедческой оценки, в том числе изучения информации об авторах фильма, его целях, общей идее, времени и условиях создания, общественном резонансе и т. п. — в общем, о том, что обычно обозначается словом «судьба» фильма. Источниковедческое исследование, неизбежно приобретаая черты киноведческого, не должно ограничиваться только этим, поскольку историку важно понимание того, какая информация в кинодокументе является наиболее достоверной, а какая — нет и почему.

3) Проблема метода анализа аудиовизуальных источников, к которому относится метод структурированного наблюдения. В основе наблюдения лежит неоднократный просмотр фильма: первоначально — для получения общего впечатления, знакомства с сюжетом, основными героями и событиями, определением основной и второстепенных тем, центральной проблемы, оценки жанровых и изобразительных приемов создания образов. Кроме того, необходимо уточнить характер презентуемой визуальной информации: непосредственное отражение или реконструкция реальных/вымышленных фактов. Повторное наблюдение по уточненному исследователем плану позволяет сосредоточиться на тех сюжетах и сценах фильма, которые наиболее важны для анализа рассматриваемой проблемы (например, для изучения религиозных практик или миграционных настроений; изменений в образе жизни, моделях поведения и пр.). Повторное наблюдение сопровождается обязательной фиксацией информации в форме записей с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете. Особенностью метода наблюдения выступает то, что его результаты отличаются известной субъективностью, поскольку проецируются на ментальную сетку наблюдателя и интерпретируются с учетом присущей ему системы ценностей и представлений. Поэтому очень важно использовать контрольные элементы (увеличение числа просмотров или же количества наблюдателей).

4) Проблема реконструкции исторической реальности на основе оценки зафиксированных информационных элементов с учетом их образного решения. Интерпретация визуальных источников нуждается в обязательной верификации путем сравнения с другими источниками информации.

Помимо проблем интерпретации визуальных текстов появляются принципиально новые темы для исторических исследований, связанные с изучением публичности кинематографа. С одной стороны, кинематограф выступает как канал отражения массовых представлений, ожиданий, стереотипов, а с другой, обладая программирующим воздействием, оказывает влияние на зрителей, моделируя их поведение, конструируя их оценки реальности. Это проявление визуальной культуры пока не находится в поле внимания российских историков, но без его учета очень сложно судить о социальной, политической, культурной динамике общественной жизни, а тем более о таких ее ментальных проявлениях, как стереотипы, мифы, идеалы.

Таким образом, изучение визуальных источников предполагает формирование особых навыков работы с информацией. На первый взгляд, зрительное восприятие относится к числу наиболее простых видов психофизиологической деятельности, основанных на ассоциативном понимании и образном усвоении информации. Но такое мнение во многом обманчиво. Историк должен обладать опытом визуальной культуры — это то, что часто называют «насмотренностью», позволяющей корректно воспринимать, анализировать, оценивать, сопоставлять визуальную информацию. Отдельно следует выделить задачу распознавания визуальных кодов, поскольку они конкретно историчны и по истечении нескольких десятилетий могут прочитываться некорректно, а ключи к этим кодам чаще всего лежат в области обыденного или национального и могут быть не очевидны зрителю из будущего. Иначе говоря, интерпретация самого текста настолько же важна, насколько и знание внетекстовых (исторических, социальных, экономических) параметров его производства и функционирования. Свои сложности имеет решение проблемы соотношения визуальной информации и текста (вербализации увиденного), нахождения оптимального взаимодействия этих знаковых систем, имеющих некоторые общие корни, но весьма отличных по своим механизмам функционирования (психофизиологический и логический). Здесь требуются свои «словари», свои технологии перевода. Таким образом, историческая наука сегодня вступает в новую культурологическую реальность и, отвечая на ее вызовы, неизбежно меняется. Это уже не первый методологический поворот, но, может быть, наиболее значительный.

Список литературы

- Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1986. 259 с.
- Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009. 296 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009. 448 с.

Виртуальный музей советского быта «Коммунальная квартира», 2007 [сайт] / И. Утехин, С. Паперно, Н. Рис, А. Нахимовски. URL: <http://kommunalka.colgate.edu> (дата обращения: 15.06.2013).

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: историко-ведческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.

Головнёв А. В. Киноантропология // Искусство и наука в современном мире : Доклад на Международной конференции, Москва, 11 нояб. 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: valerytishkov.ru/engine/documents/document1341.doc (дата обращения: 10.06.2013).

Голубев А. В. Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е гг. // Российская ментальность: методы и проблемы изучения : Сб. ст. / под ред. А. А. Горского. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 7–33.

Голубев А. В., Поршнев А. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2012. 392 с.

Дашкова Т. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11/12 (21). С. 131–155.

Дашкова Т. Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 — начала 1950-х гг. // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. : Знак, 2004. С. 218–234.

Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. : Знак, 2004. С. 281–299.

История страны. История кино / ред., сост., авт. предисл. С. С. Секиринский. М. : Знак, 2004. 496 с.

Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 32–38.

Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.

Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск ; Екатеринбург : ОмГУ, 2000. 226 с.

Красильников А. В. К вопросу исследования фото документов по истории всенародного движения в помощь фронту во время Великой Отечественной войны // Вестник военного университета. 2011. № 3 (27). С. 138–141.

Круткин В. Л. Дж. Руби. Визуальная антропология // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : Сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов : Научная книга, 2007. С. 398–412.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М. : Территория будущего, 2006. 472 с.

Лейдингер Х. [Leidinger H.] Визуализация восточного фронта в австро-венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Магидов В. М. Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания, [2012] [Электронный ресурс]. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (дата обращения: 01.07.2013).

Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 394 с.

Нарский И. В. Фотокарточка на память : Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск : Энциклопедия, 2008. 516 с.

Николаев А. И. Основы литературоведения : Учебное пособие. Иваново : ЛИСТОС, 2011. 255 с.

Оболенская С. В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М. : Наука, 1991. С. 160–185.

Образ // Толковый словарь / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.depport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (дата обращения: 07.12.2014).

Обрезкова Н. В. Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2011. 254 с.

Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск : Каменный пояс, 2008. 476 с.

Панакова Я. Визуальные методы: на пути к постижению миграционного опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 4. С. 161–177 [Электронный ресурс]. URL: www.old.jourssa.ru/2007/4/7aPanakova.pdf (дата обращения 08.07.2013).

Пихан Г. Моя Россия. Темы и образы // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 36–52.

Разлогов К. Искусство экрана: от синематографа до интернета. М. : РОССПЭН, 2010. 287с.

Родигина Н. И. «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 328 с.

Роднянская И. Б. Художественный образ // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/> (дата обращения 08.12.2014).

Рубинина З. М. Семейный фотографический архив как исторический источник (на примере архива семьи Левицких из коллекции ГИМ) // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 109–120.

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа «врага» в сознании армии и общества. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имеджинология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54–72.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 80–90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Интерцентр, 1993. 300 с.

Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма [Электронный ресурс]. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108> (дата обращения: 16.01.2013)

Щербакова Е. И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России — III : Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.

MacDougall D. Transcultural Cinema / ed. L. Taylor. Princeton : Princeton University Press, 1998.

Mitchell W. J. T. What is Visual Culture? // Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside/ ed. I. Lavin. Princeton, NJ : Institute for Advanced Study, 1995.

Porshneva O. Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 79–94.

Roberts Gr. Imperial Visions: Packaging Design, Branding and National Identity in Contemporary Russia [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/5443570/Imperial_Visions_Packaging_Design_Branding_and_National_Identity_in_Contemporary_Russia (дата обращения: 21.01.2015).

References

Bart, R. & Kosikov, G. K. (Comp., transl. from Fr., Foreword). (1989). Ritorika obraza [Rhetoric of the Image]. In *Izbranny'e raboty': Semiotika: Poe'tika*. 616 p. Moscow, Progress.

Blok, M. (1986). *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [The Apologia of History or the Craft of an Historian]. (2nd ed.). 259 p. Moscow, Nauka.

Centr vizual'noj antropologii MGU [The Moscow State University Centre of Visual Anthropology]. Available at: <http://visant.etnos.ru/about/project.php> (accessed: 11.06.2013).

Dashkova, T. (1999). Vizual'naya interpretaciya zhenskogo tela v sovetskoj massovoj kul'ture 30-h godov [The Visual Interpretation of a Woman's Body in the Soviet Mass Culture of the 1930s]. In *Logos, 11/12 (21)*, pp. 131–155.

Dashkova, T. Yu. (2004). Lyubov' i byt' v kinofil'mah 1930 — nachala 1950-h gg. [Love and Everyday Life in the Films of the 1930s – Early 1950s]. In Sekirinskij, S. S. (Ed). *Istoriya strany'. Istoriya kino* (pp. 218–234). Moscow, Znak.

Dimoni, T. M. (2004). «Predsedatel'»: sud'by' poslevoennoj derevni v kinokartine pervoj poloviny' 1960-h gg. [*The Chairman: The Life of the Postwar Village in the Films of the 1st Half of the 1960s*]. In Sekirinskij, S. S. (Ed). *Istoriya strany'. Istoriya kino* (pp. 281–299). Moscow, Znak.

Girc, K. (2004). *Interpretacija kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. (Transl. from Eng.). 560 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).

Glavaczkaya, E. M. (2012). Fotodokumenty' kak istoricheskij istochnik: opyt' atribucii, kriticheskogo analiza i nauchnogo citirovaniya [Photographic Documents as an Historical Source: An Attempt at Attribution, Critical Analysis and Scientific Citation]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny'e nauki, 1 (99)*, pp. 217–225.

Golovnyov, A. V. Kinoantroplogiya [Cinematographic Anthropology]. In *Iskusstvo i nauka v sovremennom mire : Doklad na Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 11 noyab. 2009 g.* Available at: valerytishkov.ru/engine/documents/document1341.doc? (accessed:10.06.2013).

Golubev, A. V. (1999). Formirovanie obraza vneshnego mira v SSSR. 30-e gg. [Outer World Image Formation in the USSR, 1930s]. In Gorskogij, A. A. (Ed.). *Rossijskaya mental'nost': metody' i problemy' izucheniya: sbornik statej* (pp. 7–33). Moscow, IRI RAN.

Golubev, A. V. & Porshneva, A. S. (2012). *Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovy'h vojn* [The Image of the Ally in the Consciousness of Russian Society in the Context of World Wars]. 392 p. Moscow, Novy'j hronograf.

Kazakova, V. I. (2011). Social'ny'j portret kak ob'ekt fenomenologicheskogo analiza [A Social Portrait as an Object of Phenomenological Analysis]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki, 1 (21)*, pp. 32–38.

Kny'sh, N. A. (2009). *Obraz sovetskoj istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie* [The Image of Soviet Historical Science in the 1st Postwar Decade]. (A PhD Thesis in History). 250 p. Omsk.

Korzun, V. P. (2000). *Obrazy' istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvenny'h istoriograficheskikh koncepcij)* [The Image of Soviet Historical Science at the Turn of the 20th Century (An Analysis of Russian Historiographic Concepts)]. 226 p. Omsk & Ekaterinburg, OmGU.

Krasil'nikov, A. V. (2011). K voprosu issledovaniya fotodokumentov po istorii vsenarodnogo dvizheniya v pomoshh' frontu vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny' [On the Issue of Photographic Documents Study of the Popular Movement to Aid the Front during the Great Patriotic War]. In *Vestnik voennogo universiteta, 3 (27)*, pp. 138–141.

Krutkin, V. L. (2007). Dzh. Rubi. Vizual'naya antropologiya [Visual Anthropology by J. Ruby]. In Yarskoj-Smirnoj, E. Romanova, V. & Krutkina, V. *Vizual'naya antropologiya: novy'e vzglyady' na social'nuyu real'nost': sbornik nauchny'h statej* (pp. 398–412). Saratov, Nauchnaya kniga.

Lappo-Danilevskij, A. S. (2006). *Metodologiya istorii* [The Methodology of History]. 472 p. Moscow, Territoriya budushhego.

Lejdinger, H. [Leidinger H.] (2014). Vizualizaciya vostochnogo fronta v avstro-ungarskoj propagande Pervoj mirovoj vojny' [Visualization of the Eastern Front in Austro-Hungarian World War I Propaganda]. In *Quaestio Rossica, 1*, pp. 112–128.

Levada, Yu. A. (Ed.) (1993). *Sovetskij prostoj chelovek: opyt' social'nogo portreta na rubezhe 80–90-h* [A Common Soviet Person: A Social Portrait at the Turn of the 1980–1990s]. 300 p. Moscow, Intercentr.

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB.

MacDougall, D. & Taylor, L. (Ed.). (1998). *Transcultural Cinema*. Princeton, Princeton University Press.

Magidov, V. M. (2012). Vizual'naya antropologiya kak sociokul'turnoe yavlenie v retrospektive i perspektive sovremennogo istoricheskogo znaniya [Visual Anthropology as a Socio-cultural Phenomenon in Retrospective and Perspective of Modern Historical Knowledge]. Available at: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (accessed: 01.07.2013).

Magidov, V. M. (2005). *Kinofotofonodokumenty' v kontekste istoricheskogo znaniya* [Film and Photographic Documents in the Context of Historical Knowledge]. 394 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

Mitchell, W. J. T. (1995). What is Visual Culture? In Lavin, I. (Ed.). *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside*. Princeton, NJ, Institute for Advanced Study.

Narskij, I. V. (2008). *Fotokartochka na pamyat' : Semejny'e istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istoriograficheskij roman)* [A Photograph as a Keepsake: Modern Stories, Photographic Messages and Soviet Childhood]. 516 p. Chelyabinsk, E'nciklopediya.

Nikolaev, A. I. (2011). *Osnovy' literaturovedeniya : Uchebnoe posobie* [Foundations of Literary Criticism: A Manual]. 255 p. Ivanovo, LISTOS.

Obolenskaya, S. V. (1991). *Obraz nemca v russkoj narodnoj kul'ture XVIII–XIX vv.* [The Image of Germans in the Russian Culture of the 18th – 19th Centuries]. In *Odyssey. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya. 1991* (pp. 160–185). Moscow, Nauka.

Obraz [Image]. In Ozhegov, S. I. *Tolkovyj slovar'*. Available at: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (accessed: 07.12.2014).

Obrezkova, N. V. (2011). *Donskaya gorozhanka: social'ny'j portret i povsednevnost' 1920-h godov* [A Female Citizen of the Don Region: A Social Portrait and Everyday Life of the 1920s]. (A PhD Thesis in History). 254 p. Novocheerkassk.

Ochevidnaya istoriya. *Problemy2032 vizual'noj istorii Rossii XX stoletiya* [An Obvious History. Issues of the Visual History of Russia of the 20th Century]. (2008). 476 p. Chelyabinsk, Kamennyj' pojas.

Panakova, Ya. (2007). *Vizual'ny'e metody': na puti k postizheniyu migracionnogo opy'ta* [Visual Methods: On the Way towards Visual Image Comprehension]. In *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 10 (4)*, pp. 165, 161–177. Available at: www.old.jourssa.ru/2007/4/7aPanakova.pdf (accessed: 08.07.2013).

Pikhan, G. (2014). *Moya Rossiya. Temy' i obrazy'* [My Russia. Themes and Images]. In *Quaestio Rossica, 1*, pp. 36–52.

Porshneva, O. (2014). Image of the German enemy as perceived by Russian army soldiers during World War I. In *Quaestio Rossica, 1*, pp. 79–94.

Razlogov, K. (2010). *Iskusstvo e'krana: ot sinematografa do internet* [The Art of the Screen: From Cinematography to the Internet]. 287p. Moscow, ROSSPE'N.

Roberts, Gr. *Imperial Visions: Packaging Design, Branding and National Identity in Contemporary Russia*. Available at: https://www.academia.edu/5443570/Imperial_Visions_Packaging_Design_Branding_and_National_Identity_in_Contemporary_Russia (accessed: 21.01.2015).

Rodigina, N. I. (2006). «*Drugaya Rossiya*». *Obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny' XIX — nachala XX veka* [Another Russia: Images of Siberia in the Russian Magazines of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. 328 p. Novosibirsk, Izd-vo NGPU.

Rodnyanskaya, I. B. *Hudozhestvenny'j obraz* [Artistic Image]. In *Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya*. Available at: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Hudozhestvenny'j%20obraz/> (accessed: 08.12.2014).

Rossijskij festival' antropologicheskikh fil'mov [Russian Festival of Anthropological Films]. Available at: <http://rfaf.ru/rus/video/203> (accessed: 15.12.2014).

Rubinina, Z. M. (2014). *Semejny'j fotograficheskij arhiv kak istoricheskij istochnik (na primere arhiva sem'i Levickih iz kollekcii GIM)* [Family Photographs as an Historical Source (with Reference to Levitsky Family Archive from the GIM Collection)]. In *Dialog so vremenem* (Iss. 46, pp. 109–120).

Sekirinskij, S. S. (Ed., Comp., Foreword). (2004). *Istoriya strany'. Istoriya kino* [A History of the Country. A History of the Cinema]. Moscow, Znak.

Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v vojnah XX veka. E'voljuciya obraza «vraga» v soznanii armii i obshhestva* [Russia's Enemies in the 20th Century Wars. The Evolution of the Enemy's Image in the Consciousness of the Army and Society]. 288 p. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).

Senyavskij, A. S. & Senyavskaya, E. S. (2006). *Istoricheskaya ime'dzhinologiya i problema formirovaniya «obraza vraga» (na materialah rossijskoj istorii XX v.)* [Historical Imaginology and the Issue of *Enemy's Image* Formation]. In *Vestnik RUDN, 2 (6)*, pp. 54–72.

Shherbakova, E. I. (2011). *Vizual'naya istoriya: osvoenie novogo prostranstva* [Visual History: Exploration of New Spaces]. In Bordyugov, G. A. (Ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Rossii — III: Pyatnadcat' let spustya* (pp. 473–488). Moscow, AIRO-XXI.

Uchebno-nauchnyj centr vizual'noj antropologii i e'goistorii [Education and Scientific Centre of Visual Anthropology and Its History]. Available at: <http://visantrop.rsuh.ru/> (accessed: 11.06.2014).

Usmanova, A. *Vizual'ny'e issledovaniya kak issledovatel'skaya paradigm* [Visual Research as a Research Paradigm]. Available at: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108> (accessed: 16.01.2013)

Utehin, I. & Paperno, S. & Ris, N. & Nahimovski A. (2007). *Virtual'nyj muzej sovetskogo by'ta «Kommunal'naya kvartira»* [The Virtual Museum of Soviet Everyday Life "Communal Flat"]. Available at: <http://kommunalka.colgate.edu> (accessed: 15.06.2013).

Vizual'naya antropologiya: rezhimy' vidimosti pri socializme [Visual Anthropology: Modes of Visibility under Socialism]. (2009). 448 p. Moscow, Variant & CSPGI.

Vorob'ev, S. V. (2004). *Social'nyj portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portraits of Ural Communists of the Early 1920s: A Source Study of Materials of the All-Russian Census of RCP(b) Members]. (A PhD Thesis in History). Yekaterinburg.

Yarskoj-Smirnovoj, E. & Romanova, P. (Eds.). (2009). *Vizual'naya antropologiya: nastrojka optiki* [Visual Anthropology: Lenses Adjustment]. 296 p. Moscow, Variant & CSPGI.

The article was submitted on 20.06.2015

Людмила Николаевна Мазур,
доктор исторических наук
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
Lmaz@mai.ru

Lyudmila Mazur, Dr.,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Lmaz@mai.ru

DOI 10.15826/qr.2015.3.118

УДК 091:27+81'42+27-526.62

Людмила Журова

СКАЗАНИЯ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ В СТРУКТУРЕ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Liudmila Zhurova

STORIES ABOUT MIRACLE-WORKING ICONS IN THE
STRUCTURE OF *LICEVOJ LETOPISNY'J SVOD*

Licevoj letopisny'j svod of Ivan the Terrible is a major monument of the Old Russian written tradition of the 16th century which completed a centuries-long history of Old Russian chronicling. Stories on miracle-working icons in its multileveled system were included into a vast historical context and acquired a new publishing tone. The author aims to determine the role of icons of the Virgin Mary in Old Russia in *Licevoj letopisny'j svod* and how episodic and semantic memory about them is preserved.

The arrival of a large number of transferred and displayed icons as well as the ones painted by hermits in Russia was a characteristic feature of the late 14th – early 15th centuries. Stories of icons developed into an established narrative form in the print culture of the 16th century and chronicling played a significant role in the literary process of the epoch. This fact can be explained by the establishment of the ideology of autocracy, which was based (among other things) on the phenomenon of miracle-working icons.

In the structure of *Licevoj letopisny'j svod*, there are stories that stand out among others, and they are those of three miracle-working icons, namely, the Theotokos of Tikhvin (1383), the Theotokos of Vladimir and the Theotokos of Kolocha (1413). It is noteworthy that these three legends found in *Licevoj letopisny'j svod* contain subjects connected with the names of Dmitry of the Don's three sons: Vasily, the Grand Prince of Moscow, Yuri of Zvenigorod and Andrei of Mozhaysk. This without a doubt granted them an official status in the historiographical narrative.

What makes the legends in *Licevoj letopisny'j svod* stand out is the combination of two texts: verbal and visual. The illustrators of *Licevoj letopisny'j svod* added to the written text, not following it completely at times yet complying with the existing cultural tradition. The chronicle's interpretation of the stories was different for all of the abovementioned icons. *The Story of the Meeting of the Theotokos of Vladimir* was most likely written specially for *Licevoj letopisny'j svod*. One of the peculiarities of the text is its poly-figural

architectonic which is congenial to the structure of *Licevoj letopisny'j svod*, demonstrating its connection with the history of *Licevoj letopisny'j svod*. It was only in the late 15th – early 16th century that the story of the miraculous manifestation of Theotokos of Tikhvin in Novgorod in 1393 appeared as an independent legend. In *Licevoj letopisny'j svod* it is represented as a short, chronicled account borrowed from *Voskresenskaya letopis'* and, according to a textological analysis, from Library Manuscript II. The brevity of the story of Theotokos of Tikhvin in the *Licevoj letopisny'j svod* is a characteristic feature of the monument, testifying to scant knowledge of the event during the entire 15th century. These circumstances make the rise of the importance of the icon even more meaningful. The analysis of the chronicle's history of Theotokos of Tikhvin demonstrates that its political cult grew in the 16th century, and *Licevoj letopisny'j svod* played a decisive role in the process. The plot describing the manifestation of the icon of Theotokos to a common villager on the Kolocha River around Mozhaysk is documented in a majority of Russian chronicles. The expansive chronicle history of Theotokos of Kolocha spreads over the period from the 15th to the 17th century. The form and content of chronicle articles on Theotokos of Kolocha are varied, which is conditioned by the aim and orientation (including both political and ideological ones) of various chronicles. According to textological analysis, Theotokos of Kolocha was transferred into *Licevoj letopisny'j svod* from *Nikonovskaya letopis'* retaining all the peculiarities of the chronicle. The role of Theotokos of Kolocha was considerably less pronounced in the political mythology of Ivan the Terrible's epoch, which is supposedly due to the fact that the text bore semantic memory of the struggle between minor appanage princes of Mozhaysk and the grand princes.

Consequently, the three legends of miracle-working icons in *Licevoj letopisny'j svod* had different sources. The chronicle's writing in the second half of the 16th century was another stage in the history of the text's well-known subjects. The analysis of stories about icons enabled the author to reveal a number of features in the formation of *Licevoj letopisny'j svod*, to specify its connections with *Voskresenskaya letopis'* and *Nikonovskaya letopis'* and the chronicle of 1560 and to determine the role of the legendary "biographies" of icons in the structure of *Licevoj letopisny'j svod*.

Keywords: *Licevoj letopisny'j svod*; *Voskresenskaya letopis'*; *Nikonovskaya letopis'*; Theotokos of Vladimir; Theotokos of Tikhvin; Theotokos of Kolocha; legend; textology.

Лицевой летописный свод (ЛЛС) — монументальный памятник древнерусской книжности XVI в. — завершил многовековую историю древнерусского летописания. Сказания о чудотворных иконах в его многоуровневой системе повествований включались в широкий исторический контекст и обретали новые акценты публицистического звучания. Определить, каково положение в структуре ЛЛС сюжетов о явлении богородичных икон на Руси, каким образом сохраняется в них эпизодическая и семантическая память, — цель настоящей статьи.

Приходом на Русь большого числа перенесенных, явленных и писанных пустынниками икон ознаменован период конца XIV — начала XV в. Повествования об иконах складывались в устойчивую содержательную форму в книжной культуре XVI в., и летописание в литературном процессе сыграло конструктивную роль. Этот факт объясняется формированием идеологии самодержавия, которая опиралась и на феномен чудотворного образа.

В структуре ЛЛС выразительный повествовательный ряд представляют сюжеты о трех чудотворных иконах: Тихвинской (1383) (СТИ), Владимирской (1395) (СВИ) и Колочской (1413) (СКИ). Примечательно, что три сказания, представленные в ЛЛС развитыми сюжетами, связаны с именами трех сыновей Дмитрия Донского: Василия Московского, Юрия Звенигородского, Андрея Можайского, что, безусловно, обеспечивало им официальный статус в историографическом повествовании.

Особенностью сказаний в ЛЛС является сочетание двух текстов: вербального и визуального. Миниатюристы ЛЛС «дописывали» словесный текст, иногда отступая от него и придерживаясь сложившейся культурной традиции. Летописные истории этих повествований сложились по-разному. «Повесть о сретении Владимирской иконы», вероятно, была специально написана для ЛЛС. Одна из особенностей текста СВИ заключена в его многофигурной архитектонике, которая конгениальна структуре ЛЛС, что лишний раз указывает на ее связи с историей происхождения свода. Рассказ о чудесном явлении в Новгородских пределах Тихвинской иконы в 1393 г. только в конце XV — начале XVI в. начал складываться в самостоятельное сказание. В ЛЛС оно представлено в виде небольшой летописной статьи, заимствованной из Воскресенской летописи, и, как показал текстологический анализ, по списку Библиотечный П. Краткость летописной истории СТИ — примечательная особенность памятника, свидетельствующая о малой известности самого события на протяжении всего XV в., и на таком фоне особенно выразительна картина возвышения Образа. Анализ летописной истории СТИ указывает на укрепление ее политического культа в XVI в., и роль ЛЛС в этом процессе стала решающей. Сюжет о явлении иконы Богородицы простому поселянину на р. Колоча в Можайских пределах зафиксирован практически всеми общерусскими летописными сводами. Богатая летописная история СКИ охватывает период с XV по XVII в. Форма и содержание летописных статей о Колочской иконе разнообразны, что обусловлено целью и направленностью, в том числе политической, идеологической, того или иного свода. Как показал текстологический анализ, СКИ перешло в ЛЛС из Никоновского свода, сохранив все особенности летописной редакции. Звучание СКИ в политическом мифе эпохи Ивана Грозного было заметно приглушено, видимо, из-за того, что текст запечатлел семантическую память о борьбе XV в. можайских удельных княжат с великокняжеским домом.

Таким образом, три сказания о чудотворных иконах включены в ЛЛС из разнородных источников. Летописание второй половины XVI в. составило еще один этап в истории текста известных сюжетов. Анализ сказаний об иконах позволил выявить некоторые моменты в практике складывания ЛЛС, уточнить его отношения с Воскресенской и Никоновской летописями, сводом 1560 г., определить роль легендарных «биографий» икон в структуре ЛЛС.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод, Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Владимирская икона, Тихвинская икона, Колоцкая икона, сказание, текстология.

Под структурой Лицевого летописного свода (ЛЛС) понимают многоуровневую систему повествований (исторических, легендарных, воинских, агиографических, бытовых и т. д.), представленных в виде погодных записей, летописных рассказов и летописных повестей, и сопровождавших их миниатюр, включенных в эпический континуум¹.

В гетерогенной структуре ЛЛС рассказы об иконах (поклонение иконам, знамение от икон, целование икон, хождение с иконами и т. п.) — одна из важных его тем, связанных с историческим содержанием и публицистическим звучанием памятника.

В науке давно закрепилось положение об общественно-политическом значении сказаний об иконах, в содержании которых находили аргументы в защиту прав на власть князей, большей частью удельных. Историко-культурным контекстом для анализа сюжетов о чудотворных иконах в ЛЛС служат сочинения первой половины XVI в. (Слова 5–7 «Просветителя» Иосифа Волоцкого [Просветитель, с. 219–253], Слово 3 «Соборника» митрополита Даниила²), решения соборов середины XVI в. и, наконец, политика Ивана Грозного как защитника иконопочитания [Андреев; Подобедова; Лепяхин]. Церковные писатели отстаивали православное учение поклонения иконам, соборы осуждали нововведения в иконописи, царь неоднократно обращался к теме иконы в своих сочинениях и оставил следы своего преклонения перед святынями.

По словам С. С. Аверинцева, «на Руси философская работа ума осуществляла себя в пластических формах иконы» [Аверинцев, с. 17]. Образы воспринимались как памятники божественного освящения Русской земли. Сказания об иконах служили духовному просвещению православных.

ЛЛС изобилует событиями о постройке церквей, основании монастырей, строительстве городов, и многие из них сопровождаются явлениями и знаменами. Известия, краткие сообщения, свидетельства

¹ В. В. Морозов, назвав одну из глав своей монографии «Структура летописи и историческая концепция», представил составные части летописного свода [Морозов, с. 133–168].

² РГБ, ф. 173, собр. МДА/Л, № 197, л. 65–79 об.

об иконах в летописных сводах XVI в. воспринимаются как значимые исторические факты. Рассказ «О иконе Пречистой Одигитрии въ Цариградѣ» (1204 г.) примечателен тем, что передает сведения о написании иконы Богоматери евангелистом Лукой, которые определили стратегическое положение иконологии на Руси — особое почитание типа Одигитрии.

В летописании XVI в. повествования об иконах, история которых начиналась еще в XIV–XV вв., приобретают завершенные очертания. Этот факт объясняется формированием идеологии самодержавия, которая опиралась и на феномен чудотворного образа.

Приходом на Русь большого ряда перенесенных, явленных и писанных пустынноиками богородичных икон ознаменован период конца XIV — начала XV в.:

Иконы перенесенные	Иконы явленные
Пименовская (1381 или 1386 г., привезена митрополитом Пименом из Царьграда)	Тихвинская (1383)
Одигитрии (1381 г., две иконы отправлены из Царьграда епископом Суздальским Дионисием)	
Коневская (1393 г., привезена с Афона преп. Арсением)	Девпетерувская (1392)
Владимирская (1395 г., привезена в Москву по просьбе Василия Дмитриевича; по молитве Евдокии)	
Смоленская (1398 или 1404 г., привезена в Москву из Смоленска Юргой?, Софьей Витовтовной?, смоленским князем?)	Колочская (1413)
1456 г. — празднество «отпущения» иконы Василием Темным из Москвы в Смоленск	Макарьевская (1442)

Такая плотность «заселения» икон на Руси на рубеже XIV–XV вв., видимо, не случайность. Время Сергия Радонежского и Андрея Рублева отмечено строительством церквей, монастырей и довольно массовым созданием икон. Современные зарубежные исследователи подчеркивают «центральное положение XIV и еще более века XV как эпохи перехода от традиционного восприятия образов... к процессу приписывания отдельным изображениям автономных чудотворных качеств» [Баччи, с. 419].

На Руси этот процесс растянулся на века. Проповедь об иконе Римлянины, вошедшая в русскую традицию в конце XIV в., видимо, сыграла продуцирующую роль в развитии сказаний об иконах [Плюханова].

Перенесенные иконы, как правило, представляли собой списки с образов, писанных евангелистами, апостолами, митрополитами; их «биографии» обычно связаны с именами известных легендарных личностей. События, с ними сопряженные, приобретали исторический характер. Но эти обстоятельства, надо признать, не всегда становились в XV в. сюжетообразующим моментом для складывания самостоятельного повествования, получившего в книжной традиции жанровое определение — «сказание» [Кириллин, 2012, с. 207–209]. И не все летописи содержат сведения о них (например, Пименовская икона впервые упоминается в Степенной книге под 1404–1407 гг.).

Явленные иконы обычно имели хождение в народной среде, были связаны с бытовыми проблемами жизни человека, болезнями, душевными недугами, несчастьями. Основу «биографии» таких икон составляли исцеления. Евангельский топос — чудо целительства Христа (Мф 11:5; Лк 7:22; Ин 5:3–8) — и житейские ситуации обеспечивали жизнестойкость сюжетов, их сильную интенцию и активную рецепцию.

Историко-литературный процесс складывания и бытования сказаний о чудотворных иконах в русском Средневековье, ставших «одним из основополагающих феноменов национальной духовной культуры» [Чудотворная икона, с. 6], можно будет представить по результатам исследований многочисленных письменных источников. Эти работы в отечественной науке наиболее интенсивно ведутся последние двадцать лет, и некоторые обобщения уже можно делать. Симптоматично, что сказания об иконах (в качестве сложившейся художественной формы) появляются в книжной традиции, как правило, спустя много лет, даже столетия (например, Сказание о Толгской иконе), после событий, положенных в основу повествования. Словесная культура XVI в. богата художественными историями об иконах, во многом основанными на устной прозе.

В структуре ЛЛС выразительный повествовательный ряд представляют сюжеты о трех чудотворных иконах: Тихвинской (1383) [ЛЛС, кн. 10, с. 186–189], Владимирской (1395) [ЛЛС, кн. 11, с. 177–199] и Колочской (1413) [ЛЛС, кн. 12, с. 320–337] (см. рис. 1–3 на вклейке). Примечательно, что они связаны с именами сыновей Дмитрия Донского: великого князя Московского Василия Дмитриевича (Владимирская), Юрия Дмитриевича Звенигородского (Тихвинская), Андрея Дмитриевича Можайского (Колочская).

Иконы, как видим, помещены в центр композиции миниатюр и обращены к зрителю, а человек развернут к образу. Визуальный сюжет полнее вербального: так, Тихвинская икона поставлена на древо, хотя такой детали в тексте нет. Положение иконы на древе — один из распространенных топосов сказаний о явленных иконах³. На миниатюре

³ На Международной научной конференции «Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного» (Мюнхен, 7–9 декабря 2011 г.) на эту тему был прочитан очень интересный доклад М. Б. Плюхановой.

ЛЛС сохранился первоначальный вариант Колочской иконы — это складень: по обе стороны образа Богоматери Умиление изображены Никола Мирликийский и Илья-пророк⁴. В тексте «Сказания о Колочской иконе» тип иконы Богородицы не обозначен. Таким образом, миниатюристы ЛЛС «дописывали» словесный текст, придерживаясь сложившейся культурной традиции.

Начала трех сказаний в ЛЛС имеют разное оформление. Киноварные заголовки в ЛЛС, сам вид надписаний указывают на характер источников. Пространное многосоставное название «Сказания о Владимирской иконе»:

Повѣсть на стрѣтѣние чудотворнаго образа Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Мариа, егоже написа богогласныи еуангелнстѣ Лука, самовидно зря на истиннѣю Богородицѣ при животѣ Ея; и како божественая та икона выстѣ в Рѣстѣи земли, первое во градѣ Киевѣ и в Вышеградѣ въ церкви преславно на воздѣсе являеся; и како преиде во градѣ Владимирѣ и отнелѣ же нарицашеся икона Владимирская, и еяже ради вины преиде въ боголюбивыи царствѣющій градѣ Москву, и паче надежда сѣгѣво чюдесно избавленне намѣ содѣя от нахожденна безвожнаго и зловѣрнаго отѣ царя ТемирѣАксака; и о составленни монастыря, идѣже срѣтоша тои Пречестныи Богоматери образѣ. **Благослови, отче!** —

раскрывает фабулу повествования, специально составленного для ЛЛС, как считает В. Гребенюк [Гребенюк, 1972, с. 340], или для Степенной книги, как полагает Б. М. Клосс: «Из Степенной книги Сказание о Владимирской иконе Богоматери перешло в Лицевой летописный свод Ивана Грозного, составленный в 1568–1576 гг.» [Клосс, 2001, с. 134]. Предполагается, что автором «Сказания о Владимирской иконе» могли быть митрополит Макарий или протопоп Афанасий.

Односложный киноварный заголовок «Сказания о Тихвинской иконе» типичен для летописной статьи: **В начале образа явленне Пречистыя Богородица еже на Тихвинѣ**. Он вводит в структуру ЛЛС рассказ о явлении образа в Новгородских пределах. Его сюжет уже был известен в книжной традиции по ранним редакциям памятника, сложившимся, согласно убедительной концепции В. М. Кириллина,

⁴ Образ хранился в Успенском соборе Колоцкого монастыря, основанного князем Андреем Дмитриевичем. Во времена Смуты монастырь был razорен, икона исчезла. В XVIII в. началось возрождение монастыря, видимо, тогда же был составлен новый вариант иконы, отличающийся от чудотворного: это уже не икона-складень, на центральной линии расположены Богоматерь Одигитрия, Николай Чудотворец и Илья-пророк, на верхнем поле изображены Святая Троица, Иоанн Предтеча, Симеон Богоприимец, на нижнем поле — Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Авраамий Смоленский, Пафнутий Боровский. Такая сложная композиция уже не связана с текстом «Сказания о Колочской иконе».

в конце XV в. (редакция А) и начале XVI в. (редакция Б) [Кириллин, 2007, с. 35–74, 242–244]. В ЛЛС повествование о Тихвинской иконе попадает из Воскресенской летописи (ВЛ), составленной в 1542–1544 гг. [Левина, 1989].

«Сказание о Колочской иконе» в ЛЛС заимствовано из Никоновской летописи (НЛ), положенной в основу иллюминированного свода. Отсутствие названия рассказа о явлении иконы на Колоче указывает на летописную природу текста, в начале которого приведена родословная формула исторического лица:

Того же лета. От Можанска за 15 верст в отчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Даниила Московского, явися знамение в Колочи.

Таким образом, три сказания о чудотворных иконах включены в ЛЛС из разнородных источников. Летописание второй половины XVI в. отражает еще один этап развития истории текста известных сюжетов.

«Повесть о сретении Владимирской иконы», или «Сказание о Владимирской иконе», подытоживает многовековую историю почитания *перенесенной* иконы, писанной евангелистом Лукой, привезенной в XII в. из Царьграда в Киев и ставшей в XVI в. палладиумом Московской Руси [Щенникова, с. 252]. В работах В. П. Гребенюка установлены источники «Повести», описана история создания сложного летописного текста, определена цель сочинения как развитие идеи политического объединения бывших удельных княжеств [Гребенюк, 1972; Гребенюк, 1997]. Сочинение интересно тем, что в нем видны многие тенденции развития древнерусской книжности эпохи Ивана Грозного. Одна из особенностей текста «Повести» заключена в ее многофигурной архитектонике, которая конгениальна структуре ЛЛС, что лишний раз указывает на ее связи с историей происхождения свода.

Сопоставление повествований о *явленных* иконах — Тихвинской и Колочской — позволит выявить некоторые моменты в практике складывания Лицевого свода.

Летописная история рассказа о явлении Тихвинской иконы коротка. На протяжении всего XV в. многочисленные летописи не содержат никаких сведений об этом чудотворном образе. Богатая новгородская летописная культура никак не повлияла на формирование повествования о местной святыне.

В списках НЛ рассказа о явлении иконы на Тихвине в 1383 г. нет⁵. Но примечательно, что редакция Б «Сказания о Тихвинской иконе» находится в сборнике РГБ, Волоколамское собр., № 659,

⁵ И. А. Иванова посчитала, что в Никоновской летописи содержится текст, тождественный тексту Воскресенской летописи. Исследователь опиралась на издание Патриаршей, или Никоновской, летописи в ПСРЛ, где фрагмент о Тихвинской иконе вставлен по списку Лицевого летописного свода [Иванова, с. 242].

1536 г., л. 425 об.–428, одним из составителей которого был Фома Шмоилов, он же один из основных писцов Никоновского свода [Клосс, 1980, с. 82–83]. Следовательно, ко времени составления НЛ (конец 20-х — начало 30-х гг. XVI в.) летописной версии рассказа о Тихвинской иконе не существовало, а составители Никоновского свода не использовали в качестве источника уже существовавшую редакцию А «Сказания о Тихвинской иконе». Скорее всего, редактор НЛ в первую очередь опирался на летописные источники как более достоверные и официальные, а книжные сочинения, бытовавшие в четвѣх сборниках, не выдерживали его критериев отбора материала. Может быть, складывавшиеся в первой половине XVI в. литературная история «Сказания о Тихвинской иконе» и легендарная биография Образа не были пока настолько авторитетны, чтобы служить «пропуском» для вхождения в памятники общерусского летописания.

Объяснения тому факту, что русское летописание почти полтора века молчало о явлении иконы на Тихвине, в науке пока не найдено. Существует версия так называемой реальной «биографии» иконы, возникшая из предположения Д. В. Айналова, описанная В. И. Антоновой [Антонова], поддержанная В. Н. Лазаревым [Лазарев], развитая А. Яаскинен [Jääskinen, р. 37–41], дополненная В. М. Кириллиным, признавшим вопрос открытым [Кириллин, 2007, с. 99–100]. Согласно этой концепции, в 1383 г. иконописцем Игнатием Греком был написан образ (или его список) Богоматери Одигитрии и преподнесен сыну Дмитрия Донского Юрию, будущему князю Звенигородскому. Может быть, этот прозаический сюжет не привлек внимания летописцев XV в., которые ставили чудеса от икон на службу политической борьбы великокняжеского дома, хотя Юрий Звенигородский был одной из пассионарных фигур своего бурного времени.

Легендарная «биография» Тихвинской иконы (чудесное явление, строительство храмов и т. д.) складывалась в конце XV в., о чем красноречиво свидетельствуют ранние редакции «Сказания о Тихвинской иконе».

Первый раз в истории русского летописания рассказ о явлении Тихвинской иконы появился в составе Воскресенской летописи, связанной с московской литературной традицией. В. М. Кириллиным высказано предположение о позднем (по сравнению с редакциями А и Б) появлении в летописи рассказа о явлении Тихвинской иконы, им установлены текстуальные совпадения летописной статьи с редакцией Б «Сказания о Тихвинской иконе» [Кириллин, 2007, с. 46–50]. Среди источников ВЛ сведений о Тихвинской иконе нет, и С. А. Левина пришла к выводу, что «источник Воскресенской летописи не может быть возведен ни к одному из предшествовавших ей летописных сводов» [Левина, 1957, с. 697]. Следовательно, можно предположить, что редактор ВЛ был автором летописного рассказа о явлении образа Богородицы на Тихвине. В. С. Иконников считал

редактором Воскресенской летописи митрополита Иоасафа [Иконников, с. 1187], С. А. Левина высказывала предположение, что составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских [Левина, 1955, с. 377]. Во всяком случае, именно летописец включил свою версию текста о Тихвинской Богоматери в систему хронологического повествования, обозначив редакторский замысел в заглавии. «Заголовок, — по словам П. А. Флоренского, — есть поистине ипостась самого произведения в адресованной читателю авторской интенции» [Флоренский, с. 287]. В названии летописного рассказа редактор оговаривает цель своего изложения: привести только начало уже известного «Сказания» (**В начале явлении...**). В основу сюжета он положил мотив путешествия образа, послуживший стержнем легендарной «биографии» Тихвинской иконы:

...явилася икона... въ области Великого Новагорода... того же никтоже вѣсть, откѹду явилася... и бысть... чюдеса многа, и тѹ поставиша церковь въ имя Рожества святыя Богородица;

...сошла невидимо да явилася на Кожелѣ, оттоле двадесять верстѹ на Кѹковѣ горѣ, и на томѣ мѣстѣ поставиша церковь во имя Покрова святыя Богородица;

оттолѣ явилася на Тихвинѣ, надѣ рѣкою, на горѣ икона образъ Пречистые на въздусѣ... и на томѣ мѣстѣ на горѣ заложиха церковь... въ имя честнаго Бѣя Успенна.

Последовательный ряд основанных на месте явления иконы церквей: Рождества — Покрова — Успения — как бы выписывает агиотопографию Богоматери, которая, согласно легенде, «рекла: “Сама хочу на Руси жити”». Освящение Богородичным образом Русской земли стало основополагающей семантикой «Сказания о Тихвинской иконе». Чудо — само явление иконы. Чудеса, творимые иконою, — топика сюжета: **Велиа чюдеса верою приходящим**. Травеложный элемент «роднит» Тихвинскую икону с иконой Римской, известной своими дальними странствованиями.

Заканчивается летописная статья ВЛ о Тихвинской иконе сообщением о семилетнем стоянии церкви (даты 1390 г. или 1395 г. не приводятся) и пожаре «от свечи», в результате которого сгорела церковь, а икону **обретоша неврежену и поставиша ину церковь**. Летописец путает факты: в редакции Б сообщается о двух пожарах, и дважды икону находили невредимой. В ВЛ оставлен один эпизод о пожаре, видимо втором (1395), когда икону **обретоша в пепелу** (а первый раз ее нашли в можжевельнике). Замысел летописца подчинен задаче историософского повествования: пополнить событийный ряд политической жизни Руси и рассмотреть историю человечества как «историю божественного попечительства над человеком» [Еремин, с. 70]. Сюжет о чудотворной иконе логично вписывался в структуру официального свода московского летописания.

Дословных совпадений летописной статьи с редакцией Б «Сказания» немного, поэтому целесообразно оценить летописный рассказ ВЛ как производный текст, несущий в себе память первоисточника. Составители ЛЛС, не обнаружив известия о Тихвинской иконе в НЛ, нашли его в ВЛ. Может быть, их спровоцировало на поиск информации о местнотимых святынях основание Тихвинского монастыря в 1560 г. по повелению Ивана IV. Событийный ряд ВЛ в статье за 1383 г. беднее, нежели в НЛ и ЛЛС.

Надо признать, что Воскресенская летопись изучена недостаточно полно, несмотря на значительные результаты исследований С. А. Левиной [Левина, 1989]. Рассказ о Тихвинской иконе содержат списки, представляющие вторую часть летописи — за 1354–1541 гг.: Парижский (РНБ, F.IV.678, вторая половина XVI в.), Синодальный (ГИМ, Синод. собр., № 144, вторая половина XVI в.), Уваровский (ГИМ, собр. Уварова, № 567, вторая половина XVI в.), Библиотечный II (РНБ, F.IV.585, середины — конца XVI в.) [Левина, 1984]. Датировка списков этой группы близка ко времени создания ЛЛС. Попытаюсь на основе текстологического анализа установить источник рассказа о Тихвинской иконе в ЛЛС. Безусловно, составитель не пользовался Парижским списком, положенным А. Ф. Бычковым в основу публикации Воскресенской летописи в ПСРЛ, а, вероятнее всего, держал перед собой текст, близкий к Библиотечному II и Карамзинскому спискам (последний является копией Библиотечного), на что указывает таблица приведенных ниже разночтений:

Летописный рассказ о явлении Тихвинской иконы в 1383 г.

ВЛ, Парижский список [ПСРЛ, т. 8, с. 48]	ВЛ, Библиотечный список II	ЛЛС [ЛЛС, кн. 10, с. 186–189]
В началѣ явленна иконы, образа Пречистые, иже естъ нынѣ на Тихвинѣ	В началѣ явленне иконы, образа Пречистые Богородицы, иже естъ нынѣ на Тихвинѣ	В начале образа явление Пречистыа Богородица еже на Тихвинѣ
явилася икона, образъ Пречистые Богородица Одигитрие	явилася икона Пречистые Богородица Одигитриа	явилася икона, образ Пречистыа Богородица Одигитрие
и высть отъ тоа иконы ... чюдеса многа	и выша от тоя ... иконы чюдеса многа	и выша от тоя иконы ... чюдеса многа
поставиша церковь во имя <u>Рождество</u> святыа Богородица	поставиша церковь во имя <u>Рождества</u> святыа Богородица	поставиша церковь во имя <u>Рождества</u> святыа Богородица

поставиша церковь по имя <u>Покровъ</u> святыя Богородица	поставиша церковь по имя <u>Покрова</u> святыя Богородица	поставиша церковь по имя <u>Покрова</u> святыя Богородица
сѣбрашася множество народа на великое <u>чюдо то</u>	сѣбрашася множество народа на великое <u>то</u> <u>чюдо</u>	сѣбрашася множество народа на великое <u>то</u> <u>чюдо</u>
и оттоле <u>начатъ</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородица</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящимъ	и оттоле <u>нача</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородицы</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящихъ	и оттоле <u>нача</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородицы</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящимъ
иконꙋ обретоша невреженꙋ	иконꙋ обретоша невреженꙋ	иконꙋ обрѣтоша невреженꙋ <u>въ пепелꙋ</u>

Как видим, сопоставление текстов ВЛ и ЛЛС выявило ряд вариантовных чтений. В первую очередь обращает на себя внимание одна деталь в заглавии: придаточное предложение в ВЛ «иже есть ныне на Тихвине» согласовано с существительным мужского рода «образ», наречие «ныне» здесь по смыслу вполне оправданно (образ, икона находится и ныне на Тихвине). В заглавии ЛЛС определение «еже на Тихвине» отнесено к слову среднего рода «явление», и наречие времени действия («ныне») уже не уместно. Следовательно, перед нами не механическое копирование текста составителем ЛЛС, а сознательная редакторская обработка текста источника. В последнем примере чтение ЛЛС более полно: указано, что икону нашли невредимую «в пепелу». Эту деталь передает редакция Б «Сказания о Тихвинской иконе»: «А чудотворную икону обрѣтоша в пепелу благодатию Божию цѣлу» [Кириллин, 2007, с. 243]. Связь текста ЛЛС с одним из списков ВЛ, например группы Библиотечного списка, прослеживается на ряде чтений, которые по своему характеру отличаются от Парижского списка грамматическими формами: «бысть — быша», «начать быти — нача быти» (словесные конструкции Библиотечного списка и ЛЛС известны по редакции Б «Сказания»); согласованием приложений: «церковь во имя Покровъ — церковь во имя Покрова» (в редакции Б «поставиша церковь Покровъ»), «церковь во имя Рождество — церковь во имя Рождества» (в редакции Б «поставиша церковь Рождество»).

Совмещение образа Богоматери Тихвинской с Римской (Лиддской) иконой, произошедшее в «Повести на сретение чудотворного образа Богородицы Владимирской», — начало нового этапа легендарной биографии иконы Одигитрии Тихвинской. Сведение о Тихвинской иконе во фрагменте «О всенародном благонадежном молении пред образом Богоматери»:

...сама икона изыде из Римския церкви на море и прииде въ Царствующий градъ при благочестивомъ цари Муханле и матери его Феодоре въ лета русскаго великаго князя Рюрика, потом же въ нашей Руской земли на реце на Тихвинѣ, на воздуче явися, святыми ангелы невидимыми носима, идеже и ныне пребывая, бесчислена чюдеса содевая и исцеление подавая неоскудно всемъ съ верою приходящимъ [ЛЛС, т. 10, с. 278] —

составная часть политического мифа эпохи Ивана Грозного. Текстуальных связей этого отрывка с летописным рассказом 1383 г. не установлено. Поздние редакции «Сказания о Тихвинской иконе» (В, Г, Д) сохраняют неведение о происхождении Тихвинской святыни: **Бог весть, отколе прииде**, но в заключительной части приводят «свидетельства неких новгородских гостей о предыстории Тихвинской святыни, о ее связи с иконой Одигитрии, исчезнувшей из Константинополя» [Кириллин, 2007, с. 147]. Идею тождества Тихвинской и Римской икон Р. Фрётшнер приписывает митрополиту Макарию и датирует ее серединой XVI в. [Frötschner, S. 213].

Таким образом, анализ летописной истории «Сказания о Тихвинской иконе» указывает на возвышение святыни, на укрепление ее политического культа на протяжении XVI в., и роль ЛЛС в этом процессе стала решающей.

Иная судьба у «Сказания о Колочской иконе». Богатая летописная история этого сюжета охватывает период с XV по XVII в. [Журова, 2000, с. 89–138], и XVI в. — принципиально важный этап бытования сюжета в составе крупных проектов русской книжности времени становления московского самодержавия: Никоновской летописи, Лицевого летописного свода и Степенной книги. Икона была обретаема **неким человеком именем Лука, простых люден... на некоем древе в некоем месте**. Д. С. Лихачев писал, что в XVI в. «сама официальная литература, становившаяся все более сухой, нуждалась в оживлении, и это оживление приходило от быта, от “низких” тем, от бытовой речи» [Лихачев, с. 137].

Почти все общерусские летописные своды XV в. содержат погодные записи или краткие рассказы о явлении иконы Богородицы в 1413 г. в 15 верстах от Можайска на реке Колоча, в отчине князя Андрея Дмитриевича. Это было первое явление чудотворной иконы в непосредственной близости от Москвы. Самое раннее письменное сведение об этом событии сохранилось на доске переплета пергаменной рукописи XIII в., Паремийника, вкладная запись в Софию Новгородскую гласит:

повелением владыки Ивана, а изисканием Матфея Кускова, а писал Василии дьяк св. Дмитрия в лето 6921,

затем продолжение:

А сего лета от Можанска града за 10 верст в селе Андрея князя Дмитриевича от иконы Пресвятыя Владычица нашея Богородица явилоса жалованья и прощения людем много, слепым, хромым, разслабленным, глухим и иным, нъ несть мощно сказати или исчести их, ум человекъ не может изрещи, колико человеколювие Божие и какова милость на людех [Абрамович, с. 93].

Этот топос с небольшими вариациями присутствует во всех летописных известиях и вошел в композицию летописного «Сказания о Колочской иконе». Рассказ о явлении иконы в Можайских пределах получил очень большое распространение в русской летописной традиции. В советской науке его чаще всего обозначали как «Повесть о Луке Колочском». Но в книжной традиции события 1413 г. переданы в форме повествований о явлении чудотворного образа, о чем свидетельствуют заголовки текстов:

О иконе Пречистыя Богородицы, иже от Можанску на Колоче (редакция Летописная-1, по Архивскому летописцу),

О явлении Пречистыя Богородицы, иже на Колотче (редакция Летописная-2),

О явлении чудотворного образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря Свя Колоческаго (редакция Степенной книги),

Сказание о явлении чудотворного образа Пресвятыя Богородицы, иже на Колоче (Краткая редакция),

Сказание о явлении иконы Пресвятыя Богородицы Колочския (Синодальная редакция),

Явление иконы Пречистыя Богородицы и Приснодевы Марии, нарицаемая Смоленския, иже на Колоче реке во области Можайска града (Проложная редакция) [Журова, 2000, с. 225, 230, 239, 247, 250, 255].

Икона явилась простому поселянину Луке, эта демократическая нота отозвалась с разной степенью звучания практически во всех летописных сводах XV–XVII вв. Варианты названий в истории текста указывают на особенности его рецепции, они в первую очередь отражают восприятие сочинения читателями и его функционирование в историческом времени.

Форма и содержание летописных статей о Колочской иконе разнообразны, что обусловлено целью и направленностью, в том числе политической, идеологической, того или иного свода. Приведенная ниже таблица представляет широкую картину распространенности сюжета о явлении Колочской иконе, в отличие от рассказа о Тихвинской Одигитрии.

**Сюжет о явлении Колочской иконы в памятниках
русского летописания XV–XVII вв.**

Погодная запись	Летописное известие	Летописный рассказ	Летописная повесть 1	Летописная повесть 2	Редакция Степенной книги	Летописная повесть 3
Софийская I	Софийская II	Московский свод 1479 г.	Никоновская летопись	Русский Временник (свод 1533 г.)	Степенная книга	Свод 1592 г.
Новгородская IV	Львовская	Воскресенская	ЛЛС		Сборники XVI–XVII вв.	Свод 1652 г.
Никаноровская	Ермолинская	Типографская	Свод 1560 г.			Мазуринский летописец
Вологодско-Пермская	Сокращенные своды 1493 и 1495 гг.	Симеоновская				
Летопись Авраамки. Новгородская V летопись	Устюжский летописец	Хронограф 1512 г. (особая редакция рассказа)				
Памятники раннего общерусского летописания XV в.	Памятники независимого летописания XV в.	Памятники официального московского летописания				

Краткие известия (в виде погодной записи) о явлении иконы на Колоче содержат памятники раннего общерусского летописания XV в.: Софийская I, Новгородская IV, Летопись Авраамки, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. Упоминания об убогом ратае Луке, обретшем икону, о хождении с ней по городам и селам и встрече святыни Можайским князем здесь нет. Независимое летописание XV в. (Софийская II, Львовская, Ермолинский летописец, Сокращенные своды 1493 и 1495 гг.) уже содержит рассказ о сретении иконы князем Андреем Дмитриевичем. Поселянин Лука как главный герой повествования впервые появится только в Устюжском летописце. Официальное московское летописание (МС 1479 г.) сокращает рассказ о сретении, убирает имя князя, лишая тем самым повествование каких-либо политических (удельных) тенденций (Иван Можайский бежит в Литву; Можайск в 1454 г. присоединяют к Москве). В таком варианте сюжет вошел в летописи XVI в.: Типографскую, Симеоновскую и Воскресенскую. О сложности летописной истории сюжета о

явлении Колочской иконы свидетельствует также история текста в Хронографе 1512 г. [Журова, 1985, с. 24].

Развернутое повествование о явлении иконы «человеку просту» Луке, которого стали чтить, «яко пророка или яко апостола», появилось в НЛ; затем оно было использовано составителями Румянцевской летописи и Архивского летописца, представляющими свод 1560 г. Так складывалась редакция Летописная-1. В Русском временнике, или своде 1533 г., отразился уже следующий этап летописной истории «Сказания о Колочской иконе» — редакция Летописная-2. Клосс считает, что «летописный свод 1560 г. составлен в середине 60-х гг. XVI в.; в Русском временнике использован тот же свод 1560 г., но только в части до 1533 г.» [Клосс, 1980, с. 203]. Две летописные редакции «Сказания о Колочской иконе» указывают на самостоятельное существование свода 1533 г., что укладывается в концепцию А. Н. Насонова [Насонов, с. 418–477]. Последним звеном летописной истории памятника стали своды 1592 и 1652 гг.

В ЛЛС «Сказание о Колочской иконе» передано в редакции Летописная-1, и, как показал текстологический анализ, установлено словное совпадение текста ЛСС с НЛ:

Никоновская летопись, Лицевой летописный свод	Русский временник	Степенная книга. Степень XIII. Глава 27
<p>Того же лета</p> <p>от Можанска за 15 верстѣ в отчинѣ князя Андрѣя Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Данила Московскаго, явися знамение въ Колочи.</p> <p>Нѣкии человекѣкъ именем Лука, простыхъ люди, ратоевъ ѹбогихъ, послѣднен въ нищетѣ сыи, на нѣкоемъ древѣ въ нѣкоемъ мѣстѣ наиде икону Пречистыа Богородици [ПСРЛ, т. 11, с. 221]</p>	<p>В лето 6921</p> <p>бысть во области князя Андрѣя Дмитриевича, брата великаго князя Василия, во предѣлахъ града Можанска, от града яко 15 верстѣ, есть место зовомое Колоча, идѣже живын нѣкто человекѣкъ простѣ, поселянинѣ, земледѣлецъ именем Лука. И тон нѣкогда хожаше в лѣсе близъ жилища своего и видѣ на нѣкоемъ древе икону стоящу со двема затворцы⁶</p>	<p>В лето 6921. Правящу тогда скипетро царствиа Русьскаго благочестиа держателю, христолюбивому великому князю Василию Дмитриевичю, бысть во области брата его князя Андрѣя Дмитриевича, въ предѣлахъ града Можанска, яко 15 верстѣ, есть место, Колоча зовомо, идеже жилище имьи некии человек простѣ поселянинѣ, земледелецъ ѹбогъ именемъ Лука. И тон нѣкогда хожаше в лѣсе близъ жилища своего и видѣ на нѣкоемъ древѣ икону со двема затворцы стоящу [Степенная книга, с. 115]</p>

⁶ ГИМ, собр. Черткова, № 115 б, л. 80.

Для Летописной-1 редакции характерна родословная формула удельного князя, в вотчине которого было знамение. Единичные разночтения НЛ и ЛЛС, скорее всего представляют собой писцовые ошибки:

Никоновская летопись	Лицевой летописный свод
и взем ю, цѣлова съ вѣрою многою	и взем ю, съ вѣрою цѣлова
и снѣ слышано высть от всѣхъ	и снѣ слышав от всѣхъ

Списки свода 1560 г. (Архивский летописец) имеют чуть больше разночтений с текстом ЛЛС (например, в них читается «обрете икону» вместо «наиде икону»), что еще раз указывает на близость лицевой рукописи к Никоновскому своду.

В науке поставлен вопрос о зависимости ЛЛС и Степенной книги (Ст), и одно из признанных решений таково: текст ЛЛС вторичен по отношению к Ст. Результаты анализа сюжета о явлении Колочской иконы не вписываются в сложившуюся концепцию.

В Ст текст «Сказания о Колочской иконе» основан на варианте Русского временника. Он отличается от повествования НЛ и ЛЛС рядом существенных деталей. Например, одной из показательных его черт следует признать элиминирование личности удельного князя Андрея Можайского и возвышение роли великого князя Московского Василия Дмитриевича, хотя последний не был даже участником сретения иконы в Москве. Сюжет о явлении чудотворной святыни стал привязываться к имени Василия Дмитриевича, занявшего 13-ю степень «Книги царского родословия». Концентрация материалов вокруг великого князя объясняется политикой укрепления самодержавной власти. Совершенно очевидно, что составители Ст и ЛЛС использовали разные источники, передавая рассказ о явлении образа Богородицы на Колоче. Преувеличение значимости московского князя в можайских событиях продолжится в книжной традиции: в редакциях конца XVI–XVII вв. Василий Дмитриевич появится в сцене сретения Колочской иконы:

Никоновская летопись, Лицевой летописный свод	Русский временник	Степенная книга	Свод 1592 г., Свод 1652 г.
Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣтоша ея со кресты митрополит со епископы	Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣте ея сам пресвященный Фотѣн, митрополит всея Русси, со епископы	Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣтоша ея сам пресвященный митрополитъ Фотии всеа Русии и со епископы	Оттолѣ иде Лука к Москвѣ. И срѣте чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Фотии митрополит со крѣсты и великии князь Васнани Димитриевич со князи и боляры и со множеством народа

В книжной традиции XVII в. занимательный рассказ о несправедливой жизни Луки будет сокращаться, а повествование о явлении Кололочской иконы приобретет архитрадиционную форму.

Таким образом, звучание «Сказания о Кололочской иконе» в политическом мифе эпохи Ивана Грозного было заметно приглушено, видимо, из-за того, что текст запечатлел семантическую память о борьбе XV в. можайских удельных княжат с великокняжеским домом.

Популярность Тихвинской и Владимирской иконам обеспечили легендарные биографии, связавшие их с византийскими святынями. Скромное место в иконологии Кололочской иконы оправдано евангельской притчей: «много званых, а мало избранных» (Мф 20:16).

Список литературы

- Абрамович Д. И.* Описание рукописей С-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1. 585 с.
- Аверинцев С. С.* Крещение Руси // Русская духовная культура. Тренто, 1992. С. 15–21.
- Андреев Н. Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века // *Seminarium Kondakovianum*. 1938. Т. 10.
- Антонова В. И.* Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 569–572.
- Баччи М.* Чудотворный образ: категория историографии? // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 416–438.
- Гребенюк В. П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338–363.
- Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. 287 с.

- Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. ; Л., 1966. С. 42–97.
- Журова Л. И. К вопросу об источниках Хронографа ред. 1512 г. // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 24–31.
- Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе. Новосибирск, 2000. 260 с.
- Иванова И. А. Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 242–244.
- Иконников В. С. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1057–1956.
- Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси. Сергиев Посад, 2012. С. 207–214.
- Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. 312 с.
- Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. 488 с.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
- Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983. 152 с.
- Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М. ; Л., 1957. Т. 13. С. 689–705.
- Левина С. А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 : Вторая половина XV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 39–42.
- Левина С. А. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1955. Т. 11. С. 375–379.
- Левина С. А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники : Сборник статей. М., 1984. С. 38–58.
- Лепяхин В. В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. 275 с.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. 254 с.
- ЛЛС — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2010. Кн. 10. 500 с.; Кн. 11. 538 с.; Кн. 12. 478 с.
- Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. 285 с.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII вв. М., 1969. 556 с.
- Плюханова М. Б. Проповедь на Торжество православия и сочинение «Об обидах Церкви»: к вопросу об экклезиологических основах учения о третьем Риме // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 549–564.
- Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. 208 с.
- Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904. 551 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Воскресенская летопись. Т. 8. СПб., 1859. 302 с.; Т. 11. М., 1965. 262 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. 559 с.
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 346 с.
- Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / под ред. А. М. Лидова. М., 1996. 559 с.
- Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 252–302.
- Frötschner R. Heilige Rus' — Neues Israel — Drittes Rom. Die Verehrung der Gottesmutterikone von Tichvin als Element der politischen Mythologie des Moskauer Reiches unter Großfürst Vasilij III. und Zar Ivan IV // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 2004. 52/2. S. 188–237.
- Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976. 286 p.

References

- Abramovich, D. I. (1905). *Opisanie rukopisej S-Peterburgskoj duhovnoj akademii. Sofijskaya biblioteka* [A Description of Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. The Sophia Library]. (Vol. 1). 585 p. Saint Petersburg.
- Andreev, N. E. (1938). Ioann Grozny'j i ikonopis' XVI veka [Ivan the Terrible and Icon Painting of the 16th Century]. In *Seminarium Kondakovianum*. (Vol. 10).
- Antonova, V. I. (1958). Neizvestny'j hudozhnik Moskovskoj Rusi Ignatij Grek po pis'menny'm istochnikam [The Unknown Painter of Muscovy Ignatius the Greek According to Written Sources]. In *TODRL* (Vol. 14, pp. 569–572). Leningrad.
- Averincev, S. S. (1992). Kreshhenie Rusi [The Christianization of Russia]. In *Russkaya duhovnaya kul'tura* (pp. 15–21). Trento.
- Bachchi, M. (2011). Chudotvornyj obraz: kategoriya istoriografii? [The Wonderworking Icon: A Category of Historiography?]. In *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikacii*. (Vol. 2, pp. 416–438). Saint Petersburg.
- Eremin, I. P. (1966). «Povest' vremenny'h let» kak pamyatnik literatury' [The Primary Chronicle as a Work of Literature]. In Eremin, I. P. *Literatura Drevnej Rusi (e'tyudy' i harakteristiki)* (pp. 42–97). Moscow, Leningrad.
- Florenskij, P. A. (1990). *U vodorazdelov my'sli* [At the Watersheds of Thought]. 346 p. Moscow.
- Frötschner, R. (2004). Heilige Rus' — Neues Israel — Drittes Rom. Die Verehrung der Gottesmutterikone von Tichvin als Element der politischen Mythologie des Moskauer Reiches unter Großfürst Vasilij III. und Zar Ivan IV. In *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, 52/2, pp. 188–237.
- Grebennyuk, V. P. (1997). *Ikona Vladimirskoj Bogomateri i duhovnoe nasledie Moskvy'* [The Theotokos of Vladimir and the Spiritual Legacy of Moscow]. 287 p. Moscow.
- Grebennyuk, V. P. (1972). Licevoe «Skazanie ob ikone Vladimirskoj Bogomateri» [The Illustrated Chronicle's Legend of the Theotokos of Vladimir]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga* (Iss. 1, pp. 338–363). Moscow.
- Ivanova, I. A. (1969). Letopisny'e svedeniya ob ikone «Bogomater' Tihvinskaya» [Manuscript Data on the Theotokos of Tikhvin]. In *TODRL* (Vol. 24, pp. 242–244). Leningrad.
- Ikonnikov, V. S. (1908). *Opyt po istoriografii* [An Essay on Historiography] (Vol. 2, book 2, pp. 1057–1956). Kiev.
- Jääskinen, A. (1976). *The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition*. 286 p. Helsinki.
- Kirillin, V. M. (2012). Zhanrovo-tematicheskie osobennosti drevnerusskikh skazanii ob ikonah [Genre and Thematic Peculiarities of Old Russian Legends of Icons]. In Kirillin, V. M. *Očerki o literature Drevnej Rusi* (pp. 207–214). Sergiev Posad.
- Kirillin, V. M. (2007). *Skazanie o Tihvinskoj ikone Bogomateri «Odigitriya»* [The Legend of the Theotokos of Tikhvin of the Hodegetria Type]. 312 p. Moscow.
- Kloss, B. M. (2001). *Izbranny'e trudy'*. T. 2. Očerki po istorii russkoj agiografii XIV–XVI vekov [Selected Works. Vol. 2. Essays on the Russian Historiography of the 14th – 16th Centuries]. 488 p. Moscow.
- Kloss, B. M. (1980). *Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon Chronicle and Russian Manuscripts of the 16th – 17th Centuries]. 312 p. Moscow.
- Lazarev, V. N. (1983). *Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka* [Russian Icon Painting from the Start until the Early 16th Century]. 152 p. Moscow.
- Lepahin, V. V. (2005). *Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrancev* [Icons and Worship Thereof in the Eyes of Russians and Foreigners]. 275 p. Moscow.
- Levina, S. A. (1957). K izucheniyu Voskresenskoj letopisi [On the Study of the Voskresensk Chronicle]. In *TODRL* (Vol. 13, pp. 689–705). Moscow, Leningrad.
- Levina, S. A. (1989). Letopis' Voskresenskaya [Voskresensk Chronicle]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* (Vol. 2, pt. 2, pp. 39–42). Leningrad.
- Levina, S. A. (1955). O vremeni sostavleniya i sostavitele Voskresenskoj letopisi XVI v. [On the Time of Creation and Compiler of the Voskresensk Chronicle of the 16th Century]. In *TODRL* (Vol. 11, pp. 375–379). Moscow, Leningrad.
- Levina, S. A. (1984). Spiski Voskresenskoj letopisi [Copies of the Voskresensk Chronicle]. In *Letopisi i hroniki. Sbornik statej* (pp. 38–58). Moscow.
- Lidova, A. M. (Ed.). (1996). *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi* [The Wonderworking Icon in Byzantium and Old Rus']. 559 p. Moscow.

Lihachev, D. S. (1973). *Razvitie russkoj literatury' X–XVII vekov* [The Development of Russian Literature of the 10th – 17th Centuries]. 254 p. Leningrad.

Licevoj letopisny'j svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya [The Illustrated Chronicle of the 16th Century. Russian Manuscript History]. (2010). Bk. 10, 500 p.; Bk. 11, 538 p.; Bk. 12, 478 p. Moscow.

Morozov, V. V. (2005). *Licevoj svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka* [The Illustrated Chronicle in the Context of National Chronicling of the 16th Century]. 285 p. Moscow.

Nasonov, A. N. (1969). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XVIII vv.* [The History of Russian Chronicling of the 11th – 18th Centuries]. 556 p. Moscow.

Plyuhanova, M. B. (2011). Propoved' na Torzhestvo pravoslaviya i sochinenie «Ob obidakh Cerkvi»: k voprosu ob e'kkleziologicheskikh osnovah ucheniya o tret'em Rime [A Sermon for the Feast of Orthodoxy and the Work *On the Grievances of the Church: On the Ecclesiological Grounds of the Doctrine of the Third Rome*]. In *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy'. Publikacii* (Vol. 2, pp. 549–564). Saint Petersburg.

Podobedova, O. I. (1972). *Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV* [The Moscow School of Painting under Ivan IV]. 208 p. Moscow.

Prosvetitel', ili oblichenie eresi zhidovstvuyushhih. Tvorenie prepodobnogo otca nashego Iosifa, igumena Volockogo [The Enlightener or the Denunciation of Judaists: The Works of Reverend Joseph, Father Superior of Volotsk]. (1904). 551 p. Kazan.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Voskresenskaya letopis' [The Complete Collection of Russian Chronicles. The Voskresensk Chronicle]. (1859, 1965). Vol. 8, 302 p.; Vol. 11, 262 p. Saint Petersburg, Moscow.

Shhennikova, L. A. (1996). Chudotvornaya ikona «Bogomater' Vladimirskaia» kak «Odigitriya evangelista Luki» [The Wonderworking Icon of the Theotokos of Vladimir as *The Hodegetria of Luke the Evangelist*]. In *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi* (pp. 252–302). Moscow.

Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam [The Book of Degrees of the Royal Genealogy according to the Oldest Copies]. (2008). (Vol. 2). 559 p. Moscow.

Zhurova, L. I. (1985). K voprosu ob istochnikah Hronografa red. 1512 g. [On the Issue of the Origins of the Chronograph of 1512]. In *Pamyatniki literatury' i obshchestvennoj my'sli e'pohi feodalizma* (pp. 24–31). Novosibirsk.

Zhurova, L. I. (2000). *Skazanie o Kolochskoj ikone* [The Legend of the Icon of Koloch']. 260 p. Novosibirsk.

The article was submitted on 03.07.2015

Людмила Ивановна Журова,
доктор филологических наук,
доцент,
Институт истории СО РАН,
Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
zhurova@ngs.ru

Liudmila Zhurova, Dr.,
Associate Professor,
Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
zhurova@ngs.ru

DOI 10.15826/qr.2015.3.119
УДК 94(470)"16/18"+316.462

Игорь Курукин

**ПЛАТОН ЗУБОВ – «МИНИСТР ВСЕХ ЧАСТЕЙ
ПРАВЛЕНИЯ»: ФАВОРИТИЗМ НА ИСХОДЕ
XVIII СТОЛЕТИЯ**

Igor Kurukin

**PLATON ZUBOV – *THE MINISTER OF ALL MINISTRIES:*
FAVORITISM IN THE LATE 18th CENTURY**

The author studies the role and activities of Platon Zubov, the last favourite of Catherine II, drawing upon documents in the files of the Russian State Archive of Ancient Documents. In 1789 the guard captain became one of the empress's closest confidants. The long title of the last favourite of Catherine, the Great Platon Zubov demonstrates his multiple duties: 'His Serene Highness, General Feldzeugmeister, General Director of Fortifications, Captain-General of the Black Sea and Azov Sea Fleet, Black Sea Cossack Corps, Yekaterinoslav, Voznesensk, and Taurida Governor-General, Member of the Military Division, Honorable Benefactor of the Imperial Foundling Hospital and Honorable Amateur of the Academy of Fine Arts.' The tasks Zubov performed by special warrant of the empress and his correspondence with the officials were well in compliance with the work of the office of secretaries-of-state of the empress. His office's documents, established in 1792, are similar to those compiled by other secretaries-of-state of the time: A. A. Bezborodko, G. R. Derzhavin, D. P. Troshchinsky, and A. M. Gribovsky. More frequently than not, the work of a favourite consisted in providing contact between the empress and her commanders and diplomats. This he could do, according to A.A. Prozorovsky, because of his 'closeness to the highest throne.' Applying to the favourite helped to solve both major and minor issues that needed to be addressed promptly. Communication with the favourite made it possible to determine the empress's reaction to issues which could not be discussed with her personally. Many other noblemen (e. g., N. V. Repnin, A. H. Samoylov, I. S. Baryatinsky) hoped to improve their poor finances with the help of Zubov and receive some material aid from the empress or to be otherwise permitted to remit their debts later.

The favourite's main task, similar to that of other secretaries-of-state, was the reception of petitions of all the subjects of state. He received hundreds of petitions for awards, pardons, titles, leaves of absence, vacancies, payments, pensions and enrollment of children in schools. P. A. Zubov's Registers of Civil Letters contain

dozens of his letters where he asks for patronage for certain people or gives orders soliciting 'to provide villages', or a vacancy, or to aid the applicant.

His powers should not otherwise be overestimated. The decentralization of the administrative system after the 1775 reform, and the increased role of the General Procurator and the emergence of the institution of secretaries-of-state as a means of communication between the monarch and the authorities and petitioners diminished the importance of the favourite as a ruling position. This may be considered a general European tendency, as in the 18th century the first ministers came to the foreground while favourites (both men and women) made part of the court (though the latter and the former are quite often interconnected) and their status in the new system was different as compared to the favourites or ministers of the 17th century.

The case of G. A. Potemkin is an exception rather than a rule, which was due to the personality and unparalleled trust granted to him by Catherine the Great. The empress meant for the new favourite to become a new Potemkin. However, Zubov failed to reach his status. He did not have the talent nor was he able to get the necessary experience because of his inability to leave the court. Obviously, he was not the person to instigate and implement serious actions. That is why Catherine the Great's legal initiatives (Charter for the State Peasants, Instructions for the Proper Treatment of Affairs, Nakaz to the Senate) failed as they never became more than drafts, to say nothing of the abdication in favour of her grandson Alexander even if this plan existed at all. Thus we see the decline of favouritism as an informal mechanism of superior rule.

Keywords: Platon Zubov; favoritism; Catherine the Great; Russian 18th century history; institution of power; mechanisms of rule.

Рассматривается роль при дворе и деятельность последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова на основании его бумаг, отложившихся в фондах Российского государственного архива древних актов. В 1789 г. гвардейский ротмистр, заняв уже ставшую к тому времени обычной придворную «должность», скоро стал одним из наиболее близких к императрице лиц. Пространный титул последнего фаворита Екатерины П. А. Зубова свидетельствует о его широких обязанностях: «Светлейший князь, генерал-фельдцейхмейстер, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, шеф кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Военной коллегии, почетный благодетель императорского воспитательного дома и почетный любитель Академии художеств».

Исполняемые Зубовым «дела по особой доверенности от императрицы» и переписка с должностными лицами вполне соответствовали такой же работе канцелярий статс-секретарей императрицы. Документы созданной в январе 1792 г. его канцелярии аналогичны сводкам, составленным «по части» других статс-секретарей этого времени: А. А. Безбородко, Г. Р. Державина, Д. П. Трощинского, А. М. Грибовского.

Роль фаворита заключалась в посреднической, если не сказать секретарской работе по обеспечению контактов императрицы с ее полководцами и дипломатами, обусловленной, по формулировке фельдмаршала А. А. Прозоровского, «доступом вашим к высочайшему престолу». Выход на фаворита позволял решать не только принципиальные, но и частные вопросы, требовавшие быстрого исполнения или способные «зависнуть» при переписке и согласованиях. Отношения с фаворитом позволяли узнавать о реакции государыни на вопросы, с которыми к ней лично обращаться было неловко. Через Зубова другие вельможи (например, Н. В. Репнин, А. Н. Самойлов, И. С. Барятинский) надеялись поправить свои «расстроженные обстоятельства» и получить материальную помощь от императрицы или хотя бы отсрочку в уплате долгов.

Основным же занятием фаворита, как и других статс-секретарей, стало получение «всеподданнейших прошений». К нему поступали сотни челобитных о награждении, прощении, чинах, отпуске, «месте», жалованье, пенсии, определении детей в учебные заведения. «Журналы партикулярным письмам» П. А. Зубова излагают десятки его посланий с просьбами о протекции тому или иному лицу или конкретными указаниями «отвести деревни», предоставить «место», содействовать «в настоящем его искании».

В других же сферах его возможности не стоит преувеличивать. Децентрализация системы управления по реформе 1775 г., возросшая роль генерал-прокурора и появление института статс-секретарей как аппарата коммуникации монарха с правительственными «местами» и просителями, скорее, ослабляли значение фаворита как управленческой должности. Это можно считать общеевропейской тенденцией: в XVIII в. в европейских державах на первый план выдвигаются «первые министры», а собственно фавориты или фаворитки остаются в придворном кругу (хотя нередко первые и вторые связаны друг с другом) и их статус в новой системе уже иной по сравнению с «министрами-фаворитами» XVII столетия.

«Случай» Г. А. Потемкина представляется скорее не правилом, а исключением, обусловленным масштабом личности и абсолютным доверием Екатерины. Императрица стремилась «сделать» из последнего фаворита нового Потемкина. Однако до этого уровня Зубов не поднялся. Он не обладал теми же дарованиями, а нужного опыта приобрести не смог из-за невозможности отлучиться от двора. Очевидно, он не являлся фигурой, способной предложить или провести в жизнь ответственные решения, вследствие чего последние законодательные инициативы Екатерины («Жалованная грамота» государственным крестьянам, «Образ порядочного правления дел», «Наказ Сенату») остались на бумаге, не говоря уже о передаче престола внуку Александру, если даже подобный план и имел место. Перед нами не расцвет, а, скорее, закат фаворитизма как особого неформального механизма высшего управления.

Ключевые слова: Платон Зубов, фаворитизм, Екатерина II, русская история XVIII в., институт власти, механизмы управления.

Научные труды, затрагивавшие механизм верховного управления в послепетровской России, оценивают фаворитизм как «спутник абсолютной монархии», но рассматривают его с точки зрения качеств соответствующих персон [История СССР, с. 265, 492–493] или не рассматривают вообще [Очерки русской культуры; История Европы]. Однако тема представляет академический интерес в рамках «политической антропологии», изучающей политическую историю с точки зрения «культурных механизмов» и неформальных институтов функционирования власти. Уже появились работы о развитии императорского двора [Писаренко; Агеева], историко-биографические сочинения о В. В. Голицыне [Манько], А. Д. Меншикове [Шенкман; Павленко; Беспярых; Агранцев; Калязина], И. И. Шувалове [Сахаров; Философский век], братьях Орловых [Кабанов; Полушкин], Г. А. Потемкине [Болотина, 2006а; Димов; Елисеева, 1997; Елисеева, 2000; Елисеева, 2005; Лопатин, 1992; Лопатин, 1997; Лопатин, 2004; Себаг-Монтефиоре; Сизенко; Шляпникова; Јепа] и других «случайных людей» [Андриайнен; Рогожин; Сивенцева; Хотеевков]. Появились и попытки объяснить расцвет в XVIII в. института фаворитизма в России через призму его функций [Болотина, 2006б; Болотина, 2007; Володьков; Красильщик; Пархоменко; Политическая история, с. 123, 133–137; Энциклопедия российской монархии].

Автор этих строк уже писал о становлении российского фаворитизма как важного элемента системы управления [Курукин, 2006; Курукин, 2014]. В данной же статье речь пойдет о деятельности последнего фаворита Екатерины II Платона Александровича Зубова. Современные работы о нем немногочисленны [Исмагулова; Сафонов, 1997; Шунин, 2004], и оценки этой фигуры базируются на сочинениях начала XX в., преимущественно «разоблачительного» характера [Департамент фаворитов; Кудряшов; Савин], и нелестных оценках современников. Однако архивные бумаги Зубова в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) почти не привлекали внимания исследователей, за исключением занимавшихся историей развития Северного Причерноморья в конце XVIII в. [Дружинина; Загоровский].

«Восхождение» незнатного гвардейца началось в июне 1789 г., после того как императрица рассталась с графом А. М. Дмитриевым-Мамоновым. Статс-секретарь А. В. Храповицкий записал в дневнике, что с 22 июня Зубов «начал по вечерам ход[ить] через верх» [Ека-

Платон Александрович Зубов.
Портрет работы И. Е. Эггинка
(1787–1867)

терина II, с. 162–163, 164–165], что на языке того времени означало вступление в «должность» императорского любимца. Указ от 4 июля 1789 г. объявлял о пожаловании 22-летнего «гвардии Конного полка секунд-ротмистра Платона Зубова армии в полковники и в флигель-адъютанты» [История государевой свиты, с. 163]. 3 октября 1789 г. Зубов с согласия Потемкина – шефа Кавалергардского корпуса – был произведен в кавалергардские корнеты с чином генерал-майора, то есть в отсутствие командира-поручика (тот находился на театре боевых действий) стал фактическим начальником личной охраны императрицы [Камер-фурьерский... журнал 1789, с. 443].

В марте 1792 г. новый избранник Екатерины был пожалован в генерал-адъютанты с чином генерал-лейтенанта и стал наряду с другими генерал-адъютантами состоять на недельных дежурствах во дворце. В 1793 г. фаворит вместе с отцом и братьями получил титул графа Священной Римской империи. 23 июля он был награжден высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного, а через два дня стал вместо Потемкина екатеринославским и таврическим генерал-губернатором [Письма графа П. В. Завадовского, с. 91; Екатерина II, с. 242]. В октябре того же года Платон Александрович сменил Потемкина в должности шефа Кавалергардского корпуса; затем последовал указ о его назначении генерал-фельдцейхмейстером [РГАДА, ф. 20, оп. 1, № 330, л. 42; Сборник биографий, с. 172] – начальником артиллерии и инженерного корпуса.

1 января 1795 г. Зубов получил орден Святого Владимира 1-й степени, в том же году он возглавил Кадетский корпус. 7 января последовал именной указ Сенату о создании под его управлением новой Вознесенской губернии (об «открытии» губернии Сенат сообщил 13 июня 1795 г.) [ПСЗРИ-1, № 17300, 17343]. Разделы Польши сопровождались пожалованием владений на новоприсоединенных территориях; из 109 670 розданных крестьянских душ Зубов получил больше всех – в августе 1795 г. ему была дарована «Шавельская экономия» в Литве с 13 669 душами (для сравнения: П. А. Румянцев получил 5700, А. В. Суворов – 6922, Н. И. Салтыков – 4701, Н. И. Репнин – 4385 душ) [РГАДА, ф. 16, оп. 1, № 244, л. 301].

25 марта 1796 г. Екатерина повелела фавориту принять «данное вам княжеское Римской империи достоинство» – так завершилась тянувшаяся с 1792 г. процедура получения этого титула [Бумаги императрицы, т. 42, с. 263]. 20 апреля императрица приказала выдать генерал-фельдцейхмейстеру «во уважение отличных трудов его на пользу службы» 100 тысяч рублей [Приложение, с. 34]. Летом того же года светлейший князь стал главноначальствующим над Черноморским флотом (с правом производства в чины до капитан-лейтенанта включительно), Вознесенской легкой конницей и Черноморским казачьим войском [ПСЗРИ-1, № 17468, 17490].

В это время он уже перестал быть скромным и предупредительным, каким был в начале своего «случая». Современники отмеча-

ли вошедшие в обычай визиты столичного общества к фавориту. В 11 часов утра в его приемной стояла толпа просителей; хозяин выходил в халате и завершал свой туалет; во время причесывания и облачения в мундир секретари подносили бумаги для подписи [Мемуары князя, с. 51–53]. По отзыву французского эмигранта и генерал-майора российской службы А. Ф. Ланжерона, «никто не смел заговорить с ним. Если он обращался к кому-нибудь, тот, после пяти-шести поклонов, приблизился к его туалету. Ответив, он возвращался на свое место на цыпочках. А с кем Зубов не заговаривал, не могли подойти к нему, так как он не давал частных аудиенций» [Валишевский, с. 47–48]. После обеда фаворит устраивал приемы для узкого круга – «собрания друзей», где также можно было решить интересовавший приглашенного вопрос. Например, молодой А. Чарторыйский получил таким образом разрешение на снятие секвестра с имений отца [Мемуары князя, с. 64].

Аудиенции граф давал редко (Г. Р. Державин попасть на прием не смог), однако и попавшие к нему просители не всегда добивались результата.

Я желал быть назначен посланником к сардинскому двору. Несколько раз я сперва приезжал и все его не мог видеть. Наконец, он меня допустил. Я его нашел читающим и запечатывающим бумаги. Сколь скоро я объяснил ему мою нужду, он мне с холодным видом отвечал, для чего я не чрез графа Безбородку прошу. Я сказал ему, что я надеялся, если он сделает мне милость и захочет в сем случае помочь, что я скорее достигну своей цели. Письмо он взял, не уверив меня ни в чем. После того хотя он меня и часто видел, но никогда не упомянул даже, что письмо подано. Вот как он обращался! –

вспоминал племянник И. И. Шувалова камергер Ф. Н. Голицын [Голицын, с. 291]. Характерно, что Голицына, как и других лиц из высшего общества, раздражало не столько неисполнение просьбы, сколько высокомерное отношение выскочки к людям своего круга и их «нуждам».

Заявления о могуществе фаворита рассыпаны на страницах частных писем и мемуаров. «Все проходит через его руки, он обо всем высказывает свое мнение, ничто не делается без него», – докладывал в октябре 1793 г. посланнику в Лондоне С. Р. Воронцову камер-юнкер Ф. В. Ростопчин. П. В. Завадовский именовал Зубова «министром всех частей правления», который «властвует во всех делах без изъятия» и «несравненно больше имеет мочи» по сравнению с Потемкиным [Письма графа Ростопчина, с. 80; Письма графа Завадовского, с. 91, 102, 104]. Пошел на сближение с фаворитом и обиженный им А. А. Безбородко, хотя и жаловался, что «универсальный министр» «многое на себя исключительно захватывает» [Григорович, с. 249–252, 263, 273].

Однако, как заметила И. де Мадариага,

встречая во многих мемуарах, относящихся к периоду зубовского фавора, резкие высказывания по поводу всей этой ситуации, нужно делать скидку на возраст их авторов: они принадлежали к молодому поколению (например, Ростопчин, да и сам великий князь Александр Павлович), не знавшему Екатерину в ее лучшую пору. Они при любых обстоятельствах желали бы перемен, что естественно для всех молодых честолюбцев в конце каждого долгого царствования [Мадариага, с. 903].

Действительно ли не имевший опыта руководящей военной или административной деятельности придворный бесконтрольно управлял внешней и внутренней политикой империи и нанес ей немалый ущерб, как утверждали писавшие о нем авторы [Департамент фаворитов, с. 73; Кудряшов, с. 29; Савин, с. 34; Сафонов, 2001, с. 182], или, как полагал М. А. Рахматуллин, роль его в делах была «ничтожной» [Рахматуллин, с. 17]?

В последние годы царствования фаворит ежедневно по утрам являлся с делами в спальню императрицы.

Как скоро показывался граф П. А. Зубов, то каждый из нас (статс-секретарей. – И. К.) немедленно в уборную выходил. В сие время П. А. имел на себе утреннее платье: шелковый сюртук цветной, вышитый по краям широким из блестков шитьем, белые атласные панталоны и зеленые полусапожки. Волосы были не причесаны. Приходил же всегда с заготовленными к подписанию бумагами, –

отмечал завканцелярией фаворита и статс-секретарь императрицы (с 1795 г.) А. М. Грибовский [Екатерина II, с. 263]. Можно отметить, что фаворит в «дезабиле» являлся к государыне между 9 и 11 часами, то есть до своего официального пробуждения; таким образом, к моменту собственного «выхода» он уже имел высочайшее решение по делам, которое мог озвучить просителям.

А. М. Грибовский выделил три разряда дел, «на князя Зубова возложенных»: «1) ...собственные ее величества; 2) по званию генерал-фельдцейхмейстера и 3) по должности генерал-губернатора». В число первых входили «дела польские» 1792–1795 гг., присоединение Курляндии, «дела персидские», монетная реформа и «разные дела государственные и частные, особо на князя Зубова возлагаемые и исполняемые» [Екатерина II, с. 279].

Последующий внушительный перечень как будто должен говорить о повседневной загруженности делами управления. Однако камер-фурьерские журналы 1790-х гг. свидетельствуют, что значительную часть дня (по утрам, во время обеда, на «выходах», дежурствах в качестве генерал-адъютанта, в «вечеровые часы») Зубов проводил в обществе императрицы. Он «всегда без приглашения с государыней кушал»;

журналы иногда особо отмечали его отсутствие [Екатерина II, с. 279; Камер-фурьерский... журнал 1790, с. 161; Камер-фурьерский... журнал 1791, с. 700]. Помещавшийся в них изо дня в день перечень приглашавшихся к обычному (непраздничному) обеду от трех до четырнадцати персон показывает, что Зубов вошел в круг близких к Екатерине людей. Вместе с ними и фаворитом Екатерина переезжала из Зимнего дворца в Таврический, Петергоф и Царское Село; отправлялась в гости на «дачи» вельмож; «прогуливалась» на шлюпках по Неве и в карете по улицам столицы; каталась в «фаетоне» по аллеям царскосельского парка [Камер-фурьерский... журнал 1789, с. 352, 355–358; Камер-фурьерский... журнал 1790, с. 158, 191, 260; Камер-фурьерский... журнал 1791, с. 285, 414, 415, 445, 462, 476, 485, 533, 538, 539, 557, 563, 564, 569, 570, 668, 669; Камер-фурьерский... журнал 1792, с. 132, 133, 201, 424, 465; Камер-фурьерский... журнал 1793, с. 261, 262, 362, 363, 619, 626, 641, 701; Камер-фурьерский... журнал 1795, с. 420, 421, 439, 440, 529, 530, 627, 672, 692, 738; Камер-фурьерский... журнал 1796, с. 288, 396, 498, 639]. По вечерам Зубов – в личных покоях императрицы, среди «приглашающихся обыкновенно во оные знатных придворных и прочих особ».

Камер-фурьерские журналы свидетельствуют, что фаворит играл с государыней на бильярде, составлял ей компанию за карточным столом, «препровождал» на выходах, во время визитов в «вольный маскарад» или на прогулках в «зверинец» [Камер-фурьерский... журнал 1790, с. 242; Камер-фурьерский... журнал 1791, с. 80, 357, 573; Камер-фурьерский... журнал 1795, с. 68, 79, 416, 429, 454, 489, 657, 690, 697, 699, 756, 826, 845, 1000]. Эти занятия требовали светского лоска, безупречного французского языка, танцевального мастерства, определенного уровня знаний по части изящных искусств и, главное, способности быть любезным и заботливым кавалером, то есть соответствия сформулированным самой Екатериной в 1789 г. «правилам»: «Быть верен, скромн, привязан и благодарен до крайности».

Грибовский описал распорядок Екатерины во второй половине дня:

...до вечернего же собрания слушала иногда иностранную почту, которая два раза в неделю приходила; иногда книгу читала, а иногда делала бумажные слепки с *Каме* (камей. – И. К.), что случалось и при слушании почты, которую читали перед нею или П. А. Зубов, или гр. Морков, или Попов... В шесть часов собирались вышеупомянутые и другие известные государыне и ею самою назначенные особы для проведения вечерних часов. В эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергам, был спектакль, на который приглашаемы были многие дамы и мужчины, и после спектакля домой уезжали; в прочие же дни собрание было в покоях государыни: она играла в рокамболь или в вист по большей части с П. А. Зубовым, Е. В. Чертковым и гр. А. С. Строгановым; также и для прочих гостей столы с картами были поставлены. В десятом часу государыня уходила во внутренние покои, гости уезжали; в одиннадцатом часу она была уже в постели [Екатерина II, с. 265].

Делам посвящались утренние визиты с бумагами и присутствие при «чтении почты»; остальное время занимало светское общение – в том числе бег «взапуски» и другие игры летом на свежем воздухе в царскосельском парке, прогулки, театр, балы, собрания в Эрмитаже. Более того, сама императрица не желала, чтобы избранник отлучался куда-либо, и даже приказала в апреле 1793 г. проследить за его поездками; впрочем ничего предосудительного обнаружено не было [Екатерина II, с. 237].

Мы не будем в данной статье обращаться к роли Зубова во внешней политике и его действий в качестве начальника российской артиллерии. Эти сюжеты еще предстоит выяснить по документам канцелярии генерал-фельдцейхмейстеров (в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ в Санкт-Петербурге) и материалам Архива внешней политики Российской империи МИД РФ. Что же касается вверенных фавориту губерний, то ими он управлял, не выезжая из столицы.

Наиболее важными для понимания места фаворита в правительственном механизме можно считать «дела по особой доверенности от императрицы». Под ними подразумевались «внутренние и заграничные предложения» и «награды деревнями, деньгами, пенсиями, чинами, орденами и проч.; всеподданнейшие прошения от частных лиц по тяжбыным и уголовным делам. По всем сим предметам заготавлиемы были в канцелярии князя Зубова доклады, указы и грамоты и через него подносины были на высочайшее усмотрение и подписание» [Екатерина II, с. 283–284].

Если добавить к сказанному переписку с высокопоставленными должностными лицами, то указанные обязанности выполняли канцелярии статс-секретарей императрицы. В январе 1792 г. такая канцелярия во главе с подполковником А. М. Грибовским была создана и для Зубова. В 1796 г. в ней состояли не менее семи служащих с классными чинами (надворные советники Муратов и Бельский, коллежский асессор Мельников, капитаны Желвинский и Брант, корнеты Брант и Меньшов); подписывал исходящие от фаворита документы и сенатский секретарь П. Х. Безак [Екатерина II, с. 291; РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 963, л. 2]. «Журналы имянным указам и письмам... по части дел управляемых господином генерал-адъютантом Платоном Александровичем Зубовым», «журналы высочайше конфирмованным запискам и письмам с объявлением именных повелений господина генерал-адъютанта Платона Александровича Зубова», его же «журналы докладам и донесениям» [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 65007, 65009, 65013, 65016, 65017, 65031, 65040, 65042, 65043, 65049, 65051, 65063, 65065] аналогичны сводкам, составлявшимся «по части» других статс-секретарей 1790-х гг. А. А. Безбородко, Г. Р. Державина, Д. П. Трошинского, А. М. Грибовского, Ю. А. Нелединского-Мелецкого [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 65002, 65005, 65012, 65014, 65022, 65027, 65029, 65038, 65045, 65046, 65053, 65055, 65062, 65064, 65066, 65068], превосходя их

разве что количеством, что может свидетельствовать о большем объеме работы канцелярии Зубова.

«Журнал письмам его светлости г-на генерал-фельдцеймейстера и кавалера князя Платона Александровича Зубова к разным особам по части дел секретных 1796-го года» [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 65059, л. 1–62] показывает, что Зубов передавал указы и распоряжения императрицы по снабжению войск корпуса своего брата Валериана, пересылал с курьерами деньги и награды отличившимся.

Другой «журнал секретным письмам и предписаниям» 1795 г. [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 65048, л. 1–88] содержит такие же «высочайшие повеления» генерал-прокурору, генерал-губернаторам и командующим крупными соединениями генералам преимущественно по финансированию армии. Исходящие от самого Зубова письма касались частных вопросов – таких, как передача четырнадцати пушек из корпуса Репнина в корпус Суворова; извещение самого Суворова о зачислении его сына в поручики гвардии; сообщение Репнину, что его донесения рассмотрены «с удовольствием», обещание Н. С. Мордвинову «добыть» не отпущенные на содержание Черноморского флота средства. Подчиненным губернаторам (О. И. Хорвату и С. С. Жегулину) он велел «присмотреть» за находящимися на юге французами и проявлять «снисхождение» к беглым крестьянам из центральных губерний. В письмах к рижскому губернатору генерал-майору П. А. фон дер Палену имеется рекомендация содействовать отправленному из Петербурга в Митаву обер-бургграфу Ховену и пояснение, что присутствие на курляндском сейме герцога Петра Бирона «не предполагается» – речь шла о подготовке присоединения Курляндского герцогства к России.

Основным «внутренним предложением» самого Зубова можно считать поданный им 28 апреля 1796 г. проект перечеканки медной монеты из 16-рублевой в 32-рублевую стопу, то есть копейки в двухкопеечник, а пятака – в гривенник. Дефицит бюджета и взаимные неплатежи учреждений, по мнению Зубова, объяснялись отсутствием монеты в потребном количестве, при том что «все стали несравненно богаче, вольнее, роскошнее; всякой живет лучше, проживает больше, строят, заводят много; все несравненно умножили доходы свои» [Шунин, 2005, с. 11]. Перечеканка должна была уравновесить стоимость меди в монете с ее рыночной ценой, облегчить размен ассигнаций и стабилизировать их курс; предполагаемая прибыль от этой операции (до 50 млн рублей) позволила бы погасить внутренний долг.

Мысль не была оригинальной: в 1760 г. генерал-фельдцеймейстер и прожектер П. И. Шувалов уже предлагал изготавливать из пуда меди монет не на 16, а на 32 рубля, чтобы финансировать армию, строительство каналов и благоустройство Петербурга. Проект встретил возражения, и начавшаяся было в царствование Петра III чеканка легковесной монеты была в 1763 г. остановлена Екатериной II. Теперь же именованным указом Сенату от 8 мая императрица сделала фавори-

та членом нового комитета для погашения государственных долгов [ПСЗРИ-1, № 17455] и утвердила образцы новой монеты. В августе 1796 г. перчеканка началась на нескольких монетных дворах [Юхт, с. 205, 207]. На организацию дела было выделено около 300 тыс. рублей, а для «вымена» старых денег у населения напечатаны ассигнации общим номиналом 12 млн рублей. По расчетам Зубова, все издержки должны были окупиться из прибыли. В литературе нет единой точки зрения по поводу этой реформы: А. И. Юхт изложил официальную позицию правительства Павла I о возвращении к «прежнему достоинству» монеты, а автор последнего исследования А. А. Шунин счел идею Зубова обоснованной [Юхт, с. 207, 208; Шунин, 2004]. Однако судить о реальных результатах невозможно – после смерти Екатерины перчеканка была прекращена.

Сохранившиеся записки Екатерины фавориту [Бумаги императрицы, с. 313–341 (подлинники: РГАДА, ф. 5, оп. 1, № 87)] показывают, что Зубов являлся секретарем государыни, исполнявшим ее поручения:

Все сие очень хорошо и что к моему подписанию прикажите переписать на бело, а прочее отошлите куда надлежит...;

Я была бы весьма рада видеть завтра мои листки с правилами, по которым была составлена депеша в Вену;

Послать надобно копии с полученных вчера из Польши и из Литвы известий к князю Репнину...;

Нужно ответить на письма гг. Потоцкого и Ржевусского; вы попросите к себе г. Маркова и скажите ему от меня, чтобы он составил очень вежливый ответ от моего имени и сказал бы им, что я поручила графу Безбородко, как находящемуся уже на месте, все, касающееся до них;

Указ о Граповицком подписан ли мною или что, не помню;

Прикажите отправить это письмо графу Разумовскому в Вену;

Пришлите мне, если имеете, письмо мадам де Прованс;

Пожалуй, скажи своему отцу, еще не подумают ли в Сенате о верности залогов по кабашным откупам...;

Скажи, пажалуй, батюшку своему от меня, что здешняя казенная палата идет в Сенат с представлением, что явились соляные повошки и то в малом числе, кои требуют по 14 коп. на пуд более прежнего. Мое мнение изстари есть: что естли не выше десяти тысяч в подрядах отдано было в одне руки, то бы цены не возвышались столь неумеренно...;

В полицейском сутечном репорте написано: приехал из Митавы Фридрих фон де Роп. Осведомись, пажалуй, за чем он ездил в Митаву? Не курландец ли он и когда взят в корпус? Правила есть при принятии в корпус, чтоб кроме подданных в оном не оприделять; при удобном случаи, ежели он курландец, отошлите ево в полк, где он приписан;

Напоминайте о скорейшем расщете с полками и о пересылке нужных и необходимых;

О состоянии польков имеет ли военная коллегия репорты?;

В газетах написано, будто из под Варшавы 800 казаков наших ушло и будто Коховский за ними послал в след; вести сии от 25-го августа; правда ли или нет, не ведаю;

Пожалуй пришли ко мне на прочтение последний рескрипт или письмо, писанное после ухода казаков к Гудовичу;

Написать к Игельстрему, чтоб он удовольствовал наперед псковскую и смоленскую губернии; буде излишняя есть соль, то бы снесся с Пассеком, сколько в полоцкую и могилевскую губернии доставить может;

Все сии оренбургские бумаги велите прочесть в совете, да призовите к себе оттомана Бородина, да спросите у него, что он знает про киргизского народа обращение и Сырым-богатыря, и не бывал ли он на урочище Баян-Тугае, где киргизцы города просят;

Призовите же шведского посла, мы увидим, чего он желает;

Когда, где и чем скончался Пр. Кир.? Когда вынос был?

Это далеко не все распоряжения императрицы, полученные фаворитом, – большинство их отдавалось устно. Однако в бумагах других ведомств можно встретить сведения о подобных поручениях – например, о выдаче в 1796 г. из Кабинета через Зубова 100 червонцев «на известные расходы» маркизу де Траверсе или изготовлении для персидского чиновника из свиты прибывшего в Россию брата и врага Ага Мухаммед-шаха Муртазы Кули-хана двух «искусственных носов» вместо отрезанного [РГАДА, ф. 14, оп. 1, № 263, л. 187; Приложение, с. 35, 36].

В то же время императрица втягивала «ученика» в большую политику – к примеру, высказывала ему свои мысли по поводу восстановления порядка во Франции («надо восстановить монархию, власть короля; три сословия составляют ее, и без них и парламентов нет монархии... Амнистия необходима во всех случаях, так как число виновных несметно»), делилась с ним полученной по почте или из других источников информацией:

Я удержала с почты то, что казалось мне самым любопытным и посылаю вам;

Посылаю вам письма, сообщенные графом Эстергази и записку, присланную принцем Нассау чрез графа Штакельберга; принцы желают, чтоб граф Эстергази прочел эти бумаги; итак вы представите ему их для прочтения;

Вот что мы перечитаем вместе, когда вы принесете мне к подписи приказ графу Брауну и письмо князю Прозоровскому о том же предмете;

Курьер Репнина привез следующие известия: визирь обезглавлен, и Юсуф-паша сделан визирем. Турки собирают войска со всех сторон, но у них недостаток в съестных припасах...

Она не упускала из виду и менее высокие, но жизненные политические реалии: отправляла Зубова искать по почерку автора подметного письма или узнать о поведении княжон Одоевских, которые годи-

лись бы «для определения к великой княгине» [Бумаги императрицы, с. 222, 314]. «Ученик» иногда позволял себе высказать собственное мнение – на что получал разъяснения и инструкции:

Воля твоя, с венским и с берлинским двором нынешними мы никуда не поспеем; я помню дележ польский с Мариєю Терезиею и Фридрихом II, как шло дело как по маслу; сравнение не в пользу первых;

Если Ржевуский и Потоцкий по прибытии своею ничего не скажут вам о даровом помещении, которое я велела нанять, то вы также не говорите о том; если же они заговорят, то скажите им, что так как я почитаю их за агентов Республики, то, согласно моему договору, я должна дать помещение ее чиновникам и исполняю мои обязательства.

Знакомство с другими документами показывает, что роль Зубова заключалась в посреднической, если не сказать секретарской работе по обеспечению сношений императрицы с ее полководцами и дипломатами, обусловленной, по формулировке фельдмаршала А. А. Прозоровского, «доступом вашим к высочайшему престолу». «Журнал высочайшим повелениям по делам с Польшею по части, управляемой генерал-адъютантом Платоном Александровичем Зубовым 1792-го года» [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 65008] содержит переданные им 84 именных повеления Коллегии иностранных дел, генералам М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову, генерал-губернатору П. Б. Пассеку, президенту Военной коллегии Н. И. Салтыкову, послам Я. И. Булгакову и Я. Е. Сиверсу; расписания войск и инструкции командующим.

Генерал-аншеф М. Н. Кречетников, поставленный во главе корпуса, занявшего в мае – июне 1792 г. Литву, еженедельно извещал Зубова о действиях войск и создании литовской конфедерации. Генерал интересовался, кого и за что он может награждать, просил о покровительстве для племянника и пытался предупредить неудовольствие Петербурга своим якобы «холодным» отношением к одному из предводителей конфедерации, литовскому польному гетману Шимону Коссаковскому: «...изъясня сие, покорнейше, милостивый государь, прошу вашего ходатайства и извлечения из того уныния, к каковом я есмь» [Дела Польши, с. 288–291, 324, 325, 340, 355, 356, 364, 365, 371, 377, 378, 392, 393, 412, 417–419, 421, 422, 424, 440, 447]. В ответ фаворит передавал письменные указы или «волю ее императорского величества». 27 июля он сообщил Кречетникову, что можно «формально просить» о приезде в Петербург и получить «благоволительный ответ», чем генерал немедленно воспользовался [Дела Польши, с. 324, 364, 400, 401, 412, 439, 450, 451]. Отставного новгородского губернатора Я. Е. Сиверса Зубов 9 ноября 1792 г. спрашивал, угодно ли ему будет принять пост посла в Польше; сразу после подтверждения его согласия, 25 ноября, последовало назначение с пожалованием 15 тыс. рублей [Дела Польши, с. 465, 469].

Через Зубова передавал свои предложения (о взимании таможенных сборов, об отправлении бывших королевских польских оружейников на службу в Кременчуг, о заведении запасных «сельских магазинов» в Литве, о выделении для обеспечения его 80-тысячной армии на 1796 г. 1 205 141 рубля) и получал «высочайшие повеления» лифляндский и эстляндский генерал-губернатор и руководивший военной и гражданской администрациями на полученных после третьего раздела Речи Посполитой территориях генерал-аншеф князь Н. В. Репнин. Выход на фаворита позволял решать не только принципиальные, но и частные вопросы, требовавшие быстрого исполнения или способные «зависнуть» при переписке и согласовании с другими «местами». Создавая новые наместничества, тот же Репнин просил Зубова добыть портреты императрицы «самого хорошего письма» хотя бы по одному на губернию. При нехватке канцелярских кадров для виленских губернских учреждений он призывал фаворита уговорить генерал-губернатора соседнего Могилёвского наместничества П. Б. Пассека разрешить переход к нему секретаря палаты уголовного суда и переводчика, а также «вербовать» на подконтрольных ему территориях желающих поступить на службу [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 968, л. 2–3 об., 13, 15, 16, 16 об., 20, 28, 28 об, 31 об., 32].

Так же действовали и другие администраторы. Московский главнокомандующий князь А. А. Прозоровский через Зубова извещал государыню о конфликте «партий» в Английском клубе, докладывал об изъятии у генерал-майора Депрерадовича чужой «вахтмейстерской жены» и просил инструкций, как поступить с майором Николаем Норовым, который, переодевшись в женское платье, похитил в декабре 1791 г. из церкви княжну Анну Голицыну и «увёс в дом к брату своему, но как был пост и венчать нельзя, уехал к отцу своему в Саратов». Князь выяснил подробности вызвавшей резонанс истории: мать Голицыной не одобряла жениха; сама похищенная княжна «не хороша, да у ней 27 тысяч рублей денег, а отец его (Норова. – И. К.) не богат, а он должен» [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 880, л. 5, 5 об, 13, 19–20].

Отношения с фаворитом позволяли высокопоставленным персонам узнавать о реакции государыни на вопросы, с которыми к ней лично обращаться было неловко. Так на самом высшем уровне порой решались коллизии частных лиц. В 1793 г. Зубов помог хорошо известному Екатерине австрийскому генералу и дипломату принцу Шарлю Жозефу де Линю продать пожалованные ему владения в Крыму и перевести деньги в Вену [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 56155, л. 41, 41 об.]. Н. В. Репнин ходатайствовал о разрешении только что назначенному виленскому губернатору генерал-майору А. П. Тормасову отъехать в Петербург к больной матери. Зубов, в свою очередь, просил генерал-губернатора помочь его подчиненному – артиллерийскому подпоручику Семишину, женившемуся по обоюдной любви на панне Хоруужеккой. Ее отец был против брака и грозил лишить дочь наследства. Но фаворит решил сделать внушение тестю через его брата-каноника

и виленского губернатора и таким образом «осчастливить молодых людей». Высокая протекция помогла – вскоре подпоручик искренне благодарил покровителя [Пуле, с. 183, 184; РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 968, л. 7–8, 27; ф. 193, оп. 1, № 1086, л. 1]. Прозоровский просил (хотя и не добился) у фаворита отпуска на два года, разрешения «видеть высочайшую ее императорского величества особу» и дозволения приобрести крепостного официанта (за две тысячи рублей) у наследников покойного А. И. Глебова, у которых состоял «смотрителем над опекой» [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 880, л. 8, 16, 16 об., 27, 30, 30 об.].

Иногда работа канцелярии давала сбой – и тогда сам Зубов извинялся перед генерал-лейтенантом и премьер-майором Преображенского полка князем С. Ф. Голицыным за то, что «выключил» (надо заметить, справедливо – за неявку в строй после отпуска) его сына, артиллерийского капитана, и объявлял, что готов принять того на службу [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 56155, л. 85, 85 об.].

«Примечая с некоторого времени неблаговоление к себе всемилостивейшей государыни и будучи сим до отчаяния огорченным, давно збирался я писать к вашему сиятельству и просить милостивого вашего ходатайства, чтоб позволено мне было упасть к стопам ее величества и по нанесенным на меня клеветам объясниться», – оправдывался перед фаворитом в мае 1794 г. сенатор и президент Коммерц-коллегии Г. Р. Державин [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 1066, л. 1]. Возглавляемое им ведомство стремилось по-прежнему контролировать пограничные таможи, а влиятельные генерал-губернаторы желали иметь их в своем ведении. Конфликт со столичной таможней привел к тому, что вице-губернатор И. А. Алексеев «обнёс пред ее величеством безвинно» Державина – обвинил в провозе запрещенных товаров.

Другой конфликт случился у Державина с его давним неприятелем – минским, изяславским и брацлавским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Т. И. Тутолминым, который,

не снесясь ни с коллегиею, ни с президентом ее Державиным, определил своих директоров, цолнеров и прочих таможенных служителей. Старые, будучи тем обижены и лишены в жалованье своего пропитания, приступили с жалобами и воплями своими к президенту. Сей требовал от генерал-губернатора по крайней мере за известие списка, чтоб знать старым чиновникам, кому их должности отдавать. Но сей, надеясь на Зубова, которому он подлым образом ласкал и угождал, пренебрег его, ничего не отвечал, а прислал только без всякого своего подписания имянной реестр чиновникам с отметкою против каждого, по чьей рекомендации он определен, в которых значилось, что те определены по рекомендации князя (то есть самого П. А. Зубова. – *И. К.*), другие графа Валериана, третьи графа Николая, четвертые графа Дмитрия (братьев Зубовых. – *И. К.*) и прочих их родственников и приятелей.

Державин отправился к Платону Александровичу; «любимец оказал свое негодование», и жалобщик «в горячности пошел прямо в покои к императрице, где, приказав доложить о себе, подал ей лично помянутый реестр о новых таможенных чиновниках с отметками, по чьей рекомендации они определены». Екатерина обещала рассмотреть жалобу, но через несколько дней передала Державину, «чтоб он не беспокоился по делам Коммерц-коллегии; она велит ее уничтожить, и действительно состоялся в 1795 году указ, что коммерц-коллегии более не быть, что впредь коммерческие дела ведать казенным палатам тех губерний, где которые состоят» [Державин, с. 178, 179; Левенштейн, с. 124].

В мемуарах Державин с горечью рассказал о своем поражении, которое, однако, не помешало ему в 1794 г. писать письма фавориту. Тутолмин, уже несколько лет находившийся в «милостивой протекции» Зубова, еще в 1792 г. объяснял своему покровителю, что с помощью знакомых чиновников Державин «собирает сведения» про «неустройства» судебных мест в Архангельском наместничестве (где участники конфликта служили вместе) и что его надлежит устранить от расследования [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 1152, л. 1–5].

Так и случилось, но поэт-сенатор не унялся. В 1796 г. он «препроводил» к фавориту доношение о «вывозе из государства золотой и серебряной монеты» и рапорт о переводе денег за границу по фальшивым векселям, указав, что следствие по этому делу идет «слабо», а затем обвинил в пристрастности генерал-прокурора графа А. Н. Самойлова – тот, будучи «сам интересован по сему делу», запрещал читать в собрании «объяснения» Державина и проталкивал решение дел о землях, ранее принадлежавших хоперским казакам, незаконно отведенных Г. А. Потемкину и затем проданных капитану Шемякину [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 1066, л. 7–8 об., 9–12, 13–14 об., 22–26, 31–32; Мнение по делу].

Но и Самойлов, обладая одним из самых высоких постов с самостоятельным выходом на императрицу, стремился угодить фавориту. От него граф получал указания (об «употреблении» доходов губерний, образованных после разделов Польши, на корпус Н. В. Репнина), подавал ему требуемые «ведомости» (об остаточных суммах казначейства, «бумаги по винному откупу»), сообщал о чрезвычайных событиях (пожарах в Выборге и на Александровском пушечном заводе), составлял доклады «для поднесения» императрице, в том числе по неприятному вопросу о долгах Придворной конторы, составивших в июле 1795 г. больше двух миллионов рублей [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 961, л. 14, 24, 31–34, 41, 44, 53, 73–76, 105].

В собственноручных (знак особого уважения!) письмах генерал-прокурор просил у фаворита «благоволения» на определение оберсекретарем Сената надворного советника Сокольского (назначение состоялось, несмотря на противодействие – в бумагах Зубова имеется выписка с отрицательным отзывом о чиновнике с «не лестной» ре-

путацией) и награждение других служащих. Он же производил назначения лиц, которых Зубову «угодно было определить к местам», и любезно нашел ему 400 тыс. рублей медной монетой для Екатеринославской губернии и 200 тыс. рублей серебром на другие нужды [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 961, л. 1–5, 8–9, 35, 43, 43 об., 78].

Через фаворита вельможи надеялись поправить свои «расстроеныя обстоятельства». В 1796 г. Н. В. Репнин желал срочно получить «материальную помощь» в размере 40 тыс. рублей, поскольку не мог заложить дом до получения из столицы документов, подтверждавших его право собственности. Репнин оказался еще скромным просителем. В 1795 г. бывший посланник в Париже князь И. С. Барятинский просил одолжить ему 100 тыс. рублей из казны на десять или двадцать лет. В следующем году А. Н. Самойлов жаловался, что «удвоил» долги отца покупкой дома за 135 тыс. и вынужден «содержание свое иметь на кредит», владея тремя тысячами душ и получая с них 13 тыс. рублей годового дохода. Для погашения долга в 350 тыс. рублей генерал-прокурор просил через Зубова выдать необходимую сумму из Кабинета императрицы или пожаловать «деревни» из бывших владений дяди, Г. А. Потемкина. И. И. Остерман в 1794 г. надеялся «изъяснить ее величеству всю крайность положения моего»: вице-канцлер накопил долгов на 360 тыс. рублей, заложил 4250 своих душ (еще 38 тыс. рублей была должна его жена и 246 тыс. – брат Федор) и просил хотя бы отсрочить уплату процентов банку [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 968, л. 115, 115 об.; № 961, л. 51–52; ф. 193, оп. 1, № 78, л. 1–7; № 1337, л. 29–32, 45, 45 об.].

Получение «всеподданнейших прошений» о наградах «деревнями, деньгами, пенсиями, чинами, орденами» стало основным занятием фаворита на протяжении всего времени его пребывания в «должности», как, впрочем, и других статс-секретарей [Кислягина, с. 187]. Нынешний фонд П. А. Зубова в РГАДА представляет собой коллекцию обращений к фавориту, включая целые записные книги таких документов [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 1324, 1337–1339; ф. 11, оп. 1, № 960, 966].

Вице-адмирал Ф. Ф. Ушаков просил выдать «морским служителям» заслуженные за время турецкой войны 1787–1791 гг. награды, генерал-фельдмаршал А. В. Суворов – зачислить в капитан-поручики гвардейского Преображенского полка племянника и адъютанта Василия Олешева и выделить средства на ремонт артиллерии и понтонов своего корпуса, генерал-аншеф М. Н. Кречетников – наградить орденами и денежными премиями подведомственных ему чиновников и мастеров Тульского оружейного завода за изготовление и поставку в армию 275 тыс. ружей [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 1170, л. 1–4; № 1054, л. 1–2; № 1053, л. 4, 4 об.; ф. 10, оп. 3, № 319, л. 1–2, 3, 3 об.].

Посланник в Лондоне граф С. Р. Воронцов рекомендовал Зубову молодого чиновника В. П. Кочубея (будущего министра внутренних дел и председателя Государственного совета), а генерал-аншеф

В. П. Мусин-Пушкин – сделать его зятя П. П. Щербатова герольдмейстером [Архив князя Воронцова, с. 419–421]. Пленный турецкий полководец Батал-паша (Зубов представлял его на аудиенции Екатерине II в июле 1793 г.) просил выделить ему землю в Крыму (там он прожил до 1799 г., когда султан простил его и разрешил вернуться). Купец-промышленник Г. И. Шелихов уговаривал вельможу взять под свое покровительство его «Северо-Восточную компанию» и помочь найти мастеров для корабельной верфи в Охотске [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 80, л. 1–2; № 1305, л. 1–10]. Французские дворяне-эмигранты просили о зачислении на российскую службу [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 27, 60, 72, 86, 90, 91, 106, 125, 128, 144, 147, 148, 151, 167, 170, 171, 249, 255, 282, 306, 346, 348, 463, 574, 578, 596, 609, 708, 713, 717, 829, 1064, 1071, 1093, 1102, 1287, 1288], а представители польской знати – о возмещении убытков и возвращении конфискованных или секвестрованных после восстания 1794 г. имений [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 81, 115, 126, 133, 182, 199, 246, 270, 381, 311, 384, 396, 406, 441, 476, 477, 614, 616, 634, 705, 706, 710, 788, 850, 858, 859, 878, 889, 912, 921, 932, 949, 973, 998, 1237, 1240].

«Правитель дел» командующего армией во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. В. П. Мусина-Пушкина бригадир И. И. Русанов претендовал на награду «деревнями» и место в Военной коллегии по причине долгов, «неисцелного ревматизма» и «худого состояния моего хозяйства» [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 966, л. 28–29]. Другие взывали о помощи – к примеру, жаловавшиеся на плохие условия содержания в столичной тюрьме офицеры или наказанные за небрежность банковские кассиры – выяснилось, что их коллега украл деньги из «запечатанного», но никем не проверявшегося пакета [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 403, л. 1; ф. 11, оп. 1, № 966, л. 43]. «Четвертый год обливаюсь слезами раскаяния», – пытался разжалобить сосланный по делу Новикова в ливенскую деревню Никитовку бывший глава московских масонов князь Н. Н. Трубецкой [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 966, л. 48–49].

Отец в письмах из Москвы к «истинному и любезному другу» и сыну-фавориту объяснял, почему нужно помочь тому или иному «безвинно притесненному», порой подчеркивая, что семья ему обязана – например, некоему В. С. Вакселю, удачно проведшему «успенское межевание» зубовских владений [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 410, л. 1, 3–4 об, 7, 8]. Братья же без всяких объяснений рекомендовали Платону своих знакомых – «малого доброго», «господина Дехтярёва», «графа Тореллия» [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 411, л. 2, 4–5; № 412, л. 1, 2, 4]. Только мать не просила ничего; гордилась сыном, об очередном награждении которого «город весь сею новостью наполнен», и желала только одного: «Тебя, света мово, хочу видеть».

Наряду с ними к фавориту обращались сотни людей попроще с челобитными о награждении, прощении, чинах, отпуске, «месте», жалованье, пенсии, определении детей в учебные заведения, «представлении ее императорскому величеству», протекции. Среди них

был просивший о новом чине совестный судья из Орла Дмитрий Боборькин; «безвинно» уволенный из Воспитательного дома коллежский асессор Дмитрий Кривцов, растративший казенные деньги обер-штер-кригскомиссар граф П. А. Толстой и даже подканцелярист Иван Язов, мечтавший, чтобы «его сиятельство» помог ему обрести должность в Новгородском наместничестве (это прошение от 10 октября 1796 г. было получено канцелярией Зубова одним из последних) [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 116, л. 1–2; № 1337, л. 5–7; № 1097, л. 1; № 1319, л. 1–2].

Поступавшие бумаги рассматривались, по ним подбирались документы и составлялись справки [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 960, л. 8–15 об., 59–60 об., 82–83 об.; № 966, л. 4–5, 22–29]. Зубов особыми записками испрашивал «соизволения» на пожалование асессору Григорову ордена Святого Владимира 4-й степени, нового чина капитану Л. Аляндри и подпоручику П. Стоя; очевидно, по получению такового подготавливал формальные указы – как свидетельствуют такие записки от 31 октября 1796 г. и проекты указов, поданные, но уже не подписанные Екатериной [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 55265, л. 1–6 об.; № 55266, л. 1–11]. Сохранившиеся последние документы показывают механизм осуществления решений. Иногда неведомым образом до фаворита доходили дела весьма далеких от двора подданных; так, вопреки решению судебной палаты, получил освобождение от порки кнутом за кражу 18-летний крестьянский сын Егор Калинин из Каргопольского уезда (правда, 23 рубля он вернул); ожидал решения 70-летний «несчастный Евреинов, о котором ваше сиятельство из сострадания к человечеству изволили просить Евгения Петровича Кашкина, чтобы остановить отправление его в ссылку впредь до исхода тайствования предстательством вашим по облегчению жребия его высочайшей милости» [РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 960, л. 107, 107 об., 161].

Но даже несмотря на поддержку высокопоставленных лиц, «удовольствованными» оказывались не все просители. Поэт и куратор Московского университета М. М. Херасков, несмотря на письменное ходатайство обер-камергера И. И. Шувалова, не получил просимого чина тайного советника, а Н. Н. Трубецкой – освобождения из ссылки: оба были скомпрометированы в глазах императрицы масонским прошлым. Молодой В. П. Кочубей стал посланником в Турции, а генерал-аншеф, вице-президент Адмиралтейств-коллегии и камергер И. Г. Чернышев напрасно добивался назначения в том же качестве во Флоренцию. Он же получил учтивый отказ на просьбу вернуть в армию капитана гвардии Г. Г. Спиридова с полученным при отставке бригадирским чином, – как обидную для находящихся на действительной службе [РГАДА, ф. 193, оп. 1, № 1247, л. 1; ф. 1239, оп. 3, № 56155, л. 47 об, 48]. Зато бывшему вахмистру Конной гвардии Ф. Терентьеву повезло: фаворит попросил пермского и тобольского генерал-губернатора А. А. Волкова перевести служивого из затерянного Берёзова «присяжным» в Тобольск [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 56155, л. 88 об].

«Журналы партикулярным письмам» П. А. Зубова [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 56155, 65057, 65550] излагают десятки его посланий командующим корпусов, генерал-прокурору и генерал-губернаторам с просьбами о протекции тому или иному лицу (с характерной «зубовской» аттестацией: «по расторопности и хорошему поведению») или конкретными указаниями «отвести деревни», предоставить «место», содействовать «в настоящем его искании».

В этом отношении Платон Александрович удачно себя реализовал. В других же сферах его «могущество» не стоит преувеличивать. Время Екатерины II считается апогеем фаворитизма. Однако известная децентрализация системы управления по реформе 1775 г., возросшая роль генерал-прокурора и появление института статс-секретарей как аппарата коммуникации монарха с правительственными «местами» и многочисленными просителями [Кислягина, с. 168–191; Пёрышкин] скорее ослабляли значение фаворита как важной, хотя и неформальной, управленческой должности. Это можно считать общеевропейской тенденцией: в XVIII в. в европейских державах на первый план выдвигаются «первые министры», а собственно фавориты или фаворитки остаются в придворном кругу (хотя нередко первые и вторые связаны друг с другом) и их статус в новой системе уже иной по сравнению с великими «министрами-фаворитами» XVII столетия [Brockliss, p. 302; Scott, p. 49]. Потемкин в ряду екатерининских любимцев представляется скорее не правилом, а исключением, поскольку являлся фигурой иного масштаба. Фактический соправитель императрицы, он до конца жизни оставался ее ближайшим советником, вырабатывавшим решения государственного масштаба и отстаивавшим свою позицию.

Похоже, Екатерина стремилась «сделать» из последнего фаворита нового Потемкина. Однако до этого уровня Зубов не поднялся. Во-первых, он не обладал теми же дарованиями, а нужного опыта приобрести не смог из-за невозможности отлучиться от двора. Во-вторых, он не являлся фигурой, способной предложить или провести в жизнь ответственные решения. Стоит отметить, что последние законодательные инициативы Екатерины («Жалованная грамота» государственным крестьянам, «Образ порядочного правления дел», «Наказ Сенату») остались на бумаге, не говоря уже о передаче престола внуку Александру, если даже подобный план и имел место [Омельченко, с. 341–351; Сафонов, 2001, с. 203–207, 266–272].

В глазах столичного света Зубов был, безусловно, «велик». Апартаменты фаворита стали неформальным «отделом кадров» по трудоустройству или содействию решению жизненных проблем. Но документы П. А. Зубова свидетельствуют: во внутренней политике его «департамент» исполнял роль еще одной статс-секретарской канцелярии по оперативной связи монарха с военными и гражданскими деятелями и «принятию прошений», пусть и с более широкими возможностями, чем у «штатных» коллег. А. А. Безбородко в 1792 г.

жаловался: «Вся дряннь, как-то сенатские доклады, частные дела, словом сказать все неприятное, заботы требующее, и ни чести, ни славы за собою не влекущее на меня взвалено, а например дела нынешние польские, которые имеют с собою связанные распоряжения по армиям, достались г-ну Зубову» [Письма князя, с. 255]. Обиду можно понять: теперь фаворит докладывал о престижных и связанным с наградами и «производством» делах, в то время как еще недавно ими ведал сам Безбородко и раздавал другим секретарям «заботы требующие» поручения [Кислягина, с. 182]. Но все же перед нами не расцвет, а, скорее, закат фаворитизма как особого неформального механизма высшего управления. В этом смысле работу Зубова можно оценить не более как «дублирующую систему» исполнения указаний монарха [Болотина, 2006б, с. 121, 122; Болотина, 2007, с. 230] и дополнительный канал обмена информацией с «высочайшим престолом».

Список литературы

- Агеева О. Г.* Императорский двор России, 1700–1796 годы. М. : Наука, 2008. 380 с.
- Агранцев И.* Александр Меншиков : Царевич без трона. СПб. : Нева, 2005. 352 с.
- Андриайнен С. В. П. И.* Шувалов и его проекты государственных преобразований в 1744–1761 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2007. 29 с.
- Архив князя Воронцова. Кн. 9. М. : Тип. Грачева и К, 1876. 558 с.
- Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков : Мифы и реальность. СПб. : Историческая иллюстрация, 2005. 240 с.
- Болотина Н. Ю. Г. А.* Потемкин: к вопросу об институте фаворитизма в России // Российская государственность: история и современность. М. : РАГС, 2007. С. 230–263.
- Болотина Н. Ю.* Князь Потемкин : Герой эпохи Екатерины Великой. М. : Вече, 2006а. 528 с.
- Болотина Н. Ю.* Фаворитизм // История государственного управления в России : учебник / под ред. Р. Г. Пихои. М. : РАГС, 2006б. 439 с.
- Бумаги императрицы Екатерины II // Сборник РИО. Т. 42. СПб., 1885. 482 с.
- Валишевский К.* Вокруг трона. М. : ИКПА, 1989. 488 с.
- Володьков О. П.* Фаворитизм в России XVIII в. // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. Омск : ОмГУ, 1996. С. 47–64.
- Голицын Ф. Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой. М. : МГУ, 1996. 328 с.
- Григорович Н. И.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник РИО. Т. 29. СПб., 1881. 736 с.
- Дела Польши // Сборник РИО. Т. 47. СПб., 1885. 505 с.
- Департамент фаворитов. М. : ИКПА, 1990 (перепечатка издания 1917 г.).
- Державин Г. Р.* Избранная проза. М. : Советская Россия, 1984. 400 с.
- Димов В. А.* Потемкин в жизни : Человек-миф восемнадцатого века. М. : Классика, 2002. 558 с.
- Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М. : АН СССР, 1959. 277 с.
- Екатерина II: Искусство управлять / А. В. Храповицкий, А. М. Грибовский, Р. Дама. М. : Фонд Сергея Дубова, 2008. 650 с.
- Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. СПб. : б/и, 2000. 341 с.
- Елисеева О. И.* Григорий Потемкин. М. : Молодая гвардия, 2005. 665 с.
- Елисеева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода Второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. : Источниковедческое исследование. М. : Восток, 1997. 155 с.
- Загоровский Е. А.* Деятельность П. А. Зубова по управлению степной Украиной // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук. Одеса, 1929. Ч. 4–5. Секція соціально-історична. С. 44–58.

- Исмагулова Т. Д.* Братья Куракины и братья Зубовы в царствование Екатерины II и Павла I // Куракинские чтения. М. : б/и, 2006. С. 222–231.
- История государственной свиты: XVIII век. М. : Кучково поле, 2011. 640 с.
- История Европы : в 8 т. Т. 4. М. : Наука, 1994. С. 395–400.
- История СССР с древнейших времён до наших дней : в 12 т. Т. 3. М. : Наука, 1967. 747 с.
- Кабанов В. В.* Орловы : Историческая хроника. М. : Плюс, 1997. 127 с.
- Калязина И. В.* Александр Меншиков – строитель России : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Лики России, 2005. 247 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1789 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1888. 594 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1790 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1889. 784 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1791 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1890. 784 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1792 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1892. 744 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1793 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1892. 939 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1894. 1023 с.
- Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1896. 892 с.
- Кислягина Л. Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. : сб. ст. М. : МГУ, 1991. С. 168–191.
- Красильщик А. И.* К вопросу о социально-политических функциях института фаворитизма (время царствования Екатерины II) // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования : Материалы XVI научной конференции, 30–31 января 2004 г. / Историко-архивный институт РГГУ. М. : РГГУ, 2004. С. 220–223.
- Кудряшов К. В.* Платон Зубов : Последний фаворит Екатерины II. М. : Брокгауз-Ефрон, 1925. 95 с.
- Курукин И. В.* Бирон. М. : Молодая гвардия, 2006. 426 с.
- Курукин И. В.* Фаворит в России XVIII века: человек и механизм // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 9. М. : Собрание ; Наука, 2014. С. 181–195.
- Левенштейн О. Г.* Г. Р. Державин: государственная деятельность (1784–1796 гг.). Казань : КазГУ, 2008. 131 с.
- Лопатин В. С.* Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 гг. М. : Наука, 1997. 989 с.
- Лопатин В. С.* Потемкин и Суворов. М. : Наука, 1992. 287 с.
- Лопатин В. С.* Светлейший князь Потемкин : Портреты. Воспоминания. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 475 с.
- Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 903 с.
- Манько А. В.* Великих посольских дел оберэгатель : Политическая биография князя В. В. Голицына. М. : Аграф, 2007. 206 с.
- Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I : в 2 т. / пер. с фр. А. Дмитриевой ; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. Т. 1. М. : К. Ф. Некрасов, 1912. 368 с.
- Мнение по делу капитана Шемякина // Сочинения Державина : в 9 т. Т. 7. СПб. : Имп. Академия наук, 1872. С. 207–215.
- Омельченко О. А.* Власть и закон в России XVIII века : Исследования и очерки. М. : МГИУ, 2004. С. 341–351.
- Очерки русской культуры XVIII в. : в 4 ч. Ч. 2. М. : МГУ, 1987. С. 81–82, 84, 94–100.
- Павленко Н. И.* Меншиков : Полудержавный властелин. М. : Молодая гвардия, 2005. 361 с.
- Пархоменко Е. О.* Модели фаворитизма в России XVIII в. // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в области гуманитарных, естественных и технических наук в 2004 г. М. : Прометей, 2005. С. 25–29.
- Пёрышкин М. Ю.* Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : РАГС, 2004. 24 с.

Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М. : Молодая гвардия, 2003. 873 с.

Письма графа П. В. Завадовского к братьям графам Воронцовым // Архив князя Воронцова : в 40 кн. Кн. 12. М. : Тип. Грачева и К, 1877. С. 1–312.

Письма графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 8. М. : Тип. Грачева и К, 1876. С. 37–457.

Письма князя А. А. Безбородко // Архив князя Воронцова. Кн. 13. М. : Тип. Грачева и К, 1879. С. 1–420.

Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация : в 2 т. Т. 1. М. : Терра, 1996. 653 с.

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 50 т. Т. 23. СПб., 1830. № 17300, 17343, 17455, 17468, 17490.

Полушкин Л. П. Братья Орловы. 1762–1820. М. : Центрполиграф, 2007. 510 с.

Приложение к камер-фурьерскому журналу 1796 года. СПб. : Тип. департамента уделов, 1897. 144 с.

Пуле М. Ф. де. Последний король польский в Гродне и Литва в исходе XVIII века // Осмнадцатый век : Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым : в 4 т. Т. 4. М. : Тип. Т. Рис, 1869. С. 97–206.

Рахматуллин М. А. Непокколебимая Екатерина // Отечественная история. 1997. № 1. С. 13–26.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 5. Оп. 1; Ф. 10. Оп. 3; Ф. 11. Оп. 1; Ф. 14. Оп. 1; Ф. 16. Оп. 1; Ф. 20. Оп. 1; Ф. 193. Оп. 1; Ф. 1239. Оп. 3.

Рогожин Н. М. Артамон Матвеев // Международная жизнь. 1999. № 9. С. 88–98.

Савин А. Фавориты Екатерины II. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 1990. 112 с. (перепечатка издания 1912 г.)

Сафонов М. М. Генерал алькова? Платон Зубов: возвышение из ничтожества // Родина. 1997. № 9. С. 63–68.

Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб. : Лита, 2001. 311 с.

Сахаров В. И. Граф И. И. Шувалов как основатель Пажеского корпуса : К 200-летию корпуса // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы : Материалы X Голицынских чтений, 25–26 января 2003 года. Б. м., 2003. С. 177–181.

Сборник биографий кавалергардов : в 4 т. Т. 2. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. 491 с.

Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М. : ВАГРИУС, 2003. 558 с.

Сивенцева И. В. Книги фаворита Екатерины II А. Д. Ланского в библиотеке Императорского Александровского лицея // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург : УрГУ, 2001. С. 152–164.

Сизенко А. Г. Г. А. Потемкин – основатель Черноморского флота. Новороссийск : б/и, 1998.

Философский век : Альманах. Вып. 8. И. И. Шувалов (1727–1797) – просвещенная личность в российской истории. СПб. : б/и, 1998. 351 с.

Хотеенков В. Ф. Первый министр народного просвещения Российской империи Петр Васильевич Завадовский. М. : Центр вальдорф. педагогики, 1998. 465 с.

Шенкман Г. С. Генералиссимус Меншиков. СПб. : Лита, 2000. 171 с.

Шляпникова Е. А. Государственная деятельность Г. А. Потемкина. Липецк : б/и, 1997. 174 с.

Шунин А. А. «Дабы поставить государство в благом и спасительном состоянии» : Монетная реформа по проекту князя П. А. Зубова (1796–1797 гг.). Нижний Новгород : НГУ, 2005. 189 с.

Шунин А. А. Реформа медной монеты в России по проекту князя Платона Зубова (1796–1797 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород : б/и, 2004. 23 с.

Энциклопедия российской монархии : Члены императорского двора. Придворные. Фавориты и фаворитки. Временщики. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. 351 с.

Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М. : Финансы и статистика, 1994. 338 с.

Jena D. Potemkin: favorit und feldmarschall Katharinas der Grossen. München : Langen-Müller, 2001. 368 s.

Scott H. M. The rise of the first minister in eighteenth century Europe // History and biography. Essays in honour of Derek Beales. Cambridge : Cambridge university press, 1996. P. 21–52.

Brockliss L. W. B. Concluding remarks: The Anatomy of the Minister-Favorite // *The World of the Favorite* / Ed. by J. H. Elliott, L. W. B. Brockliss. New Haven : Yale University Press, 1999. P. 271–302.

References

Ageeva, O. G. (2008). *Imperatorskij dvor Rossii, 1700–1796 gody'* [Russia's Imperial Court, 1700–1796]. 380 p. Moscow, Nauka.

Agrancev, I. (2005). *Aleksandr Menshikov: Czarevich bez trona* [Aleksandr Menshikov: A Tsarevich without a Throne]. 352 p. Saint Petersburg, Neva.

Andriajnen, S. V. (2007). P. I. Shuvalov i ego proekty' gosudarstvenny'h preobrazovanij v 1744–1761 gg. [P. I. Shuvalov and His State Reform Projects between 1744 and 1761] (Dissertation abstract). 29 p. Saint-Petersburg, SPbGU.

Arhiv knyazya Voronczoza [The Archive of Prince Vorontsov]. (1876). (Bk. 9). 558 p. Moscow, Tip. Gracheva i K.

Bespyaty'h, Yu. N. (2005). *Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify' i real'nost'* [Aleksandr Danilovich Menshikov: Myths and Reality]. 240 p. Saint Petersburg, Istoricheskaya illyustraciya.

Bolotina, N. Yu. (2006a). Knyaz' Potemkin: Geroj e'pohi Ekateriny' Velikoj [G. A. Potemkin: On the Issue of Favouritism in Russia]. 528 p. Moscow, Veche.

Bolotina, N. Yu. (2006b). Favoritizm [Favouritism]. In Pihoya, R. G. (Ed.). *Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii*. 439 p. Moscow, RAGS.

Bolotina, N. Yu. (2007). G. A. Potemkin: k voprosu ob institute favoritizma v Rossii [Prince Potemkin: A Hero of Catherine the Great's Epoch]. In *Rossijskaya gosudarstvennost': istoriya i sovremennost'* (pp. 230–263). Moscow, RAGS.

Brockliss, L. W. B. (1999). Concluding remarks: The Anatomy of the Minister-Favorite. In Elliott, J. H. & Brockliss, L. W. B. (Eds.). *The World of the Favorite* (pp. 271–302). New Haven, Yale University Press.

Bumagi imperatricy' Ekateriny' II [Papers of Empress Catherine II]. (1885). In *Sbornik RIO*. (Vol. 42). 482 p. Saint Petersburg.

Dela Pol'shi [Poland's Affairs]. (1885). In *Sbornik RIO*. (Vol. 47). 505 p. Saint Petersburg.

Departament favoritov [The Department of Favourites]. (1990). Moscow, IKPA.

Derzhavin, G. R. (1984). *Izbrannaya proza* [Selected Prose]. 400 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya.

Dimov, V. A. (2002). *Potemkin v zhizni: Chelovek-mif vosemnadcatogo veka* [Potemkin in Life: The Mythical Man of the Eighteenth Century]. 558 p. Moscow, Klassika.

Druzhinina, E. I. (1959). *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea Region in 1775–1800]. 277 p. Moscow, AN SSSR.

E'nciklopediya rossijskoj monarhii: Chleny' imperatorskogo dvora. Pridvorny'e. Favority' i favoritki. Vremeshhiki [An Encyclopaedia of Russian Monarchy: Members of the Royal Court. The Suite. Favourites]. (2002). 351 p. Yekaterinburg, U-Faktoriya.

Eliseeva, O. I. (1997). *Perepiska Ekateriny' II i G. A. Potemkina perioda Vtoroj russko-tureczkoj vojny' 1787–1791 gg.: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Catherine II and G.A. Potemkin's Correspondence of the 2nd Russo-Turkish War of 1787–1791 (A Source Study)]. 155 p. Moscow, Vostok.

Eliseeva, O. I. (2000). *Geopoliticheskie proekty' G. A. Potemkina* [G. A. Potemkin's Geopolitical Projects]. 341 p. Saint Petersburg.

Eliseeva, O. I. (2005). *Grigorij Potemkin* [Grigory Potemkin]. 665 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Filosofskij vek: Al'manah. Vy'p. 8. I. I. Shuvalov (1727–1797) – prosveshhennaya lichnost' v rossijskoj istorii [The Age of Philosophy: An Almanac. Issue 8: I. I. Shuvalov (1727–1797)]. (1998). 351 p. Saint Petersburg.

Golitsyn, F. N. (1996). Zapiski [Notes]. In *Zolotoj vek Ekateriny' Velikoj*. 328 p. Moscow, MGU.

Grigorovich, N. I. (1881). Kanczler knyaz' Aleksandr Andreevich Bezborodko v svyazi s soby'tiyami ego vremeni [Chancellor Aleksandr Andreevich Bezborodko on the Events of His Time]. In *Sbornik RIO*. (Vol. 29). 736 p. Saint Petersburg.

Hoteenkov, V. F. (1998). *Pervyj ministr narodnogo prosveshheniya Rossijskoj imperii Petr Vasil'evich Zavodovskij* [The First Minister of Popular Enlightenment of the Russian Empire Petr Vasilyevich Zavodovsky]. 465 p. Moscow, Centr val'dorfskogo pedagogiki.

Hrapoviczkij, A. V., Gribovskij, A. M. & Dama, R. (2008). *Ekaterina II: Iskustvo upravlyat'* [Catherine II: The Art of Ruling]. 650 p. Moscow, Fond Sergeya Dubova.

Ismagulova, T. D. (2006). *Brat'ya Kurakiny' i brat'ya Zubovy' v czarstvovanie Ekateriny' II i Pavla I* [The Brothers Kurakin and Brothers Zubov during the Rule of Catherine II and Paul I]. In *Kurakinskie chteniya* (pp. 222–231). Moscow.

Istoriya Evropy' [A History of Europe] (in 8 vols.). (1994). (Vol. 4, pp. 395–400). Moscow, Nauka.

Istoriya gosudarevoj svity': XVIII vek [The History of the Emperor's Retinue]. (2011). 640 p. Moscow, Kuchkovo pole.

Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei [The History of the USSR from the Old Times to Modernity] (in 12 vols.). (1967). (Vol. 3). 747 p. Moscow, Nauka.

Jena, D. (2001). *Potemkin: Favorit und Feldmarschall Katharinas der Grossen*. 368 s. München, Langen-Müller.

Kabanov, V. V. (1997). *Orlovy': Istoricheskaya hronika* [The Orlovs: A Historical Chronicle]. 127 p. Moscow, Plyus.

Kalyazina, I. V. (2005). *Aleksandr Menshikov – stroitel' Rossii* [Aleksandr Menshikov: The Builder of Russia] (in 2 parts). (Part 1). 247 p. Saint Petersburg, Liki Rossii.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1789 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1789]. (1888). 594 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1790 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1790]. (1889). 744 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1791 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1791]. (1890). 784 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1792 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1792]. (1892). 744 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1793 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1793]. (1892). 939 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1795 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1795]. (1894). 1023 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kamer-fur'erskij ceremonial'ny'j zhurnal 1796 goda [Chamber Fourrier Ceremonial Magazine of 1796]. (1896). 892 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Kislyagina, L. G. (1991). *Kancehlyariya stats-sekretarej pri Ekaterine II* [The Chancellery of State Secretaries under Catherine II]. In *Gosudarstvenny'e uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* (pp. 168–191). Moscow, MGU.

Krasil'shchik, A. I. (2004). *K voprosu o social'no-politicheskikh funkciyah instituta favoritizma (vremya czarstvovaniya Ekateriny' II)* [On the Social and Political Functions of Favouritism (During the Reign of Catherine II)]. In *Narod i vlast': Istoricheskie istochniki i metody' issledovaniya: Materialy XVI nauchnoj konferencii (30–31 yanvarya 2004 g.)* (pp. 220–223). Moscow, RGGU.

Kudryashov, K. V. (1925). *Platon Zubov: Poslednij favorit Ekateriny' II* [Platon Zubov: The Last Favourite of Catherine II]. 95 p. Moscow, Brokgauz-Efron.

Kurukin, I. V. (2006). *Biron* [Biron]. 426 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Kurukin, I. V. (2014). *Favorit v Rossii XVIII veka: chelovek i mehanizm* [Favourites in 18th Century Russia: Men and Mechanisms]. In *Vestnik istorii, literatury', iskusstva* (Vol. 9, pp. 181–195). Moscow, Sobranie, Nauka.

Levenshtejn, O. G. (2008). *G. R. Derzhavin: gosudarstvennaya deyatel'nost' (1784–1796 gg.)* [G. R. Derzhavin: State Activity (1784–1796)]. 131 p. Kazan, KazGU.

Lopatin, V. S. (1992). *Potemkin i Suvorov* [Potemkin and Suvorov]. 287 p. Moscow, Nauka.

Lopatin, V. S. (1997). *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaya perepiska 1769–1791 gg.* [Catherine II and G. A. Potemkin. Personal Correspondence of 1769–1791]. 989 p. Moscow, Nauka.

Lopatin, V. S. (2004). *Svetlejšij knyaz' Potemkin: Portrety'. Vospominaniya* [His Serene Highness Prince Potemkin: Portraits. Memoirs]. 475 p. Moscow, OLMA-PRESS.

Madariaga, I. de. (2002). *Rossiya v e'pohu Ekateriny' Velikoj* [Russia during the Reign of Catherine the Great]. 903 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Man'ko, A. V. (2007). *Velikih posol'skih del oberegatel': Politicheskaya biografiya knyazya V. V. Golicy'na* [The Protector of the Great Ambassadorial Affairs: The Political Biography of Prince V. V. Golitsyn]. 206 p. Moscow, Agraf.

Memuary' knyazyia Adama Chartorizhskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksan-drom I [Memoirs of Prince Adam Czartoryski and His Correspondence with Emperor Alexander I] (in 2 vols.). (1912). (Vol. 1). 368 p. Moscow, K. F. Nekrasov.

Mnenie po delu kapitana Shemyakina [An Opinion of Captain Shemyakin's Case]. (1872). In *Sochineniya Derzhavina* (in 9 vols.). (Vol. 7, pp. 207–215). Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Ocherki russkoj kul'tury' XVIII v. [Essays on 18th Century Russian Culture] (in 4 parts). (1987). (Part 2, pp. 81–82, 84, 94–100). Moscow, MGU.

Omel'chenko, O. A. (2004). *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka: Issledovaniya i ocherki* [Power and Law in 18th Century Russia] (pp. 341–351). Moscow, MGU.

Parhomenko, E. O. (2005). Modeli favorizma v Rossii XVIII v. [Models of Favoritism in 18th Century Russia]. In *Sbornik materialov po itogam nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti molody'h ucheny'h v oblasti gumanitarny'h, estestvenny'h i tehniceskikh nauk v 2004 g.* (pp. 25–29). Moscow, Prometej.

Pavlenko, N. I. (2005). *Menshikov: Poludержавnyj vlastelin* [Menshikov: The Ruler of Half a Country]. 361 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Peryshkin, M. Yu. (2004). *Institut stats-sekretarej pri Ekaterine II (1762–1796 gg.)* [The Institution of State Secretaries under Catherine II (1762–1796)]. (Dissertation abstract). 24 p. Moscow, RAGS.

Pis'ma grafa F. V. Rostopchina k grafu S. R. Voroncovu [Count F. V. Rostopchin's Letters to Count S. R. Vorontsov]. (1876). In *Arhiv knyazyia Voroncova* (in 40 bks). (Bk. 8, pp. 37–457). Moscow, Tipografiya Gracheva i K.

Pis'ma grafa P. V. Zavadovskogo k brat'yam grafam Voroncovy'm [Letters of Prince P. V. Zavadovsky to Counts Brothers Vorontsov]. (1877). In *Arhiv knyazyia Voroncova* (in 40 bks). (Bk. 12, pp. 1–312). Moscow, Tipografiya Gracheva i K.

Pis'ma knyazyia A. A. Bezborodko [Letters of Prince A. A. Bezborodko]. (1879). In *Arhiv knyazyia Voroncova* (in 40 bks). (Bk. 13, pp. 1–420). Moscow, Tipografiya Gracheva i K.

Pisarenko, K. A. (2003). *Povsednevnyaya zhizn' russkogo dvora v czarstvovanie Elizavety' Petrovny'* [Everyday Life of the Russian Court during the Reign of Elizaveta Petrovna]. 873 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Politicheskaya istoriya: Rossiya – SSSR – Rossijskaya Federaciya [Political History: Russia – USSR – The Russian Federation] (in 2 vols.). (1996). (Vol. 1). 653 p. Moscow, Terra.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Collection 1)] (in 50 vols.). (1830). (Vol. 23, no. 17300, 17343, 17455, 17468, 17490). Saint Petersburg.

Polushkin, L. P. (2007). *Brat'ya Orlovy'. 1762–1820* [Brothers Orlov. 1762–1820]. 510 p. Moscow, Centrpoligraf.

Prilozhenie k kamer-fur'erskomu zhurnalu 1796 goda [An Appendix to the Chamber Fourrier Magazine of 1796]. (1897). 144 p. Saint Petersburg, Tipografiya departamenta udelov.

Pule, M. F. de. (1869). *Poslednij korol' pol'skij v Grodne i Litva v ishode XVIII veka* [The Last Polish King in Grodno and Lithuania in the Late 18th Century]. In *Osmnadczatyj vek: Istoricheskij sbornik, izdavaemyj P. Bartenevy'm* (in 4 vols.). (Vol. 4, pp. 97–206). Moscow, Tipografiya T. Ris.

Rahmatullin, M. A. (1997). *Nepokolebimaya Ekaterina* [The Firm Catherine], *Otechestvennaja istorija*, 1, pp. 13–26.

Rogozhin, N. M. (1999). Artamon Matveev [Artamon Andreev], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 9, pp. 88–98.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 5. Op. 1; F. 10. Op. 3; F. 11. Op. 1; F. 14. Op. 1; F. 16. Op. 1; F. 20. Op. 1; F. 193. Op. 1; F. 1239. Op. 3.

Safonov, M. M. (1997). *General al'kova? Platon Zubov: vozvyshenie iz nichtozhestva* [A General of the Alcove? Platon Zubov: Rising from Misery], *Rodina*, 9, pp. 63–68.

Safonov, M. M. (2001). *Zaveshhanie Ekateriny' II* [The Testament of Catherine II]. 311 p. Saint Petersburg, Lita.

Saharov, V. I. (2003). Graf I. I. Shuvalov kak osnovatel' Pazheskogo korpusa: K 200-letiyu korpusa [Count I. I. Shuvalov as the Founder of the Page Corps: On the 200th Anniversary of the Corps]. In *Hozyaeva i gosti usad'by' Vyazemy': Materialy' X Golicyn'skich chtenij (25–26 yanvarya 2003 goda)* (pp. 177–181).

- Savin, A. (1990). *Favority' Ekateriny' II* [Favourites of Catherine II]. 112 p. Stavropol, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Sbornik biografij kavaler gardov* [A Collection of Biographies of Horse Guardsmen] (in 4 vols.). (1904). (Vol. 2). 491 p. Saint Petersburg, E'kspediciya zagotovleniya gosudarstvenny'h bumag.
- Scott, H. M. (1996). The Rise of the First Minister in Eighteenth Century Europe. In *History and biography. Essays in honour of Derek Beales* (pp. 21–52). Cambridge, Cambridge university press.
- Sebag-Montefiore, S. (2003). *Potemkin* [Potemkin]. 558 p. Moscow, VAGRIUS.
- Shenkman, G. S. (2000). *Generalissimus Menshikov* [Generalissimo Menshikov]. 171 p. Saint Petersburg, Lita.
- Shlyapnikova, E. A. (1997). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' G. A. Potemkina* [State Activity of G. A. Potemkin]. 174 p. Lipetsk.
- Shunin, A. A. (2004). *Reforma mednoj monety' v Rossii po proektu knyazya Platona Zubova (1796–1797 gg.)* [Copper Coin Reform in Russia Authored by Prince Platon Zubov (1796–1797)]. (Dissertation abstract). 23 p. Nizhny Novgorod.
- Shunin, A. A. (2005). «*Daby' postavit' gosudarstvo v blagom i spasitel'nom sostoyanii*»: *Monetnaya reforma po proektu knyazya P. A. Zubova (1796–1797 gg.)* [“For the State's Benefit and Sustainability”: A Monetary Reform Authored by Prince P. A. Zubov (1796–1797)]. 189 p. Nizhny Novgorod, NGU.
- Sivenceva, I. V. (2001). *Knigi favorita Ekateriny' II A. D. Lanskogo v biblioteke Imperatorskogo Aleksandrovsckogo liceya* [Books of Catherine II's Favourite A. D. Lanskoj in the Library of the Imperial Alexander Lyceum]. In *Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya* (pp. 152–164). Yekaterinburg, UrGU.
- Sizenko, A. G. (1998). *G. A. Potemkin – osnovatel' Chernomorskogo flota* [G.A. Potemkin – the Founder of the Black Sea Fleet]. Novorossijsk.
- Valishevskij, K. (1989). *Vokrug trona* [Around the Throne]. 488 p. Moscow, IKPA.
- Volod'kov, O. P. (1996). Favoritizm v Rossii XVIII v. [Favouritism in 18th Century Russia]. In *Vy'dayushhiesya gosudarstvenny'e deyateli Rossii XVIII–XX vv.* (pp. 47–64). Omsk, OmGU.
- Zagorovskij, E. A. (1929). *Deyatel'nost' P. A. Zubova po upravleniyu stepnoj Ukrainoj* [P. A. Zubov's Activity in Ruling Steppe Ukraine]. In *Visnik Odes'koi komisii krae'znavstva pri Ukrains'koj akademii nauk.* (Part 4–5, pp. 44–58). Odessa.
- Yuht, A. I. (1994). *Russkie den'gi ot Petra Velikogo do Aleksandra I* [Russian Money from Peter the Great to Alexander I]. 338 p. Moscow, Finansy' i statistika.

The article was submitted on 20.04.2015

Игорь Владимирович Курукин
 профессор,
 Российский государственный
 гуманитарный университет,
 Москва, Россия
 kurukin@mail.ru

Igor Kurukin, Professor,
 Russian State University
 of Humanities,
 Moscow, Russia
 kurukin@mail.ru

DOI 10.15826/qr.2015.3.120

УДК 397.7(571.66)+398.3(571.66)

Такаши Иримото

**«ЕСЛИ НЕТ КУЛЬТУРЫ, ТО НЕТ И ИСТОРИИ...»:
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОЛЕНЕВОДОВ СЕВЕРНОЙ
КАМЧАТКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Takashi Irimoto

**“IF THERE IS NO CULTURE, THERE IS NO HISTORY...”:
TRADITIONAL CULTURE AMONG
NORTHERN KAMCHATKA REINDEER HERDERS
IN THE POST-SOVIET PERIOD**

Oliutorskii Chauchu, the Koryak reindeer herders of Northern Kamchatka, have faced serious economic and social hardships since the collapse of the Soviet Union. They had to adapt their traditional reindeer herding, maintenance of village infrastructures and production to a free-market economy. Previously, they based these on the principles of state control. Despite the social changes during the Soviet era, they maintained not only their worldview but also various rituals connected with reindeer herding. Even though some Koryak reindeer herders – the local intelligentsia – received a Soviet education based on materialism, they openly expressed their conviction in religious traditions and discussed spiritual ties between reindeer herders, reindeer, nature and Koryak mythology even in the early 1990s. They saw no contradictions between science and Koryak religion and tried to explain some religious elements by means of science. They thought that finding rational explanations behind traditional beliefs was the purpose of science. They also believed that it was necessary to practice traditional Koryak knowledge and pass it, along with their rituals, to younger generations.

This paper aims to study how deeply religion was rooted in the everyday life of reindeer herders in the Oliutorsk Region (Northern Kamchatka). It also shows how religious experience helps young Koryak people form ethnic identity. The paper is based on the author's observations and interviews, which he collected during his fieldwork among the reindeer herders in the Oliutorsk Region during the early 1990s.

Keywords: ritual; nature; post-Soviet; reindeer herders; Northern Kamchatka; Koryak mythology.

После распада Советского Союза олюторские коряки, оленеводы северной части Камчатки, столкнулись с серьезными трудностями в ведении традиционного хозяйства. Несмотря на социальные перемены, происходившие в советскую эпоху, они сохранили мировоззрение и ритуалы, связанные с кочевым оленеводством. Местная интеллигенция, воспитанная на идеях материализма, в новых условиях постсоветской социальной среды стала свободно заявлять о своем отношении к религии и природе. Представители интеллигенции считают духовную связь между природой и людьми объективно существующей, при этом в интерпретациях ритуалов они используют теоретически противоречащие друг другу идеи религии и науки. Согласно их мнению, можно научно объяснить духовные связи между людьми и природой. Они также считают, что ритуалы, выражающие эти духовные отношения, необходимо поддерживать и передавать молодому поколению. Эта статья посвящена изучению того, насколько глубоко укоренилась религия в повседневной жизни корякских оленеводов-кочевников и как передача религиозного опыта связана с формированием этнической идентичности у молодежи. В статье использованы полевые материалы, полученные в результате нескольких экспедиций автора в село Средние Пахачи в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: обряды, природа, постсоветский период, оленеводы, северная Камчатка, мифология коряков.

Introduction

I had been engaged in researching Canadian hunters of the Northern Forest for almost 10 years; I lived with the Chipewyan, caribou-hunting American Natives of the Athapaskan linguistic family, for 15 months in 1973 and between 1975 and 1976 to conduct an ecological anthropological field survey on them. While I was a graduate student in the Department of Anthropology at the University of Tokyo, I was also enrolled at the Graduate School of the University of Manitoba and later at the Graduate School of the Simon Fraser University in British Columbia, Canada. I submitted a doctoral dissertation and received Ph. D. from Simon Fraser University. The dissertation was published in 1981 by the National Museum of Ethnology in Japan, where I was working at that time, under the title "Chipewyan Ecology – Group Structure and Caribou Hunting System." In 1989, it was also chosen to be included in the Human Relations Area Files (HRAF) of Yale University.

For 10 years, since 1984, after being transferred to Hokkaido University from the National Museum of Ethnology, I had also studied the Ainu culture. My mind was filled with the thought that I ought to organize the research materials I had collected up till then, and do theoretical research based on their comparison. In fact, since we needed to do this research, we held an international symposium at Hokkaido University in 1991 entitled "Religion and Ecology in Northern Eurasia and North America," later

published in 1994 by the University of Tokyo Press under the title “Circumpolar Religion and Ecology – An Anthropology of the North,” edited by Takashi Irimoto and Takako Yamada. In the process of this research, a new theoretical problem arose that I had to solve, namely the comparison between hunting and herding among the northern cultures. This problem is important to understand when considering the origin of domestication in human history. This was the first area in which I was interested. Then, I started to study the ecology and worldview of reindeer herders of northern Kamchatka.

The second area I was interested in on the expedition to Kamchatka was cultural change. The society and culture of the northern regions have gone through drastic changes in recent years. In order to meet the demands of these fast changing international relations that go beyond the traditional framework of Northern Studies, researchers are searching for new objectives and methods of study in this field. To understand the society and culture of the northern regions where transformation is taking place currently, and to cope with rapidly changing international relations, it is necessary to expand Northern Studies within a new framework under transformation, rather than just continuing the comparative studies of traditional cultures. From now on, in addition to analyzing the relationship between an individual and the traditional culture, or the altering relations between the ethnic group and the nation, it will be important to analyze the international relations that are closely related to these factors.

The international joint project in the Kamchatka region was made by the Russian Academy of Sciences and Hokkaido University in 1991. In 1992, an agreement was reached to select a site for research and for further studies. Based on this agreement, the plan started to take shape in 1993, but both Russia and Japan suffered communication difficulties due to the poor telecommunications links between the two countries. Finally, I flew out of Japan heading for the far-east Khabarovsk where we were going to meet. According to our plan, I was the only one from Japan, three researchers from Russia were to come, and two guides were to meet us at Kamchatka. Thus, my field trip to Kamchatka started.

Введение

Я занимался изучением охотников северных лесов Канады на протяжении почти десяти лет. Для полевых эколого-антропологических исследований я пятнадцать месяцев (в 1973 г. и в период между 1975 и 1976 гг.) жил вместе с *чипевиян*, коренными американцами, охотниками на карибу, представителями атапаскской языковой семьи. В то же время, когда я учился в магистратуре Токийского университета на факультете антропологии, меня приняли в университет Манитобы, а позже в университет Саймона Фрейзера в Британской Колумбии, в Канаде, где я защитил диссертацию и получил степень доктора.

Моя диссертация «Экология чипевиян – структура группы и система охоты на карибу» была опубликована в 1981 г. Национальным музеем этнологии Японии, где я в то время работал. В 1989-м она была выбрана и включена в Ареальную картотеку человеческих отношений (HRAF) Йельского университета.

После моего перевода из Национального этнографического музея в университет Хоккайдо в 1984 г. я также на протяжении десяти лет занимался культурой айну. И меня не покидала мысль о том, что мне следует упорядочить собранные к тому времени материалы и провести их сравнительное теоретическое исследование. Для этого исследования в 1991 г. мы организовали в университете Хоккайдо международный симпозиум «Религия и экология в Северной Евразии и Северной Америке». Позже, в 1994-м, материалы симпозиума под редакцией Такаши Иримото и Такако Ямада были опубликованы издательством Токийского университета под заголовком «Циркумполярный регион и экология — антропология Севера». В ходе исследования появилась новая теоретическая проблема, которую мне надлежало решить, а именно сравнение традиций охоты и скотоводства разных северных культур. Она важна для изучения истоков одомашнивания животных в истории человечества. Это была первая тема, которая меня заинтересовала. Потом я взялся за изучение экологии северной Камчатки и мировоззрений живущих в этом районе оленеводов.

Другим предметом моего интереса в экспедиции на Камчатку стали происходящие там культурные изменения. За последние годы общественное устройство и культура в северных регионах претерпели значительную трансформацию. И чтобы их понять и угнаться за изменениями в международных отношениях, необходимо расширить рамки северных исследований, а не просто продолжать сравнительное изучение традиционных культур. Поэтому ученые ищут новые задачи и методы изучения в этой сфере. Сейчас в дополнение к анализу взаимоотношений между индивидом и традиционной культурой или между этнической группой и нацией становится важно анализировать международные контакты, которые также тесно с ними связаны.

В 1991 г. в Камчатском крае был создан совместный международный проект Российской академии наук и университета Хоккайдо, а в 1992 г. было достигнуто соглашение относительно места проведения исследований. Опираясь на это соглашение, в 1993 г. проект начал реализовываться. Однако стороны испытывали сложности в общении из-за плохо развитых средств телекоммуникации между Россией и Японией. Но в конце концов я вылетел из Японии в Хабаровск, где мы должны были встретиться. Согласно нашему плану, на Камчатке меня, единственного японца, и троих русских ученых должны были встретить два гида. Так началась моя научная экспедиция на Камчатку.

Такаши Иримото (слева в первом ряду) во время полевых исследований среди оленеводов Северной Камчатки. 1993. Фото из архива автора

Социальные и экономические изменения в жизни оленеводов в XX в.

Всего в разных регионах России насчитывается около восьми тысяч коряков, шесть тысяч из которых проживают в Корякском округе Камчатского края¹. Корякский округ делится на четыре административных района: на северо-западе расположен Пенжинский район; западная часть, омываемая водами Охотского моря, составляет Тигильский район с окружным административным центром в поселке Палана; на побережье Берингова моря находится Карагинский район. Территория исследования, Олюторский район, расположена в восточной части основания полуострова. На севере он граничит с Чукотским автономным округом по линии Корякского нагорья, которое, продолжаясь на юг, образует границу между Олюторским и Пенжинским районами. На юге и востоке территория района ограничивается береговой линией Берингова моря.

¹ Корякский округ (корякск. Чав'чываокруг) — административно-территориальная единица с особым статусом в составе Камчатского края России, образованного в 2007 г. До этого являлся Корякским автономным округом Камчатской области. Здесь и далее устаревшие административные названия заменены на современные. — *Здесь и далее прим. ред.*

Олюторский район на карте отмечен темной областью

Коряки этого региона создали уникальную для севера тихоокеанского побережья Камчатки культуру, на основе слияния культуры аборигенного населения побережья Берингова моря и переселенцев с более южных территорий бассейна реки Анадырь. Лингвистические и культурно-бытовые особенности населения этого района дают основания классифицировать его как отдельный «Олюторский комплекс».

Большая часть исследований была проведена в селе Средние Пахачи, где, согласно статистическим данным, в 1993 г. проживало 380 чукчей и 164 коряка, всего 136 семей. Кроме того, среди жителей села было 220 русских, многие из которых впоследствии, когда в регионе возникли экономические проблемы, уехали на материк. В результате численность населения стремительно снизилась².

² Согласно данным Всероссийской переписи населения, численность села Средние Пахачи в 2010 г. составляла всего 407 человек. В 2014 г. в селе было зарегистрировано всего 363 жителя.

Этнонимы «чукча» и «коряк», используемые современной официальной статистикой, были введены еще в советское время для идентификации различных этнических групп Камчатки. Однако на практике все оленеводы вне зависимости от того, были ли они чукчами или коряками, назывались *чаучу*. В их образе жизни, основанном на разведении оленей, нет никаких различий. Согласно исследованиям Йохельсона, их языки также очень похожи и они могут понимать друг друга, хотя ранее чукчи и коряки классифицировались как разные этнические группы [Jochelson].

Поголовье оленей Олюторского района в начале 2000-х гг. достигало 14 000 животных, разделенных на пять стад, четыре из которых, общей численностью 12 000 оленей, являлись собственностью совхоза, а пятое, насчитывавшее 2 000 животных, принадлежало оленеводам-частникам.

Самое крупное событие, повлиявшее на образ жизни коряков в XX в., — это появление на их землях в 1931 г. колхоза. При этом пастбища, используемые для выпаса оленей, и способы ведения оленеводства оставались прежними.

Ситуация резко изменилась после 1956 г., когда правительство Хрущева с целью повышения рентабельности сельского хозяйства ввело управляемую государством систему оленеводства, создав совхозы. Новая совхозная система отличалась от колхозной тем, что работники получали за свой труд фиксированную зарплату. Кроме того, в район была направлена специальная комиссия для реорганизации колхозного стада оленей и пастбищ.

Объединение оленей в одно большое совхозное (государственное) стадо привело к тому, что пастухи утратили ощущение связи со «своим» стадом и ответственности за «своих» оленей, которые теперь стали общими — государственными. Более того, поскольку пастбища были разделены на участки, изменилась сезонная миграция оленей, а вместе с этим и связанный с ней традиционный образ жизни коряков. Кочевая жизнь в ярангах была заменена оседлым проживанием в сельских домах национальных поселков [Irimoto, 1994]. В поселке Верхние Пахачи были построены дома для коряков, школы, больницы и магазины, чтобы привлечь оленеводов к оседлому образу жизни. Однако в результате разграничения каким-то хозяйствам достались более удобные пастбища, а каким-то — похуже. Пастбище в Средних Пахачах было разделено на пять участков, четыре из которых предназначались для выпаса совхозных оленей, а пятый — для общего стада оленей частных. Такое разделение не было согласовано с традиционным циклом выпаса оленей, основанным на сезонных миграциях: летом — к побережью, а зимой — вглубь полуострова. Границы трех из пяти участков были установлены механическим разделением бассейна реки Пахача от ее верховьев к среднему течению. В результате один из участков охватил только гористую местность без доступа к летним пастбищам на побережье, а земли другого оказались исклю-

чительно на побережье. По словам пастуха – собственника оленей, его сезонная миграция со стадом проходила по крайней мере по четырём из пяти участков, заставляя нарушать при кочевании установленные между ними границы.

Сезонный миграционный цикл оленеводов региона включает выпас оленей на зимнем пастбище, выпас на летнем пастбище и движение от одного к другому. У оленеводов есть три-четыре зимних пастбища в гористой местности в глубине полуострова, каждое из которых используется в строгой очередности, чтобы дать возможность ягелю восстановиться. Таким образом, коряки возвращаются на первое пастбище только на четвертый год. Обычно выбирается местность, на которой не бывает глубокого снега и не очень ветрено. При этом один участок обязательно оставляют нетронутым, чтобы использовать его для выпаса оленей только в случае крайней необходимости. В конце весны оленеводы со стадами спускаются вдоль русла реки из горных районов в прибрежную тундровую зону, каждый раз следуя вдоль одного из берегов, чтобы мох, основная пища оленей на пути следования, за год успел восстановиться. Если в один год они идут по левому берегу реки, то в следующем — обязательно по правому.

Поселок Средние Пахачи расположен как раз на пути кочевки с зимних на летние пастбища. Когда стадо проходит через поселок, оленей сопровождают только мужчины, а остальные члены семей остаются в поселке. Все лето олюторские коряки пасут оленей в тундровой зоне на побережье, после чего возвращаются в поселок. Здесь они проводят специальный ритуал, после чего мигрируют на зимние пастбища, где и кочуют до следующей весны.

Раньше семьи оленеводов жили в ярангах и кочевали вместе со стадом весь год, стараясь останавливаться вблизи озер, чтобы заниматься рыболовством. Современные оленеводы оставляют свои семьи в поселке, а сами кочуют вслед за оленями, ночуя в обычных палатках.

Совхоз занимается также производством молока, мяса птицы и яиц, необходимых для детского питания, и некоторым жителям поселка приходится работать в этих цехах. Первоначально зарплату всем платило государство, но в постперестроечный период пришлось самим заниматься продажей мяса, чтобы поддерживать совхоз. При этом прибыль шла не только на производство продуктов, но и на строительство жилого фонда, развитие и поддержание инфраструктуры поселка.

До перестройки организация оленеводства была включена в государственный план развития народного хозяйства. Однако в условиях развития свободного рынка каждому совхозу пришлось самостоятельно заняться планированием и управлением. При отсутствии опыта и государственной поддержки создалась опасность, что совхоз разорится. Отсутствие прибыли и невозможность выплачивать работникам зарплату неизбежно привели бы и к разорению поселка,

существовавшего за его счет. Во время проведения полевых исследований в 1997 г. эта угроза была более чем реальной, поскольку из-за нехватки угля проводились ежедневные отключения электроснабжения и отопления в домах³.

Кильвэй — праздник рождения оленят

У коряков существует годовой цикл обрядов и праздников. К ним относятся: *Коянайтамык*, отмечаемый в конце августа — начале сентября, когда оленей гонят с летних пастбищ; *Пэгытти* проводят в конце декабря в честь начала нового года; *Кильвэй* приходится на начало мая, время рождения оленят; *Аноатт*, обряд прощания с оленями, направляющимися на летние пастбища, совершают в начале июля. Кроме того, существует *Невrab-Кораре*, который проводят в начале марта при разделении стада и в октябре, перед началом зимы. *Тантегинин* — обряд в память об умерших — тоже входит в этот цикл.

Оленей приносят в жертву духу реки каждый раз перед тем, как стадо должно пересечь реку, и духу моря — перед началом охоты на тюленей. Во время этих обрядов оленей приносят в жертву *Гичиги*⁴, божеству — создателю северных оленей. Очевидно, что эти празднования тесно связаны с годовым циклом жизни оленей [Irimoto, 1995a; 1995b; 1995c].

Кильвэй — праздник в честь рождения оленят — знаменует приход весны и символизирует подношение еды *Гичиги*. Автор имел возможность дважды наблюдать *Кильвэй* и слышал о его особенностях. Тем не менее постарался получить объяснения оленевода Юрия⁵ по поводу этого ритуала, проведенного в 1995 г. Поэтому сначала предложил ему самому рассказать об этом ритуале, а потом уже задавал вопросы.

«Мы можем называть это событие по-разному, — начал объяснять Юрий, — праздник, богослужение или традиция. Сегодня люди не празднуют его так, как раньше». Потом перешел к рассказу о *Кильвэе*: «Приготовления к нему начинают в январе, когда забивают оленя. Мясо моментально застывает на морозе и не тает даже в мае». Юрий

³ Вероятно, в результате одного из таких отключений зимой 1998 г. была выведена из строя система централизованного отопления, водоснабжения и канализации. Воду жители села брали с реки, по крайней мере до 2013 г. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Олюторского района, в поселке Средние Пахачи численностью 363 человека продолжают работать сельский дом культуры, средняя школа и детский сад (см.: <http://olutmr.ru/about/dependents/> (дата обращения: 01.08.2015) и <http://www.vesti-koryakii.ru/article> (дата обращения: 01.08.2015).

⁴ Здесь приведена транслитерация названия, используемого автором. В оригинальном тексте на английском написано Gichigi. Возможно, локальное имя популярного в корякской мифологии Куткыннеку (Куйкынника) или его сына Кикигысыньяку.

⁵ Имя вымышленное, поскольку этика японских антропологов не допускает приведения настоящих имен информантов в научных публикациях. Информатору на момент проведения интервью было 65 лет. Записи интервью находятся в личном архиве автора.

сказал, что *Кильвэй* в тот день был устроен в честь родившихся оленят. «Давно, когда эти обряды еще были широко распространены и не были упрощены, после того как оленихи рожали оленят и сбрасывали рога, люди эти рога собирали. Оленьи рога символизировали стадо. Их собирали потому, что было невозможно собрать самих оленей. Все эти рога хранили за домом с северной стороны или у входа — с южной стороны. Из разных частей разделанного оленя люди брали те, в которых не много мяса, такие как позвоночник. Потом за неделю до праздника кости дробили и извлекали из них мозг. Кроме того, готовились мясные блюда для посредника между людьми и оленями — божества *Гичиги*. Люди верят в незримую связь между человеком и оленем. Также олень связан с землей и природой, и их божества, в свою очередь, тоже выступают посредниками». Юрий еще раз подчеркнул, что существует связь как между людьми и оленями, так и между божествами и оленями. Он отметил, что, хотя это научно и не доказано, люди, живущие здесь, верят в эти взаимосвязи.

«В день после праздника коряжки разбрасывали по тундре оленьи рога и имитировали голоса оленей. Это символизировало выпуск оленей в тундру». Именно это дало основания Юрию считать, что рога символизируют оленей. Он говорил о значимости *Кильвэя* как антрополога и, в отличие от других моих информантов — Марии, Алексея и Натальи, детально описывавших обряд, — скорее, анализировал его. Основываясь на своем опыте и предположениях, он указал на следующие факты: *Кильвэй* связан с рождением оленят; божество *Гичиги* — это посредник между людьми и оленями; собранные оленьи рога символизируют настоящих оленей. Разумеется, эти факты не объясняют всего обряда. Но для объяснения сути *Кильвэя* Юрий делал акцент прежде всего на отношениях между оленями и людьми.

Возможно, эта идея и не была нова. Два года назад в присутствии оленеводов, в том числе Илины, дочери Юрия, мы говорили с русским исследователем Михаилом⁶ о существовании духовной связи между *Гичиги* и оленями, и соответственно, о том, что *Гичиги*, должно быть, выступает посредником между ними. Возможно, Юрий узнал об этой идее от Илины. Оригинальным в его интерпретации была мысль о том, что, хотя духовная связь между оленями и людьми не была доказана научно, люди верят в нее. Юрий, получивший образование в университете, не отрицал, что научных доказательств этой идеи нет, но, принимая во внимание веру людей в эту связь, предполагал, что наука просто пока не все может объяснить. Казалось, что он сам, веря в духовную силу *Гичиги*, искал ответ на вопрос, как все это может соотноситься с наукой.

Перейдя к рассуждению о культуре и природе, Юрий выразил мнение, что существует парадоксальное явление: в то время как ма-

⁶ Михаил — также вымышленное имя. В частном письме автор статьи сообщил, что это был научный сотрудник РАН из Санкт-Петербурга, однако реального имени его не назвал.

лочисленные этнические группы сохраняют свою культуру, крупные нации ее утрачивают. На его взгляд, это связано с тем, что в больших нациях смешивается множество культур и каждая из них утрачивает свою индивидуальность, так что народы ответственны за исчезновение собственных культур. Он добавил, что «в начале этого века человечество считалось более духовным, сейчас люди разрушают то, что их окружает, и человек демонизируется. Иными словами, человек разрушил природу. Человечество — это самое искусное орудие для ее уничтожения. Люди не думают о будущем. Растительность и животные истребляются. Все разрушается».

Как выяснилось, Юрий долгое время обучался в городе на ветеринара. Уехав из поселка, он смог взглянуть на культуру своего народа со стороны. Из журнальных статей он узнавал об утрате культурного наследия и разрушении природы людьми. В то время эти проблемы были частой темой передовиц, но удивительно то, что в маленьком корякском поселке на северной окраине Камчатки обсуждались подобные проблемы и люди открыто говорили о них, принимая во внимание существование различных точек зрения. При этом Юрий никого не обвинял в сложившемся положении дел в сферах культуры и природы, а, скорее, просто пессимистически оценивал сложившуюся ситуацию.

На вопрос о назначении *Кильвэя* и о смысле самого слова он ответил, что это обряд, проводимый в честь каждого новорожденного олененка и что слово «кильвэй» старинное, очевидно, это заимствование из другого языка, поэтому объяснить его значение он не может. Затем я поинтересовался, зачем во время *Кильвэя* коряки бросают еду на крыши яранг. Юрий объяснил, что яранга символизирует оленя, так как сделана из оленьей шкуры, и этот символический олень хочет есть. Кроме того, куски мяса разбрасывают по земле. Таким образом, еда преподносится и другим животным, живущим на земле: воронам, мышам и т. д. Потом люди приветствуют приход весны. Юрий говорит, что в первую очередь *Кильвэй* проводят в честь рождения оленят и во вторую — в честь наступления весны. Ранее то же самое мне сказала Мария.

Когда я спросил, почему коряки разводят огонь с помощью *Гичиги*, Юрий начал рассказывать об огне. «Огонь, зажженный *Гичиги*, — это *лиш-мильген*, или настоящий огонь. Другие огни не важны. Огонь, разожженный *Гичиги*, был самым главным источником огня, огнем огней. У этого огня есть глубокий смысл, он божество, посредник между людьми и природой. Давно, когда у людей не было спичек, они пользовались огнем, полученным таким способом. Сейчас прежний порядок ритуала изменился. Раньше сначала разводили огонь, а потом готовили на нем еду. Таким образом, настоящий огонь, разведенный *Гичиги*, был одновременно и источником огня, и божеством».

Я сказал, что хочу больше узнать об огне, и Юрий продолжил: «Огонь символизирует мужское начало. Предположим, что я иду

вдоль реки и вижу пещеру, в которой решаю остановиться на ночь, потому что смеркается. Я развожу огонь и вдруг слышу писк, словно крик чайки. Это значит, что мне нужно покинуть это место и пойти в другое. Это предвестник беды». Потом он добавил, что эту ситуацию можно проанализировать логически: когда медведь ловит рыбу на берегу, собирается много чаек, чтобы доедать остатки его пищи, следовательно, писк чаек говорит о том, что медведь рядом и может напасть.

Он привел еще один пример. «Предположим, я остановлюсь на ночь в палатке и разожгу внутри огонь. Если горящий огонь издает необычный звук, значит, идут гости». Он продолжил: «Огонь издает особенный звук, если в него бросить жир, но иногда такой звук раздастся и сам по себе». Юрий считал, что, когда такое происходит, люди оглядываются по сторонам — посмотреть, не идет ли мимо какой-нибудь дикий зверь. Если зверя удастся поймать, то первый кусок мяса приносится в дар огню. Роль огня — предвидеть будущие опасности, происшествия и несчастные случаи, о которых люди не подозревают, и сообщать о них. Юрий одушевлял огонь и верил в его сверхъестественные силы.

Также я спросил, почему коряки закапывают еду в снег⁷. Хотя Юрий сказал, что никогда сам этого не видел, он предположил, что это *инауэт* — подношение диким животным, живущим в тундре. Он сказал, что сами они также откладывают немного еды и преподносят ее злым духам. Должно быть, Юрий имел в виду то небольшое количество еды, которое, совершив жертвоприношение, положили отдельно на землю. Согласно верованиям коряков, злой дух *Кала* навлекает болезни и несчастья. Дав ему еду, коряки могут избежать его гнева. Таким образом, *инауэт* — это защита от несчастий.

Коряки делают жертвоприношения всем окружающим их богествам. *Инауэт* — подношение от людей богествам, которое имеет важное значение, связывая человека и духов в повседневной жизни. Далее Юрий говорил о том, как соотносятся наука и жертвоприношения богествам. «Люди видят невидимые вещи. Ни один из ученых не может сказать, что они действительно существуют. Это мнение обычных людей, и это ненаучно. Ученые ушли так далеко, что не видят того, что находится рядом с ними».

Юрий считал, что область научного познания меньше, чем область, охватываемая разумом обычного человека. Он не только хорошо знал традиции, но также интересовался их значением. Это связано с тем, что во время учебы в университете он освоил основы научного анализа и теперь пытался объяснить традиционный взгляд людей на мир и их верования с позиции науки. Меня больше всего заинтересовало то, что он не подвергал сомнению традиционные верования коряков, а, наоборот, старался доказать их раци-

⁷ Этот обряд автор, видимо, наблюдал во время одной из своих зимних экспедиций на Камчатку.

Жертвоприношение в честь умерших родственников.
Поселок Средние Пахачи. 11 сентября 1993 г. Фото автора

онализм. Он использовал полученное материалистическое образование, основанное на отрицании культов и поклонения божествам, чтобы объективно смотреть на корякские верования и находить им обоснования.

Сохранение культуры и этнической идентичности

Изучая обрядовую практику коряков, я получил возможность глубже увидеть их внутренний мир и понять, что, изменившись внешне, они не изменились по своей сути [Circumpolar Ethnicity; Anthropology of Peoples]. Занимаясь исследованием истории колхоза и совхоза, я пришел к выводу, что оленеводство на Северной Камчатке — это феномен, который включает в себя две формы: современную жизнь в поселке и традиционную жизнь оленеводов в тундре.

После распада СССР региональная экономика не повысила свою эффективность, а сам поселок не смог привлечь покупателей оленьего мяса. Задача развития независимой региональной экономики на тот момент шла вразрез с интересами государства, стремящегося предотвратить отделение регионов. В процессе политической дезинтеграции

в девяностые годы постперестроечного периода местными властями была предпринята попытка выделения Корякского автономного округа, объявления его независимости от России и образования самостоятельной Корякской республики⁸. Но правительство Российской Федерации не одобрило инициативы. План построить международный аэропорт в Палане, административном центре округа, чтобы обеспечить прямое транспортное сообщение с другими странами, в условиях экономической ситуации того периода также не был реализован.

Несмотря на трудное положение, в котором оказались коряки-оленоводы, некоторые из них, в частности мой информант Наталья, считали, что им было бы намного лучше жить, как жили их предки, в яранге — традиционном жилище оленеводов, без электричества и водопровода. И в самом деле, если бы в поселок совсем прекратились поставки угля, его жителям пришлось бы вернуться к своему традиционному образу жизни в тундре. Это не стало бы большой проблемой для тех, у кого, как у Натальи, был опыт кочевой жизни. Они действительно смогли бы при желании моментально перейти к ней. Однако мало кто из молодежи без опыта смог бы жить в тундре. Неспроста Юрий назвал молодых людей⁹ потерянным поколением для своего народа: они росли в мире, где современная русская культура и образ жизни вытеснили традиционную культуру и образ жизни коряков-оленоводо-вод.

Относительно поколения своей дочери Юрий сказал следующее: «Дети говорят в школе по-русски. В армии тоже говорят по-русски. Когда им двадцать три, они возвращаются из армии и уже не могут говорить по-корякски. Английский и корякский для них одно и то же, это вторые языки».

По словам Юрия, основная проблема заключается в наличии школ-интернатов. Из-за них люди утрачивают свою культуру. Когда потерял язык, теряется и культура.

Он продолжил: «Подумайте о маленькой этнической группе и о большой нации. Если нет культуры, то нет и истории. Тогда нельзя вообще говорить о будущем. Сейчас мы близки к потере нашей культуры, мы не знаем о ней, потому что многое утрачено. С другой стороны, некоторые стараются возродить ее, но она на грани исчезновения. Переход от корякской к русской культуре произошел так быстро, что культура северных народов была забыта. Никто не знает, что произойдет, когда наша культура исчезнет. Эти молодые люди — потерянное поколение».

Илина сказала, что важно оставить записи о *Кильвэе*. Как и отец, она считала, что необходимо документировать традиции, чтобы передать их следующим поколениям. Хорошо понимая важность

⁸ Решение о создании Корякской республики в составе РСФСР было принято на Пятой сессии Совета народных депутатов Корякского автономного округа 15.04.1991 г. на основании изменений в конституции РСФСР. См.: <http://www.kamlib.ru/resources/letopis.htm> (дата обращения: 25.07.2015).

⁹ Имеется в виду поколение рожденных в 1970–1975 гг., которым на момент интервью в 1995 г. было по 20–25 лет.

передачи знания о традиционных культурах, Илина активно работала над этим как учитель. Она рассказала, что с 1985 г. школа начала проводить уроки *чаучу*, языка, на котором говорят оленеводы, а с 1992 г. им разрешили включить занятия по культуре коряков в учебный план. Раньше школа была местом знакомства детей с русской культурой, кухней и ремеслами. Илина, сама выпускница этой школы, говорила о важности традиционной корякской культуры и старалась передать ее детям. Фактически все образовательные материалы о корякской культуре в этой школе (статьи, учебные разработки по языку и экспонаты) были подготовлены ею. Она — представительница «потерянного» поколения, которое воспитывалось в условиях вытеснения традиционной культуры культурой русской и связывало будущее своего народа с необходимостью сохранить традиции. Идентичность этого поколения коряков сформировалась в условиях активного взаимовлияния двух культур. Познавая свою традиционную культуру, они стремились передать ее следующему поколению.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что коряки-олeneводы продолжали поддерживать традиции бережного отношения к природной среде и совершать ритуальные практики, связанные с оленеводством. Они продолжали верить в духовную взаимосвязь между человеком и оленями.

Даже представитель местной интеллигенции, получивший естественно-научное образование, считает, что рациональность деталей, выработанных коряками религиозных взглядов и ритуальных действий можно объяснить с научной позиции.

Идентичность большинства современных коряков сформировалась в условиях активного воздействия русской культуры на традиционную культуру коряков-олeneводоо. Тем не менее именно это «потерянное поколение» осознало важность передачи основ традиционной корякской культуры следующему поколению и делает для этого все возможное.

Список литературы

Irimoto T. Idoshiki Jukyo — Kamchatka, Hitotsu no Tent ni Yonju to no Tonakai no Kegawa [Abode for Seasonal Movements — Kamchatka, Forty Reindeer Hides for One Tent] // *Kikan Minzokugaku*. 1994. Vol. 69. P. 57.

Irimoto T. Animal Rituals of the Koryak in Kamchatka Region // The Second International Conference of Northern Studies Association on Animism and Shamanism of Northern Peoples. Sapporo : Hokkaido University, 1995a.

Irimoto T. Koryak no Tonakai Kugi [Reindeer Sacrifice of the Koryak] // The 29th Conference of the Japanese Society of Ethnology. Osaka : University of Osaka, 1995b.

Irimoto T. Religious Observations of the Koryak // International Conference on the Circumpacific Forest Cultures. Kyoto : International Research Centre for Japanese Culture, 1995c.

Circumpolar Ethnicity and Identity / ed. T. Irimoto, T. Yamada. (Senri Ethnological Studies, No.66). Osaka : National Museum of Ethnology, 2004.

Anthropology of Peoples in the North / ed. T. Irimoto, T. Yamada. Kyoto : Kyoto University Press, 2007.

Jochelson W. The Koryak. Pt. 1–2. The Jesup North Pacific Expedition. New York : Memoirs of the American Museum of National History, 1905, 1908.

References

Irimoto, T. (1994). Idoshiki Jukyo — Kamchatka, Hitotsu no Tent ni Yonju to no Tonakai no Kegawa [Abode for Seasonal Movements — Kamchatka, Forty Reindeer Hides for One Tent], *Kikan Minzokugaku*, 69, p. 57.

Irimoto, T. (1995a). Animal Rituals of the Koryak in Kamchatka Region. In *The Second International Conference of Northern Studies Association on Animism and Shamanism of Northern Peoples*. Sapporo, Hokkaido University.

Irimoto, T. (1995b). Koryak no Tonakai Kugi [Reindeer Sacrifice of the Koryak]. In *The 29th Conference of the Japanese Society of Ethnology*. Osaka, University of Osaka.

Irimoto, T. (1995c). Religious Observations of the Koryak. In *International Conference on the Circumpacific Forest Cultures*. Kyoto, International Research Centre for Japanese Culture.

Irimoto, T. & Yamada, T. (Eds.). (2004). *Circumpolar Ethnicity and Identity*. (Senri Ethnological Studies, No.66). Osaka, National Museum of Ethnology.

Irimoto, T. & Yamada, T. (Eds.). (2007). *Anthropology of Peoples in the North*. Kyoto, Kyoto University Press.

Jochelson, W. (1905, 1908). *The Koryak. Pt. 1–2. The Jesup North Pacific Expedition*. New York, Memoirs of the American Museum of National History.

The article was submitted on 07.07.2015

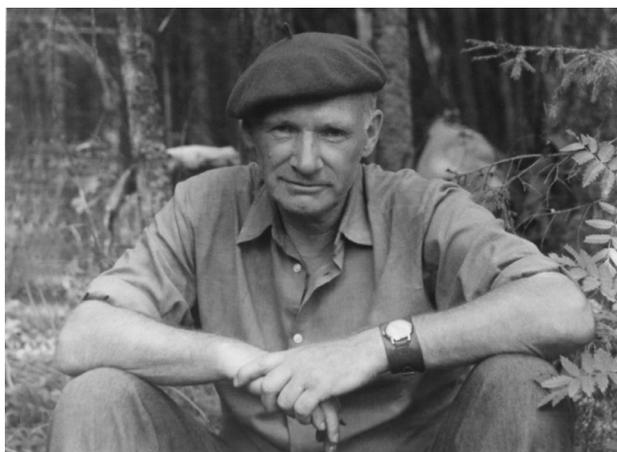
Translated by Mariia Krylatkova

Такаши Иримото, PhD.,
почетный профессор,
Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония
bhb@let.hokudai.ac.jp

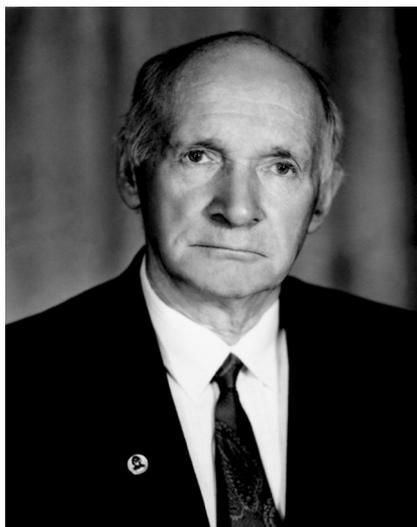
Takashi Irimoto, PhD.,
Professor Emeritus,
Hokkaido University,
Sapporo, Japan
bhb@let.hokudai.ac.jp

Heritage
Nomina
et scholae

А. К. Матвеев (фото середины 1960-х гг.)

А. К. Матвеев (фото середины 1990-х гг.)

Heritage
Nomina et scholae

DOI 10.15826/qr.2015.3.121

УДК 81'373.211+81-119+81-21+81'286

**Тамара Матвеева
Валентин Лукьянин**

**АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ МАТВЕЕВ.
ОНОМАТОЛОГ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**

**Tamara Matveeva
Valentin Lukianin**

**ALEKSANDR KONSTANTINOVICH MATVEEV.
AN ONOMATOLOGIST AND RESEARCHER
OF ANCIENT LANGUAGE CONTACTS**

The article considers the personality and research activity of Aleksandr Konstantinovich Matveev (1926–2010), an outstanding Russian linguist, corresponding member of the Russian Academy of Sciences and professor of Ural State University (presently, Ural Federal University). Specializing in the study of proper names (onomatology), Professor Matveev argued that the class of geographical names was crucial for the reconstruction of ethno-historical data on the former distribution of tribes and peoples in the vast territories of present-day Russia.

Among his achievements is the development of principles and methods of onomastic research based on field material collected by means of frontal survey. With the view of collecting linguistic material, A. K. Matveev established the Toponymic Expedition of Ural University that explored a number of northern regions of European Russia as well as the Northern and Middle Urals. During a 50-year period, the expedition collected millions on onomastic and lexical units. The unique card files stored at the department established by him at Ural Federal University are used as a basis for theses and other research as well as dictionaries, and they are used to correct cartographic data.

The central issue of the scholar's research was that of substrate in Russian toponymy. Together with his acolytes and colleagues, he searched for Finno-Ugric (Chud) and Merya language heritage in the Russian North, and Mansi loan words in the Northern Urals. The research material was analyzed with the help of a complex of methods (i. e. interlingual phonetic and other comparisons, the linguo-geographic method of cartographing and comparisons with data provided by related disciplines). Professor Matveev's findings and the find-

ings of the Ural Toponymic Research School appear in onomastic and lexical dictionaries. The final conclusions of their toponymic research go far beyond linguistics and have a historico-ethnic character.

Professor Matveev is an eminent figure who evokes the memories of world-famous linguists-travellers of the past. He combines the audacity of a discoverer, the rigor of a scholar—including excellent organizing skills—the spirit of a zealous protector of his homeland's spiritual culture and the talent of a teacher. People were drawn to him by his vast erudition and versatile interests, and his humaneness combined with devotion to his research interests. A. K. Matveev's Research School and the Toponymic Expedition continue their intensive work until the present day.

Keywords: A. K. Matveev; etymology; onomastics; toponymy; substrate; language contacts; Russian North; Urals; Ural Toponymic Research School.

Описывается личность и научная деятельность выдающегося русского лингвиста, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора Уральского государственного университета (ныне УрФУ) Александра Константиновича Матвеева (1926–2010). Его научные интересы были сосредоточены на изучении собственных имен (ономатологии), в области которых профессор Матвеев поставил на особую высоту класс географических названий по их значимости для восстановления этноисторических сведений о былом расселении племен и народов на обширных территориях современной России.

В его заслуги входит разработка принципов и методов ономастического исследования на основе полевого фронтально собранного материала. Для сбора языкового материала А. К. Матвеевым была организована Топонимическая экспедиция Уральского университета, обследовавшая целый ряд областей севера европейской части России, а также Северного и Среднего Урала и за пятьдесят с лишним лет накопившая миллионы фиксаций ономастических и лексических единиц. Уникальные картотеки экспедиции, хранящиеся на созданной им кафедре в Уральском федеральном университете, служат основой диссертационных и других научных исследований, словарей, коррективки картографических данных.

Центральной для ученого являлась проблема субстрата в русской топонимии. Вместе с учениками и коллегами он искал финно-угорское (чудское) и мерянское языковое наследие на Русском Севере, мансийские заимствования — на Северном Урале. Материал исследования изучался комплексно (применялись межъязыковые фонетические и прочие сопоставления, лингвогеографический метод картографирования, сопоставление с данными смежных наук). Результаты работы А. К. Матвеева и основанной им Уральской топонимической научной школы отражены в ономастических и лексических словарях. Конечные же научные выводы топонимических изысканий выходят за пределы лингвистики и носят историко-этнический характер.

Профессор Матвеев — яркая личность, заставляющая вспомнить о всемирно известных лингвистах-путешественниках прошлого. В нем соединены дерзость первооткрывателя, скрупулезность кабинетного ученого, организационные способности, совесть ревнителя отечественной духовной культуры, педагогический талант. Широчайшая эрудиция, разносторонние интересы, человечность при поглощенности своим основным делом привлекали к нему людей. Научная школа А. К. Матвеева и Топонимическая экспедиция продолжают активную деятельность.

Ключевые слова: А. К. Матвеев, этимология, ономастика, топонимия, субстрат, языковые контакты, Русский Север, Урал, Уральская топонимическая школа.

Вверх по реке забвения... Это название одной из научно-художественных книг А. К. Матвеева и самая суть научной профессии ее автора. Забвение прошлого естественно, неотвратимо, необратимо, но именно наперекор этому идет наука этимология, цель которой — выяснение истоков слова. А за словом стоит история народа, точнее, различных народов, поскольку их судьбы пересекаются, а контакты отражаются в языке и сохраняются языком.

Университетский стиль

Александр Константинович Матвеев — выдающийся русский лингвист-этимолог, финно-угровед, диалектолог, исследователь древних языковых контактов русских с исконным населением различных территорий современной России. Всю свою профессиональную жизнь он провел в Уральском государственном университете (УрГУ)¹, великолепно владея университетским стилем преподавания. Этот стиль требует приобщения студентов к занятиям наукой, пробуждения интереса к интеллектуальным открытиям, вовлечения в научное сообщество. Именно это качество работы Матвеева позволило создать Уральскую топонимическую школу.

Школа предполагает наличие единой концепции, а также нескольких поколений учителей и учеников и проявляется в применении выработанной суммы методов к определенному крупному объекту. Но у основ школы — всегда личность, персональная идеология и научная отвага которой задают первоначальный импульс и обозначают направление поиска, а длительное личное волевое усилие удерживает заданную стратегию и обеспечивает результативность движения.

Уральская топонимическая школа этимологов, признанная в России и Европе, основана в городе Свердловске (ныне Екатеринбург) в

¹ В 2010 г. на основе Уральского государственного университета и Уральского государственного технического университета — УПИ был создан Уральский федеральный университет.

начале шестидесятых годов XX в. Все начиналось со студенческого кружка сравнительно-исторического языкознания, организованного доцентом А. К. Матвеевым. Ономастика и этнонимия — вот круг первоначальных интересов этого научного общества, очень молодого и ревностно относящегося к научной работе.

Открыв первый выпуск авторитетного сейчас периодического издания «Вопросы топониматики» [ВТ] (он вышел с подзаголовком «Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания»), легко убедиться в единстве принципов научной работы авторов сборника. Все статьи строятся на собственном материале, собранном на основе географических карт и других письменных источников, а также непосредственно на местах его бытования. Широко применяется метод лингвистического картографирования, цель которого — установление ареалов распространения изучаемого явления. Обязательна и основательна сверка собственных наблюдений с данными смежных наук. А главное, лингвистические наблюдения в конечном итоге ставятся на службу истории, лингвистические данные понимаются как аргументы историко-этнических выводов.

Удивительно сейчас, более полувека спустя, осознать, что в этой маленькой (49 страниц) брошюре, из восьми авторов которой семеро — это студенты, уже намечена серьезная программа научных действий. Здесь очерчен круг проблем (этимология собственных имен, особенно субстратных географических названий, а в конечном счете — проблема заселения территорий современной России в доисторические времена), обозначены основные области лингвистического обследования (Русский европейский Север и Урал), определены опорные принципы и методы исследования (предпочтение массивного материала, фронтально собранного в полевых условиях, его обязательное картографирование, комплексный подход, предполагающий учет параллельных этнографических и археологических данных, системность лингвистических наблюдений и межъязыковых сопоставлений).

Впрочем, удивительно ли? Если сосредоточиться на личности руководителя данной научной группы, удивление пропадает. В начале шестидесятых А. К. Матвеев уже кандидат филологических наук, защитивший диссертацию на тему «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала», в которой исследователь четко формулирует общую задачу этимологических разысканий в области диалектной лексики: «Изучение семантики диалектных заимствований и путей их проникновения из одного языка в другой нередко помогает раскрыть разнообразие исторические связи между народами, а в некоторых случаях даже установить их хронологию» [Матвеев, 1959, с. 3]. Сформулирован основной принцип сбора материала — требование «многократных поездок во многие районы Северного Урала, изучения особенностей местной природы, экономики и быта, а также направленного опроса местных жителей» [Там же, с. 4].

В процессе подготовки диссертации за четыре года состоялось восемь выездов на полевой сбор материала, которые включали многочисленные беседы с мансийскими оленеводами, охотниками-коми, русскими крестьянами-старообрядцами. Так обеспечивалась достоверность научных данных, так наблюдения языковеда ставились на твердую почву комплексного подхода в области этимологии.

В диссертации А. К. Матвеевым были сделаны и некоторые наблюдения, касающиеся географических названий. Он отмечает наличие особой семантической группы, образованной географическими терминами, которые воспринимаются то как нарицательные, то как собственные. Это свидетельствует о тесной связи топонимики и географической терминологии и открывает дорогу к этимологии топонимов, установлению дорусских пластов топонимики и выявлению древнеуральских топонимических элементов [Там же, с. 114–115]. Оценим смелость этой позиции в контексте истории науки. Собственные имена — так считалось — не имеют лексического значения в общепринятом понимании, следовательно, с точки зрения этимологии это непознаваемый объект. Сделать его познаваемым и поставить на историко-культурологическую службу — одним из первых в российской науке такую сверхзадачу ставит перед собой этимолог А. К. Матвеев.

Ее решение требовало научного новаторства, новых методов, пересмотра целого ряда сложившихся подходов. Сила и смелость ученого проявились в том, что он брал научный процесс изучения собственных имен в полном объеме: от правильного сбора материала до установления этноисторических выводов. Матвеев — лингвист, который предпосылал лингвистике географию и шел дальше лингвистики — в историю языковых контактов. При этом он нисколько не пренебрегал собственно лингвистикой: тщательным фонетическим и семантическим анализом, изучением русской адаптации иноязычного слова, учетом языкового фона и диалектного расслоения контактирующих языков. И конечно, важна системность подхода. Сбор материала должен быть сплошным, с фронтальным обследованием обширных территорий, интерпретация ономастических множеств — ареальной, с нанесением на карту однотипных групп топонимов, сопоставительная база — максимальной, с учетом данных археологии, этнографии, географии, ботаники, зоологии, экономики и других наук.

Генеалогия личности

Профессиональный успех неизбежно пробуждает сомасштабный интерес к личности.

Следуя английской шутке, чтобы стать настоящим джентльменом, недостаточно окончить Оксфорд. Нужно, чтобы Оксфорд окончили и твой отец, и твой дед. Это имеет прямое отношение к нашему герою, поскольку подсказывает, где кроется объяснение таланту первоот-

крывателя. Коренной свердловчанин, потомок уральских мастеровых оканчивает Хабаровский пединститут, а по возвращении в Свердловск покоряет студентов и коллег широтой эрудиции, безупречно поставленной речью, тем простым и внятным стилем общения с окружающими, в котором угадывался неподдельный аристократизм духа. Конечно, истоки личности Александра Константиновича нужно искать в его неординарной семье.

Отец его, Константин Константинович Матвеев, — известнейшая фигура в истории высшего образования на Урале. Уроженец уездного уральского городка Камышлова, он в 1907 г. окончил естественное отделение Петербургского университета, по праву считал себя учеником и соратником В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана. Совсем молодым завоевал известность как геолог и минералог, в его честь даже назван минерал — *матвеевит*. С 1913 по 1918 г. Константин Константинович был ученым секретарем Радиевой комиссии Академии наук, состоял в Уральском обществе любителей естествознания. Когда в 1914–1917 гг. был учрежден Уральский горный институт, К. К. Матвеев стал одним из его первых профессоров, некоторое время был ректором. Он организовал кафедру минералогии и кристаллографии, а также минералогический музей, который хорошо известен на Урале.

О матери Александр Константинович всегда отзывался не просто с сыновьей теплотой, но и с подлинной нежностью и огромным уважением: она на самом деле была одаренной и прекрасно образованной. Знала несколько европейских языков, играла на фортепиано и любила оперу, с детства вела дневник, который, по словам сына, свидетельствовал «о глубококом нетривиальном уме, тяге к прекрасному, отличном литературном вкусе», оставила мемуары². Ксения Михайловна принадлежит древнему дворянскому роду Лёвшиных, корни которого прослеживаются с XIV в. С 1920 г. она преподавала английский язык в Уральском горном институте; в 1930 г. там была организована кафедра иностранных языков, и К. М. Лёвшина стала первым ее заведующим. Уже в преклонном возрасте, находясь в военном Хабаровске, служила референтом ТАСС, занималась переводами с итальянского и французского. В семье было восемь детей. Саша — седьмой. Трое из них умерли в детстве, старший сын Андрей, геолог Дальневосточного геологического управления, пройдя через самое пекло Великой Отечественной войны, погиб в феврале 1945-го. Прямая дорога Александра, казалось, тоже в геологи, по стопам отца и старшего брата. Он и поступил на геологический факультет в военном 1943 г. Осенний сезон провел в геологической партии, откуда был призван в армию. Службу проходил в Челябинском военном авиационном училище штурманов и стрелков-радистов авиации дальнего действия, получил воинское звание старшины. В 1945 г. был демоби-

² Часть их, на русском языке, подготовлена к печати сыном и внуками и опубликована, см.: [Лёвшина].

лизован и уехал в Хабаровск, к матери, там окончил филологический факультет пединститута.

Очевидно, в обстановке тех трудных лет не могло быть и речи о каких-то особенных условиях для его развития, кроме семейного воспитания и традиции. Отец брал сына в геологические экспедиции, обсуждал с ним коллекционирование марок. Под влиянием матери Александр много читал (к двенадцати годам был прочитан весь Шекспир), приобщался к театру. И хотя всего год удалось позаниматься музыкой, но тяга к искусству осталась на всю жизнь (он снова начал брать уроки музыки, когда ему было уже около пятидесяти, и всю дальнейшую жизнь считал за счастье провести час-другой за музицированием). В семье с высоким культурным потенциалом и традицией трудолюбия формируется тот стартовый духовный капитал, с которым появился в Уральском университете выпускник провинциального педагогического института. Преподавать он начал еще в Хабаровске, будучи студентом-старшекурсником, а затем выпускником (вел античную литературу и латинский язык). Обретение широты эрудиции и культуры мышления, которые отличали А. Матвеева уже в самом начале его профессионального становления, предполагали целенаправленную работу над собой, и вот эта неординарная работоспособность резко выделяла его в университетской среде.

Он был жаден до интеллектуального труда. Свидетельство тому — служебная записка П. А. Шуйского, его старшего (примерно на полвека) коллеги и заведующего кафедрой классической филологии Уральского университета, на которую в 1952 г. был принят молодой преподаватель. В июне 1954 г. завкафедрой, в частности, отмечает: «Преподаватель А. К. Матвеев, три года работы у нас, разносторонне способный, успевший приобрести наибольшую популярность среди студентов, вследствие чего считающий себя неизмеримо выше всех других, легко берущийся за проведение многих предметов (средневековая латынь, античная литература, сравнительная грамматика индоевропейских языков, греческий язык, восточная литература)»³. У начинающего преподавателя хватало профессиональной дерзости браться за преподавание сложных предметов экзотической по тем временам кафедры, ветераны которой свободно говорили на латыни и греческом. При этом античную литературу читал так профессионально, что студенты предпочитали ее современной. Латынью привлекал, декламируя наизусть гекзаметры и демонстрируя рациональность грамматической системы.

Но собственное научное направление А. К. Матвеевым в середине пятидесятых годов еще не было найдено. Читая служебную записку П. А. Шуйского дальше, узнаём, что это молодой преподаватель, «легко переходящий от одной специальности к другой, отказавшийся уже от четырех кандидатских тем и теперь “твердо” решивший специали-

³ Архив музея УрГУ, ф. 63 (Личный фонд П. А. Шуйского), д. 2.

зироваться по одному из предметов кафедры русского языка и общей лингвистики». Тему для себя он хочет определить самостоятельно, что удастся не сразу как раз из-за необычайной широты его филологических интересов. Но установка во всем искать собственный путь определяет его научную биографию и жизненные этапы.

В дальних походах и диалектологических вылазках Александр Константинович почувствовал вкус к местным словечкам, от которых веяло историей никак не меньше, чем от языков классической древности, при том что говорами Урала, а тем более языковыми следами его коренных обитателей тогда никто еще всерьез не занимался. Неведомые страницы истории языка ждали своего исследователя. Заимствования в русских диалектах определились как научная тема, на базе которой позднее сформировался интерес к проблеме субстрата в топонимии. С самой первой поездки на Северный Урал, когда А. К. Матвеев в одиночку отправился собирать материал в деревнях на Пелыме и Вагиле, началось осознание собственной позиции: народное слово — памятник русской истории и культуры. Хорошо осознала уязвимость объекта изучения. Урбанизация, которая шла полным ходом, влекла за собой «растворение» диалектов, изменение образа жизни коренных народов и современной картины языковых контактов. Целые пласты лексики, целые разряды имен собственных уходят вместе с изменением деревенского уклада жизни, с натиском цивилизации на жизнь кочевых народов. А. К. Матвеев принял на себя личную ответственность за сохранение русской истории, запечатленной в слове, и делал для этого все, что мог. Сбор и сохранение языкового материала стали для него не средством карьерного роста, а делом чести и совести.

Топонимическая экспедиция

А. К. Матвеев понимал, что его замысел требует создания экспедиции — постоянно действующей структуры, нацеленной на планомерное массовое лингвистическое обследование значительных территорий. И вот тут — хвала исследовательским устремлениям университета. Студенческий интерес к науке — это не пустяк, именно студенты-филологи, с их энтузиазмом и тягой к дальним странствиям, могут составить отряды собирателей слова, приобщаясь тем самым к истории языка. Основной объект изучения был уже ясен: древние географические названия России. Проблема их происхождения лежит на грани лингвистики с историей и географией. «Наиболее существенны при этом сведения, которые можно получить при изучении субстратной топонимии, т. е. реликтов вымерших языков, сохранившихся в том или ином функционирующем языке, например, в русском» [Матвеев, 1986, с. 3]. Специфика материала требовала собирать его непосредственно в местах бытования.

Организационная опора научных экспедиций в советских университетах была обусловлена программой обучения на филологическом факультете, предусматривавшей фольклорную и диалектологическую практики, с выездом студентов в сельскую местность и работой по определенной программе сбора материала. Кроме того, УрГУ располагал опытом археологических экспедиций. Лингвистическая экспедиция была делом новым, но в научном отношении понятным и профессионально значимым. Данное предприятие требовало отдельного немалого бюджетного финансирования, поскольку предполагалось обследование территорий Русского Севера. Но и на это Уральский университет пошел — очевидно, инициатор экспедиции располагал убедительными доводами. Главным из них были уже осуществленные пробные групповые выезды. В 1960 г., например, был путем сплава обследован бассейн реки Чусовой, собран ценный топонимический материал, заложивший первый камень будущего топонимического словаря [Иванова].

Студентами и сотрудниками кафедры идея экспедиции воспринималась «на ура», и желающих ехать было больше, чем нужно. Зимой 1961 г. отряд из пятнадцати человек под началом А. К. Матвеева отправляется в Архангельскую область (Верхнетоемский, Котласский, Обозерский, Пинежский, Холмогорский районы). От этой первой официальной поездки ведет счет Топонимическая экспедиция Уральского университета. Материал собирался на Русском Севере — в Архангельской, Кировской и Вологодской областях [Вброд через реку времени, с. 220–236]. Позже в работу были включены Костромская, Ярославская области и Саяны. Все большее значение приобретал уральский отряд экспедиции. С территориями Среднего Урала он постепенно перемещался на Северный и даже Приполярный Урал, в места мансийских кочевий. Транспортным средством становился вертолет, моторная лодка, а бывало, и олени нарты, предстояли и многокилометровые пешие переходы, но это лишь подогревало интерес студентов.

Ежегодно не менее двадцати человек из Уральского университета отправлялись на полевые работы. В первые годы в Архангельской области группы были маршрутные и стационарные. Маршрутные группы, проходя достаточно быстро заранее намеченный путь (например, по бассейну р. Вага в Архангельской области), выполняли беглый сбор материала и выявляли места, перспективные в плане поиска субстрата — дорусских географических названий. Стационарные группы останавливались в населенном пункте и работали на одном месте до полного обследования целого куста деревень. Среди сельского населения искали людей, обязательно коренных жителей, хорошо знающих окрестности: лесников, охотников, сплавщиков. Записывали не только названия рек, озер и населенных пунктов, но и уникальную микротопонимию: названия лесных урочищ, дорог, покосов, пожен, деревенских околотков.

Перспективным в научном плане оказался метод сплошного фронтального сбора в стационарных условиях. На почтовых машинах и попутках, на рейсовых речных судах добирались до назначенного места, а от базы до соседних деревень — чаще всего пешком (зимой на лыжах). Начальник экспедиции перемещался из одной группы в другую, лично принимая участие в работе с информантами и контролируя процесс сбора слов.

А. К. Матвеевым была разработана научная система картографирования. Собранный группой материал проверялся на качество и количество. Каждое географическое название должно быть *привязано* на местности. Слово *привязка* постоянно витало в экспедиционных разговорах. Мало записать название ручья, например. Нужно еще последовательно указать, куда впадает этот ручей, справа или слева по течению, какие другие притоки имеются выше и ниже данного и на каком примерно расстоянии от него. Таким образом, название фиксировалось как единица лингвогеографической системы данной территории. Информантов должно быть несколько, а если их данные расходятся, нужно вести расследование дальше. Нужно сверять полученные сведения с теми, что имеются на картах леспромхозов, лесничеств, сельсоветов. Полагалось также учитывать сведения о размере, форме и других особенностях географического объекта, фиксировать ударение и различные варианты названий, записывать их употребление в мотивирующем и прочих контекстах. Конечно, отмечать образную народную интерпретацию топонимических метафор. А в конце не забыть указать место записи, имя информанта и свое собственное. Записывали также диалектную лексику, так что параллельно в УрГУ составила картотека лексики говоров Русского Севера. Не проходили мимо других видов собственных имен: собирали и антропонимы, и клички животных, и местные названия растений.

Постепенно определялась и уточнялась методика целенаправленного опроса местных жителей. Если вначале в разговорах с информантом шли от здравого смысла и интуиции, то в дальнейшем были составлены инструкции, опросные листы, выявлена понятийная сетка, актуальная для сбора топонимического материала. В 1986 г. А. К. Матвеев обобщает результаты этой работы, обеспечивающей качество топонимического материала научных исследований, в учебном пособии «Методы топонимических исследований» [Матвеев, 1986].

На Урале же сформировалось особое направление экспедиционной работы. Основной задачей здесь становится сбор и уточнение исчезающей мансийской топонимии. Мансийский язык в 60–70-е гг. XX в. еще жив, но положение его уже очень шатко в связи с теми изменениями уклада жизни манси, которые произошли в советское время. Кочевничество ограничивалось, детей забирали из семей для обучения в школах-интернатах, разрывая тем самым потомственную передачу профессии оленевода и охотника. В местах кочевий активно работала геологоразведка. А. К. Матвеев хорошо понимал, что нужно

спешить. «Утрата богатейшего пласта мансийской топонимии, относящейся к горной части Северного Урала, была бы непростительна», — пишет ученый в предисловии к последней своей книге [Матвеев, 2011]. Он был прав. Перемены шли быстро, в настоящее время манси уже не пасут оленей, их летние калания (кочевки) прекратились полностью. Но топонимическая экспедиция свое дело сделала.

Работа с информантом. Мансийская экспедиция, Северный Урал

Шесть полноценных летних экспедиций на места мансийских кочевий и шесть зимних, разведочных и вспомогательных. Каждая из летних экспедиций длиной в месяц-полтора сложна и технически (передвижения только вертолетом), и прогностически (контакты с кочующими манси непредсказуемы). Трудна в бытовом отношении (жизнь в палатках и мансийских чумах, тяжелые погодные условия). В теоретическую подготовку участников входит изучение мансийского языка, без чего невозможно ни общение с коренными жителями, ни полноценный сбор языкового материала. Полгода перед первым выездом на Северный Урал А. К. Матвеев занимается мансийским языком с группой добровольцев. В работе опирались на данные выдающихся исследователей-одиночек, собиравших и изучавших мансийский язык на Северном Урале в XIX и первой трети XX в., — венгров Антала Регули и Берната Мункачи, финна Артуру Каннисто.

Собирали материал, отталкиваясь от отечественных словарей мансийского языка В. Н. Чернецова, А. А. Баландина и М. П. Вахрушевой, Е. И. Ромбандеевой. Результатом всей этой работы стала кар-

тотека мансийской лексики и топонимики и существенное уточнение картографических данных по Северному Уралу (сколько ошибок допустили картографы, не будучи лингвистами и записывая местные названия со слуха!). Эти материалы послужили основой целого ряда статей, диссертаций [Глинских; Смирнов, 1997] и, много позже, обобщающего труда «Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала» [Матвеев, 2011]. Эта книга была сдана в печать А. К. Матвеевым лично, а вышла в свет уже после его смерти. В нее вошел список мансийских географических терминов, обширный словарь мансийской топонимии и фундаментальная статья «Мансийская топонимия как лингвистический и историко-этнографический феномен». В заключении статьи А. К. Матвеев отмечает правдоподобие гипотезы о южном (лесостепном) происхождении манси и проводит аналогию семантики мансийских топонимов с содержательной стороной названий других народов Северной Азии, воспринявших христианство при сохранении в культуре языческих верований.

Если работа, подобная проведенной, будет осуществлена в других местах проживания этого народа, пишет А. К. Матвеев, то «языковая картина мира манси в ее топонимической ипостаси предстанет перед нами во всей полноте и красоте» [Матвеев, 2011, с. 255]. Надежды романтика от лингвистики. Других таких экспедиций не было. Лишь Т. Д. Слинкина с небольшой группой сотрудников Обско-угорского института прикладных исследований (г. Ханты-Мансийск) в 2003–2010 гг. собирала мансийские оронимы Урала в бассейнах Щугора, Печоры и Вишеры [Слинкина], и она застала последних стариков манси, оленеводов, которые когда-то кочевали по Уралу.

Четыре экспедиции в Саяны 1963–1966 гг. остались памятником исследовательской неумности и отчасти научного авантюризма А. К. Матвеева. Начальнику экспедиции было мало Русского Севера и Урала, потянуло поискать уникальный субстрат в тофаларских деревнях на склонах Саянского хребта, проследить судьбу почти исчезнувшего малого народа Сибири. Ориентиры были получены на основе трудов Александра Кастрена, побывавшего на Саянах в 1847 г., и Кая Доннера, работавшего там в 1914 г. Оба финских языковеда выделяли деревню Абалаково на северных отрогах Саян как место, в районе которого жил народ *калмажей* — *камасинцы*. Уже в начале XX в. этот народ был на грани исчезновения, К. Доннер зафиксировал лишь 40–45 человек, знающих родной камасинский язык, на основе бесед с ними (он два месяца провел в Абалаково) составил небольшой (около 900 единиц) словарь. Как было Матвееву не удостовериться, что произошло с камасинским языком и какова местная топонимия, обязательно несущая в себе его следы?

Саянский отряд Топонимической экспедиции ставил цель собрать камасинские географические названия, а также проверить на месте сам факт исчезновения камасинского языка [Матвеев, 1964]. Язык *таежных татар* (так называли камасинцев местные жители) считал-

Саянская экспедиция. Деревня Абалаково, 1960-е гг.

ся мертвым, и этот факт, к сожалению, подтвердился. В Абалаково не только никто не говорил по-камасински, но и сообщить какие-либо сведения о коренных жителях не могли ни русские, ни украинцы, населявшие теперь эти места. Топонимический материал был невелик, генеалогические схемы к нужному результату не приводили. Научная неудача, к которой в общем-то все были заранее морально подготовлены.

И вдруг — нечаянный случай. Деревенская старушка, продав заезжим людям молока, сказала что-то на незнакомом языке. Удалось записать от нее несколько камасинских слов. А далее каждый день по нескольку часов участники экспедиции разговаривали с Клавдией Захаровной Анджигатовой, которая уже много лет до того не говорила *по-таежному* (не с кем стало говорить), но кое-что помнила. Приезжали к ней несколько лет, уже с записывающей, очень несовершенной тогда, техникой, и в долгих разговорах всплывал, всплывал из личной памяти и одновременно из исторического небытия погибший язык. Такое вот научное чудо. Случай, по общему правилу, произошедший с тем, кто был готов его поймать. Этой научной сенсацией сразу заинтересовались эстонские лингвисты. А. К. Матвеев ввел в состав саянского отряда молодого ученого из Тарту Аго Кюннапа, и позднее передал ему все камасинские материалы. Редкий акт научного бескорыстия. Эстонские финно-угроведы имели богатую традицию изучения самодийских языков, к которым относится камасинский, — им и карты в руки. Матвеев же вернулся к своим основным территориям, Русскому Северу и Уралу. Он их, впрочем, и не бросал. Просто в эти

годы экспедиция работала по двум, а то и сразу по трем направлениям. Вот, к примеру, в 1966-м: Свердловская область, Гаринский район; Архангельская область, Верхнетоемский район; Кировская область, бассейн р. Молома; Саяны, д. Абалаково.

Многолетняя полевая работа сплотила людей. Об этом спустя несколько десятилетий пишет О. В. Востриков: «Экспедиция когда-то стала пусковым механизмом кристаллизации собственно “матвеевского” коллектива единомышленников, она стала идеальным средством синтеза науки и практики, объединения преподавателей и студентов, соединения высокого служения науке и человеческих, личных, по-домашнему теплых отношений» [Востриков, 2015а, с. 173].

Сотни участников внесли свою лепту в работу Топонимической экспедиции Уральского университета. В Свердловск — Екатеринбург потекли ежегодно добываемые на месте картотеки. В университете они сливались в общую картотеку, число единиц которой определяется уже семизначной цифрой, постоянно меняющейся в сторону увеличения. В 2016 г. будет 55 лет с того первого архангельского выезда, и столько же лет сбора бесценного, уникального словесного материала. И топонимического, по Русскому Северу и Уралу, и диалектного лексического.

Систематизация картотеки, управление ею требовало все больше времени и специальных усилий. А. К. Матвеев добивается создания научно-учебной топонимической лаборатории при кафедре. Это очень серьезная заявка: дополнить структуру университета новым отделением, с полноправными сотрудниками и долгосрочной программой работы. Непросто было аргументировать ректору и Министерству образования целесообразность такого шага. Но главные аргументы были налицо: сама картотека — овеച്ചественный результат двадцати лет работы экспедиции, а также сама уже фактически работающая лаборатория. В 1981 г. топонимическая лаборатория сменила статус и стала штатным подразделением Уральского государственного университета. А. К. Матвеев руководил лабораторией в течение 23 лет.

В настоящее время постоянно пополняемая картотека силами сотрудников топонимической лаборатории переводится на электронные носители, создается электронная база данных по топонимии Русского Севера [Николаева; Макарова; Мищенко]. Тем самым к материалам открывается доступ для всех ученых-ономастологов России и других стран.

Научные результаты

Собранный экспедицией материал никогда не считался конечной целью работы. Он был нужен для постановки научных задач, малых и больших, а в конечном счете для достижения амбициозной цели — на основании языковых данных получить сведения о древнем расселе-

нии и взаимных контактах коренных народов на изучаемых территориях России. Университетская система имела свои преимущества в привлечении новых сил для исследования, что оптимально использовалось А. К. Матвеевым.

Установка на научный результат была задана с самого начала работы экспедиции и кафедры истории русского языка и общего языкознания. Каждый новый участник экспедиции — и студент, специализирующийся на кафедре, и сотрудник лаборатории, а уж преподаватель тем более — мягко и настойчиво побуждался Матвеевым к научному исследованию и мог получить конкретную тему для наблюдений и выводов. Самостоятельность поощрялась, консультации подразумевались. Постоянное общение научного содержания, помимо экспедиционных сборов-разговоров, происходило в рамках топонимической лаборатории, кафедральных семинаров, конференций. Кафедра общего языкознания по праву гордится тем, что ею были организованы первая в стране Всесоюзная студенческая научная конференция по теме исследований (1971), а затем последующие подобные. Многие маститые ученые-ономатологи (Н. Д. Голев, И. И. Муллонен, Л. М. Дмитриева, В. И. Супрун, Н. В. Лабунец и др.) приобщались к науке на этих встречах, их первые публикации появились в Свердловске.

Строгий научный надзор за качеством всего публикуемого учениками был у Матвеева неуклонным и постоянным. Студенты становились аспирантами, но контроль не ослабевал. Н. В. Кабинина в своих воспоминаниях пишет: «В аспирантуре меня поразило: как бы ни был занят А. К. Матвеев, он внимательнейшим образом просматривал и редактировал черновики всех наших аспирантских публикаций. Казалось бы, в ситуации 1990-х, когда стало возможным публиковать практически все, что угодно, эта опека была излишней, только отнимала время. Но Александр Константинович так не считал. Исправленные его рукой свои первые творения мы переделывали с большим трудом, по несколько раз, иногда доходя до отчаяния. Но в какой-то момент каждый из нас осознавал, что его забота о наших публикациях рождалась не из какого-то там непонятного педантизма, а из верности истинной науке, из глубочайшего неприятия всяческой легковесной наукообразной продукции. С этим приходило и понимание того, что он считал нас достойными идти не просто в науку, а в настоящую науку» [Кабинина, 2015, с. 191].

И конечно же, он очень много и целенаправленно работал сам. Главной научной темой А. К. Матвеева стал субстрат — древние заимствования в составе русского языка. Он пришел к этой теме от своей кандидатской диссертации по лексическим заимствованиям, сузив направленность научного поиска рамками древних заимствований и избрав основным объектом своих наблюдений географические названия. Научные изыскания Матвеева сделали его известным лингвистическому сообществу не только России, но и за

рубежом. Его публикации были известны в Москве, Киеве, Таллине, Риге, Будапеште, Хельсинки. Его статьи брали известные профильные журналы «Советское финно-угроведение», венгерские «Acta linguistica» и «Nyelvtudományi Közlemények»⁴. В 1968 г. академик В. В. Виноградов от лица редколлегии журнала «Вопросы языкознания» обращается «к известному специалисту в области теоретической разработки вопросов топониматики» с предложением: «написать для нашего журнала статью на любую интересующую Вас тему»⁵. Интересно, что ряд работ публикуется за пределами филологических изданий, в сборниках и журналах «Вопросы истории Урала», «Отчеты Камской археологической экспедиции», «Вопросы географии», «Геодезия и картография».

Проблематика публикаций А. К. Матвеева разнообразна (см. Список научных трудов профессора Матвеева в издании [Язык и прошлое народа, с. 476–501]). Множество конкретных топонимических этимологий, структурно-фонетический анализ субстратных топонимов и фонетического усвоения последних, топонимическая типология, бытование географических терминов в составе топонимии, топонимические ареалы и изоглоссы, методы топонимических исследований, принцип семантической мотивированности, история топонимических исследований, дофинноугорский субстрат, образное народное видение в связи с этимологической интерпретацией, древнейшие места расселения финнов, угорских народов, самодийцев.

Искать финно-угорский след на Русском Севере — такова была задача, поставленная в докторской диссертации [Матвеев, 1970], которую он защитил в Институте русского языка АН СССР. В ней были представлены доказательства языковых контактов на изучаемой территории и определены ареалы распространения древних языков, получила законченное оформление методология этимологического анализа субстратной топонимии и был выведен «закон семантической мотивированности топонимов, раз и навсегда отмечающий рассуждения о произвольности и непознаваемости причин возникновения географических собственных имен» [Рут, Березович, с. 73]. Позднее ученый занимается и топонимическим субстратом Уральского Севера [Матвеев, 1987b].

Вновь и вновь обращаясь к этимологии, картографированию и стратификации субстратной топонимии Русского Севера, профессор Матвеев разрабатывает эту проблему методом «квадратно-гнездовых раскопок» [Востриков, 2015b, с. 21]. Он делает целый ряд выводов о наличии и соотношении на данной территории прибалтийско-финского, саамского, «севернофинского» пластов и об отсутствии угорских и самодийских проявлений, фиксирует мерянский топонимический ареал (подробнее см.: [Аникин; Смирнов, 2015]).

⁴ См.: [Матвеев Александр Константинович. Библиографический указатель].

⁵ Факсимиле цитируемого письма из архива А. К. Матвеева воспроизведено на заднем форзаце книги: [Не просто прожитая жизнь].

За свои научные и организационно-научные достижения профессор А. К. Матвеев в 1988 г. получил почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», а в 1991 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Когда наступает время обобщений, член-корреспондент Российской академии наук публикует серию монографий с названием «Субстратная топонимия Русского Севера» (СТРС). Первые три части этого фундаментального труда [Матвеев, 2001; 2004; 2007] посвящены прибалтийско-финской и саамской топонимии, а также реликтам исчезнувших языков, которые условно названы А. К. Матвеевым *севернофинскими*.

Четвертую часть своего выдающегося труда по субстратной топонимии Русского Севера А. К. Матвеев закончить не успел. О. В. Смирнов пишет: «Это исследование должно было перекинуть своеобразный мостик с территории Русского Севера на земли Центральной России, раскрыть древнюю языковую связь финно-угорского населения этих территорий. Связующим звеном, по мнению А. К. Матвеева, служит топонимия мерянского типа, т. е. наследие мерянского языка и близких к нему диалектов, следы которых обнаруживаются в том числе и на Русском Севере⁶... Безусловной ценностью незаконченной книги является предпринятое А. К. Матвеевым этимологическое исследование субстратной топонимии территории Центральной России: исторических мерянских земель (ИМЗ). Представленные в этом исследовании этимологии дают ценнейший материал для реконструкции мерянского языка и родственных диалектов» [Смирнов, 2015, с. 7]. Цитируемый автор, ученик А. К. Матвеева О. В. Смирнов, подготовил к печати СТРС-IV, и завершающая часть четырехтомника вышла в свет [Матвеев, 2015].

Здесь же скажем, что несколько крупных работ были опубликованы уже после ухода А. К. Матвеева, в 2011 г. Это уже упомянутая книга о мансийской топонимии [Матвеев, 2011], монография Н. В. Кабининой по субстратной топонимии Архангельского Поморья [Кабинина, 2011], пятый том Словаря говоров Русского Севера [СГРС], топонимический словарь р. Чусовой [Иванова].

Результаты работы Уральской топонимической школы постоянно приумножаются. Изучение субстратной топонимии, оставаясь центральным, не заслоняло интереса к русской лексической архаике обеих изучаемых территорий [Матвеев, 1987а; и др.]. Да и вообще в рамках школы всегда были уважаемы личные пристрастия ученых, что имело следствием расширение проблематики. М. Э. Рут от изучения русской народной астрономии [Рут, 1975] пришла к широкой теме образной номинации в русском языке [Рут, 1992]; М. В. Голомидова занималась искусственной номинацией в топонимии, а затем в ономастике в целом [Голомидова, 1987; 1998]; Е. Л. Березович опре-

⁶ См.: [Матвеев, 1996; 1997b; 1998; 2006].

делила сферой своих интересов этнолингвистику [Березович, 1992; 1999; 2014], развивая со своими учениками соответствующее научное направление; А. А. Фомин, занимавшийся озерными гидронимами [Фомин, 1986], позднее сосредоточил свои разработки на проблемах литературной ономастики [Фомин, 2012]. В центральной — топонимической — зоне шло географическое расширение. Например, Т. Н. Дмитриева от лексических заимствований в русских говорах Нижнего Прииртышья [Дмитриева, 1981] вышла на исследование топонимии бассейна реки Казым и, применив энциклопедический подход к материалу, показала значимость данного класса имен для выводов о языке, истории и культуре населения Казыма — ханты, манси, ненцев, коми, русских [Дмитриева, 2005].

Представители Уральской научной школы следуют девизу А. К. Матвеева, он любил фразу Данте «*Segui il tuo corso*» [«Следуй своим путем», 2006]. Объединяют исследователей общие принципы работы и нацеленность на итоговое лексикографическое оформление ее результатов. Много лет шло создание многотомного Словаря русских говоров Среднего Урала [СРГСУ; СРГСУ (доп)], большинство его томов редактировал А. К. Матвеев, в настоящее время издается многотомный Словарь говоров Русского Севера [СГРС].

Видоизменяясь, школа А. К. Матвеева хранит верность заложенным им основам научного исследования слова как памятника русской духовной культуры.

Граду и миру

Социальный темперамент А. К. Матвеева не позволял ему замыкаться в сугубо научных рамках. Популяризация науки не является обязанностью ученого, для занятий ею нужно иметь личную predisposition, особую жилку. У профессора Матвеева такая жилка, безусловно, была. Его привлекала задача распространения научных знаний, он с интересом откликался на предложения о научно-популярных публикациях и настаивал на том, что они в полной мере остаются научными.

А. К. Матвееву принадлежит авторство нескольких топонимических словарей, адресованных широкому читателю [Матвеев, 1980; 1984; 1997а; 2000]. Все они изданы на Урале и отражают уральские и сибирские географические названия. Манеру автора отличают научная емкость, четкость формулировок, продуманный аппарат изданий (обязательны списки использованных лингвистических терминов, литературы, сокращений), доступный массовому читателю характер изложения. А в словаре «Географические названия Тюменского Севера» даже предпринята такая акция: читателю предлагается самому участвовать в сборе географических названий и объясняется, как составлять словарь географических названий. Автор пишет: «Само по

себе стремление раскрыть прошлое своей малой Родины, запечатленное в географических названиях, и увековечить его в словаре — естественное побуждение духовно богатой личности. А массовая гибель топонимов делает это благородное стремление общественно значимым» [Матвеев, 1997а, с. 182].

Замечательны также сборники научно-популярных статей и эссе о собственных именах [Матвеев, 1976; 1979; 1992], содержащих богатейшую фактографию как лингвистического, так и географического, исторического, этнографического плана. Для этих сочинений характерны занимательность (вот, например, названия некоторых очерков из книжки «Вверх по реке забвения»: *В роли создателя; Семерка на карте; Ездил ли царь по Царской дороге?; Федот, да не тот...; Дело о лжезырянах* и т. п.), стилистика, предполагающая собеседование с читателем, чувство юмора, а также патриотизм, изредка — открытое наставление, напоминание о нравственности в обращении со словом. А. К. Матвеев как популяризатор науки не стеснялся пафоса, потому что выступал защитником русской культуры. Он планировал написать книгу для детей «Как говорили наши деды», сборники рассказов «Записки охотника за словами» и «Байки у костра», книжку «Рассказы о самых-самых» и др. Эти планы остались неосуществленными.

Многолетнее сотрудничество связывало А. К. Матвеева и журнал «Уральский следопыт». С сотрудниками этого журнала, уделяющего большое внимание краеведению и путешествиям, его сближали эти общие интересы, активность жизненной позиции, заинтересованность в читателе. Ю. А. Горбунов, зав. отделом истории и краеведения «Уральского следопыта», справедливо видит в этом содружестве продолжение «славной традиции просветителей XIX в., когда подлинным ученым считался тот, кто умел донести результаты своих исследований и открытий до широкой читательской аудитории» [Горбунов].

Еще одна линия обратной связи — это переписка с топонимистами — краеведами и туристами. Писали желающие заниматься топонимией, ревнители отечественной истории и словесности. Чувствуя недостаточность своей научной квалификации, они искали авторитетных специалистов, направляя первые письма по адресу издательств, вузов, редакций журналов. В личном архиве А. К. Матвеева сотни таких писем (часть их воспроизведена в книге «Не просто прожитая жизнь»). Профессор ценил интеллектуальные усилия людей разных профессий, почувствовавших вкус к словесным изысканиям, поддерживал их интерес, сохраняя при этом полную объективность взгляда. Разъяснял, предлагал, советовал, оценивал. Иногда такая переписка длилась годами. Но невежества и самонадеянности не терпел, в ответном письме называл вещи своими именами. Аргументируя, естественно, свое мнение.

Труды профессора Матвеева, адресованные широкой аудитории, востребованы среди краеведов, журналистов, туристов — всех интересующихся историей родного края.

Итоговый сборник трудов А. К. Матвеева «Ономатология» открывается статьей «Апология имени». Но и вся его научная жизнь направлена на это. Апологет собственных имен — географических названий, поднявший их лингвистическую и историко-этническую ценность на огромную высоту. Блестящий этимолог и лингвоэтнолог, методолог-новатор, строгий и справедливый научный редактор. Талантливый организатор науки и неутомимый путешественник (77 личных экспедиционных выездов и бесчисленное количество туристических походов). Охотник и благодарный созерцатель красоты родной русской природы. Меломан и музыкант-любитель, знаток и ценитель поэзии. Реалист и романтик. Человек, бесконечно преданный своему делу. И поэт.

Закончим эти заметки стихотворением А. К. Матвеева «Исповедь»:

Истекают минуты предательски,
Только год налетает на год...
Как давно я ушел в изыскательский
Очень дальний и трудный поход!
 По следам неизвестного племени,
 По словам, что оставила чужь,
 Прохожу я в безмолвье и темени
 Весь похищенный временем путь.
За горами да за долинами
Человеческих будничных дел
Я ищу те поля, где чужинами
Был засеян последний надел.
 Под одними и теми же звездами
 Вековые деревья шумят,
 И звенят над чудскими погостами
 Голоса деревенских девчат.
А в бездонном хранилище времени
По складам я читаю рассказ
О судьбе и о гибели племени,
Кровь которого может быть в нас.

Список литературы

- Аникин А. Е.* От чужды до меры // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 3–13.
Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 487 с.
Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 461 с.
Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 268 с.
 Вброд через реку времени : 59 лет Топонимической экспедиции Уральского университета. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. 236 с.

Востриков О. В. Духовный наставник // Не просто прожитая жизнь : Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015а. С. 172–175.

Востриков О. В. Мерянская линия А. К. Матвеева // Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 4. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015b. С. 19–22.

ВТ — Вопросы топонимии : Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Типолаборатория УрГУ, 1962. 49 с.

Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. 375 с.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в топонимии : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1987. 216 с.

Горбунов Ю. А. Свой человек в «Следопыте» // Не просто прожитая жизнь : Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. С. 140.

Дмитриева Т. Н. Лексические заимствования в русских говорах Нижнего Прииртышья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1981. 262 с.

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. 580 с.

Иванова Е. Э. По Чусовой : Топонимический словарь. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2014. 160 с., схемы, ил. (Труды Топонимической экспедиции).

Лёвшина К. М. Мемуары // Урал. 2001. № 11. С. 104–163; № 12. С. 142–194.

Кабинина Н. В. «Но даже плохо когда, то все равно хорошо...» // Не просто прожитая жизнь : Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. С. 190–192.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. 316 с. (Труды Топонимической экспедиции).

Макарова А. А. К лексикографическому описанию озерной гидронимии Белозерья: словарь и электронная база данных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 166–168.

Матвеев А. К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части России // Вопросы языкознания. 1987а. № 21. С. 66–76.

Матвеев А. К. Вверх по реке забвения : Рассказы о географических названиях. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1992. 176 с.

Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области : Топонимический словарь. Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2000. 359 с.

Матвеев А. К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1997а. 191 с.

Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. 318 с.

Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1. № 7. Екатеринбург, 1997b. С. 5–17.

Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. 255 с.

Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере — фантом или феномен? // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 90–105.

Матвеев А. К. Методы топонимических исследований : учебное пособие. Свердловск : Типолаборатория УрГУ, 1986. 101 с.

Матвеев А. К. Нёройки караулят Урал : Путешествие в топонимию. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. 215 с.

Матвеев А. К. О древнем субстрате в топонимии Уральского Севера // Формирование и развитие топонимии : Сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987b. С. 22–28.

Матвеев А. К. Ономастология. М. : Наука, 2006. 291 с.

Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1984. 272 с.

Матвеев А. К. Последняя из калмажей // Уральский следопыт. 1964. № 1. С. 154–157.

Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР : дис. ... д-ра филол. наук / АН СССР ; Ин-т русского языка АН СССР, 1970. Т. 1. С. 1–241; Т. 2. С. 242–581; Приложения 101 с.: Карты, 86 с. [Машинопись].

Матвеев А. К. Семь названий на карте Урала. Свердловск, 1979. 127 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001. 346 с., 7 карт.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2004. 369 с., 32 карты.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2007. 297 с., 8 карт.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 4. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 313 с., 21 карта.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 3–23.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые записки Уральского государственного университета : Языкознание. Вып. 32. Свердловск, 1959. С. 3–123.

Матвеев Александр Константинович : Библиографический указатель. Екатеринбург, 1996. 60 с.

Мищенко О. В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 89–104.

Не просто прожитая жизнь : Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях / сост. Т. В. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 640 с.; ил.

Николаева Е. С. Электронная картотека топонимии Русского Севера: проблемы и перспективы // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 143–154.

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1992. 147 с.

Рут М. Э. Русская народная астрономия и ее связи с астрономией других народов СССР : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск. 1975. 168 с.

Рут М. Э., Березович Е. Л. Во главе научной школы // Не просто прожитая жизнь : Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. С. 71–78.

«Следуй своим путем...» : Интервью к 80-летию профессора А. К. Матвеева // Известия Уральского университета. 2006. № 41. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 11. С. 320–321.

Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2011. 480 с., ил.

Смирнов О. В. От составителя // Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 4. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. С. 6–18.

Смирнов О. В. Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1997.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск ; Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1964–1988.

СРГСУ(доп) — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1996. 580 с.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–5. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001–2011.

Фомин А. А. Квадратура круга семьи Карениных: об ассоциативном потенциале двух фамилий героини романа Л. Н. Толстого // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13). С. 63–82.

Фомин А. А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1986. 208 с.

Язык и прошлое народа : Сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. 513 с.

References

Anikin, A. E. (2001). Ot chudi do meri [From Chud' to Merya]. In *Voprosy' yazy'koznaniya*, 6, pp. 3–13.

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshheslavjanskom fone: semantiko-motivacionnaya rekonstrukcija* [Russian Lexis against the General Slavic Background: A Semantic-Motivational Reconstruction]. 487 p. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke.

Berezovich, E. L. (1999). *Russkaya toponimiya v e'tnolingvističeskom aspekte* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect]. (A Doctoral Thesis in Philology). 461 p. Yekaterinburg.

Berezovich, E. L. (1992). *Semanticheskie mikrosistemy' v russkoj toponimii* [Semantic Microsystems in Russian Toponymy]. (A PhD Thesis in Philology). 268 p. Yekaterinburg.

Dmitrieva, T. N. (1981). *Leksicheskie zaimstvovaniya v russkih govorah Nizhnego Priirty'sh'ya* [Lexical Loans in the Russian Subdialects of the Low Irtysh Basin]. (A PhD Thesis in Philology). 262 p. Sverdlovsk.

Dmitrieva, T. N. (2005). *Toponimiya bassejna reki Kazy'm* [The Toponymy of the Kazym River Basin]. 580 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Fomin, A. A. (2012). *Kvadratura kruga sem'i Kareniny'h: ob associativnom potencie dvuh familij geroini romana L. N. Tolstogo* [Squaring the Circle of the Karenin Family: On the Associative Potential of the Two Surnames of the Heroine of the Novel]. In *Voprosy' onomastiki*, 2 (13), pp. 63–82.

Fomin, A. A. (1986). *Semanticheskaya tipologiya ozernyh gidronimov Zaural'ya* [Semantic Typology of the Lake Hydronyms of the Trans-Urals]. (A PhD Thesis in Philology). 208 p. Sverdlovsk.

Glinskih, G. V. (1972). *Russkaya toponimiya mansijskogo proishozhdeniya v bassejne reki Tavdy'* [Russian Toponymy of Mansi Origin in the Tavda River Basin]. (A PhD Thesis in Philology). Sverdlovsk.

Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike* [Artificial Nomination in Russian Onomastics]. (A Doctoral Thesis in Philology). 375 p. Yekaterinburg.

Golomidova, M. V. (1987). *Iskusstvennaya nominaciya v toponimii* [Artificial Nomination in Toponymy]. (A PhD Thesis in Philology). 216 p. Sverdlovsk.

Gorbulov, Yu. A. (2015). *Svoj chelovek v «Sledopy'te»* [A Cater Cousin in *Sledopyt'*]. In *Ne prosto prozhitaya zhizn': Biografiya A. K. Matveeva v dokumentah i vospominaniyah* (p. 140). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Ivanova, E. E'. (2014). *Po Chusovoj: Toponimicheskij slovar'* [Down the Chusovaya River: A Dictionary of Toponymy]. (Trudy' Toponimicheskoi e'kspedicii). 160 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Levshina, K. M. (2001). *Memuary'* [Memoirs]. In *Ural*, 11, pp. 104–163; 12, pp. 142–194.

Kabinina, N. V. (2015). «No dazhe ploho kogda, to vse ravno horosho...» [“But even if one feels down, it's still good”...]. In *Ne prosto prozhitaya zhizn': Biografiya A. K. Matveeva v dokumentah i vospominaniyah* (pp. 190–192). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaya toponimiya Arhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate Toponymy of Archangelsk Pomorye]. (Trudy Toponimicheskoy e'kspedicii). 316 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Makarova, A. A. (2009). K leksikograficheskomu opisaniyu ozernoj gidronimii Beloz'er'ya: slovar' i e'lektronnaya baza danny'h [On the Lexicographic Description of Lake Hydronymy of Belozerye: A Dictionary and a Digital Database]. In *E'tnolingvistika. Onomatika. E'timologiya: Materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 8–12 sentyabrya 2009 g.* (pp. 166–168). Yekaterinburg.

Matveev, A. K. (1987). Arhaicheskaya russkaya toponimiya na severo-vostoke Evropejskoj chasti Rossii [Archaic Russian Toponymy in the Northeast of European Russia]. In *Voprosy' yazy'koznaniya*, 21, pp. 66–76.

Matveev, A. K. (1959). Finno-ugorskie zaimstvovaniya v russkih govorah Severnogo Urala [Finno-Ugric Loan Words in the Russian Subdialects of the Northern Urals]. In *Ucheny'e zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Yazy'koznanie* (Iss. 32, pp. 3–123). Sverdlovsk.

Matveev, A. K. (2000). *Geograficheskie nazvaniya Sverdlovskoj oblasti: Toponimicheskij slovar'* [Place Names of Sverdlovsk Region: A Dictionary of Toponyms]. 359 p. Yekaterinburg, Ural'skoe literaturnoe agentstvo.

Matveev, A. K. (1997). *Geograficheskie nazvaniya Tyumenskogo Severa* [Place Names of the Tyumen' North]. 191 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (1980). *Geograficheskie nazvaniya Urala* [Place Names of the Urals]. 318 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.

Matveev, A. K. (1997). K probleme rasseleniya letopisnoj meri [On the Issue of Chronicle Merya Settlement]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* (Iss. 1/7, pp. 5–17). Yekaterinburg.

Matveev, A. K. (2011). *Materialy' po mansijskoj toponimii gornoj chasti Severnogo Urala* [Materials on the Mansi Toponymy of the Mountainous Part of the Northern Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (1998). Meryanskaya toponimiya na Russkom Severe — fantom ili fenomen? [Merya Toponymy in the Russian North – A Phantom or a Phenomenon?]. In *Voprosy' yazy'koznaniya*, 5, pp. 90–105.

Matveev, A. K. (1986). *Metody' toponimicheskikh issledovanij: uchebnoe posobie* [Methods of Toponymic Research: A Manual]. 101 p. Sverdlovsk, Tipolaboratoriya UrGU.

Matveev, A. K. (1976). Nyorojki karaulyat Ural: Puteshestvie v toponimiyu [Nyoroikas Watch the Urals: A Travel into Toponymy]. 215 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Matveev, A. K. (1987). O drevnem substrate v toponimii Ural'skogo Severa [On the Old Substrate in the Toponymy of the Ural North]. In *Formirovanie i razvitie toponimii: Sbornik nauchny'h trudov* (pp. 22–28). Sverdlovsk & Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (2006). *Onomatologiya* [Onomatology]. 291 p. Moscow, Nauka.

Matveev, A. K. (1984). *Ot Paj-Hoya do Mugodzhar: Nazvaniya ural'skih hrebtov i gor* [From the Pay-Khoy Ridge to Mugodzhar Hills: Ural Mountain Chains Names]. 272 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Matveev, A. K. (1964). Poslednyaya iz kalmazhej [The Last of the Kamasins]. In *Ural'skij sledopy't*, 1, pp. 154–157.

Matveev, A. K. (1970). *Russkaya toponimika finno-ugorskogo proishozhdenij na territorii severa Evropejskoj chasti SSSR* [Russian Toponymy of Finno-Ugric Origin on the Territory of the European Part of the USSR]. (A Doctoral Thesis in Philology). Vol. 1, pp. 1–241; Vol. 2, pp. 242–581. AN SSSR, Institut russkogo yazy'ka AN SSSR.

Matveev, A. K. (1979). *Sem' nazvanij na karte Urala* [Seven Names on the Map of the Urals]. 127 p. Sverdlovsk.

Matveev, A. K. (2001). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Part 1. 346 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (2004). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Part 2. 369 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (2007). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Part 3. 297 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (2015). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. Part 4. 313 p. Toponimiya meryanskogo tipa. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Matveev, A. K. (1996). Substratnaya toponimiya Russkogo Severa i meryanskaya problema [Substrate Toponymy of the Russian North and the Merya Issue]. In *Voprosy' yazy'koznaniya, 1*, pp. 3–23.

Matveev, A. K. (1992). *Vverh po reke zabveniya: Rasskazy' o geograficheskikh nazvaniyakh* [Up the River of Oblivion: Stories of Place Names]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Matveev, A. K. (Ed.). (1962). *Voprosy' toponomastiki: Doklady' kruzhka sravnitel'no-istoricheskogo yazy'koznaniya* [Problems of Toponomastics: Reports of the Circle of Comparative Linguistics]. 49 p. Sverdlovsk, Tipolaboratoriya UrGU.

Matveev Aleksandr Konstantinovich: Bibliograficheskij ukazatel' [Matveev Aleksandr Konstantinovich: A Bibliographic Index]. (1996). 60 p. Yekaterinburg.

Mishhenko, O. V. (2011). E'lektronnaya baza danny'h «Toponimiya Kostromskoj oblasti»: obrabotka i sistemizatsiya polevogo materiala [Electronic Database “Toponymy of Kostroma Region”: Material Processing and Systematization]. In *Voprosy' onomastiki, 2 (11)*, pp. 89–104.

Matveeva, T. V. (Comp.) (2015). *Ne prosto prozhitaya zhizn': Biografiya A. K. Matveeva v dokumentah i vospominaniyakh* [A Life That Was not Easy: A. K. Matveev's Biography in Documents]. 640 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Nikolaeva, E. S. (2000). E'lektronnaya kartoteka toponimii Russkogo Severa: problemy' i perspektivy' [An Electronic File Index of the Toponymy of the Russian North: Issues and Prospects]. In *Finno-ugorskoe nasledie v russkom yazy'ke* (Iss. 1, pp. 143–154). Yekaterinburg.

Rut, M. E'. (1992). *Obraznaya nominatsiya v russkom yazy'ke* [Image Nomination in the Russian Language]. 147 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Rut, M. E'. (1975). *Russkaya narodnaya astronimiya i ee svyazi s astronomiej drugih narodov SSSR* [Russian Folk Astronomy and Its Connections with the Astronomy of Other USSR Peoples]. (A PhD Thesis in Philology). 168 p. Sverdlovsk.

Rut, M. E'. (Ed.). (2012). *Yazy'k i proshloe naroda: Sbornik nauchny'h statej pamyati prof. A. K. Matveeva* [Language and the Nation's Past: A Collection of Scholarly Articles in Memoriam of A. K. Matveev]. 513 p. Yekaterinburg.

Rut, M. E'. & Berezovich, E. L. (2015). *Vo glave nauchnoj shkoly'* [At the Head of a School of Thought]. In *Ne prosto prozhitaya zhizn': Biografiya A. K. Matveeva v dokumentah i vospominaniyakh* (pp. 71–78). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

«Sleduj svoim putem...»: Interv'y u k 80-letiyu professora A. K. Matveeva [Go Your Own Way: An Interview for Professor A. K. Matveev's 80th Birthday]. (2006). In *Izvestiya Ural'skogo universiteta, 41. Ser. «Gumanitarny'e nauki»* (Iss. 11, pp. 320–321).

Slinkina, T. D. (2011). *Mansijskie oronimy' Urala* [Mansi Oronyms of the Urals]. 480 p. Khanty-Mansiysk, Novosti Yugry'.

Smirnov, O. V. (2015). *Ot sostavitelya* [From the Compiler]. In *Matveev, A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* (Part 4, pp. 6–18). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Smirnov, O. V. (1997). *Russkaya toponimiya severnoj chasti Gornozavodskogo Urala* [Russian Toponymy of the Northern Part of the Mining Urals]. (A PhD Thesis in Philology). Sverdlovsk.

Slovar' govorov Russkogo Severa [A Dictionary of the Subdialects of the Russian North]. (2001–2011). Vols. 1–5. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Slovar' russkih govorov Srednego Urala [A Dictionary of the Russian Subdialects of the Middle Urals]. (1964–1988). Vols. 1–7. Sverdlovsk, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Slovar' russkih govorov Srednego Urala. Dopolneniya [A Dictionary of the Russian Subdialects of the Middle Urals. Supplement]. (1996). 580 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Vbrod cherez reku vremeni: 59 let Toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo universiteta [Wading across the River of Time: 59 Years of the Toponymic Expedition of Ural University]. (2011). 236 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Vostrikov, O. V. (2015). Duhovny'j nastavnik [A Spiritual Advisor]. In *Ne prosto prozhitaya zhizn': Biografiya A. K. Matveeva v dokumentah i vospominaniyah* (pp. 172–175). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Vostrikov, O. V. (2015). Meryanskaya liniya A. K. Matveeva [The Merya Line of A. K. Matveev]. In Matveev, A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* (Part 4, pp. 19–22). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

The article was submitted on 15.06.2015

Тамара Вячеславовна Матвеева,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
tomat-44@mail.ru

Tamara Matveeva,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
tomat-44@mail.ru

Валентин Петрович Лукьянин,
кандидат философских наук,
член Союза российских писателей,
Екатеринбург, Россия
lukianin@convex.ru

Valentin Lukianin, Dr.,
member of the Union
of Russian Writers,
Yekaterinburg, Russia
lukianin@convex.ru

Critica

DOI 10.15826/qr.2015.3.122

УДК 811.161.1'373+316.77:339

Наталия Купина

**РУССКАЯ РЕЧЬ И РЫНОК: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ДЕЛОВОМ И ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ¹**

**Рец. на кн.: Ратмайр, Р. Русская речь и рынок :
Традиции и инновации в деловом и повседневном общении
/ Ренате Ратмайр. – М. : Языки славянской культуры,
2013. – 456 с. (Studia philologica).**

Natalia Kupina

**RUSSIAN SPEECH AND MARKET: TRADITIONS
AND INNOVATIONS IN BUSINESS AND EVERYDAY
COMMUNICATION**

**Review of Ratmajr, Renate. (2013). *Russkaya rech' i ry'nok:
Tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii*
[Russian Speech and Market: Traditions and Innovation in
Business and Everyday Communication]. 456 p. Moscow, Yazy'ki
Slavyanskoj Kul'tury'. (Studia philologica).**

In her review of *Russian Speech and Market: Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication* (Moscow, Yazy'ki Slavyanskoj Kul'tury', 2013) by Austrian Slavist Renate Rathmayr, the author analyzes research results relating to shifts that took place in Russian business and everyday communication under the influence of global socio-cultural processes. The reviewer focuses her attention on the theoretical propositions formulated by R. Rathmayr based on the contrasting approach in each of the three parts of the book: “*Vocabulary and Concepts*”, “*Pragmatics*” and “*Russian Communication Style*”. The article proposes a critical assessment of the author’s interpretation of

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика»).

the reflection of time in the language of the totalitarian era. The reviewer states that the material and observations systematized by R. Rathmayr, which involve the existence of speech and its generic determination, enrich modern linguistic knowledge on the nature and character of linguistic processes and extend the existing idea of the phenomenon of Russianness.

Keywords: Russian; speech communication; market economy; innovations; values; socio-centrism; European cultural context.

В рецензии на книгу австрийского слависта Ренате Ратмайр «Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении» (М.: Языки славянской культуры, 2013) анализируются научные результаты исследования сдвигов, которые происходили на протяжении 25 лет в русской деловой и обыденной коммуникации под влиянием глобальных социокультурных процессов. Особое внимание рецензент уделяет теоретическим положениям, сформулированным Р. Ратмайр на основе контрастивного подхода в каждом из трех разделов книги: «Лексика и концепты», «Прагматика», «Русский стиль общения». Критически осмысливается принятая автором монографии трактовка отражения времени в языке тоталитарной эпохи. Отмечается, что систематизированные Р. Ратмайр материалы и наблюдения, охватывающие речевое существование в его жанровой определенности, обогащают данные современной лингвистической науки о природе и характере языковых процессов, углубляют сложившиеся представления о феномене русскости.

Ключевые слова: русский; речевая коммуникация; рыночная экономика; инновации; ценности; социоцентричность; европейский культурный контекст.

В книге Р. Ратмайр представлены наблюдения и обобщения, связанные со сдвигами в русской речевой коммуникации. Языковое существование — от горбачевской перестройки до наших дней — рассматривается в контексте глобальных социокультурных изменений. Контрастивный подход, сопровождающий рассуждения автора о ментально-ценностных особенностях русского языкового сознания и речевого поведения, позволяет по-новому интерпретировать природу оппозиции *Россия — Запад*, зафиксировать системно-языковые и речеповеденческие инновации, в том числе обусловленные переходом от плановой экономики к экономике рыночной, выявить лингвоаксиологические последствия такого перехода.

Объект исследования — расположенные на шкале времени тексты СМИ, тексты политических выступлений, инструкций, объявлений, меняющийся язык улицы, а также записи устных непринужденных диалогов в разных ситуациях русского коммуникативного речевого взаимодействия, записи образцов письменной и устной деловой речи, фокусированные интервью, результаты соцопросов. Репрезентативный языковой материал обеспечивает достоверность представленных автором концептуальных выводов.

Структура монографии, состоящей из введения, трех основных частей и заключения, мотивирована дифференциацией исследовательских подходов: подход лингвокогнитивный (*часть 1*); прагматический (*часть 2*); культуролого-стилистический (*часть 3*). Процедура анализа во всех случаях остается социоцентрической, комплексной, включающей количественные методы обработки полученных данных. Социолингвистическая доминанта сближает исследование Р. Ратмайр с трудами российских ученых [Русский язык конца XX столетия; Русский язык сегодня; Русский язык в много-речном социокультурном пространстве; Современный русский язык; и др.].

В разделе «Лексика и концепты» последовательно рассматриваются произошедшие под влиянием политических событий 1980 — начала 1990-х гг. языковые изменения и сдвиги в картине мира носителей русского языка и культуры. Анализ проводится в проекции на ближнюю ретроспекцию — советский период функционирования языка. Убедительно демонстрируется влияние горбачевских политических реформ, не предполагавших разрушения фундаментальных принципов социализма, на процессы либерализации языка, текстопорождения, раскрепощения речевой индивидуальности, обновления способов аргументации. Внимание автора привлекает перестройка жанрового репертуара текстов СМИ и текстов политической, в том числе парламентской, речи и связанная с этой перестройкой возможность множественных толкований одного события. Описывается интенсивное расшатывание идеологических стандартов, бинарных идеологических примитивов, конкретизирующих в языке советской эпохи оппозицию *свое — чужое*.

Нельзя, однако, признать объективной интерпретируемую как характерную для тоталитарного языка схему «*хмурое настоящее — светлое будущее*» [Ратмайр, с. 48]. Темпоральный схематизм в языке советской эпохи сочетался с идеологическим оптимизмом, исключавшим «очернение действительности». Разрабатывались экспрессивные стандарты, поддерживающие мифологическое восприятие текущего момента. Яркий пример — устойчивое сочетание *прекрасное настоящее*, обозначавшее коллективное отношение «к социалистической действительности, жизни в советское время» [Мокиенко, Никитина, с. 360]. При этом «светлое коммунистическое будущее» манипулятивно включалось в настоящее [см.: Купина, с. 70–74].

В контексте текущих событий Р. Ратмайр исследует изменения в лексической системе языка, сопровождающиеся возвращением в речевой оборот дореволюционной лексики, лексики православия, выявляет направления переоценок, избавление лексической семантики от искусственных идеологических добавок. Акцентируется эвристичность метаязыковых комментариев, указывающих на восприятие носителем языка лексических новаций в их связях и отношениях с концептуально значимыми смыслами [ср.: Вепрева, с. 27–117]. Изменения оценочного взгляда на мир емко представлены на материале функционирования в речи лексемы *нормальный*.

Особый интерес для русистики представляют обобщающие положения, сформулированные на основе изучения вызванного экспансией англицизмов обновления определенных тематических сфер (политики, экономики, информационных технологий, массового потребления, спорта и др.). Отмечены включенные в европейский лингвокультурный контекст формы языкового сопротивления взаимодействиям. Системно прослеживаются когнитивные следствия конфликта между социалистической идеологией и рыночной экономикой. В соотношении с традиционной системой нематериальных базовых ценностей выявляются когнитивные признаки концептов «качество жизни», «деньги».

В разделе «Прагматика» для специального рассмотрения выделена обнаруживающая себя в коммуникативном взаимодействии лингвокультурная специфика русской вежливости: описываются позитивные фатические стратегии и стратегии негативные, анализируются стереотипы формальной и неформальной вежливости в их проекции на речевые позиции адресанта и адресата. Ценные выводы охватывают сферу делового общения. Отмечена роль частиц в жанре переговоров, выявлен функциональный диапазон частицы *просто*, способствующий формированию эффекта вежливости, а также коррекции образа говорящего.

Мена речевых формул вежливости, которые реализуются в разных сферах коммуникации, побуждает Р. Ратмайр сформулировать проблемный вопрос: «“Новая русская вежливость” — преходящая мода делового этикета или коренное прагматическое изменение?» [Ратмайр, с. 190]. Материалы интервью и соцопросов позволяют автору установить связь между «новой вежливостью» и рыночной экономикой, которая обуславливает процесс повышения вежливости. Характеризуя русскую культуру как «культуру говорения», автор обращает внимание на возможное внутрикультурное восприятие повышенной вежливости (в отличие от искренности) как инструмента достижения прагматической сверхзадачи.

Практической полезностью обладают материалы и наблюдения, характеризующие русскую манеру делового общения со «своими» и «чужими», мотивированный выбор прагматически ориентированных способов аргументации. Неожиданным является подкреплен-

ный языковыми иллюстрациями вывод о преобладании в деловой русской речи рациональных, а не эмоциональных аргументов, в том числе в ситуации несогласия. Представленные в монографии материалы и выводы окажутся полезными для составления рекомендаций, направленных на формирование механизмов толерантной деловой коммуникации.

Включение в исследовательский материал расшифрованных записей собеседований при приеме на работу дает возможность охарактеризовать лингвокультурные типы интервьюеров и интервьюируемых. Классификация реплик и двуреплик не только вскрывает причины коммуникативных неудач, но и способствует выявлению принципов эффективной внутрикультурной деловой коммуникации.

Ментальная ценностная константа, обнаруженная в процессе анализа корпуса текстов-собеседований, — предпочтение соискателями «перспективы *мы*» «перспективе *я*». Вместе с тем убедительно доказано, что актуальный жанр собеседований испытывает направленное влияние западных моделей, стимулирующих конфликт с рускостью.

В разделе «Русский стиль общения» углубленно исследуются проявления феномена рускости в условиях рыночной экономики. Приметы русского стиля (многословие, смешение личного и профессионального, открытость, искренность), как показывают записи собеседований, «прорываются» вопреки изученным инструкциям. Наблюдается неожиданная мена ролей: например, соискатель советует интервьюеру, как следует руководить предприятием. Установлено, что формы речевого поведения, выходящие за границы дозволенного, оказываются очевидными в жанре самопрезентации.

В монографии обозначены особенности формирования и реализации «менеджерского» стиля, выявлена зависимость конвенционального речевого поведения от иерархии ролей. Корпоративная культура сегодня характеризуется специфическими принципами отбора и реализации ключевых слов и формульных выражений, о чем свидетельствуют приведенные автором монографии сведения о частотности речевых единиц. Параллельно интерпретируются формы проявления конфликта между русским стилем общения и правилами корпоративного речевого поведения, прогнозируются направления развития менеджерских речевых практик в русском деловом мире.

Развернуто представлен межкультурный аспект исследования, предполагающий интерпретацию коммуникативного взаимодействия в границах контрастивной прагматики. Обнаружены наведенные рыночной экономикой сдвиги в речевой ткани утилитарных текстов, функционирующих в открытом публичном пространстве, и текстов, ориентированных на российского потребителя (инструкции по эксплуатации аппаратов и приборов; речевые отличия от немецких жанровых аналогов).

Нельзя не отметить наблюдения и обобщения автора, являющиеся итогом глубокого анализа осуществляемых в течение шестнадцати лет записей российско-австрийских переговоров о сотрудничестве университетов. Контрастивный подход позволил установить влияние культурных, собственно языковых и стилистических различий на ход и результаты переговоров, выявить принципы коммуникативной кооперации и причины разногласий, зафиксировать позитивные изменения, которые обуславливают нейтрализацию очагов напряжения, способствуют сближению коммуникативных стратегий и тактик участников переговорного процесса.

Предложенное Ренате Ратмайр оригинальное исследование динамики русского речевого существования в его жанровой определенности обогащает данные современной лингвистической науки о характере языковых изменений, способствует углубленному осмыслению феномена русскости.

Список литературы

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 380 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык : Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Ратмайр, Р. Русская речь и рынок : Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с. (Studia philologica).

Русский язык в многоязычном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 324 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки славянских культур, 1996. 480 с.

Русский язык сегодня. Вып. 2 / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2003. 634 с.

Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.

References

Gasparov, B. M. & Kupina, N. A. (Eds.). (2014). *Russkij yazyk v mnogorechnom sociokul'turnom prostranstve* [The Russian Language in a Multilanguage Socio-cultural Space]. 324 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Kry'sin, L. P. (Ed.). (2003). *Russkij yazyk segodnya* [The Russian Language Today]. (Iss. 2). 634 p. Moscow, Insitut russkogo yazy'ka imeni V. V. Vinogradova RAN.

Kry'sin, L. P. (Ed.). (2008). *Sovremennyj russkij yazyk: Aktivny'e processy' na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language: Current Processes at the Turn of the 21st Century]. 712 p. Moscow, Yazy'ki slavyanskih kul'tur.

Kupina, N. A. (2015). *Totalitarnyj yazyk: Slovar' i rechevy'e reakcii*. [A Totalitarian Language: Its Vocabulary and Speech Reactions]. (2nd ed.). 186 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Mokeyenko, V. M. & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyj slovar' yazy'ka Sovdepii* [An Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepii]. 704 p. Saint Petersburg, Folio-Press.

Ratmajr, R. (2013). *Russkaya rech' i ry'nok: Tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii* [Russian Speech and Market: Traditions and Innovation

in Business and Everyday Communication]. 456 p. Moscow, Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'.

Vepreva, I. T. (2012). *Yazy'kovaya refleksiya v postsovetskuyu e'pohu* [Language Reflection during the Post-Soviet Era]. 380 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkij yazy'k koncza XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian Language of the Late 20th Century]. 480 p. Moscow, Yazy'ki slavyanskih kul'tur.

The article was submitted on 25.06.2015

Наталья Александровна Купина,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия,
natalia_kupina@mail.ru

Natalia Kupina,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia,
natalia_kupina@mail.ru

Сокращения

Abbreviations

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
TODRL — Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
PSRL — Polnoe sobranie russkih letopisej

РГБ — Российская государственная библиотека
RGB — Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka

ЛЛС — Лицевой летописный свод
LLS — Licevoj letopisny'j svod

ГАСО — Государственный архив Свердловской области
GASO — Gosudarstvenny'j arhiv Sverdlovskoj oblasti, g. Ekaterinburg

РГИА — Российский государственный исторический архив
RGIA — Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arhiv

ЦГА УР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
CzGA UR — Central'ny'j gosudarstvenny'j arhiv Udmurtskoj Respubliki

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;
- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>).

• При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).
- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 350 до 500 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).
- Страницы рукописи **нумеруются**.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.
- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирый курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
- Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: [URL:http://www.prognosis.ru](http://www.prognosis.ru) (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы :

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Босић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract	
Ключевые слова / Keywords	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

№ 3, 2015

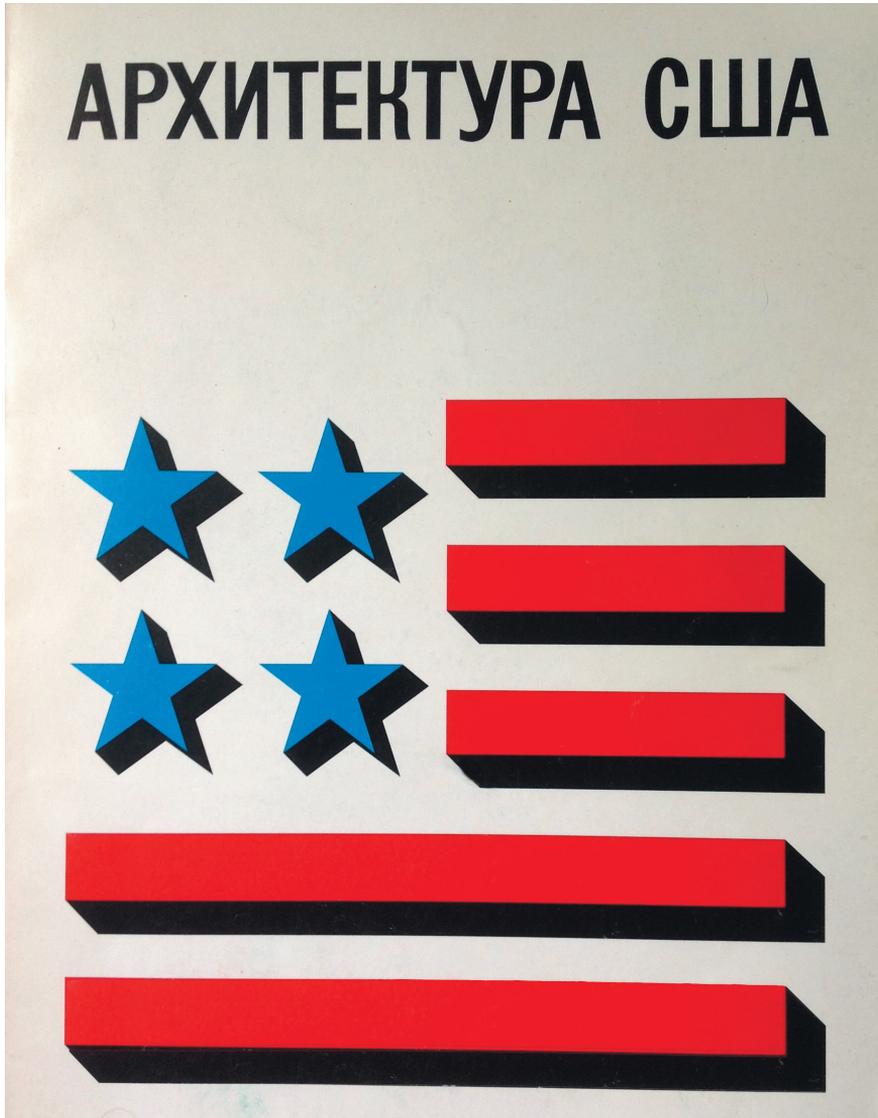
Редакторы	<i>Н. Шевченко</i> <i>А. Лабаури</i>
Редактор перевода	<i>Т. Кузнецова, к. филол. н.</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>

Подписано в печать 06.09.2015. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 385.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрация к статье О. Якушенко
*Выставка «Архитектура США» в Советском Союзе
периода холодной войны: опыт коммуникативного анализа*

Обложка буклета выставки «Архитектура США», Ленинград, 1965 г.

Иллюстрации к статье Л. Журовой
Сказания о чудотворных иконах в структуре
Лицевого летописного свода

Рис. 1. Сказание о Тихвинской иконе в ЛЛС

Рис. 2. Сказание о Владимирской иконе в ЛЛС

Рис. 3. Сказание о Колочской иконе в ЛЛС